А. Н АѲАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ИЗДАНІЕ 2-е К. СОЛДАТЕНКОВА И Н. ЩЕПКИНА.

—

ВЫПУСКЪ III.

—

ЦѢНА III и IV ВЫПУСКАМЪ 1 р. 20 к.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 13-го 1860 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

Печатано съ изданія 1857 г.

ПОДГОТОВКА ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ КНИГИ DR. BARANOY

1.

МОРОЗЪ, СОЛНЦЕ И ВѢТЕРЪ.

Йшоу разъ собјѣ одзіонъ чоловјѣкъ и судосйу[1] на доро́зи Со́унычко, Морозъ и Вјѣцѣръ. Ото-жъ-то споткаушисѣ[2] зъ ьими, сказау вуонъ имъ «похваљоны»[3]. — Кому вуонъ оддау похваљоны? Со́унычко собјѣ кажэ—што мнјѣ, кобъ я јоhо нѣ пѣкло; а Морозъ собјѣ кажэ, што мнјѣ а нѣ тобјѣ, бо вуонъ цѣбѣ нѣ-такъ бойцэ, акъ мѣнѣ. «Ото-жъ-бо лжецѣ! нѣпраула! кажэ наресьци[4] Вјѣцѣръ; той чоловјѣкъ оддау похваљо́ны нѣ-вамъ, а мнјѣ.» Почалй мижи собою ажъ спѣрацисѣ[5], сварйцисѣ[6] й оно́што[7] за чубы нѣ побралисѣ... «Ну колй жъ такъ, то спытаймосѣ[8] јоhо, кому вуонъ оддау похваљо́ны — мнјѣ, чи вамъ?» Доhонйли тоhо чоловјѣка, спытали; ажъ вуонъ сказау: «Вјѣтреви». — А што, бачъ[9], нѣ казау[10] я — што мнјѣ! «Постуо́й же ты! я цѣбѣ ракару спѣку![11] кажэ Сло́нцэ; покјѣмишь[12] ты мѣнѣ.» Ажъ-но Вјѣцѣръ кажэ: «нѣбуось, нѣ спѣчэ; я буду вјѣяци и охолоджаци јоhо.»—

---

1) Повстрѣчался, встрѣтилъ. (См. Ипат. лѣт. подъ 1241 г. «*удоси* владыку»). 2) Тоже. Польск. spotkawszy się. 3) При встрѣчахъ и при входѣ въ чужой домъ крестьяне въ видѣ привѣтствія говорятъ: «Нѣхъ бэндзѣ похваљоны Іезусъ Христусъ!» Другой долженъ отвѣтить: на вѣки вѣковъ, амэнъ. 4) Наконецъ. Польск. nareszcie. 5) Отъ слова: споръ, преніе. 6) Браниться. 7) Чуть-чуть, чуть-не... 8) Спросимъ. Польск. spytajmy się. 9) Видишь 10) Говорилъ. 11) Сдѣлаю краснымъ какъ ракъ. 12) Помянешь ты меня.

Такъ я-жъ цѣбѣ̀, ѣ̀ицлю [1], заморожу! кàжэ Морозъ. «Нѣ лѣкайсѣ [2], нѣбóжэ [3], тоѣды я нѣ буду вjѣяци, и вуонъ тобjѣ̀ ничóѣо нѣ зрóбитъ, безъ вjѣтру нѣ заморóзитъ» [4].

(Записана въ западной части гродненской губерніи.)

2.

КАТИГОРОШЕКЪ.

Неукаторомъ царствѣ и неукаторомъ гасударствѣ, на мори(ѣ)-океани(ѣ), на остравѣ на Буяни(ѣ), стаицъ дубъ зелёны, а падъ дубомъ быкъ печоны, и у яго боку ножъ точоны: сейчасъ ножикъ добываецца—изволь кушаць! И то еще ни казка, только приказка; а хто мою казку будзе слухаць, такъ тому сабóль и куница и прекрасная дзѣвица, сто рублеу на свадзьбу, а пацьдзесяць на прагулянье.

Быу сабѣ мужикъ и быу у яго саламяны языкъ(?), и мѣу іонъ два сына и адну дочь; хоця яна стану [5] простаго, але неописанной красоты. Ацецъ и мацъ были дастаточны; паработàли яны свае хлѣбопашество сваимъ пара(я)дкомъ во времени, и ихъ ацецъ гаворицъ сынамъ: «дзѣци! не нада сподзѣвацца [6] на гэто, што есць, ни сподзѣвацца на гэто, што зроблено, а нада щэ призапасицца: пущай будзе!» Атпрауляюцца яны у чужое панство на хлѣбопашество, и беруць хлѣба на три дни. «Кагда вы тотъ хлѣбъ зъядзице, вамъ сестра принесець

---

1) См. малорос. словарь, Аѳанасьева-Чужбинскаго, стр. 71. Нусеі — прислужникъ палача, живодеръ. (Польск. словарь Мюллера, ч. I, стр. 218). 2) Польск. nie lękaj się. 3) Бѣдняжка, пріятель! 4) Смотри Вѣстникъ Русск. Геграф. Общества за 1856 г., кн. 1, стр. 132—3 и 2-й выпускъ сказокъ, стр. 144. 5) Станъ—порода, состояніе. (См. словарь, приложенный къ Энеидѣ, перелицёванной на малороссійскій языкъ И. Котляревскимъ, изд. 2-е, стр. 21). 6) Надѣяться. (Опытъ области. великорусс. словаря, стр 212).

больштъ.» А имъ было идци такъ, якъ бы церезъ Городзилоуски лѣсъ. Сестра и гаворицъ имъ, што я не буду знацъ, куда несци вамъ ѣсци. Старшы братъ гаворицъ: «мы будземъ для цебе дарогу одзначацъ, будземъ саломy трусицъ [1], — па гэтой дарозѣ просто къ намъ придзешъ.» И яны пашли, и дарогу одзначили; а у томъ лѣсѣ быу глауны змѣй и тые разговоры слыхау и переслау дарогу у свой дворецъ. Якъ вышло три дня, атпрауляецца яна къ нимъ з' абѣдомъ; пашла яна, и прыходзицъ просто у змѣины дворецъ, пацерала [2] пуць-дарогу и гаворицъ: «куды я зайшла?» Выходзицъ къ ёй семигаловой змѣй и гаворицъ: «пайдзи, пайдзи сюда, умница! я цебе дауно дажидау, я до цебе дауно дабирауся; ну якъ ты харошаго ацца и мацяры, яны цебе трымали [3] падъ бальшимъ надзорамъ, и я не могъ до цебе дабицца. Я бы не сматрѣу, што ты простаго роду, я бы табою не брезговау, дауно была бы мая... а ужъ цеперъ именно мая! забывай ацца и мацъ, бо ты уже ихъ видзѣць-не будзешъ; а у мене будзешъ ты усѣмъ давольна.» Брацья іѣ пахали три дня и не стало имъ пищы; яны бросили пахацъ и прыходзяцъ дамой и з' великою гразою къ айцу и мацяри: «атчего вы не прислали пищы?» Ацецъ гаворицъ, што вамъ сестра панесла такого-то дня. Яны гаворацъ къ айцу: «кагда ёй ужо нима, то и не будзе!» Я пайду, сказау адзинъ, сваю сестру шукацъ [4]; хоцъ жызнь сваю паложу, а пайду шукацъ. Ацецъ гаворицъ: «не йдзи, сынокъ, бо сваю жызнь кончишъ, а ёй ужо не увидзишъ.» А іонъ гаворицъ: пайду! и прыходзицъ іонъ къ гэтаму самаму змѣю и видзицъ яну̇ (ее) на дварѣ. Яна яму гаворицъ: «зачимъ ты сюда прышоу? ты сваю галаву паложишъ. Я цеперъ несчасная, я цеперъ не твая сестра, а ты не мой братъ! папалася я у катаржны руки.» Братъ гаворицъ: «пущай же я

---

1) Разсыпать, сорить. 2) Потеряла. 3) Тримаць—держать. (Этнографич. сборн., выпускъ 2, стр. 117). 4) Искать.

здзѣсь пагибну, абы[1] а на цебе насматрѣуся.» Яна яму гаворицъ: «пастой ты здзѣсь; а я пайду спрашу, што іонъ скаже, штò ты прышоу у госьци.» Прыходзицъ яна къ змѣю у спальню: «што бы ты, душенька, дзѣлау, кабъ мой старшы братъ у госьци прышоу?» Іонъ гаворицъ: «за госьця прыняу бы.» Яна вышла и уводзицъ ягò у горницу; іонъ устаецъ изъ койки свaей и зачау годовацъ[2] яго, якъ добрый чоловѣкъ. «Ступай, жонка, прынеси жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба... ну, кушай, швагеръ[3]!» Узяу яму̑ урѣзау хлѣба; іонъ узяу хлѣба и зёрнушко бобу, подзержау и положыу. Змѣй гаворицъ: «вѣрно ты, швагеръ, сытъ, бо ты гардзишъ[4] маимъ хлѣбомъ и солью. Пайдземъ же цеперъ пасмотримъ: ци ты багаче, ци я?» И повіоу яго па усѣмъ харомамъ, и есць у яго усякаго добра видимо и невидимо! Повіоу яго у конюшню къ лошадзямъ, и стоицъ у яго дванаццаць жарабцоу и усякой жарабецъ на дванаццаць цѣпоу прикованъ. «Ну что, швагеръ, ты багаче или я?» Іонъ яму атвѣчаецъ: «у мене того трецьей доли нима, што у швагра.» — Ну пайдзи же зо мною; я табѣ пакажу штуку. И прыводзицъ ягò къ калодзи — чатыри сажни талщыны, а дванаццаць длины. «Ци видзишъ ты, швагре, тую калоду?» Іонъ яму гаворицъ: виджу. «Если ты яну̑ безъ тапара парубаешъ, а безъ агню спалишъ; такъ пайдзешъ дамой.» А іонъ гаворицъ: «хоць сейчасъ ты мене паруби, а я гэтаго не зроблю.»— Кагдаш(ж)ъ ты гэтаго не сдзѣлаешъ, полно табѣ сюда хадзицъ дураку-мужику, саламяному языку; а ты зо мною пабратауся! Кали ты мнѣ братъ, то и свиня сестра! ты не только зо мною рѣчи гаворицъ, не доуженъ на мене глазомъ пасматрѣць; бо ты не достоинъ сюда хадзицъ и мой домъ пакаецицъ!» И убиу яго

---

1) Только бы. 2) Кормить, подчивать. 3) Шуринъ и зять (Schwager). 4) Брезгаешь. Gardzić — пренебрегать, гнушаться (Słownik Polsko-Rossyjski, S. Müllera, т. I, стр. 167).

и глазы выняу, уложыу у чарапокъ, а яго узяу за воласы и павѣсяу на бельцы [1]).

Цеперъ и другой братъ тоже пашоу шукаць сваей сестры, и нашоу яну на дварѣ у змѣя. Яна яму гаворыць: ахъ, братъ! убьецъ іонъ и цебе такъ, якъ першаго.» — Пущай убьецъ, абы я з' табою видзѣуся! «Пастой же тутъ; я пайду запытаюся, што іонъ скаже?» И прыходзиць яна къ змѣю у спальню. Іонъ устаецъ изъ сваей койки: «што скажешъ, жонка? вижу я твой усердный видъ и покорное лицо.» — Ахъ, милый мой мужъ! што бы ты робиу, кабъ втарой мой братъ у госьци прышоу? — «Штобъ я робиу? за госьця прыняу бы.» Яна гаворыць: «може прыняли бъ яго такъ, якъ першаго?» — Я першаго убиу; бо іонъ зо мною грубиу, не умѣу зо мною честно абхадзицца. Пущай прыходзиць, гэтаго я прыму. — Яна выходзиць на дворъ и гаворыць брату: «пакорно абхадзись!» — Давай, жонка, гаворыць змѣй, жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба. Яна прыносиць поухлѣба и чашку бобу. «Бо старшы твой братъ недаволенъ быу, то може мало было: возьми гэто, а прынеси большъ.» А госьць и у руки не узяу, гаворыць: «пакорнѣйше благадару, швагеръ, бо я ѣсць не хачу.» — Пайдземъ же мы, швагре, пасмотримъ на мае багацство: ци ты багаче, ци я? И повіоу яго па усѣмъ сваимъ харомамъ, и видзиць іонъ, што змѣй багатъ, багатъ незличито! Прыводзиць яго змѣй у сваю багатырскую канюшню: стаиць дванаццаць жарабцоу и каждая лошадзь на дванаццаць цѣпоу прикована. Іонъ гаворыць змѣю, што у мене трецьей доли таго нима. «Ну пайдзишъ, я табѣ пакажу штуку!» И показау яму калоду чатыри сажени талщыны, а дванаццаць длины, и гаворыць: «видзишъ ты тую калоду? если ты безъ тапара яну парубаешъ, безъ агня спалишъ, то пайдзешъ да дому, а не то — будзешъ висѣць з' братомъ.» Швагеръ

1) На балкѣ. (Balka, belka — бревно, брусъ).

яму̀ сказау: «хоць сейчасъ убій, а не зроблю гэтаго!» Тотчасъ змѣй яго̀ убиу, вмѣсцѣ воласы звязау и церезъ бальку[1]) перекинуу. Прыходзиць іонъ у сваи палаты и видзиць жонку у бальшой тоскѣ и ужалобѣ. «Ахъ, мужу, ты мой мужу! што ты мнѣ зробиу? братоу убиу; я не маю больше ни роду, ни племяни, тольки ацца и маць. Преда̀(й) и мене злой смерци, пущай не буду жиць!» — «Нјѣтъ, милая! я табѣ таго не сдзѣлаю; а кали бъ достау ацца и маць, то и ихъ убиу бы: тобъ ты ни объ комъ не думала и весѐльшая была бъ!» — Пущай же яны жывуць и клоцья жуюць, а мы хлѣбъ, бо у ихъ нјѣтъ.

Пашла матка по̀ ваду, узяушы ведра, и набраушы вады идзець да дому и вельми плаче, и думаець яна сабѣ усердными думками: «ахъ, Боже мой! чаго я цеперъ даждалася на старосьци.» Узяу Гасподь іѣ усердное уздыханіе, и удругъ видзиць яна: кацицца гароховае зёрнушко. Яна думаець сабѣ: «гэто даръ Божый!» Узяла яго и зъѣла. З' гэтаго зернушка удругъ завязауся у іѣ рабенакъ, и вынасиушы свае время дажидаець, што доуженъ іонъ нарадзицца на сей свјѣтъ. Вод(т)ъ полегли спаць, и у самое поуночнае время на утихомиріи[2]) и гласиць у іѣ брюхѣ чоловѣческимъ голасамъ: «не сподзѣвайсе[3]) мене, маманька, у скорае время, бо я защитникъ буду вамъ и добрымъ людзямъ.» Панасила яго щэ нѣсколько времени, и раждаецца іонъ на сей свјѣтъ и расцець не па гадамъ, а па часамъ, якъ пшоннае цѣсто на дрожджахъ: и пестуюцца и цѣлуюцца з' имъ, якъ не нада лучше, и даюць яго у школу: которые училисе гадовъ по три-чатыри, а іонъ узнау у адзинъ годъ, и не стало яму граматы. Прыходзиць іонъ з' учылища къ аццу и мацяри: «ну, татанька и маманька, благотворице маихъ учителей, бо ужъ мнѣ хадзиць въ учылище поуно. Я, благо-

---

1) Балку. 2) Когда настала совершенная тишина. 3) Не надѣйся. Польское spodziewać się.

дара Бога, знаю больше ихъ. И прошу васъ з' усѣмъ усердіемъ сказаць мнѣ прауду: какой я у васъ есцъ? чи я раждзёнъ первый, чи паслѣдній?» Яны гаворацъ: «ахъ, сыну нашъ милы, ты у насъ паслѣдній!» и сказали яму па истиннай праудзѣ, што у яго было два брата и сестра. «А гдзѣшъ яны дзѣлися? Кали померли, то я не супратиуникъ Богу, а кали што зробилосе отъ худыхъ людзей, то я могу узыскать.» Яны яму гаворацъ: «ахъ, сыну нашъ милы! якъ же ты уйдзешъ и насъ при старасьци, древнихъ людзей, бросишъ? хто насъ да смерци даховаецъ?[1] Іонъ имъ гаворицъ: «чій вы прежде ѣли хлѣбъ, Той васъ будзе харанидъ! бо мене вы не удзержице, мене людзи дауно ждуцъ. Ну, маманька и татанька, лажимся спацъ: утро мудренѣй вечера; дасцъ Богъ дзень, дасцъ Богъ и пищу.»

Поутру іонъ устау, умыуся и Богу памалиуся и на усѣ чатыри стороны пакланиуся. «Пазвольце, баицъ, мнѣ передъ паходамъ пагуляцъ.» Ну пашоу сабѣ на улицу гуляцъ, и находзицъ іонъ шпильку и прыносицъ къ аццу и мацяри. Гаворицъ іонъ аццу: «на табѣ гэто жалѣзо, неси до каваля[2] и сдзѣлай мнѣ булаву семи-пудаву.» Ацецъ яму славесно не гаворицъ, а только у думкѣ думаецъ: дау мнѣ Гасподь дзѣцище не такъ, якъ людзямъ; я жъ давіоу яго да средственнаго разуму, а іонъ цеперъ изъ мене кпицъ![3] Можецъ ли то быцъ, штобы з' шпильки была булава семипудава. Ацецъ, имѣушы бальшую сумму — залатую, серебраную и бумажную манету, паѣхау у горадъ, купиу жалѣза семъ пудоу и дау кавалю дзѣлацъ булаву. Сдзѣлали яму булаву семипудаву и прывозяцъ да дому. Пакацигарошакъ выходзицъ з' горницы, берецъ сваю булаву семипудаву, и слышыцъ небесни штурмъ[4] и пущаецъ

---

1) Dochować (ховать)—сохранить, соблюсти, сберечь. (Słownik Polsko-Rossyyski, т. I, стр. 95). 2) Кузнецъ. 3) Шутитъ, насмѣхается (Матеріалы для сравнит. и объяснительн. словаря, изд. Академіей Наукъ, тетр. 1, стр. 104). 4) Шумъ, буря, гроза (Sturm).

яну за облави. И прыходзиць іонъ у сваю горницу: «матка, на у мене у галавѣ панщы передъ паходамъ, а то мене брудъ [1]) заѣсьць, бо я младъ юноша...» Водъ устаушы изъ маткиныхъ калѣнъ, выходзиць іонъ на дворъ и видзиць небесни тучи. Упау іонъ да сырой земли правымъ ухомъ, и устаушы кличець свайго аццa: «бацько, падзи сюды, сматри што шуме и гудзе, мая булава да земли идзе!» Паставиу іонъ калѣно проциу сваёй булавы; ударила яго́ булава па калѣни и переламалася попаламъ. Іонъ разсердиуся на сваго аццa: «ну, ацецъ, отчаго ты мнѣ не сдзѣлау булавы з' гэнтаго жалѣза, што я табѣ дау; а калибъ ты сдзѣлау, то яна не сламилась бы, только сагнулась бы! На-ш(ж)ъ табѣ гэто самое жалѣзо, ступай дзѣлай; свайго не прыкладай.» Кавали укинули жалѣзо у агонь и зачали малатами биць и цянуць и сдзѣлали булаву семипудаву; щэ асталося.

Берець Пакацигарошакъ сваю булаву семипудаву и атпрауляецца у пуць, у чистую дарогу, и прыходзиць іонъ къ гэтаму самаму змѣю семигаловаму, гдзѣ находзяцца яго браты и сестра. Выходзиць яна къ яму на устрѣчу; іонъ з' ней здароукаецца и гаворыць: «здра(в)ствуй, милая и радная сестра!» Яна атвѣчаець: «какой ты мнѣ братъ!» И іонъ падаець ей аццa и мацяры рукописаніе, што іонъ есць радной іѣ братъ. «Пастой же ты, брацицъ, здзѣсь, а я пайду спрашу, што змѣй на отвѣтъ скаже.» Прыходзиць яна у яго багатырскую спальню; змѣй у ёй спрашиваець: «ахъ, жонка, ты да мене не з' веселымъ видомъ идзешъ!» — Я прышла до цебе, мой мужу, што мой самый меньшый братъ прышоу у госьци. «Ажъ у цебе не было больше братоу, якъ только два.» — Іонъ раждзёнъ безъ мене. Заразъ змѣй устаець и берець валшебницкую

---

1) Brud—нечистота, гадость (Słownik Polsko-Rossyyski, т. I, стр. 37); здѣсь: вши.

книгу, смотрицъ и мовицъ да жены: «ну, жонка, щэ будзе у цебе братъ!... Кали іонъ безвременно уродзиусе, я з'имъ разгавариваць мало буду, ступай, призави яго.» Пакацигарошакъ уходзиць да яго у комнату: «здраствуй, швагеръ!» — Але ты щэ младъ, бо у цебе мацярино малако на губахъ не засохло! Калибъ цебе мацъ вынасила (щэ) дзевяць дзёнъ, дзевяць часоу и дзевяць минутъ, тобъ ты мой супратиуникъ быу; але пагасти... И становиць яму жалѣзнае кресло. Якъ іонъ на креслѣ сѣу, кресло и треснуло. «А што, швагеръ, у лѣсу жывешъ, а у цебе кресла худыя; ай ли нѣтъ у цебе плотникау харошихъ, штобы кресло сдзѣлали пакрѣпче?» Змѣй думаецъ сабѣ: вѣрно я папауся у добрыя клещы! «Ну, давай, жана, намъ напитковъ и наѣдковъ.» Прыносиць яна рѣшато жалѣзнаго бобу и жалѣзнаго хлѣба. «Изволь кушаць, швагеръ!» —Благадару, швагеръ! гаворицъ Пакацигарошакъ, я безъ усякой прозьбы буду кушаць, такъ якъ у свайго, бо з' паходу я ѣсци хачу. И стау ѣсць умѣсци з' имъ: тотъ зъѣсць хлѣба кусокъ, а гэтотъ зъѣсць два. «Даволенъ ли ты, швагеръ, у мене?—Даволенъ, не даволенъ—кали больше нима! «Ну пайдземъ, швагеръ, пасмотримъ на мае багацство: ци ты багаче, ци я? И павіоу яго по усёмъ сваёмъ добрѣ. «Якъ табѣ здаецца: у цебе больше, или у мене?» — Я не багатъ, але и у цебе нима ничаго! Іонъ гаворицъ: «ты, швагре, зо мною грубишъ!... ну пайдзи же, я табѣ пакажу штуку.» И прыводзиць яго къ гэтой самой калодзѣ, куда и братоу прыводзиу, каторая чатыри сажни талщыны, а дванаццаць сажонъ длины. «Кагда ты яну безъ тапара парубаешъ, а безъ агню спалишъ, такъ пайдзешъ дамой: а не такъ — будзешъ тамъ, гдзѣ и браты!» — Не сердзись, дай мнѣ дзѣло кончиць! сказау Пакацигарошакъ и узяу мизиннымъ пальцомъ тарканyу[1]) сію ка-

1) Толкнулъ, тронулъ. (Тр. Общ. Люб. Рос. Слов. кн. VII, стр. 319).

лоду, такъ яна у мелкіе друзги[1]) палецѣла, а якъ дмухнуу[2]) — попелъ стау, ажъ не было! «Ну што? я свае дѣло споунну!» — Пайдземъ цеперъ паборимся: ци ты сильнѣе, ци я? Пакацигарошакъ гаворицъ яму: «дай руку я падзержу,— папробуемсе такъ: хто сильнѣе!» А змѣй гаворицъ: «гдзѣ табѣ, малакасосу, за руку мене брацъ!» Іонъ каже: «усе единственно намъ пабицца?» — Ну, гаворицъ змѣй, на табѣ руку. И схватилисе яны за руки и якъ здавнли дружка дружку, Пакацигарошкава рука тольки пасинѣла, а змѣиная рука зо всѣми пальцами асталася у Пакацигарошка. «Адначе я тымъ не даволенъ», гаворицъ змѣй, и якъ дмухнуу—зробиу мѣдны токъ. А Пакацигарошакъ якъ дмухнуу, зробиу серебраны токъ.. И схватилисе яны бароцца. Якъ дмухнуу змѣй — убиу Пакацигарошка у серебраны токъ, а Пакацигарошакъ якъ дмухнуу — убиу змѣя у мѣдны токъ адразу па калѣна. Змѣй якъ дмухнуу другой разъ—убиу Пакацигарошка па калѣна, а Пакацигарошакъ якъ дмухнуу другой разъ — такъ убиу змѣя па поясъ. Змѣй гаворицъ: «пастой, швагеръ, адахнемъ.» —Ще ни очень патамилисъ, каже Пакацигарошакъ; я з' находу, да и то не умариуся. Змѣй да яго гаворицъ: «видно, швагеръ, я у цебе пагибъ!» Пакацигарошакъ каже: «бо я за тымъ прышоу.» —Астау мнѣ сколько-нибуцъ жызни, просицъ яго змѣй, и бери сабѣ залатую, серебраную и бумажную маю казну, сколки угодно. «Я бы аставиу табѣ жызни на сколько-нибуцъ, але ты мене для перваго случаю абезчесциу, назвау малакасосомъ: то мнѣ очень цажало знесци. Нѣтъ табѣ пращенія! большъ з' табою и гаворицъ не хачу.» Змѣй, упаушы у велику злобу, распусциу сваю кроу па усимъ сваимъ жиламъ, дау прасторъ сваимъ рыцивымъ[3]) плечамъ и удариу Пакацига-

---

1) Щепки. (Druzgać-размозжить, раздробить, сокрушить. Słown. Polsko-Ross., т. I, стр. 119). 2) Дунулъ. (Малорос. словарь Чужбинскаго, стр. 88). 3) Ретивымъ.

рошка и убиу яго па поясъ. «Ну што нацѣшыуся, швагеръ? гаворицъ Пакацигарошакъ. Да поуно мнѣ з' табою шутки шуцицъ! бо я дуракъ передъ табою, доуго балую; дауно бы нада цебе прыбрацъ.» Якъ удариу яго Пакацигарошакъ трецій разъ, убиу яго па самую шыю у мѣдны токъ, и берецъ іонъ сваю булаву семипудаву и кончиу яму жызнь, да узяушы змѣя зашазау яго завсѣмъ у мѣдны токъ.

И пашоу Пакацигарошакъ у багатырскую канюшню, гдзѣ стаяли багатырскіе жарабцы; узяушы перваго жарабца за хвостъ, іонъ здернуу изъ яго тулуномъ 1) шкуру, выпатрашыу яго и самъ у гэтое тулобище улѣзъ. Прилетая крукъ 2) съ кручанятами и начали ѣсцъ, іонъ адно кручаня и злавиу за нагу, и гэты воранъ стау чоловѣческимъ гласомъ гаворицъ: «хто у томъ тулобищѣ есцъ — акажись!» — Я Пакацигарошакъ. Крукъ яму гаворицъ: «што ты адъ мене жалаешъ?» — Што я адъ цебе жалаю? прыстау мнѣ пѣлющай и живущай вады, а кали не даставишъ, то скольки васъ есцъ — усѣ пагибнице. Тагда крукъ, узяуши пузырки, цалѣцеу за трыдзевяцъ земель у дзесятае царство, иншае гасударство, и дастау воды з' подъ великай стражы и приносицъ Пакацигарошку. Палучиуши сію ваду, Пакацигарошакъ для вѣрнасьци узяу яго дзица за обѣ наги и разарвау попаламъ. «Я цеперъ увѣраю 3), ци вѣрная ли вада?» Іонъ адною вадою памачиу, стало кручаня цѣло, а другою памачиу, и кручаня аджило 4); стау благодарицъ и пусциу яму дзица. Цеперъ іонъ прыходзицъ къ своимъ братамъ и узяу памачиу ихъ цѣлющаю вадою, и стали яны цѣлы, а другою памачиу, стали живы. И прыводзицъ іонъ ихъ да сестры. «Ну, сестра и брацццы! берице

---

1) Тулунъ — мѣшокъ безъ разрѣза изъ содранной съ какого-либо животнаго кожи. (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 233). 2) Черный воронъ (ibidem, стр. 94). 3) Повѣрю. 4) Ожило.

залатую, серебраную и бумажную казну, скольки вамъ угодно, и несице да дому.» И пашли яны усѣ у четверомъ.

Водъ браты, войшоўшы у лѣсъ, и прывязали Пакацигарошка къ дубу. «Браццы! што вы робице нада мною?» — Какой ты намъ братъ? у насъ брата не было и не будзе. Іонъ, атпусцiушы ихъ адъ себе на небальшое разстоянье и узяушы сабѣ великое злобіе, выкруциу дубъ з' корнемъ и паваломъ за ими. Выходзиць іонъ изъ лѣсу, и увидзяушы свой домъ, свае жительство, прыходзиць дамой и крикнуу на айца и маць: «извольце вамъ дроу!» — Идзи, сынокъ, у хату. А іонъ гаворицъ: «я баюсь! кали у лѣсѣ хацѣли мене зпотребиць [1]), то у хаци тымъ лучше. Пращайце, ацецъ и маци, браццы и сестра! жывице сабѣ з' Богомъ!»

Пашоу іонъ назадъ; шоу, шоу, и пападаецца яму на устрѣчу Вернигара. «Здраствуй, братъ Пакацигарошакъ! куды идзешъ, куды пуць-дарогу дзержишъ?» А Пакацигарошакъ спрашывая у яго: «хто ты есць такой?» Іонъ яму адвѣчая: «я есць сильно магущи багатырь Вернигара» — Ци хочешъ быци маимъ таварищамъ? гаворицъ Пакацигарошакъ. А іонъ: «можно! хачу табѣ служиць.» И пашли яны умѣсци; шли-шли, и пападаецца имъ на устрѣчу сильно-магущи багатырь Вернидубъ. «Здраствуйце, братцы!» — Здаровъ! [2]) «Какіе вы людзи есць?» спрашывая Вернидубъ. — Пакацигарошакъ и Вернигара. «Кудыжъ вы идзеце? — Мы идземъ у такой-то горадъ. Змѣй людзей выѣдая; то идземъ яго биць. «Ци нельзя мнѣ къ вамъ у таварищы прыстаць?» — Можно! гаворицъ Пакацигарошакъ. И прыходзяць яны у горадъ и являюцца царю. «Какіе вы людзи есць?» — Мы сильно-магущи багатыры. «Ци ни можно вамъ сей горадъ защициць? унадзиуся [3]) змѣй и губиць много народу; треба яго пабѣдзиць! — На штош(ж)ъ мы называемсе

1) Истребить. 2) Здорово! 3) Повадился.

сильно-магущи багатыры, штобы яго не пабѣдзили? Прыходзиць самая поуначъ, и пашли яны падъ калиновы мостъ, на огненну рѣку. Вод(т)ъ прыходзиць шестиглавы змѣй и астанавиуся надъ мастомъ, и сейчасъ конь заржау, а сакоу [1] защабетау, а хортъ [2] заскимлиу [3]. Іонъ каня у лобъ: «ты, чортаво стерво, не ржы, а ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. Ну, гаворишь, выхадзи Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца?» Гаворищь Пакацигарошакъ: «ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобъ мирицца, тольки за тымъ, штобъ бицца.» И начали яны стражацьсь [4]; Пакацигарошакъ з' таварищами сваими збили у транхъ [5] змѣю па галавѣ. Змѣй, видзѣушы, што вѣрно треба яму пагинуць, гаворищь: «ну, брацпы! тольки Пакацигарошакъ мнѣ мѣшаець, а бы з' вами двумя управиусе!» Водъ яны щэ стали стражацьсь и пабѣдзили [6] паслѣднія голавы, каня змѣинаго узяли у стайню [7], сакала у клѣтку, а хорта у псарню; а Пакацигарошакъ узяу павырѣзывау языки за всѣхъ шесци галовъ и палажыу сабѣ у карманъ, а тулобище скатили у огненную рѣку. Прыходзяць яны къ царю, и Пакацигарошакъ прыносиць яму языки для именной прауды. Царь ихъ благодариць: «виджу, што вы есць сильно-магущи багатыры и защитники горада и усего народа! Што вамъ угодно пиць и ѣсць, берице усякія напитки и наѣдки безденежно и безпошлинно.» И з' радосьци ударну іонъ *публикацію* па усему гораду, штобъ были аткрытые усѣ трахтиры, кабаки и малыя карчмы для сильно-магущихъ багатыроу. Водъ яны хадзили паусюду, пили, гуляли, прахлаждалисе и разными славами забаулялисе.

---

1) Соколъ. 2) Борзая собака. (Малорос. словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 23). 3) Завылъ. (Zaskowlić—завизжать, завыть. Słown. Polsko-Ross., т. III, стр. 391). 4) Сражаться. 5) Въ троёмъ. 6) Посбивали. 7) Въ конюшню (хлѣвъ, сарай).

Прыходзиць ночъ, и у самую поуначъ идуць яны падъ калиновы мостъ, на огненну рѣку, и удругъ падходзиць семиглавы змѣй. Сейчасъ конь заржау, сакоу защабетау, хортъ заскимлиу. Змѣй сейчасъ каня у лобъ: «ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. Ну, гаворицъ іонъ, вылазь [1] Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца.» — Ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобы мирицца; только за тымъ, штобы бицца! И начали яны стражацьсь, и збили багатыры змѣю шесць галоу; седмая зосталася. Змѣй гаворицъ: дай-ка а(т)дахнемъ! А Пакацигарошакъ гаворицъ: «не дажидай, кабъ я табѣ а(т)дыхаць дау!» Стали яны апяць стражацьсь, збиу іонъ и паслѣдне(ю)ю галаву̇, павырѣзывау языки и палажиу у карманъ, а тулобище бросиу у огненную рѣку. Прыходзиць къ царю и прыносиць языки для именной прауды.

У трецы разъ тожъ пауночно идуць яны къ калиноваму мaсту̇ и къ огненной рѣкѣ; удругъ падходзиць къ имъ дзевяциглавы змѣй. Сейчасъ конь заржау, сакоу защабетау, а хортъ заскимлиу. Змѣй каня у лобъ: «ты, чортаво стерво, не ржы, ты, сакоу, не щабечы, а ты, хортъ, не скимли! бо тутъ есць Пакацигарошакъ. А ну вылазь, Пакацигарошакъ! либо будземъ бицца, либо мирицца.» Пакацигарошакъ гаворицъ: «ни за тымъ добры маладзецъ ходзиць, штобы мирицца; только за тымъ, штобы бицца!» И стали яны стражацьсь, и збили багатыры восимъ галоу, дзевятая зосталася. Пакацигарошакъ гаворицъ: «дай-ка а(т)дахнемъ, нечыстая сила!» Яна гаворицъ: «адыхай-не адыхай, а са мною не свладзѣешъ; ты и братоу маихъ пабѣдзиу абманомъ, не силаю.» Пакацигарошакъ ни столько ваюецъ, какъ думаецъ, якъ бы змѣя абмануць; адначе и задумалъ, и гаворицъ: «да щэ вашего брата много есць иззади —

---

1) Выходи.

усѣхъ прыберу!» Удругъ яна аглянулася, а іонъ и дзевятую галаву зняу, павырѣзывау языки, палажиу сабѣ у карманъ, а тулобище у огненную рѣку бросиу. Прыходзяць яны къ царю. Царь гавориць: «благодару васъ, сильнамагущи багатыры! жывице сабѣ з' Богомъ и з' радосьцью и смѣлосьцью, и берице, сколько вамъ нужно золота, серебра и бумажной манеты.»

Посля сёго усѣ три змѣиныя жоны сашлисе у адно мѣсто и укладываюць между собою совѣтъ [1]: «аткудава яны узялись, што нашихъ мужоу пабили? Ну женщыны мы будземъ, если не зведемъ ихъ з' свѣту!» То меньшая гавориць: «ну, сестрицы! пайдземъ мы па бальшой дарозѣ, куда яны будуць идци. Я зраблюся прекрасною койкаю, и яны утамиушыся якъ сядуць на койкѣ — то усѣмъ трёмъ будзе смерць!» А другая гаворыць къ ёй: «кагда ты имъ ничаго не зробишъ, то я зраблюся яблынькаю надъ бальшою дарогаю, и якъ студуць яны ка мнѣ падходзиць — возме ихъ пріятны запахъ, а якъ папробуюць тыхъ яблакъ, то усѣмъ будзе смерць!» Вотъ падъѣжаюць багатыры къ прекрасной койкѣ; Пакацигарошакъ махнуу по ней наухрестъ саблею — дакъ и палилася кроу! Падъѣжаюць яны къ яблынькѣ. «Братъ Пакацигарошакъ, дай-ка зъѣдимъ па яблычку», гаворацъ багатыры, а іонъ каже: «кады можно, браццы, такъ зъѣдимъ, а кагда не можно, такъ дальшъ паѣдзимъ.» Выймая іонъ саблю и махнуу яблыньку наухрестъ, и палилася удругъ кроу. — Паспѣшаець за ими трецяя змѣя и пусцила еваю пасць адъ земли да неба. Видзиць Пакацигарошакъ, што имъ каратко прыходзицца; какъ спасцись? Аглядаецца іонъ и увидау, што яна на яго напираець, и бросиу ёй три кони у ротъ. Палецѣла змѣя да синя моря ваду пици, а яны ушли дальшъ. Наганяець яна абратно; видзиць іонъ, што яна блізко, и бросиу ёй у ротъ три сакалы. Апяць змѣя да синяго

1) Уговариваются.

моря палецѣла ваду пиць, а яны ушли дальшъ. Аглядываецца Пакацигарошакъ, змѣя апяць ягѐ наганяець, и видзиць іонъ сваю неустойку, узяу да бросиу ёй три хорты у ротъ. Апяць яна да синяго моря палецѣла ваду пиць; пакудава напилась, яны щэ дальше ушли. Аглядываецца іонъ и видзиць, што апяць яна даганяець; Пакацигарошакъ, узяуши абоихъ таварищей, и убросиу у ротъ. Змѣя палецѣла да синяго моря ваду пиць, а іонъ дальшъ. Даганяець яна апяць; іонъ аглядываецца, видзиць, што недалеко, и гаворицъ: «Госпади, сахрани мене и спаси маю душу!» И видзиць іонъ упередъ себе жалѣзны заводъ, и упадаець 1) у гэту кузницу. Кузнецы гаворацъ да яго: «што, чужостранны чоловѣкъ, такъ абрабѣу!» — Пачтенѣйшіе гаспада! сахраницe мене адъ нечыстай силы и спасице маю душу.» Яны узяуши кузьню заперли наглухо. «Аддайтце маё!» гаворицъ змѣя. Вотъ кузнецы гаворацъ ёй: «пралижы жалѣзны дзвери, а мы яго табѣ на языкъ паложымъ.» Яна прализала дзвери и языкъ у средзину усадзила. Кузнецы узяли у трахъ гара(я)чими клещами за языкъ, и гаворацъ: «ступай, чужостранны чоловѣкъ! што хочешъ, з' нею роби.» Іонъ выходзицъ на дворъ и давай змѣю бицъ, и побиу на ёй шкуру да косьцей, а косьцы да мозгоу, и узяу яну з' усѣмъ тулобищомъ закапау на семъ сажонъ глубины. Водъ іонъ и цеперъ жывець, да ключье жуець, а мы хлѣбъ, бо у яго нѣтъ! И я тамъ быу, медъ-вино пиу; па барадзѣ цекло, а у губѣ не было.

3.

ВОЛКЪ И ЛИСА.

Была сабѣ лиска и вельми галодная. Бяжицъ яна, дакъ бяжицъ, ажъ ѣдуць рыбаловы; яна притаилася, лягла на землю

1) Вбѣгаетъ, вваливается.

и ляжиць. Тые рыбаловы наглядзѣли на лиску, и адаинъ, каторы ѣхау з' заду, узяу тую лиску, дый [1] укинуу у возъ. Лиска, сѣдзячи у возѣ, прогрызала дзиру, и выкидаушы усю рыбу празъ [2] тую дзиру, сама выскачила, пападбирала рыбу, дый ѣсць. Ѣсць яна, дакъ ѣсць, ажъ прыходзиць воукъ. «Што ты, кумко-голубко, яси?» — Рыбу, куме! «Дай-жежъ ты мнѣ.» — Ото! кабъ [3] я табѣ давала! пайдзи дый налови. «А гдзѣ-жъ я буду лавиць, кали не вѣдаю гдзѣ?» — Водъ идзи за мною, то я табѣ пакажу. А тымъ часамъ дала воуку адну рыбку, кабъ іонъ разсмакавауся [4], и повяла яго́. Прыходзяць яны да аднаго возяра [5] замерзлаго. Лиска прабила праломку [6], дый каже да воука: «усадзи свой хвостъ у гэтую праломку, то наберецца много рыбы.» Воукъ, паслухаушы хитрай лиски, усадзиу хвостъ у праломку и сядзиць. Лисица, зрабиушы тое, што хацѣла, зачала бѣгаць па возяри, кричаць: «мерзни, мерзни кумау хвостъ!» — Што гаворишъ, кумко? каже воукъ. «Я кажу, кабъ бралася рыбка маленькая и вяликая.» Сядзѣу воукъ, сядзѣу у праломицы, ажъ поки не примёрзъ хвостъ. Ляска, убачиушы, што кумау хвостъ примёрзъ, пабѣгла у сяло даць знаць, кабъ воука ишли биць. Людзи, пачуушы [7], што кричаць на воука, пабѣгли заразъ, з' кіями, з' булавами биць воука. А кума пабѣгла у хату, гдзѣ мясили хлѣбъ, укачалася у рaщину [8], выбѣгла, сѣла на стогъ, дый сядзиць. А воукъ, пачуушы людзей, якъ зачау рвацца, дый адарвау хвостъ, и самъ ледва [9] уцiокъ. Бяжиць іонъ, дакъ бяжиць, ажъ бачиць на стагу сядзиць лиска, дый ѣсць. «Кумко-галубко, бачишъ, якая ты благая [10])! ашукала [11] мене. Хоця за тое дай

1) Да и. 2) Чрезъ, сквозь (przez, польск.) 3) Чтобъ. 4) Смаковать— отвѣдать, пробовать. (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 207). 5) Озера. 6) Прорубь. 7) Послышавъ. 8) Вымазалась въ тѣсто; рaщина—мучной растворъ. (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 20). 9) Едва. (Этнографич. сборникъ, ч. 2, стр. 117). 10) Недобрая, дурная (ibidem, стр. 116). 11) Обманула (ibidem, стр. 119).

што ѣсци.» — На, лизни разъ, сказала лиска, дый пазволила разъ лизнуць. Воукъ, лизнуушы, захацѣу други разъ, дый изноу зачау прасиць щэ. «Не дамъ ужо больше, бо мнѣ балиць, бо я ѣмъ сваи мазги; кали хочешъ ѣсци, разганися галавой у сасну, разби(ей) галаву, дый яси!» Той воукъ изноу паслухау хитрай лиски, пашоу у лѣсъ, дый якъ разагнауся абъ сасну ґалавой, дакъ и забиуся на смерць. Лиска, убачиушы, што воукъ забиуся, пашла зъѣла усѣ мазги воука, дый схавалася [1] у нару [2].

4.

ЛИСА И ЖБАНЪ. [3]

Быу сабѣ гаспадаръ [4], и пашоу гарацъ [5]. Гаре іонъ, дакъ гаре, ажъ прыходзиць воукъ. «Чаго ты прышоу, воуче?» каже гаспадаръ. — Прышоу тваи валы́ зъѣсьци, каже воукъ. «Мой ты до́браньки, мой ты галубокъ, пачакай [6] хаця, пакöль я дагару, а послѣ сабѣ зъяси.» — Добра [7], каже воукъ, и пашоу падъ возъ и тамъ лёгъ. Чоловѣкъ той гаре и плаче, ажъ прыходзиць лиска. «Чаго ты плачешъ, чоловѣче?» каже яму̀ лиска. — Я плачу таго, што прышоу да мене воукъ и хоче валы́ зъѣсьци. «Ну, кали даси мнѣ мѣхъ курей, то праганю воука.» — Добра, каже гаспадаръ. Лиска пабѣгла на гару и кричиць: «тру-ру-ру-ру! малады князь палюе! [8] Што у цебе, чоловѣче, падъ возамъ ляжиць?» Чоловѣкъ атказвае: «калода́, пане калода.» — Кабъ калода была, то на возѣ

---

1) Спряталась. 2) Смотри, 1-й выпускъ, № 1, а; вып. 2, стр. 107 и вып. 4, № 1. 3) Боченокъ, ведро. (Опытъ областн. великорусскаго словаря, стр. 56). 4) Хозяинъ. (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 121). 5) Орать, пахать. 6) Чакаць — ждать. (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 118). 7) Хорошо (ibidem, стр. 121). 8) Охотится.

ляжала бы. Воукъ якъ пачуу тое, якъ зачне прасiць чоловѣка, кабъ узлажиу ягó на возъ. Чоловѣкъ узлажиу воука на возъ и зачау гарацъ. И зноу тая лиска пабѣгла на другую гару, и зноу крычиць: «тру-ру-ру-ру! малады князь палюе! што у цебе, чоловѣче, на возѣ ляжиць?» — Калода, пане! атказау мужикъ. «Кабъ калода была, то увязана была бы.» Воукъ и зноу папрасиу чоловѣка, кабъ увязау; и той чоловѣкъ, узяушы вяроуку, такъ увязау воука, што iонъ пакрупицца [1] не смогъ. Лисица зноу побѣгла на трецьюгару и такъ сáмо [2] крычиць: «тру-ру-ру-ру! малады князь палюе! што у цебе, чоловѣче, на возѣ ляжиць?» Мужикъ такъ само атказвае: «калода, пане.» — Кабъ калода была, то сакера [3] урублена у нёй была бы. Воукъ, пачуушы гэтыя слова, зачау прасиць чоловѣка, кабъ гдзѣ сакеру причапиу [4], кабъ яна стырчала [5]. Чоловѣкъ, узяушы сакеру, пришоу да воза, дый якъ рубне у галаву воука, дакъ ягó и забиу на смерць. А лисица, убачиушы гэто, прибѣгла да таго мужика и каже: «я цебе абаранила адъ воука; принеси-жъ мнѣ мѣхъ курей.» — Добра! каже чоловѣкъ, дый узяушы таго забитаго воука пашоу да дому. Зняушы шкуру з' воука, улажиу у мяшокъ замѣсто курей двухъ сабакъ Сѣрку и Бѣр(л?)ку и пашоу у поле да лиски, гдзѣ яна ягó чакала [6]. Прышоушы туда, iонъ палажиу мяшокъ на землю и каже да лиски: «ты разкарачсе добра, кабъ магла палавиць усѣ куры, а я ихъ выпущу.» Лиска разкарачилася, якъ той чоловѣкъ казау, и чакае, пакуль iонъ выпусьциць куры. А чоловѣкъ, развязаушы мяшокъ, якъ выпусьциць сабакъ, а тые сабаки якъ зачнуць рвацъ лиску. Лиска ледва выробилaсе [7] адъ сабакъ и прыбѣгла да нары, и

---

1) Повернуться. 2) Нарѣчiе: какъ разъ, очень. (См. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 197). 3) Топоръ (сѣкира). 4) Прицѣпилъ. 5) Торчала. 6) Ожидала. 7) Отдѣлался.

пытаецца у сваихъ очей: што вы думали, якъ мене рвали сабаки? — Мы думали, кажуць очи, кабъ якъ прендзей [1]) уцячи [2]) да норки. — А вы, лапки? — И мы тое самое думали. — А ты, хвасцище-дурнище, што думау? — Я думау, кабъ якъ найпрендзей цебе зловили и задушили. — Ахъ ты, хвасцище! аддамъ цебе сабакамъ! дый вылязала з' норки: «на, каже, Сѣрка, Бѣрка! на хвостъ!» Тые сабаки парвали лиски хвостъ, дый адарвали. Лиска бяжиць ужо зо злосци [3]), да мужика лаиць [4]) — на што ашукау [5]).

Бяжиць яна, дакъ бачиць [6]): ажъ штось гудзе [7]). Падбѣгая, ажъ дзюравы збанъ [8]) з' вѣтрамъ. «Ахъ ты шельма, пане збане! и ты страшишъ!» каже лисица, дый узяла зачапила почапачку [9]) на шыю, дый панясла тапиць [10]). Прыходзиць да рѣки, усадзила збанъ, дый топиць. У той збанъ якъ налилося ваду, дакъ той збанъ зачау тапицца и павалокъ за сабою лиску. А той мужикъ гэтое усе бачиць; пашоу да рѣки, выцягнуу [11]) лиску, здзёръ [12]) шкуру дый продау.

5.

КОНЬ СЪ ЗЛАТО-СЕРЕБРЕНОЙ ШЕРСТКОЙ.

Было у бацька три сыны, два разумные, а треци дурень. Разумные гаспадарили [13]), а дурень сядзѣу за пѣчамъ, дый пóпелъ пересыпау. Бацько быу стары, и умираючи сказау сынамъ, кабъ яны три ночи зра(я)ду хадзили надъ магилай

---

1) Поскорѣй (przędzey). 2) Утечь, убѣжать. (Опытъ обл. великор. слов., стр. 241). 3) Со злости. 4) Бранить. 5) Обманулъ. 6) Видитъ. 7) Што-то гудитъ. 8) Дырявый жбанъ. 9) Чапать — брать. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 253); слѣдовательно: дужка или ручка, за которую поднимаютъ жбанъ. 10) Топить. 11) Вытянулъ. 12) Содралъ. 13) Хозяйничали.

каравулиць. На першую ночъ пашоу старшы сынъ и якъ надышла поуначъ — заснуу и ничаго не бачушы вернууся да дому. На другую ночъ пашоу середульши [1]; и іонъ такъ само ничаго не бачуу и вернуусе. На трецюю ночъ пашоу дурень; іонъ сядзѣу цѣлую ночъ, и у самую поуначъ выскачиу конь, а на томъ кани залатая шарецинка [2] и сребная шарецинка, а уздечка брилянтовая. Іонъ глядзѣу на таго каня, глядзѣу, а послѣ разамъ усхапиуся [3] дый злавиу. Вырывауся той конь, вырывауся, а послѣ каже чоловѣческимъ голасамъ: «паничику, дурачку! пусци мене; я табѣ буду у великой пригодзѣ и адгодзѣ, и якъ чаго треба будзе, то свисни па мене — и я заразъ прыбѣгу.» Дурень пусциу таго каня, дый самъ прышоу да дому.

У дома давѣдауся, што будзе выхадзиць кралеуна замужъ за таго, хто конно [4] даскочиць да ёй на треци пёнтръ [5]. З' усѣхъ старонъ народъ зачау збирацца, и брацья дурня паѣхали паглядзѣць таго дзива, якое будзе у караля. Якъ тольки(о) никаго ужо у доми не было, дурень вышоу на дворъ, свиснуу на каня, и іонъ прибѣгъ з' усѣмъ приборомъ. Дурень зобрауся дый паѣхау. На дарозѣ іонъ дагнау сваихъ брацьёу, выбиу ихъ добра нагайкаю за тое, што яны яго́ глумяць [6], и самъ паѣхау далѣй. Прыѣхаушы на кралеуски дворъ, іонъ убачиу графоу, паноу, мужикоу, жидоу и усякаго народу. Усѣ скакали да кралеуны, и нихто не могъ даскочиць; тольки дурень якъ разагнауся, то ускачиу на перши пёнтръ. На други дзень изноу пазбирауся народъ, и дурень даскачиу на други пёнтръ, а на треци дзень якъ скачиу — дакъ даскачиу да самай кралеуны и узяу адъ ёй персцёнакъ [7]. Дурень, узяушы

---

1) Середній. 2) Шерсть. 3) Схватился. 4) На конѣ, верхомъ. 5) Польск. piętro — жилье, ярусъ, этажъ. (Słownik Polsko-Rossyyski, т. 2, стр. 40). 6) Бранятъ (глумятся). 7) Перстенёкъ.

перcцёнакъ. палацѣу на сваемъ кани да дому, пусциу каня и самъ схавауся[1]) за печъ. Брацья, прыѣхаушы да дому, зачали разказваць дурню усё, што тамъ было: якъ нѣяки[2]) панъ быу на дорозѣ за дурня, якъ той самы панъ даскачиу да кралеуны, узяу перcцёнакъ и уцёкъ[3]). — Аднаго дня сядзяць ты(е) брацья, ажъ прыѣжджае ассессаръ и приказвае, жабъ усѣ, хто есць у доми, узаутра прыходзили на кралеуски дворъ на ра(е)-визiю. Назаутра пашли усѣ на равизiю. Каралеускiе слуги зачали равизаваць усѣхъ, хто тольки быу, и на дурневомъ пальцы знайшли перcцёнакъ. Павели таго дурня да кралеускаго палацу[4]), казали[5]) яго абмыць, адзѣць и пре(д)ставиць кралеунѣ; а iонъ якъ зачне кричаць: «я не хачу вашаго адзеня[6]), я маю свае!» дый вышоу на дворъ, свиснуу на свайго каня, адзѣуся дый прышоу да кралеускаго палацу выбраны[7]), якъ найбагатши(iй) кралевичъ. Кралеуна якъ убачила — дакъ заразъ палюбила яго и вышла замужъ; а кароль такъ быу радъ, што аддау яму свае кралеуство щэ жывучи[8]).

6.

ЖЕНА БЕЗЪ РУКЪ.

Быу бацько з' маткою, мѣли дачку з' сынамъ. Бацько з' маткою померъ, и пакинули брата съ сестрою. Узяу братъ дай ажаниуся; идзе у госьци — сестру клича, идзе на спацыръ[9]) — сестру клича, гдзѣ якую сукню купиць, то для сестры лѣпшую[10]). Дакъ жонци крыуда[11]) стала! Дау Богъ

---

1) Спрятался. 2) Какой-то. 3) Убѣжалъ. 4) Дворца. 5) Приказали. 6) Одежды. 7) Убранный. 8) См. выпускъ 2, № 25 и 28. 9) На гулянье (spazieren). 10) Лучшую. 11) Обида. (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 119).

сестри(ѣ) дзицятко, а у сестры есць мужъ, да вельми далеко. Жонка каже: «ну што ты лѣпше сестры глядзишъ, якъ мене. Прыѣдзе іѣ мужъ, то будзе яну̑ глядзѣци.» Пагадзиушы, прыѣжджая мужъ; дакъ яна гаворыць: «ты прыѣхау да іѣ, а яна з' братамъ живе — не глядзиць цебе!» Дакъ мужикъ [1]) каже: «жонко! прыберися, пайдземъ на спацыръ и вазьми дзиця з' сабою.» Пашли яны у лѣсъ, прывеу іонъ да карча [2]): «палажи руки!» Якъ яна палажила, дакъ іонъ узя́у дай по локци атсѣкъ. Яна узяла дзиця и пашла; прыходзиць яна да вады, дакъ рукъ нима; якъ напицца вады? нагнулася дай дзиця упусьцила. Станиць бѣдная дай плача, дакъ ёй з' вады адзываецца: «дзѣука, дзѣука! не плачъ, бери дзиця.» Дакъ яна атказывая [3]): «якъ-жежъ я буду брацъ, кали у мене рукъ нима!»— Тачи [4]) ваду̑, дасьць Богъ руки. Якъ яна адтачила, дау Богъ руки; дакъ яна узяла дзиця дай пашла. Идзе дарогаю, сустрѣчае яну̑ панъ; дакъ іонъ пытаецца: «аткуль ты, кабета [5])?» Дакъ яна атказала: «нима чаго пану казаць, аткуль я; нѣкали была паняй, цеперъ кабетой завуць.» — Ни пашла-бъ ты ка мнѣ на службу? Яна кажа: «пайду; али [6]) ци во́зьмешъ мене з' дзицёмъ?» Дакъ іонъ кажа: «вазьму.» Яна прыѣхала, дакъ той сынъ расьце да усе заве́ [7]) яго́ та́тамъ [8]). Іонъ кажа: «якій я твой тато?» Дакъ іонъ каже: «прошу, татулячко, не прагнѣвацца; маей матульцѣ [9]) татулько руки атсѣкъ, дакъ матулька пашла плачучи и мене у ваду укинула; з' вады аддалося матульци: не плачъ, кабетко! бери дзиця, дасьць Богъ руки. Дакъ матулька утачила ваду, дау Богъ руки. Матулька шла и татулька пазнала, а татулько матки не!»

---

1) Мужъ (ibidem, стр. 120). 2) Къ пню; karcz (польск.) — карша, пень съ кореньями отсѣченный. (Słownik Polsko-Rossyyski, Stan. Müllera, 1829 г., Wilno, т. 1, стр. 254). 3) Отвѣчаетъ. 4) Точить воду — проливать, цѣдить, т. е. омочи водою. 5) Женщина (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 118); раба. 6) Но. 7) Зоветъ. 8) Отцемъ. 9) Матери.

7.

ЧУДЕСНЫЕ МАЛЬЧИКИ.

Было у бацьки три дачкѝ; пашли на рѣчку бѣлизину [1]) мыць. Ѣхау каралеу сынъ. Адна каже: «отъ, кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ я адной голкай [2]) весь дворъ абшила.» Другая каже: «кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ я адной булкай весь дворъ абкармила.» А трецяя каже: «кабъ я за каралеваго сына пашла, тобъ два сыны́ прывела: на лбѣ па мѣсяцу, у патылици [3]) па звѣздацци.» Прыѣхау кароль да таё (жениться), што казала: «два сыны прывела-бъ»; дакъ яны живуць гадокъ, другій, стала яна у ценжи [4]). Паѣхау круль и прыказывая мацяри: што Богъ дасьць жонци, то нехай [5]) гадуя [6]). Адъѣхау іонъ миль дваццать, дакъ Богъ дау жонци дзиця; прывела яна два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Написала жонка карту [7]) — што Богъ дау два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци; парабакъ [8]) панесъ карту да яго́ и зайшоу да іѣ сестры начавацъ и не вѣдау, што яго́ пани сестра. Легъ іонъ спаць; дакъ яна узяла дай адкрыла карту, тое скасавала [9]), што было написано: на лбѣ па мѣсяцу, на паталици па звѣздацци, и написала, што ни ужъ, ни гадъ — ни знаць што прывела. Той чоловѣкъ даганиу круля, подау листъ. Іонъ прачитау «Што ей Богъ дау, то нехай ни трацицъ безъ мене.» Уже назадъ іонъ

---

1) Бѣлье (bielizna). 2) Иголкой. 3) На затылкѣ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 174). 4) Забеременѣла. Cięża — беременность. (Słownik. Polsko-Ross., т. 1, стр. 63). 5) Пусть. 6) Вскармливаетъ, воспитываетъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 38). 7) Грамоту, письмо. 8) Батракъ, наймитъ, слуга. (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 116). 9) Kasować — смарать, вытереть написанное. (Słownik Polsko-Ross., т. 1. стр. 258).

ишоу и зайшоу туды зноу начаваци; яна узяла зноу лісты, адкрыла и тое скасавала, што іонъ написау, и написала: пакуль [1] іонъ вернецца, кабъ пахавацъ [2] тые сыны. Якъ іонъ прышоу, кралева жана перечитала и стала плакаць; ей жаль было тые харошіе сынки пахаваць. На дворѣ выкапала двѣ магилки и пахавала; вырасли два явары — залатая галинка [3] и сребраная. Прыѣхау круль да хаты и адправиу [4] за тое, што пахавали безъ яго́.

Паѣхау іонъ жаницца да другой да жониной сестры. Жывуць яны, дакъ яна каже то: «мой мужу найясьнѣйши! кабъ мы гэтые явары ссѣкли да зробили ложко [5] сабѣ.» — «Ахъ, мужу мой найясьнѣйши! пасячомъ мы гэто ложко и спалимъ, а попелъ на дарогу высыплемъ.» Гнау пастухъ авечки; адна ауца забѣгла и попелу ухвацила, прывела два бараны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Дакъ яна [6] знелюбила тыхъ бараноу, велѣла парѣзаць и кишки на улицу выкинуць. Першая [7] жонка вышла, кишки падабрала, зварила и зъѣла, и стала у ценжи и прывела два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Дакъ тые сыны растуць, дакъ растуць, и шапачкау не знимаюць. Дакъ круль захацѣу, кабъ хто шоу байки баяць [8]; дакъ тамъ сказали: есць два браты, яны умѣюць байки баяць. Дакъ яны прышли байки баяць.

Стали баяць байку: «быу сабѣ круль з' кралеунаю; прывела кралеуна два сыны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Послѣ круль паѣхау на палаван(ь)е [9], написала каралеуна карту и паслала. Чоловѣкъ зайшоу на начь да сестры; яна узяла, адкрыла карту и написала, што ни ужъ, ни гадзи-

---

1) Покуда. 2) Похоронить, зарыть. 3) Вѣтвь (gałąź). 4) Отпустилъ (отъ себя жену). 5) Ложе, кровать. 6) Новая королева. 7) Прежняя. (8 Сказки сказывать. 9) На охоту.

на — ни знаць што прывела кралеуна. Круль прачитаушы адписау, што нехай гадуюцца ци ужъ, ци гадзина. Чоловѣкъ, шоушы да дому, и зноу туда зайшоу, гдзѣ начавау. Яна адкрыла и написала, кабъ пахавала да майго прыѣзду. Дакъ яна [1]) выкапала двѣ ямы-магилы, и закапала; и вырасли два явары — залатая галинка и серебненкая. Яна [2]) нацялася, кабъ пасѣчь и ложко зрабиць, и стала яна спаць, и стау ёй ценжаръ [3]) робицца; яна велѣла гэто ложко пасѣчь и спалиць, и на дворъ пöпелъ выкинуць. Пастухъ авечки гнау; адна авечка пöпелу захвацила и стала котная [4]), прывела два бараны: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци. Каралеуна [5]) велѣла тые бараны парѣзаць и кишки на улицу выкинуць; ана [6]) вышла на улицу, кишки падабрала, прынесла у хату, сварила и съѣла и у ценжи стала, прывела два сыны́: на лбѣ па мѣсяцу, на патылици па звѣздацци.» Хлопчики гэтые скланилисе да шапачки зняли, такъ и засвяцили весь пакой. — Другую жонку на жалѣзную барану рясцагали, а першую (круль) узяу и стали жиць.

8.

КОРОЛЕВНА И РАЗБОЙНИКИ.

Быу сабѣ круль съ крулёвай, и мѣли адну дачку вельми харошую, и да iѣ сваталися дванадцаць кавалерау [7]), а тые кавалеры были усѣ разбойники. Ты(е) разбойники прасили, кабъ кали-нибудзь яна да ихъ прышла багато-убраная. Аднаго разу, безъ вѣдама айца [8]), яна сабралася дый пашла па той

1) Мать. 2) Злая сестра. 3) Ciężar—тягость. (Słownik Polsko-Ross., т. 1, стр. 63). 4) Суягная. 5) Новая. 6) Прежняя королева. 7) Жениховъ. (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 118). 8) Отца.

дарозѣ, па якой яны ёй паказали. Идзе яна дакъ идзе лѣсамъ, ажъ у лѣсѣ станиць палацъ [1]. Вайшла у той палацъ, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровёй [2] чоловѣчай, у другой хацѣ усё чоловѣчіе голавы, ноги, руки, у трецей усё тулубы [3] чоловѣчіе, у чацвёртай самые боты [4] и чаравики [5], у пятой адзенё [6] суконное и матеріи, у шостой и у сёмой сребро и брилянты, а восмая — тая хата, гдзѣ жили разбойники. Хадзила яна, хадзила па усѣхъ пакояхъ, и якъ пачула [7] стукъ — схавалася падъ ложко. Сядзиць яна тамъ, ажъ уходзяць тые дванадцаць разбойникоу и прыводзяць съ сабою нѣякую вельми харошую и багатую панну; узяли яну разабрали [8] да гола, палажили на калодку и зарѣзали, а послѣ зачали знимаць персцёнки з' рукъ, и з' аднаго пальца никакъ [9] не магли зняць. Адзинъ каже, што аддайце мнѣ гэты персцёнакъ. «Добра!» казали усѣ. Іонъ узяу сакеру и якъ рубнуу, дакъ палецъ з' персцёнкомъ палецѣу падъ тое ложко, гдзѣ сядзѣла кралеуна. Разбойникъ палѣзъ падъ ложко шукаць [10] персцёнка; але якъ было цёмно, то не знашоу персцёнка и адлажиу да заутра. Кралеунѣ ажъ млосно [11] зробилося з' страху, бо яна чула усю ихъ гутарку [12]. Яны гаварили, кабъ якъ-нибуць звясци кралеуну да себе убраную и послѣ забиць. Доуго гуляли, пили, ѣли разбойники, а якъ надышла поуначъ, дакъ усѣ парасходзилисе: адзинъ пашоу у лѣсъ, други пашоу на гасцинецъ[13], треци на други гасцинецъ, а решта[14] паразходзились у усѣ стораны. Краулеуна, якъ яны павыходзили, вылязла зпадъ ложка дый пашла просто да дому. Прышоушы

---

1) Домъ, дворецъ. 2) Съ кровью. 3) Туловища. 4) Сапоги. (Опыт. обл. великор. слов., стр. 14). 5) Башмаки (ibidem, стр. 256). 6) Одежда, платье. 7) Послышала. 8) Раздѣли. 9) Никакъ, никакимъ образомъ. 10) Искать. (Этнограф. сборн., ч. 2, стр. 118). 11) Тошно. (Опытъ обл. великор. словаря., стр. 114). 12) Разговоръ. 13) Большая дорога. 14) Остальные (reszta, польск.).

да дому, яна ничаго никаму не казала, што бачила, и лягла спакойне спаць.

На други дзень рано разказала кралеуна абъ усёмъ свайму бацьку, и іонъ канечне захацѣу ихъ палавиць. Ажъ таго самаго дня прыѣжджаюць усѣ тые разбойники на абѣдъ да караля. Доуго сядзѣли тые разбойники, а послѣ стали абѣдаць. Якъ тольки зачали ѣсци, кралеуна зачала такъ разказваць: «мнѣ снилося сегодня, што пашла да васъ у госьци. Ишла я, дакъ ишла той дарогай, якой вы мнѣ паказали, ажъ стаиць палацъ; ухаджу я у той палацъ, ажъ у першой хацѣ стаяць бочки з' кровёй чоловѣчай, у другой хацѣ галавы, ноги, руки, у трецемъ пакои тулубы чоловѣчіе, у чацвёртомъ пакои самые боты и чаравики, у пятомъ пакои адзенё суконное и матеріи, у шостомъ пакои самое сребро и брилянты. А послѣ пачула стукъ и схавалася падъ ложко. Сядзѣла я тамъ, сядзѣла, ажъ уходзяць дванадцаць мущинъ и прывяли съ сабою адну вельми харошую и багатую панну; палажили яну на калодку и зарѣзали. Послѣ пазнимали персцёнки з' рукъ, але аднаго персцёнка ниякъ не магли зняць. Дакъ адзинъ разбойникъ каже: аддайце мнѣ гэты персцёнакъ, я ягò зниму. Яны аддали той персцёнакъ и іонъ адрубау яго з' пальцамъ; але той палецъ палецѣу падъ тое ложко, гдзѣ я сядзѣла.» Кали гэто разказвала кралеуна, разбойники усѣ пачерванѣли [1]) и дагадалися, што кралеуна была у ихъ и усё бачила. Послѣ кралеуна вынала персцёнакъ з' пальцамъ съ кишени [2]) и сказала: «гэто, што я гаварила, мнѣ не снилося, але было праўда!» Тые разбойники, бачучи, што будзе кепско [3]), съ-за стала дый у ноги [4]) празъ окна; але тамъ сядзѣли прыгатаваные людзи, каторые ихъ усѣхъ палавили, павязали и прывели да

1) Покраснѣли, побагровѣли. 2) Изъ кармана или мѣшка. (Опытъ обл. великор. слов., стр. 83). 3) Плохо (польск. kiepsko). 4) Т. е. бѣжать.

караля. Кароль заразъ кавау прыгатавацъ жалѣзныя бораны и усѣхъ дванадцаць разбойникау паразцягаць; а кралеуву аддау замужъ за аднаго великаго кралевича. Весел(ь)е [1] было гучное [2], а па весели паѣхали да таго палацу, гдзѣ жили разбойники, и пазабирали усё багацтво, и прыѣхаушы назадъ, дали балъ, на которомъ и я быу, медъ вино пиу, па барадзѣ цекло, у роцѣ не было.

9.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ.

Быу чоловѣкъ бѣдны, не мѣу ни снасцины [3], ни скацины, а дзѣцей мѣу шматъ [4]. Прышла вясна, а яму нима чимъ гарацъ; людзи идуць съ сахою и скацинаю, а іонъ идзе з' жалязникомъ. Встрѣчая іонъ двѣ панны, а тыя панны были: адна — Счасцё, а другая Несчасцё. Пытаюць яго: «куды, чоловѣче, идзешъ?» Такъ іонъ каже: «панначки мае, кралеуначки! мае такое несчасцё: людзи идуць съ скацинаю, а я съ жалязникомъ; нема чимъ праживиць [5] дзѣцей.» Дакъ тыя адна з' другою гаворачи кажуць: «надаре(и)мъ мы яго». Дакъ Счасцё каже: «кали твой [6], то ты яго и надари.» Дакъ выняли и дали яму дзесяць рублёу, и сказали: «идзи да хаты и купи сабѣ вала.» Дакъ іонъ прышоу да хаты и тые грошы [7] сховау у гаршокъ, гдзѣ быу попелъ. Назаутра прышла да яго сусѣдка, кума багатая, дый каже: «чи нима у васъ попелу, бо мая палотна вельми рудыя [8]?» — Вазьми сабѣ вотъ у гар-

---

1) Свадьба (Этногр. сбор., ч. 2, стр. 120). 2) Шумное, громкое. 3) Домашней рухляди. (Снасть—Опытъ обл. великор. словаря, стр. 209). 4) Довольно, много (Опытъ обл. великор. слов., стр. 267). 5) Прокормить. 6) Т. е. безталанный, несчастливый. 7) Деньги. 8) Замараны, нечисты (Опытъ обл. великор. словар., стр. 193).

нушку [1]) станць, сказала бѣднаго чоловѣка жонка. Мужикъ, катораго не было дома [2]), стау агладацца и нияк не убачиу гаршка съ попеламъ, дый стау на жонку (кричать): куды дзѣла гроши з' гаршкомъ? Жонка зачала бажицца, што не вѣдала, што тамъ были гроши, и сказала, што гаршокъ узяла сусѣдка кума. А послѣ мужикъ (пошелъ) да кумы и стау прасиць, кабъ аддала гроши. Яна каже, што я не бачила ихъ у цебе никали. Мужикъ пашоу да пана, и тамъ не знашоу справы [3]); бо панъ сказау — што ты грошей никали не мѣу, а хочешъ тольки у іѣ адабраць. Итакъ гроши мужика прапали.

Плакау іонъ, плакау, дый изноу идзе съ жалязнякомъ, ажъ устрѣчая тыя двѣ панны. Іонъ ихъ не пазнау, а яны яго пазнали. А послѣ пытаюць такъ само [4]), якъ упародъ [5]); и іонъ имъ такъ само адказау, якъ упародъ, и яны дали яму двадцаць рублёу. Мужикъ изноу, прышоушы да дому, схавау гроши у гумнѣ у патруху [6]). Назаутра прышла тая самая кума и зачала прасиць патрухи для целятъ, и жонка бѣднаго мужика изноу дала патруху, бо не вѣдала, што тамъ гроши. Мужикъ, прышоушы да дому, пашоу у гумно выняць гроши и изноу не знашоу. Прышоу у хату и стау сварицца [7]) на жонку: куды дзѣла гроши з' патрухаю? Жонка сказала, што кума прыхадзила и забрала патруху. Дакъ той мужикъ такъ само, якъ упародъ, хадзиу и да кумы, и да пана; але нигдзѣ не знашоу справы. Усѣ казали, што у цебе никали грошей не было.

Мужикъ паплакау, дый изноу идзе и спатыкае [9]) тыя самыя панны, и яны дали яму тольки два гроши и сказали: «идзи

---

1) Маленькой горшокъ съ ручкой (ibid., стр. 36). 2) Когда приходила кума. 3) Суда, расправы, правды. 4) Точно. 5) Впередъ, прежде. 6) Мякина, труха. 7) Браниться (Этногр. сборн., ч. 2, стр. 116). 8) Встрѣчаетъ (ibidem, стр. 117).

да рѣчки Нёмна 1), тамъ будуць лавиць рыбу, дый нiякъ не зловяць. Ты папраси, кабъ на твоё счасцё закинули.» Іонъ такъ и зробиу 2); пашоу да Нёмна и папрасиу, кабъ на яго счасцё закинули. Якъ закинули, дакъ такъ много выцягнули рыбы, што негдзѣ было дзѣць. Рыбаки запыталися: «кольки бы табѣ даць за гэто?» Іонъ каже, што прадайце мнѣ за два гроши. Яны прадали адну рыбку за два гроши, а другую дали яму̀ даромъ. Мужикъ, узяушы тыя рыбки, пашоу да дому и аддау жонци, кабъ зварила. Жонка вельми была рада съ дзѣцьми з' тыхъ рыбакъ и не варила, а палажила такъ. Ажъ ѣхау адзинъ панъ черезъ тое сяло; той мужикъ пашоу адчинiць 3) варота и зачау смѣяцца, а панъ запытауся: «чаго ты смѣешся!» Іонъ сказау, што у мене есць такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кажды смѣецца. Таму пану вельми захоцѣлосе рыбки, и за тую рыбку дау мужику пару валоу, пару ко́ней и тольки збожа 4), кольки мужикъ хацѣу. Итакъ мужикъ знашоу сваё счасцё у двухъ грошахъ.

(Всѣ восемъ сказокъ записаны старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитрiевымъ въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губернiи.)

10.

НАДЗЕ́Й ПАПОВЪ УНУКЪ 5).

Какъ не въ какимъ чарстви, не въ какимъ гасударстви, какъ живъ 6) попъ, попъ удовъ 7), и какъ была у евтаго папа доцъ яго́ радная. Ета, братицъ ты, такъ ёнъ бярёгъ яе, и

1) Нѣмана. 2) Сдѣлалъ. 3) Отворить. 4) Жита хлѣба. 5) Внукъ. — Сказка эта напечатана въ 1 выпускѣ Этнографическаго сборника, стр. 247—250. 6) Окончанiе *въ* вмѣсто *лъ* произносится грубо, какъ бы *у*; тоже должно замѣтить и о произношенiи слова *дамовъ* — домой. 7) Вдовый.

какъ ёнъ ни ѣдзить куды у приходъ, ёнъ завсягды́ вязется ей гастинцыки, що евта прихожани знаютсь, що ёсь у нашаго папа доцъ и надабитсь ей какъ-нибутсь гастинцыкавъ паслатсь. И паѣхавъ ёнъ у приходъ — вёрстъ за двинадцать дзиревня, ну ета ёнъ з' прицастамъ паѣхавъ, и тамъ ёнъ прицаствивъ цалавѣка; ну ладна, и прибярягли [1]) яго́ вопинна [2]) харашо. Ну ёнъ и забывъ, щобы гастинца доцки дали, ну ёнъ и сѣвъ з' евтсимъ и паѣхавъ домовъ. И ѣдзитсь ёнъ па дароги, и гаритсь цалавѣццая галава на дароги, и ўся́ [3]) згарѣла, то́льки по́пилъ [4]) ядинъ астаéтцы. Ёнъ было праѣхавъ, патомъ и уздумавъ: «щожъ я праѣхавъ, видзь цалавѣццая галава гаритсь, дай я вазьму, у карманъ евтатъ папялокъ улажу̀, связу дамовъ и пагрябу.» Ну узялъ ёнъ у карманъ яго́ и усыпавъ, сѣвъ на́ лашадзь, апять и паѣхавъ дамовъ. Ну, пріяжжаитсь къ двару, и сувстрикаитсь [5]) яго̀ до́цка, з' лошадзи знимаитсь яго; у яго́ забалѣла галава, ви́дна з' вѣтру, и яна спатсь яго́ палажила на пярину. Ну, патомъ яна уздумала ета: «ахъ, батсюшка-жъ мой нябо́сь гастинца привёзъ!» Яна и цапъ [6]) у карманъ; евтатъ жи папялокъ абаратився ларцыкамъ. Ну ета яна выхватсила етатъ ларцыкъ, и ка́житсь [7]): «ну, ларцыкъ! харашо; а ня знаю, какъ яго́ атлажитсь [8])». Ну, вотъ яна выхватсила и лизнула яго́ и забяреминила. Хто носитсь па нядзѣлямъ, а яна па цасамъ; дайшло да таго уремя [9]), що радзить, и радзѝла; ну, сі́йцасъ патомъ яго и ахристсѝли, наркли имя Надзей, паповъ унукъ.

Патомъ сталъ рось етатъ маладзеницъ [10]); хто растётсь па гадамъ, а ёнъ па цасамъ; шесь [11]) нядзѣль концылась — на ву-

---

1) *Бере́чь* — ласково принимать, угощать (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 9). 2) Очень. 3) Вся. 4) Пепелъ. 5) Встрѣчаетъ. 6) *Цапнуть* — хватить (Этногр. сборн., выпускъ 1, стр. 246). 7) Говоритъ. 8) Открыть. 9) Время. 10) Младенецъ. 11) Шесть.

личу къ рябятамъ шулугу [1]) ганятсь пайшовъ. Вдáритсь ёнъ на шулугѣ, шулуга лятсить, тольки звижжить; каму вдáритсь у нагу, нага процъ, каму вдáритсь у руку, такъ рука процъ, каму у галаву, галава процъ. Ета атцы евтихъ дзятей и приходзятсь къ священьнику етаму, и приходзятсь къ священьнику съ прозьбай: «батсюшка! ни пусшайтсе свайго унука на вуличу гулятсь къ рябятамъ, больна [2]) много ёнъ шкоды [3]) дзѣлаитсь.» Каторый гавóритсь — майму галавў атарвавъ, другéй гавóритсь — майму руку атарвавъ; ни пусшайтсе, гавóрютсь, батсюшка, какъ можна. Ну, харашо, могъ ёнъ вуздержатсь ягó да самаго лѣта; ёнъ вырасъ парядашнай, и гаваритсь ёнъ: «ну, дзѣдушка любезнай, щожъ мы будзимъ дзѣлатсь-рабатáтсь?» Дряннó [4]) дзѣдъ ягó узрадовався и гавóритсь: «доцъ мая любезная! Слава табѣ, Господзи! гавóритсь, далъ Богъ наслѣдницка какóга; Богъ пайславъ! И какéй хлапатнэй [5])! що я буду з' нимъ дзѣлатсь? Ну, етанимъ рабатáтсь. Пóйдзимъ, гавóритсь, унўцыкъ мой, ляда [6]) вывалимъ.» — Пóйдзимъ, дзѣдушка! И зайшли яны у балóта, и выбрали яны мѣста такоя принадобная [7]). Дзѣдъ ставъ нацынатсь ель валитсь, ёнъ (внукъ) гавóритсь: «дзѣдушка, ты ня поцынай, мяне бласлави.» — Ну, гавóритсь дзѣдушка, унуцыкъ, Богъ тсябе благлавитсь! Ёнъ сійцасъ, какъ нáцавъ, какъ пóцавъ, да какъ ставъ валитсь, анда лѣсъ трящитсь; такъ сяканéтсь з' яднагó бока тапаромъ, съ другóга дзерива(о) палятсѣла. Да двинадцатага цасу ёнъ вываливъ палтары дясатсины ляда. Дзѣдъ кáжитсь: «нўжна сѣць мéльця [8]) да жечь.» А ёнъ гавóритсь: «дзѣдушка,

---

1) *Шулуга* — небольшой шаръ, свитый изъ лыкъ (Этногр. сборникъ, вып. 1, стр. 246). 2) Очень. 3 Убытка, вреда. 4) Очень, весьма (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 51). 5) Хлопотливой. 6) *Ляда* — болото или другое неудобное мѣсто, поросшее кустарникомъ и лѣсомъ. (Опытъ обл. велик. словаря, стр. 108). 7) Хорошее. 8) Мельче.

мы и такъ у груддё [1]) складзёмъ». У три дни ета ляда паспѣла сѣятсь. Узяли яны з' дѣдамъ и пасѣяли, да врадзився-жъ авёсъ, такъ етакай авёсъ ниеказаннай. Ну, павадзився въ евтатъ авёсъ мядзвѣдзь. Пасматрѣвъ попъ, схадимши, ляда—многа зъѣдзина ау(в)са. Приходзитсь ёнъ дамовъ, спрашиваитсь унукъ: «що, дзѣдушка, ти какаво наша ляда?»—Дрянно, унуцыкъ, харашо, тольки-жъ повадзилась какая-то дзикая лошадзь, дрянно нясь [2]) и многа (и)зъяну сдзѣлала. «Какъ такъ, дзѣдушка, скольки трудився я, а яна, евтакая шельма, скольки зъяну надзѣлала! пайду пакаравулю. Пайщи-тка мнѣ кольки ни на ёсь пяноцки.» [3]) Сѣвъ ёнъ, звивъ абротсь [4]), паябѣдавъ, въ лѣсъ пайшовъ. Приходзитсь ёнъ въ ляда и вдивився ёнъ удалъ добрай моладзицъ: «ахъ, Богъ мой, кольки шкоды сдзѣлала, теирпѣтсь ни вазможна!» и сѣвъ ёнъ сирёдъ ляда на пни. Ну, и сидзитсь; патомъ сійцасъ мядзвѣдзь йдзитсь з' лѣсу, и пряма у авёсъ, и взнався [5]) и панёсъ [6]) авёсъ смунитсь [7]). Ёнъ добрай моладзицъ и вдивився: «щожъ евта за дива, я евтакихъ лашадзей не видывавъ; щожъ ета за акаѕія такая, какъ яна авёсъ каститсь» [8]). Ета падходзитсь ёнъ — мядзвѣдзь — къ няму близка, къ самому ка пню. Мядзвѣдзь ётага и ни вньваитсь [9]), що цалавѣкъ стаитсь; ёнъ думаитсь, що ета пень стаитсь, и падходзитсь къ няму близка. Ёнъ сійцасъ са пня, и цапъ ягó за вýши и схватавъ; ета схватавъ и притиснувъ къ замли ягó. Мядзвѣдзь думаитсь: що такéй, и хатсѣвъ направитца; ну вужъ пóзна, ёнъ ямý и папясца [10]) ня давъ, узявъ ягó етай аброттю забратавъ [11]) и дамóвъ павёвъ.

---

1) *Грудъ*—куча (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 42). 2) Ѣстъ. 3) Пеньки. 4) Пеньковая узда (оброть). 5) *Нятъся*—взяться, приняться, начать (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 131). 6) Началъ (Этнограф. сборн., выпускъ 1, стр. 245). 7) Мять? (Опытъ обл. словаря, стр. 117). 8) Сдѣлать порчу, повредить (Этногр. сбор., вып. 1, стр. 244). 9) Не унываетъ. 10) Поправиться (Этногр. сборн., вып. 1, стр. 245). 11) Надѣлъ оброть, зануздалъ (Опытъ обл великорус. словаря, стр. 59).

И вёвъ ёнъ яго дамовъ, мядавѣдзь какоя дзерива захватитсь— з' корнимъ варотситсь. Ну, и привёвъ ёнъ яго дамовъ, привязавъ сиредзь двара къ сталбу и приходзитсь у хазбу. «Ну, ты Господзи, гаворитсь, какая лошадзь, дзѣдушка, разъѣлась [1])! Какъ я умарився, тянушши яе дамовъ!» Дзѣдъ вышавъ на дворъ и вжахнувся [2]). «Паслатри-тка, гаворитсь, доцъ мая любезная, що твой сынокъ, а мой унуцыкъ сдзѣлавъ» — и кольки время дзивавалися яны. Ёнъ (внукъ) гаворитсь: «ни дзивуйтеся, а гаворьти, що мы надъ етай лошаддю дзѣлатсь будзимъ, какъ яна сильна дужа, и ще на ёй рабататсь?» — Вази, кажитсь, дзѣдъ, унуцыкъ, дровы. Взявъ ёнъ етага мядзвѣдзя и запрёгъ яго у тсялѣгу, и панёсъ ёнъ вазитсь дровы на мядзвѣдю, и у три дни усё цыста [3]) загрузивъ, абклавъ кругомъ усё салѣнне. Етимъ прицетникамъ ни выйтси, ни выихатсь: усё загрузивъ цыста! И приходзятсь ети прицетники къ етаму священьнику и гаворютсь: «дзѣ хоцьте дзѣньте яго, щобъ ёнъ ня бывъ; щожъ ета за аказія, що у три дни усё сяло загрузивъ, ни выйтси, ни выихатсь никакъ ни вазможна.» — Ахъ, доцъ моя, гаворитсь дѣдъ, що мы будзимъ дзѣлатсь. жалка табѣ сына, а мнѣ унука; нуш(ж)ъ пошлимъ яго, куды хошъ ёнъ — туды и ступай! Ну, призываитсь ёнъ къ сабѣ унука, и гаворитсь: «ну, унукъ мой любезнай, приходзятсь прицетники съ прозьбай; жалка мнѣ тсибе, а ступай ты, унуцыкъ, куда ты уздумавъ, на всѣ цатыри стораны.» — Эхъ, дзѣдушка мой любезнай! вы-бъ давно и сказали мнѣ евта, я и пашовъ, бы никольки ня медлимши. Матушка мая любезна! спяки мнѣ каравашицку [4]). Матсь яго спякла яму каравашицку, улажила у хатомацку [5]).

Встававъ ёнъ ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узявъ ёнъ евту хатомацку, надзѣвъ яе на плецы, блаславится: «матушка

1) Въ Этнограф. сборникѣ напечатано: «разъѣлалась». 2) Ужаснулся. 3) Чисто. 4) Коровай — коврига хлѣба. 5) Котомка.

мая любевная и деѣдушка мой радзимай, блаславитее на путсь, на дарогу». Пamaлився ёнъ Богу и пашовъ, и вышавъ ёнъ у цыста поля, и наставивъ [1]) ёнъ ни путсёмъ, ни дарогай, и наставивъ ёнъ лясáмъ драмуцымъ, грязямъ тапу́цымъ, и ишовъ ёнъ семь дёнъ, безъ полдёнъ, ротъ на апашку, и языкъ на атмашку; вышавъ ёнъ у тридзесятую землю, у тридзесятая чарства, и выходзитсь ёнъ у цыстая поля, у крутыя горы, — и гулянтсь Гарыня-багатырь; и горы капкóмъ [2]) капаитсь. Приходзитсь Надзей, паповъ унукъ, къ няму и гавóритсь: «Богъ помацъ, Гарыня-багатырь! куды какая въ тсибе сила нязмѣтная. Какъ ты, гавóритсь, гарамъ капаишь, какъ шулугу?» А ёнъ гаворитсь яму́: «эхъ, гавóритсь, удалъ моладзицъ! ни вдивляйся ты маей сйли. Въ тридзевятай зямли у тридзясятамъ чарстви, гавóритсь, какъ ёсь Надзей паповъ унукъ, такъ у таго ня евтакая сила! какъ привёвъ ёнъ мядавѣдзя з' лѣсу, да на мядзвѣдзи усё цысто сяло загрузивъ. Ягó, гавóритсь, вóранъ кастёвъ ни заноситсь, добрай моладэй конь ни завозитсь!» А ёнъ гавóритсь: «ахъ, братъ Гарыня-багатырь! ня вóранъ кости заноситсь, а самъ добрай моладзицъ заходзитсь.» А ёнъ говóритсь: «ахъ, братъ, ты́къ евта ты Надзей паповъ уну́къ! вазьми, братъ, мяне у мяньшiи братья.» Ёнъ ягó и у́звъ, и яны многа хадзили, и многа богатырёвъ пабядзили, и многа гарадовъ захватсили; патомъ яны пажанились и багата жили.

(Записана въ тверской губернiи, ржевскомъ уѣздѣ, священникомъ С. Разумихинымъ.)

---

1) Направился. 2) Ногою (Этнограф. сбор., вып. 1, стр. 244).

11.

СКАЗКА ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ.

Не-въ-которомъ царствѣ, не-въ-которомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ и съ хозяюшкою. Живётъ онъ богатой рукой, всего у него довольно; капиталъ хорошій имѣетъ. И говорятъ они промежъ собой сидя съ хозяйкою: «вотъ, хозяйка! довольно всего у насъ, только у насъ дѣтей нѣту; станемъ просить Бога, авось Господи намъ создастъ дѣтище хотя бы на послѣдяхъ, при старости.» Стали просить Бога, и забрюхатѣла она и время пришло — родила дѣтище. Прошолъ годъ, и два, и три года прошли, ноги у него не ходятъ, а должно-бъ ему ходить; восемнадцать годовъ прошло — всё безъ ногъ сидитъ. Вотъ пошолъ отецъ съ матерью на покосъ убирать сѣно, и остался сынъ одинъ. Приходитъ къ нему нищенской братія и проситъ у него милостыньку: «хозяинушка! сотвори старичку Господнію милостыньку Христа ради!» Вотъ онъ ему и говоритъ: «старичокъ Господень, не могу я тебѣ подать милостыньку; я безъ ногъ.» Вошолъ старичокъ въ избу; «нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ.» Вотъ взявши, далъ ему ковшичекъ. «Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы.» Принёсъ ему воды и подаётъ въ ручки: «извольте, старичокъ Господень!» Вотъ онъ ему пазат(д)ъ и отдаётъ: «выпей, говоритъ, въ ковшѣ всеё воду.» Опять посылаетъ онъ его за водою: «опять сходи, принеси другой ковшикъ воды.» Шедши онъ за водою, за которое дерево не ухватится — изъ корню выдернетъ. Старичокъ Господень и спрашиваетъ у него: «слышишь ли теперь въ себѣ силу?» — «Слышу, старичокъ Господень! Сила теперь во мнѣ есть большая: кабы утвердить въ подвселенну такое кольцо, я бы смогъ поворо-

тить подвселенную.» Какъ принёсъ онъ другой ковшикъ, старичокъ Господень выпилъ полковша, а другую половину далъ ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будетъ, говоритъ онъ, съ тебя и этой силы!» Помолился старичокъ Господень Богу и пошолъ домой: «оставайся, говоритъ, съ Богомъ!»

Скучно ему лежать, и пошолъ онъ копать въ лѣсъ, свою силу пробовать. И ужех(ас)нулся народъ, что онъ сдѣлалъ, сколько лѣсу накопалъ! Вотъ идетъ и отецъ съ матерью съ покосу. Что это такое? лѣсъ весь вырытъ; кто такой вырылъ? Подходятъ ближе. Жена и говоритъ своему мужу: «хозяинъ, вѣдь это нашъ Илюшенька роетъ!»—Дура, говоритъ онъ, не можетъ нашъ Илюшенька это сдѣлать; пусте(я)ки, что это нашъ Илюшенька!» И подошли къ нему: «ахъ, батюшка ты нашъ, какъ тебѣ Господь создалъ это?» Вотъ и говоритъ Илья: «пришолъ ко мнѣ старичокъ Господень, милостыньку просить сталъ; я ему и отвѣчаю: старичокъ Господень, не могу я тебѣ милостыньку подать; я безъ ногъ. Вотъ онъ ко мнѣ и пришолъ въ избу; нутка, говоритъ, встань-ка съ постели, дай мнѣ ковшичекъ. Всталъ я и далъ ему ковшичекъ. Поди, говоритъ, принеси мнѣ водицы. Принёсъ ему воды и подалъ въ ручки. Выпей, говоритъ старичокъ, въ ковшѣ всеё воду. Выпилъ—и стала во мнѣ сила великая!»

Вотъ сходятся мужики на улицу, говорятъ промежъ собою: «вона какой онъ сталъ сильный, могучій богатырь! (называютъ эдакъ мужики Илью) вишь онъ надѣлалъ каку ко́пать! надобно, говорятъ, въ городѣ объявить про него.» Вотъ узналъ объ немъ и государь, что есть такой сильный, могучій богатырь; призвалъ его къ себѣ, и показался [1]) онъ государю, и нарядилъ его государь въ платье, како слѣдуетъ. И показался онъ всѣмъ, и служить сталъ хорошо. Вотъ и говоритъ

1) Понравился, полюбился.

государь: «сильный, могучій ты богатырь! подымешь ли мой дворецъ подъ уголъ?» — Извольте, ваше царское величество! хошь на бокъ, какъ угодно подыму его. Вотъ у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни въ бумагѣ перомъ написать. И показалась она ему очненно, и хочетъ съ ней обвѣнчаться.

Вотъ какъ-то государь и поѣхалъ въ друго государство къ королю къ другому. Пріѣзжаетъ къ другому королю, а у другаго короля тоже весьма хороша дочь, и повадился къ ней змѣй летать объ двѣнадцати головъ, всеё её изсушилъ: совсѣмъ извелась! Вотъ государь и говоритъ этому королю: «у меня есть такой сильный могучій богатырь, онъ убьётъ змѣя объ двѣнадцати головъ.» Король и проситъ: «пожалуйте—ко мнѣ его пришлите.» Вотъ какъ пріѣхалъ онъ въ свое государство, и разговариваетъ съ своей государыней: «у эдакого-то короля повадился змѣй объ двѣнадцати главъ летать къ дочери, всеё её извёлъ, изсосалъ.» И говоритъ: «Илья Ивановичъ! не можешь ли ты послужить, его убить?»—Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью. Вотъ государь и говоритъ: «на почтѣ поѣдешь и трахтами пойдёшь, такъ и такъ-то возьмешь.» — Я верхомъ одинъ поѣду, пожалуйте мнѣ жеребца. «Войди въ конюшню, говоритъ ему государь, и выбирай любаго.» А дочь проситъ его въ другой комнатѣ: «не ѣздите, Илья Ивановичъ; васъ убьетъ змѣй объ двѣнадцати головахъ, не сможете съ нимъ сладить.» Онъ и говоритъ: «извольте оставаться и ничего не думать; я пріѣду въ сохранности и въ добромъ здоровьѣ.» Пошолъ въ конюшню жеребца себѣ выбирать; пришолъ къ жеребцу къ первому, наложилъ на жеребца руку, тотъ спотыкнулся; перепробовалъ всѣхъ жеребцовъ въ конюшнѣ: на котораго ни наложитъ руку—всякой спотыкается, ни одинъ не удержитъ. Пришолъ къ самому послѣднему жеребцу — такъ, въ забросѣ стоялъ — ударилъ его по спинѣ рукой; онъ только заржалъ.

И говоритъ Илья: «вотъ мой вѣрный слуга, не спотыкнулся!» Приходитъ къ государю: «выбралъ, ваше царское величество, себѣ жеребца, слугу вѣрнаго.» Отпущаютъ его съ молебномъ, съ добрыми порядками.

Сѣлъ на добраго коня, ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ горѣ: прекрутая, большая гора и на ней все песокъ; насилу въѣхалъ. На горѣ стоитъ столбъ, на столбѣ подписано три дороги: по одной дорогѣ ѣхать — самъ сытъ будешь, конь голоденъ; по другой дорогѣ ѣхать—конь сытъ, самъ голоденъ; по третей дорогѣ ѣхать—самого убьютъ. Вотъ онъ взялъ да и поѣхалъ по этой дорогѣ, по которой самого убьютъ; а онъ на себя надѣялся. Долго ли, мало ли ѣхалъ лѣсами дремучими: не можно взглянуть — такой лѣсъ! а тутъ сдѣлалась въ лѣсу ела́нь [1]) такая широкая, а на ней стоитъ избушка. Подъѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка поворотилася, стала къ лѣсу задомъ, къ нему передомъ. Слѣзаетъ онъ съ добраго коня и привязываетъ его къ столбу. И услышала это баба-ега, и говоритъ: «кто такой невѣжа пріѣхалъ? Русскаго духу и дѣт(д)ъ мой и прадѣт(д)ъ не слыхали, а теперьча и сама русской духъ хочу очьми видѣть.» Вотъ взявши ударила она жезломъ по двери, и дверь отворилась. А у ней въ рукахъ коса кривая, и хочетъ она ею взять богатыря за шею и срѣзать ему голову. «Постой, баба-ега! говоритъ онъ, я съ тобой поправлюсь.» Взялъ у ней выдернулъ косу эту изъ рукъ, схватилъ её за волосы, ударилъ её, и говоритъ: «ты бы прежде спросила, какой я фамиліи, какого роду и какого поведенія, и куды ѣду.» Вотъ она и спрашиваетъ: «какой вы фамиліи, какого роду и куда ѣдете?» — Меня зовутъ Илья Иванычъ, а ѣду туда-то. «Пожалуйте, говоритъ, Илья Ивановичъ, ко мнѣ

1) Поляна въ лѣсу (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 54).

въ горницу. Вотъ онъ и пошолъ къ ней въ горницу; она сажаетъ его за столъ, ставитъ на столъ кушанья и напитки всякіе и пот(д)чиваетъ, а дѣвушку послала баньку топить для него. Вотъ покушалъ онъ и выпарился, перестоялъ у неё(я) сутки, и собирается опять въ путь-дорогу, куда надлежитъ. «Извольте, говоритъ баба-ега, я напишу письмо къ сестрицѣ, чтобы она васъ не трогула, а приняла бы съ честью съ хорошею... А то она васъ убьетъ, какъ завидитъ!» Отдаётъ ему письмо и провожаетъ его съ честью доброю, хорошею. Вотъ садится богатырь на добраго коня, и поѣхалъ лѣсами дремучими; ѣхалъ много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лѣсъ! и пріѣзжаетъ на ела́нь — такая широкая ела́нь, а на ней стоитъ избушка наслана. Подъѣзжаетъ онъ къ избушкѣ и слѣзаетъ съ добра̀ коня, и привязываетъ своего добра коня къ столбу. Услышала это баба-ега, что онъ привязываетъ къ столбу коня, и закричала: «что такое? Русскаго духу и дѣт(д)ъ мой, и прадѣт(д)ъ не слыхали, а теперьча и сама русской духъ очьми хочу видѣть.» Вотъ она ударила жезломъ по двери; дверь отворилася. И хватаетъ она его саблею по шеи; онъ и говоритъ: «ты не моги со мною барахтаться! вотъ тебѣ письмо сестрица прислала.» Она прочитала и принимаетъ его честью къ себѣ въ домъ: «пожалуйте ко мнѣ въ гости!» Идетъ Илья Ивановичъ. Она сажаетъ его за столъ, и становитъ на столъ кушанья всякія, напитки и наѣдки [1]), пот(д)чиваетъ, а сама послала дѣвушку топить для него баньку. Покушавши, пошолъ выпарился въ банѣ. Двое сутокъ онъ у ней перестоялъ, самъ отдохнулъ, и доброй конь его отдохнулъ. Сталъ на добра коня садиться, и провожаетъ она его съ честью: «ну, Илья Иванычъ, говоритъ, теперича тебѣ не проѣхать; тутъ Соловей-

---

1) Сласти.

разбойникъ ждётъ, на семи дубахъ у него гнѣздо свито, онъ не допуститъ на тридесятъ верстъ—свистомъ оглушитъ!»

Вотъ онъ ѣхалъ долго ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ тому мѣсту, что послышалъ свистъ отъ Соловья-разбойника, и какъ до половины дороги доѣхалъ, конь его спотыкнулся. Вотъ онъ и говоритъ: «не спотыкайся, добрый конь! ужъ послужи мнѣ.» Подъѣзжаетъ къ Соловью-разбойнику, онъ всё свищетъ. Подъѣхавши къ гнѣзду, взялъ стрѣлу, нате(я)нулъ и пустилъ въ него — и упалъ Соловей съ гнѣзда. Вотъ онъ его на землѣ и ударилъ одновà [1]), чтобы не до смерти убить, и посадилъ къ себѣ въ корока [2]) на сѣдло, и ѣдетъ къ дворцу. Видятъ его изъ дворца и говорятъ: «Соловей-разбойникъ везётъ кого-то въ корокахъ!» Подъѣзжаетъ богатырь ко дворцу и подаетъ бумагу. Подали королю отъ него бумагу; тотъ прочиталъ и приказалъ его впустить. Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «велите Соловью-разбойнику засвистать.» А Соловей-разбойникъ говоритъ: «вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися.» Вотъ и принесли ему винца, а онъ говоритъ: «что мнѣ штофикъ! вы бы бочоночикъ принесли мнѣ порядочный.» Принесли ему бочонокъ вина, вылили въ ведро. Онъ выпилъ заразъ и говоритъ: «еще бы Соловью-разбойничку двѣ ведёрочки, такъ выпилъ бы!»—да ужъ не дали ему. И проситъ король: «Ну, прикажи, говоритъ, ему засвистать.» Илья велѣлъ ему засвистать, а короля и всю его фамилію [3]) поставилъ къ себѣ подъ руки, подъ мышки: «а то (говоритъ) онъ оглушитъ васъ!» Какъ засвисталъ Соловей-разбойникъ, насилу остановилъ его Илья Иванычъ, ударилъ его жезломъ—онъ и пересталъ свистать, а то было попадали всѣ!

---

1) Одинъ разъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 138). 2) Торока — мѣшокъ, сума за сѣдломъ (ibidem, стр. 230). 3) Семью.

Вотъ и говоритъ король Ильѣ Иванычу: «послужишь ты мнѣ вотъ эдакую службу, какъ я стану тебя просить? къ моей дочери вотъ ли(е)таетъ змѣй о двѣнадцати головъ; какъ бы его убить?»—Извольте, ваше королевское величество! что для васъ угодно—всё сдѣлаю. «Пожалуста, Илья Ивановичъ; вотъ въ такомъ-то часу прили(е)титъ змѣй къ моей дочери, такъ постарайся!» — Извольте, ваше королевское величество!... Лежитъ королевна въ своей комнатѣ; въ двѣнадцать часовъ и летитъ къ ней змѣй. Вотъ и стали они драться: какъ ни ударитъ Илья, такъ съ змѣя голова долой; какъ ни ударитъ, голова долой! Дралисъ много ли, мало ли время, осталась одна голова; и послѣднюю голову съ него сшибъ: ударилъ жезломъ и разшибъ её всю. Радёхонька же королевна встала, пришла къ нему и его благодарила; доложила отцу съ матерью, что убитъ змѣй: всѣ де головы посбивалъ! Король и говоритъ: «благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня.»— Нѣтъ, говоритъ, я поѣду въ свое государство. Отпустилъ его король отъ себя съ честью хорошею. Вотъ онъ и поѣхалъ опять тою-же дорогою. Какъ пріѣхалъ къ первой бабѣ-егѣ ночевать, приняла она его съ честію; и къ другой пріѣхалъ, и та приняла его съ честью со всякою. Пріѣхалъ въ свое государство, и подалъ государю отъ того короля бумагу. И государь принялъ его съ честію, а дочь государева насилу дождалася: «ну тятинька, извольте, я за него замужъ пойду.» Отецъ съ ней воли не снялъ: «ну, коли угодно, такъ поди!» Обвѣнчалися и топерича живутъ.

(Сообщена П. В. Кирѣевскимъ.)

12.

СЕМЬ СИМЕОНОВЪ [1]).

Жилъ-былъ мужикъ со старухой среди поля. Пришелъ часъ: мужикъ Богу душу отдалъ; а старуха, погодя немного мѣста, родила семь близнецовъ-однобрюшниковъ, что̀ по прозванію семь Симеоновъ. Вотъ они ростутъ, да ростутъ, всѣ одинъ въ одного и лицемъ, и статьями, и каждое утро выходятъ пахать землю всѣ семеро. Случилось такъ, что тою стороной ѣхалъ царь; видитъ съ дороги, что далеко въ полѣ пашутъ землю никакъ барщиной — такъ много народу! — а ему вѣдомо, что въ той сторонѣ не причитается барской земли. Вотъ посылаетъ царь своего конюшаго узнать, что за̀ люди такіе пашутъ, какого роду и званія? барскіе или царскіе, дворовые ли какіе или наемные? Приходитъ къ нимъ конюшій, спрашиваетъ: «что вы за̀ люди такіе есть, какого роду и званія?» Отвѣчаютъ ему: «а мы такіе люди, что мать родила насъ семь Симеоновъ-однобрюшниковъ, а пашемъ мы землю отцову и дѣдину.» И разсказываетъ, воротясь, конюшій царю все, какъ слышалъ. Удивляется царь. «Такого чуда не слыхивалъ я!» говоритъ онъ, и тутъ-же посылаетъ сказать семи Симеонамъ-однобрюшникамъ, что онъ ждетъ ихъ къ себѣ въ теремъ на услуги и посылки.

Собрались всѣ семеро и приходятъ въ царскія палаты, становятся въ рядъ. «Ну, говоритъ царь, отвѣчайте: х(к)ъ какому мастерству кто способенъ, какого ремесла кто придерживается?» Выходитъ старшій: «я, говоритъ, могу сковать желѣзный столбъ сажо́нъ въ двадцать вышиною.» — А я, говоритъ

---

1) См. выпускъ 2, № 26.

второй, могу уставить его въ землю.—А я, говоритъ третій, могу взлѣсть на него и осмотрѣть кругомъ далёко, далёко, все, что̀ по бѣлому свѣту творится. —А я, говоритъ четвертый, могу срубить корабль, что ходитъ по̀ морю, какъ по̀ суху. — А я, говоритъ пятый, могу торговать разными товарами по чужимъ землямъ. — А я, говоритъ шестой, могу съ кораблемъ, людьми и товарами нырнуть въ море, плавать подъ водою, и далѣ вынурнуть опять, гдѣ надо.—А я—воръ, говоритъ седьмой; могу украсть, что приглядится иль полюбится. «Такого ремесла я не терплю въ своемъ царствѣ-государствѣ, отвѣчалъ сердито царь послѣднему, седьмому Симеону, и даю тебѣ три дни сроку выбираться изъ моей земли, куда тебѣ любо; а всѣмъ другимъ шестерымъ Симеонамъ приказываю остаться здѣсь.» Пригорюнился седьмой Симеонъ, заслышавъ рѣчи царскія; не знаетъ, какъ ему быть и что дѣлать. Въ то время царю была по̀ сердцу красавица-царевна, что живетъ за горами, за морями, и никакъ не могъ онъ достать её, чтобъ ожениться. Вотъ бояре, воеводы царскіе, и вспомнили, что воръ, молъ, пригодится, и можетъ быть съумѣетъ похитить чудную царевну, и стали они просить царя оставить вора Симеона до поры, до времени. Подумалъ царь и приказалъ его оставить.

Вотъ на другой день царь собралъ бояръ своихъ и воеводъ и весь народъ, приказываетъ семи Симеонамъ показать свои ремесла. Старшій Симеонъ, не долго мѣшкая, сковалъ желѣзный столбъ въ двадцать сажо̀нъ вышиною. Царь приказываетъ своимъ людямъ уставить желѣзный столбъ въ землю; но какъ ни бился народъ, не могъ его уставить. Тогда приказалъ царь второму Симеону уставить желѣзный столбъ въ землю. Симеонъ второй, не долго думая, поднялъ и уперъ столбъ въ землю. Затѣмъ Симеонъ третій взлѣзъ на этотъ столбъ, сѣлъ на маковку и сталъ глядѣть кругомъ далече, какъ и что творится

по бѣлу свѣту; и видитъ синія моря, на нихъ какъ пятна мрѣютъ корабли, видитъ села, города, народа тьму; но не примѣчаетъ той чудной царевны, что полюбилась царю [1]. И сталъ пуще глядѣть во всѣ виды, и вдругъ заприметилъ: у окна въ далекомъ теремѣ сидитъ красавица-царевна, румяна, бѣлолица и тонкокожа, ажъ видно — какъ мозги переливаются по косточкамъ [2]. «Видишь?» кричитъ ему царь. — Вижу. «Слѣзай же поскорѣе внизъ и доставай царевну, какъ тамъ знаешь, чтобъ была мнѣ во что бы ни стало!» Собрались всѣ семеро Симеоновъ, срубили корабль, нагрузили его всякимъ товаромъ и гостьми, и всѣ вмѣстѣ поплыли моремъ доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями. Ѣдутъ, ѣдутъ между небомъ и землей, пристаютъ къ невѣдомому острову у пристани. А Симеонъ меньшой взялъ съ собою въ путь сибирскаго кота ученаго, что можетъ по цѣпу [3] ходить, вещи подавать, разны нѣмецки штуки выкидать. И вышелъ воръ-Симеонъ съ своимъ котомъ, съ сибирскимъ, идетъ по острову, а товарищей-ребятъ проситъ не выходить на землю, пока онъ самъ не прійдетъ назадъ. Идетъ по острову, приходитъ въ городъ, и на площади предъ царевниными теремомъ забавляется съ котомъ ученымъ, съ сибирскимъ: приказываетъ ему вещи подавать, черезъ плетку скакать, нѣмецкія штуки выкидать. На ту пору царевна сидѣла у окна и завидѣла невѣдомаго звѣря, какого у нихъ нѣтъ и не водилось отродясь. Тотчасъ же посылаетъ прислужницу свою узнать, что за звѣрь такой, и продажной али нѣтъ? Слушаетъ воръ-Симеонъ красную молодку, царевнину прислужницу, и говоритъ: «звѣрь мой — котъ сибирской; а продавать — не продаю ни за какія деньги, а коли крѣпко кому онъ полюбится, тому подаритъ

---

1) Въ подлинномъ спискѣ читаемъ: «что повредила царя». 2) Или: какъ мозжечокъ изъ косточки въ косточку переливается. 3) По цѣпи.

— подарю.» Такъ и разсказала прислужница своей царевнѣ. а царевна снова подсылаетъ свою молодку къ Симеону-вору: «крѣпко, молъ, звѣрь твой полюбился!» Пошелъ Симеонъ во теремъ царевнинъ и принесъ ей въ даръ кота своего сибирскаго; проситъ только за это — пожить въ ея теремѣ три дни и покушать царскаго хлѣба-соли, да еще прибавляетъ: «научитъ тебя, прекрасная царевна, какъ играться и забавляться съ невѣдомымъ звѣремъ, съ сибирскимъ котомъ.» Царевна позволила, и воръ-Симеонъ остался ночевать въ царскомъ теремѣ. Пошла вѣсть по палатамъ, что у царевны завелся дивный, невѣдомый звѣрь; собрались всѣ: и царь, и царица и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, всѣ глядятъ, любуются — не налюбуются на веселаго звѣря, ученаго кота. Всѣ желаютъ достать и себѣ такого и просятъ царевну; но царевна не слушаетъ никого, не даритъ никому своего сибирскаго кота, гладитъ его по шерсти шелковой, забавляется съ нимъ день и ночь, а Симеона приказываетъ поить и угощать въ волю, чтобъ ему было хорошо. Благодаритъ Симеонъ за хлѣбъ-соль, за угощенье и за ласки, и на третій день проситъ царевну пожаловать къ нему на корабль, поглядѣть на устройство его и на разныхъ звѣрей виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, что привезъ онъ съ собою. Царевна успросилась у батюшки-царя, и вечеркомъ съ прислужницами и нянькам пошла смотрѣть корабль Симеона и звѣрей его виданныхъ и невиданныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Приходитъ; у берега поджидаетъ её Симеонъ меньшой, и проситъ царевну не прогнѣваться и оставить на землѣ нянекъ и прислужницъ, а самой пожаловать на корабль: «тамъ де много звѣрей разныхъ и красивыхъ; какой тебѣ полюбится, тотъ и твой! а всѣхъ одарить, кому что̀ полюбится — и нянекъ, и прислужницъ — не могимъ.» Царевна согласна, и приказываетъ нянькамъ да прислужницамъ подождать её на берегу,

а сама идётъ за Симеономъ на корабль глядѣть дива дивныя, звѣрей чудныхъ. Какъ вошла — корабль и отплылъ, и пошелъ гулять по синему морю. Царь ждетъ — не дождется царевны. Приходятъ няньки и прислужницы, плачутся, разсказывая свое горе. И распалился гнѣвомъ царь, приказываетъ сейчасъ же устроить погоню. Снарядили корабль, натѣснили народу, и погнался царской корабль за царевной. Чуть зрѣетъ далече — плыветъ корабль Симеоновъ, и не вѣдаетъ, что за нимъ царская погоня летитъ — не плыветъ! Вотъ ужь близко! Какъ увидали семь Симеоновъ, что погоня ужь близко, вотъ-вотъ догонитъ! — нырнули и съ царевной, и съ кораблемъ. Долго плыли подъ водою и поднялись наверхъ тогда, какъ близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, ничего не нашла; съ тѣмъ и возвратилась.

Пріѣзжаютъ семь Симеоновъ съ прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Самъ царь поджидаетъ у пристани, и встрѣчаетъ гостей заморскихъ, семерыхъ Симеоновъ съ прекрасной царевной, съ радостью великою. Какъ сошли они на берегъ, народъ сталъ кричать и шумѣть; а царь поцѣловалъ царевну во уста сахарныя, повелъ во палаты бѣлокаменныя, посадилъ за столы дубовые, скатерти браныя, угостилъ всякими напитками медовыми и наѣдками сахарными, и въ скорости отпраздновалъ свадьбу съ душею-царевной — и было веселье и большой пиръ, что на весь крещеный міръ! А семи Симеонамъ далъ волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать безпошлинно, владѣть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкалъ и домой отпустилъ съ казной на разживу.

Была и у меня клячонка-восковыя плечо́нки, плеточка гороховая. Вижу: горитъ у мужика овинъ; клячо́нку я поста-

вилъ, пошелъ овинъ заливать. Покуда овинъ заливалъ, клячёнка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговалъ кирпичемъ, остался не при чемъ; былъ у меня шлыкъ, подъ воротню шмыгъ, да калешку [1] сшибъ, и теперя больно. Тѣмъ и сказкѣ конецъ! [2].

(Записана въ тверской губерніи, новоторжскомъ уѣздѣ, г. Петромъ Сокальскимъ.)

13.

КОСОРУЧКА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ: «пойдемъ, сестрица, съ эстого города вонъ; вотъ я займусь въ лавочкѣ— будемъ торговать, тебѣ найму фатерку [3] — будешь жить.» Ну вотъ они пошли въ другую губерню. Пришли въ другу губерню. Вотъ братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вздумалось братцу жениться; вотъ онъ женился, взялъ таку себѣ жену —волшебницу. Собратся братъ въ лавочку торговать и приказыватъ сестрицѣ: «смотри,

---

1) Ногу (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 78: кáльги).

2) *Варіантъ:* А я тамъ была, да медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Дали мнѣ шлыкъ, да въ подворотню меня шмыркъ; дали мнѣ колпакъ, да и ну меня толкать; дали мнѣ щуку на серебреномъ блюдѣ, я—щупать щупать! Анъ ни щуки, ни блюда и донынѣ нѣтъ! Дали мнѣ гороховую плетку и восчаную лошадку; я стала смотрѣть, анъ лошадка растаяла, а плетку воробьи расклевали! и до сихъ поръ пѣшкомъ хожу. Дали мнѣ синій сарафанъ да красные коты́; летитъ синица и кричитъ: «синь да хорошъ!» а я думала: скинь да положь! — взяла да и скинула. Дали мнѣ кузовъ, а я и ну гузать! (медлить). 3) Квартиру.

сестрица, въ домѣ.» Женѣ ненавистно стало, что онъ приказыватъ сестрѣ. Только она отрафила [1] — какъ мужу возвратиться, взяла перебила всю мебель [2]), и ожидаетъ мужа. Она встрѣчаетъ его и говоритъ: «вотъ какая у тебя сестра, перебила у насъ въ кладовой всю мебель!» — Что же, это наживное дѣло, отвѣчаетъ мужъ.

Вотъ на другой день отправляется въ лавку, прощается съ женою и сестрой, и приказыватъ сестрѣ: «смотри, сестрица, пожаласта, въ домѣ какъ можно лучше.» Вотъ жена это узнала время, въ какое быть мужу, входитъ въ конюшню и мужнинову любимому коню голову снесла саблей. Стоитъ на крыльцѣ и ждетъ его. «Вотъ, говоритъ, какая сестра твоя! любимому коню твому, говоритъ, голову снесла!» — Эхъ, собачье собакамъ ѣсть, отвѣчаетъ мужъ.

На третій день опять идетъ мужъ въ лавки, прощается и говоритъ сестрѣ: «смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтобъ она сама надъ собой что не сдѣлала, али надъ младенцемъ, паче чаянія она родитъ.» Она какъ родила младенца, взяла и голову срубила. Сидитъ и плачетъ надъ младенцемъ. Вотъ приходитъ это мужъ. «Вотъ кака̀ твоя сестрица! не успѣла я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла.» Вотъ мужъ ничего не сказалъ, залился слезьми и пошолъ отъ нихъ прочь.

Приходитъ ночь. Въ самую полночь онъ подымается и говоритъ: «сестрица милая! собирайся, поѣдимъ мы съ тобой къ обѣдни.» Она и говоритъ: «братецъ родимой! нынче, кажется, праздника никакого нѣтъ.»—Нѣтъ, сестрица, есть праздникъ, поѣдимъ. «Еще рано, говоритъ, намъ ѣхать, братецъ!»—Нѣтъ. ваше (дѣло) дѣвичье, скоро ли, говоритъ, вы уберетесь! Сестрица милая стала убираться; убирается не убирается она, руки

1) Потрафила. 2) Мебель.

у ней всё отваливаются. Подходитъ братецъ и говоритъ: «ну, проворнѣй, сестрица, одѣвайся. — Вотъ, говоритъ, еще рано, братецъ! «Нѣтъ, сестрица, не рано — время.» Собралась сестрица. Сѣли и поѣхали къ обѣднѣ. Ѣхали долго ли. не мало; подъѣзжаютъ къ лѣсу. Сестра говоритъ: «что это за лѣсъ?» Онъ отвѣчаетъ: «это ограда вокругъ церкви.» Вотъ за кустикъ зацѣпилисъ дрожечки. Братецъ говоритъ: «встань, сестрица, отцѣпи дрожечки.» — Ахъ, братецъ мой милый, я не могу, я платье замараю. «Я, сестрица, тебѣ новое платье куплю. лучше этого.» Вотъ она встала съ дрожекъ, стала отцѣпливать, — братецъ ей по локоть ручки отрубилъ, самъ вдарилъ по лошади и уѣхалъ отъ неё. Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лѣсу. Вотъ она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лѣсу, вся ощипалась, а слѣду не найдётъ, какъ выйти изъ лѣсу. Вотъ тропиночка вышла и вывела её изъ лѣсу уже чрезъ нѣсколько годовъ. Вышла она съ эстого лѣсу и приходитъ въ купеческій городъ, и подходитъ къ богатищему купцу подъ окна милостину просить. Въ-у этого купца сынъ былъ, единый какъ глазъ во лбу, и влюбился онъ въ нищенку. Говоритъ: «папенька съ маменькой, жените мене(я).» — На кого же тебе женить? «На этой нищенкѣ.» — Ахъ, другъ мой, развѣ въ городѣ у купцовъ нѣтъ дочерей хорошихъ? «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь, говоритъ, надъ собой сдѣлаю.» Вотъ имъ это обидно, что̀ одинъ сынъ какъ глазъ во лбу; собрали всѣхъ купцовъ, все священство, и спрашиваютъ: что присудятъ, женить ли на нищенкѣ, или нѣтъ? Вотъ священники сказали: «стало его судьба такая, что его Богъ благословляетъ на нищенкѣ жениться.»

Вотъ онъ съ нею пожилъ годъ и другой, и отправляется въ другую губерню, гдѣ её(я) братъ, значитъ сидитъ въ лавочкѣ. Вотъ онъ прощается и про́ситъ: «папенька съ мамень-

кой! не оставьте вы мою жену; не равнó она родитъ, вы пишите ко мнѣ тотъ разъ и тотъ часъ.» Какъ уѣхалъ сынъ, такъ чрезъ два-ли, чрезъ три-ли мѣсяца жена его родила: по локти въ золотѣ, по бокамъ часты̀ звѣзды, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце. Какъ отецъ съ матерью обрадовались, такъ тотчасъ сыну своему любимому письмо стали писать. Посылаютъ старичка съ запиской съ эстою поскоряючи. А невѣстка ужь, значитъ, узнала объ этомъ, зазываетъ старичка: «поди, батюшка, сюда, отдохни.» — Нѣтъ, мнѣ некогда, на скорую руку посылаютъ. «Да поди, батюшка, отдохни, пообѣдаешь.» Вотъ посадила его обѣдать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала её на мелкія клочьи, и написала другую: что твоя, говоритъ, жена родила — половина собачьяго, половина вѣдмежачьяго [1]); прижила въ лѣсу съ звѣрями. Приходитъ старичокъ къ купеческому сыну, подаетъ записку; онъ прочиталъ, да слезьми и залился. Написалъ письмо, что до мово пріѣзду не трогать; самъ пріѣду и узнаю, какой младенецъ народился. Вотъ, потомъ это волшебница опять зазываетъ старичка: «поди посиди, отдохни», говоритъ. Вотъ онъ зашолъ, она кой-какъ опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала, и написала, что какъ записка на дворъ, такъ чтобъ ее долой со двора согнать. Принесъ старикъ эту записочку; прочитали и огорчились отецъ и мать: «чтожъ это, говоратъ, онъ насъ въ изъянъ ввелъ? женили мы его, стало ему жена ненадобна стала!» Жаль имъ не такъ жену, какъ жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, привязали младенца къ её грудамъ, и отпустили со двора.

---

1) Медвѣжьяго.

Вотъ она пошла, залилась горькими слезьми, шла долго ли, коротко ли—всё чистое поле, нѣтъ ни лѣсу, ни деревни нигдѣ. Подходитъ она къ лощинѣ, и такъ ей напиться захотѣлось. Глянула въ правую сторону — стоитъ колодезь. Вотъ ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтобъ не уронить робенка. Вотъ поглазилось [1] ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, робенокъ и выпалъ, и упалъ въ колодезь. И ходитъ она вкругъ колодезя и плачетъ: какъ младенца достать изъ воды? Подходитъ старичокъ и говоритъ: «что ты, раба, плачешь?» — Какъ мнѣ не плакать! я наклонилась къ колодцу воды напиться, младенецъ мой упалъ въ воду. «Поди нагнись, возьми его.» — Нѣтъ, батюшка, у меня рукъ нѣтъ — одни локоточки. «Да поди нагнись, возьми робенка!» Вотъ она подошла къ колодезю, стала протягивать руки, ей Господь и пожаловалъ — очутились цѣлыя руки. Она нагнулась; достала робенка и стала Богу молиться на всѣ четыре стороны.

Помолилась Богу, пошла и пришла ко двору, гдѣ её братъ и мужъ, и просится ночевать. Вотъ мужъ говоритъ: «братъ, пусти нищенку; нищенки умѣютъ и сказки, и приказки, и правды умѣютъ сказывать.» Вотъ невѣстка говоритъ: «у насъ негдѣ ночевать, тѣсно!» — Нѣтъ, братъ, пусти пожаласта; смерть люблю, какъ нищенки сказываютъ сказки и приказки! Вотъ пустили ее. Она и сѣла на печку съ младенцемъ своимъ. Мужъ и говоритъ: «ну, душенька, скажи-ка намъ сказочку.... ну, хоть какую стόрьицу [2] скажи.» Она и говоритъ: «сказки я не умѣю сказывать и приказки, а умѣю правду сказывать. Слушайте, говоритъ, господа! какъ я вамъ буду правду сказывать» — и начала разсказывать: «въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ купецъ богатый; у него двое

---

1) Почудилось, показалось. 2) Исторьицу.

дѣтей, сынъ и дочь. И померли отецъ съ матерью. Братецъ и говоритъ сестрицѣ:, пойдемъ, сестрица, съ эстого города. И пришли они въ другу губерню. Братъ опредѣлился, нанялъ лавочку съ краснымъ товаромъ. Вотъ вздумалось ему жениться; онъ женился — взялъ себѣ жену волшебницу...» Тутъ невѣстка заворчала: «вотъ пошла вякать [1], б.... этакая!» А мужъ говоритъ: «сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такія стòріи!» — «Вотъ, говоритъ нищенка, собиратся братъ въ лавочку торговать и приказываетъ сестрицѣ: смотри, сестрица, въ домѣ! Жена обижается, что онъ всё сестрѣ приказыватъ; вотъ она по злости всю мебель переколотила...» И какъ она всё разсказала, какъ онъ [2] её къ обѣдни повёзъ ручки отрѣзалъ, какъ она родила, какъ невѣстка заманýла [3] старичка,—невѣстка наизнова кричитъ: «вотъ, начала чуху [4] городить!» Мужъ говоритъ: «братъ, вели своей женѣ замолчать; вѣдь стòрія-то славная!» Вотъ она досказала, какъ мужъ писалъ, чтобъ оставить робенка до пріѣзда; а невѣстка ворчитъ: «вотъ чушь какую пòритъ!» Вотъ она досказала, какъ она пришла къ дому этому; а невѣстка заворчала: «вотъ, б...., начала орать!» Мужъ говоритъ: «братъ, вели ей замолчать; что она всё перебиваетъ?» Вотъ досказала, какъ её пустили въ избу и какъ начала она имъ правды сказывать... Тутъ она указываетъ на нихъ и говоритъ: «вотъ мой мужъ, вотъ мой братъ, а эта моя невѣстка!» Тутъ мужъ вскочилъ къ ней на печку, и говоритъ: «ну, мой другъ, покажи же мнѣ младенца, правду ли писали отецъ и мать.» Взяли робеночка, развили [5]—такъ всю комнату и освя(ѣ)тило! «Вотъ правда-истина, что не сказки-то говорила: вотъ моя жена,

---

1) Надоѣдать разсказами, болтать пустяки (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 34). 2) Т. е. братъ. 3) Заманила, зазвала. 4) Вздоръ, пустяки. 5) Т. е. сняли свивальникъ и пеленки.

вотъ мой сынъ — по локти въ золотѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтёлъ мѣсяцъ, а противъ сердца красно солнце!»

Вотъ братъ взялъ изъ конюшни самую что̀ ни лучшую кобылицу, привязалъ къ хвосту жену свою, и пустилъ её по чисту̀ полю. Потѐль [1] она её мыкала, покель принесла одну косу её, а самоё растрепала по полю. — Тогда запрягли тройку лошадей и поѣхали домой къ отцу, къ матери; стали жить да поживать, добра наживать; я тамъ была, и мёдъ-вино пила, по усамъ текло и въ ротъ не попало.

(Записана К. О. Александровымъ-Дольникомъ со словъ женщины ливенскаго уѣзда, орловской губерніи [2]).

14.

СКАЗКА О ЛИХѢ ОДНОГЛАЗОМЪ.

Жилъ одинъ кузнецъ. «Что, говоритъ, я горя никакого не видалъ. Говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо.» Взялъ и пошелъ, выпилъ хорошенько и пошелъ искать лихо. На встрѣчу ему портной. «Здравствуй!» — Здравствуй. «Куда идешь?» — Что, братъ, всѣ говорятъ: лихо на свѣтѣ есть; я никакого лиха не видалъ, иду искать. «Пойдемъ вмѣстѣ. И я хорошо живу и не видалъ лиха; пойдемъ, поищемъ.» Вотъ они шли, шли; зашли въ лѣсъ, въ гу̀стый, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней —

---

1) До тѣхъ поръ; покель—пока. 2) За сообщеніе этой сказки и слѣдующей приношу мою благодарность Н. И. Второву. Имъ же доставлены и разсказы, напечатанные подъ №№ 23 (a и b) и 24.

по узенькой дорожкѣ. Шли, шли по этой дорожкѣ, видятъ: изба стоитъ большая. Ночь; некуда идти. «Сéмъ, говорятъ зайдемъ въ эту избу.» Вошли; никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! говоритъ, у меня гости. Здравствуйте.» — Здравствуй, бабушка! мы пришли ночевать къ тебѣ. «Ну хорошо; будетъ что̀ поужинать мнѣ!» Они перепугались. Вотъ она пошла, беремя дровъ большое принесла; принесла беремя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного, портнаго, и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: что дѣлать, какъ быть? Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: «Бабушка, я кузнецъ. — Что умѣешь дѣлать-ковать? «Да я все умѣю.» — Скуй мнѣ глазъ. «Хорошо, говоритъ; да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ.» Она пошла, принесла двѣ веревки, одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала веревку. «Ну, говоритъ, нѣтъ, бабушка! эта не годится.» Взялъ онъ толстую веревку да этою веревкою скрутилъ ее хорошенько: «повернись-ка, бабушка!» Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжогъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ да обухомъ какъ вдаритъ по шилу. Она какъ повернется и разорвала веревку, да и сѣла на порогѣ. «А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня!» Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать. Онъ взялъ шубу да вывернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ и подползъ къ ней какъ овечка. Она все по одной

выпускала; какъ хватитъ за спинку, такъ и выкинетъ ее. И онъ подползъ; она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его, онъ всталъ и говоритъ: «прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь.» Она говоритъ· «постой, еще натерпишься, ты не ушелъ!»

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ: въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Оглянулся назадъ: идетъ къ нему Лихо и кричитъ: «вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!» Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить; отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ Лихо. «Вотъ говоритъ, посмотрите — каково оно: я, говоритъ, безъ руки. а товарища моего совсѣмъ съѣла.» Тутъ и сказкѣ конецъ.

(Записана въ воронежской губерніи, въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, Н. И. Второвымъ.)

15.

СПИСОКЪ СЪ СУДНАГО ДѢЛА СЛОВО ВЪ СЛОВО, КАКЪ БЫЛЪ СУДЪ У ЛЕЩА СЪ ЕРШОМЪ.

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлойрыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка на Ерша Щетинника и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ Щетинникъ(овъ) наслѣдникъ лишилъ

насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ [1]); расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетками подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански! лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами праведными судьями.»

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «отвѣчаю, господа! за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, а нынѣ наше, и онъ Лещъ жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа! Ершъ божіею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я доброй, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городахъ князи и бояря, стольники и дворяня, жильцы московскіе, дьяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ.»

Судьи спрашивали истца Леща: «ты, Лещъ, чѣмъ его уличаешь?» Истецъ Лещъ рече: «уличаю его божіею правдою да вами праведными судьями.» Судьи спрашивали истца Леща: «кому у тебя вѣдомо про Ростовское озеро и о рѣкахъ и о

---

1) Жи́ра, жи́рова — хорошее житье, довольство (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 57).

востокахъ [1]), и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «шлюся я, господа! изъ виноватыхъ [2]) на добрыхъ людей разныхъ городовъ и области(ей); есть, господа, человѣкъ доброй, живетъ въ нѣмецкой области подъ Иваномъ-городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, да другой, господа, человѣкъ доброй, живетъ въ новогородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга.» Спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на лещеву правду, на таковыхъ людей?» И отвѣтчикъ Ершъ рече: «слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть: Сигъ и Лодуга люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой же человѣкъ заводной—шлем(т)ся въ послушеству(о).» [3]) И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «господа мои судьи! не дружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ, для того что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ маломочныхъ людей испродать [4]) напрасно.»

Судьи спрашивали истца Леща: «еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече: «шлюсь я, господа! изъ виноватыхъ есть человѣкъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь.» Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «ты, Ершъ, шлешься ли на лещевую правду?» Отвѣтчикъ же Ершъ рече: «Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни [5]), а Лещъ такой же человѣкъ заводной; въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ.»

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня [6]), приказали взять въ правдѣ переславскую

---

1) Истокахъ. 2) Т. е. изъ прикосновенныхъ дѣлу, вѣдающихъ о дѣлѣ. 3) Ссылается на свидѣтельство. 4) Разорить тяжбою. 5) Тоже, что — «съ родни». 6) Налима.

Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню-приставу сулитъ посулы великіе, и рече: «господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю.» Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Е(я)зя. И Окунь поставленъ(вилъ) въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро.» Сельдь же рече въ правдѣ: «Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человѣкъ доброй, христіянинъ божій, живетъ своею, а не чужею (силою); а Ершъ, господа, злой человѣкъ Щетинникъ» 1).

.... знаешь ли его? Осетръ же рече: «азъ, господа 2), не въ правдѣ 3) *мне* (и не) въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не видалъ, а спрошать про него злаго человѣка никого не лучилось, и онъ меня вопроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и дόлѣ (долѣе т. е. длиннѣе), бока мои терли у Волги рѣки береги(а), очи мои были аки полная чаша, хвостъ же

---

1) Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ свидѣтелемъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьею: очевидная запутанность въ текстѣ рукописи. 2) Въ рукописи: «господа вы». 3) Т. е. не ради суда.

мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелес(т)ное [1] слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ-же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредь. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли мéньшей братъ ходитъ напредь бóльшаго [2]? И я на его, господа, прелес(т)ное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что̀ боярской дворъ — (вой)итти ворота широки, а вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ е(я)чею [3], а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на брегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!»

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію — бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суд-

1) Въ рукоп. здѣсь вставлены слова: «къ рѣкамъ жированье». 2) Въ рукоп. вставлены здѣсь слова: «кои честь». 3) Ячея — пространство клѣтокъ у мережи (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 275).

нaго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ [1]) переславской. Да на того-же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речетъ Ершъ судьямъ: «господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили.» Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли!

(Заимствована изъ рукописнаго сборника XVIII столѣтія, принадлежащаго И. Е. Забѣлину.)

16.

ТЕРЕМОКЪ МЫШКИ [2]).

Лежитъ въ полѣ лошадиная голова. Прибѣжала мышка-норышка [3]) и спрашиваетъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» Никто не отзывается. Вотъ она вошла и стала жить въ лошадиной головѣ. Пришла лягушка-квакушка: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Я мышка-норышка; а ты кто? «А я лягушка-квакушка.» — Ступай ко мнѣ жить. Вошла лягушка и стали себѣ вдвоёмъ жить. Прибѣжалъ заяцъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Я мышка-норышка да лягушка-квакушка; а ты кто? «А я на-горѣ-увертышъ.» — Ступай къ намъ. Стали они втроёмъ жить. Прибѣжала лисица: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ; а ты кто? «А я вездѣ-поскокишъ.» — Иди къ намъ.

---

1) Снятокъ, маленькая рыбка (Словарь Академіи Росс., ч. 1, стр. 382).
2) Смотри вып. IV, № 31. 3) Отъ слова: «нора».

Стали четверо жить. Пришелъ волкъ: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка норышка, лягушка квакушка, на-горѣ-увертышъ, вездѣ-поскокишъ; а ты кто? «А я изъ-за кустовъ-хватышъ.» — Иди къ намъ. Стали пятеро жить. Вотъ приходитъ къ нимъ медвѣдь: «теремъ-теремокъ! кто въ теремѣ живетъ?» — Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на-горѣ-увертышъ, вездѣ-поскокишъ, изъ-за-кустовъ-хватышъ. «А я всѣхъ-васъ-давишъ!» — сѣлъ на голову и раздавилъ всѣхъ.

(Записана въ московскомъ уѣздѣ.)

17.

МЕДВѢДЬ.

Жила-была старуха. Избушка ея стояла на отлетѣ отъ села. дворъ былъ плохо огороженъ, а скотинки-то было вдоволь: одна корова да шесть овецъ. Зимой всюду бродятъ волки да медвѣди; вотъ къ этой старухѣ и повадился по ночамъ ходить медвѣдь — овецъ ѣсть. Разломалъ назади плетень. съѣлъ овцу. съѣлъ и другую. Старуха зачала караулить и накинула на себя такую дурѐнь [1], что и ночь стала у нѐй какъ день. Сняла она съ зарѣзанныхъ медвѣдемъ овецъ шерстку, и всю ноченьку сидитъ себѣ да прядетъ. Вотъ медвѣдь много разъ приходилъ, хочется ему съѣсть овечку — не тутъ-то было! Только медвѣдь за плетень, а старуха скрипъ дверью и выйдетъ на дворъ. Медвѣдь съ досады пересталъ ходить по задамъ, а подойдетъ подъ окно къ старухиной избѣ и запоетъ пѣсню: «скрипи-скрипи скрипка на липовой ножкѣ! и вода-то спитъ, и земля-то спитъ; она бабушка не спитъ, свою

1) Дурь.

шерстку прядетъ!» Выйдетъ старуха за ворота посмотрѣть — кто такъ хорошо поетъ, а медвѣдь шасть назадъ къ плетню, стябритъ [1] овцу и уйдетъ въ лѣсъ. Такъ-то всѣхъ овецъ и перетаскалъ. Бѣдная старушка сломала свою избушку и поселилась на кутѣ у своего брата; стали они вмѣстѣ жить да поживать, добра наживать да лиха избывать.

(Записана въ тамбовской губерніи.)

18.

КОТЪ И БАРАНЪ [2].

Жилъ себѣ старикъ да старуха, у нихъ былъ котъ да баранъ. Старуха укопъ копитъ [3], а котъ проказитъ. «Старикъ, говоритъ старуха, у насъ на погребѣ нездорово!» — Надо поглядѣть, говоритъ ей старикъ, не со стороны ли кто блудитъ [4]. Вотъ пошла старуха на погребъ и усмотрѣла: котъ сдвинулъ лапкой съ горшка покрышку и слизываетъ себѣ сметанку; выгнала кота изъ погреба и пошла въ избу, а котъ напередъ прибѣжалъ и запрятался на печи въ углу. «Хозяинъ! сказываетъ старуха, вотъ мы не вѣрили, что котъ блудитъ, а онъ самой и есть; давай его убьемъ!» Котъ услыхалъ эти рѣчи, какъ бросится съ печки да бѣгомъ къ барану въ хлѣвъ, и началъ его обманывать: «брате баранъ! меня хотятъ завтра убити, тебя зарѣзати.» И сговорились они оба бѣжать ночью отъ хозяина. «Какъ же быть? спрашиваетъ баранъ; радъ бы я съ тобой лыжи навострить, да вѣдь хлѣвъ-то запертъ!» — Ничего! Котъ тотчасъ взобрался на дверь, скинулъ лапкой

1) Утащитъ, украдетъ. 2) Смотри вып. IV, № 23 и 26. 3) Собираетъ сметану и сливки на масло. 4) Проказничаетъ.

веревочку съ гвоздя и выпустилъ барана. Вотъ и пошли они путемъ-дорогою, нашли волчью голову и взяли съ собой; шли-шли, увидѣли: далеко въ лѣсу свѣтится огонекъ, они и пустились прямо на огонь. Подходятъ, а вокругъ огня грѣются двѣнадцать волковъ. «Богъ помочь вамъ, волкамъ!» — Добро жаловать, котъ да баранъ! «Брате, спрашиваетъ баранъ у кота, что намъ вечерять [1]) будетъ?» — А двѣнадцать-то волчьихъ головъ! поди выбери, которая пожирнѣе. Баранъ пошелъ въ кусты, поднялъ повыше волчью голову, что̀ дорогой-то нашли, и спрашиваетъ: «эта ли, брате котъ?»—Нѣтъ, не эта, выбери получше. Баранъ опять поднялъ ту-же голову и опять спрашиваетъ: «эта ли?» Волки такъ напугались, что рады бы убѣжать, да безъ спросу не смѣютъ. Четверо волковъ и стали проситься у кота и барана: «пустите насъ за дровами! мы вамъ принесёмъ.» И ушли. Остальные восемь волковъ еще пуще стали бояться кота да барана: коли двѣнадцать смогли поѣсть, а осьмерыхъ и подавно поѣдятъ. Стало еще четверо проситься за водою. Котъ отпустилъ: «ступайте, да скорѣе ворочайтесь!» Послѣдніе четыре волка отпросились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Котъ отпустилъ, еще строже наказалъ — поскорѣе приходить назадъ; а самъ съ барономъ радъ, что они ушли-то.

Волки собрались вмѣстѣ и пустились дальше въ лѣсъ. Попадается имъ медвѣдь Михайло Ивановичъ. «Слыхалъ ли ты, Михайло Ивановичъ, спрашиваютъ волки, чтобы котъ да баранъ съѣдали по двѣнадцати волковъ?» — Нѣтъ, робятушки, не слыхивалъ. «А мы сами видѣли этакого кота да барана.»— Какъ бы, робятушки, и мнѣ посмотрѣть, какова ихъ храбрость. «Эхъ, Михайло Иванычъ, вить больно котъ-атъ ретивъ, нельзя къ нему поддоброхотаться: того и гляди, что въ клочки

1) Ужинать.

изорветъ! Даромъ что мы прытки надъ собаками и зайцами, а тутъ ничего не возьмешь. Позовемъ-ка лучше ихъ на обѣдъ.» Стали посылать лисицу: «ступай, позови кота да барана.» Лисица начала отговариваться: «я хоть и прытка, да неувертлива: какъ бы они меня не съѣли!» — Ступай! . . . Дѣлать нечего, побѣжала лисица за котомъ и бараномъ. Воротилась назадъ и сказываетъ: «обѣщались быть; ахъ, Михайло Ивановичъ, какой котъ-то сердитой! сидитъ на пнѣ да ломаетъ его кохтями: это на насъ точитъ онъ свои ножи! А глаза такъ и выпучилъ! . . .» Медвѣдь струхнулъ, сейчасъ посадилъ одного волка въ сторожа на высокой пень, далъ ему въ лапы утирку [1]) и наказалъ: «коли увидишь кота съ бараномъ, махай утиркою: мы пойдемъ — ихъ повстрѣчаемъ.» Стали готовить обѣдъ; четыре волка притащили четыре коровы, а въ повара медвѣдь посадилъ сурка.

Вотъ идутъ въ гости котъ да баранъ; завидѣли караульнаго, смекнули дѣло и стакнулись межъ собою. «Я, говоритъ котъ, подползу тихонько по травѣ и сяду у самаго пня супротивъ волчьей рожи, а ты, братъ баранъ, разбѣжись и что̀ есть силы ударь его лбомъ!» Баранъ разбѣжался, ударилъ со всей мочи и сшибъ волка; а котъ бросился ему прямо въ морду, впѣпился кохтями и исцарапалъ до крови. Медвѣдь и волки какъ увидѣли то — зачали межъ собою растобаривать [2]): «ну, робятушки, вотъ какова рысь кота да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувѣчить съ какого высокаго пня, а намъ гдѣ ужь на землѣ устоять! Имъ, знать, наше готовленье-то не-почемъ; они придутъ не угощаться, а насъ патнать. А, братцы! не лучше ли намъ схорониться?» Волки всѣ разбѣжались по̀ лѣсу, медвѣдь вскарабкался на сосну, сурокъ спрятался въ нору, а лиса забилась подъ колодину. Котъ съ ба-

1) Полотенце. 2) Разговаривать.

ракомъ принялись за наготовленныя кушанья. Котъ ѣстъ, а самъ мурлычитъ: мало, мало! обернулся какъ-то назадъ, увидѣлъ, что изъ норы торчитъ сурковъ хвостъ, испугался да какъ прыснетъ на сосну. Медвѣдь устрахался [1]) кота, да напрямикъ съ сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавилъ лисы подъ колодиной. Побѣжалъ медвѣдь, побѣжала лиса. «Знать ты, куманёкъ, ушибся?» спрашиваетъ лисица.—Нѣтъ, кумушка, еслибъ я не спрыгнулъ — котъ бы давно меня съѣлъ!

(Записана во владимірской губерніи, гороховецкомъ уѣздѣ.)

19.

КОТЪ, КОЗЕЛЪ И БАРАНЪ.

Жили-были на одномъ дворѣ козелъ да баранъ: жили промежъ себя дружно: сѣна клокъ — и тотъ пополамъ, а коли вилы въ бокъ — такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ, за каждый часъ на промыслѣ, и гдѣ плохо лежитъ — тутъ у него и брюхо болитъ. Вотъ однажды лежатъ себѣ козелъ да баранъ и разговариваютъ промежъ себя; гдѣ ни взялся котишко-мурлышко, сѣрый лобишко, идетъ да таково жалостно плачетъ. Козелъ да баранъ и спрашиваютъ: «котъ-котокъ, сѣринькой лобокъ! о чемъ ты ходя плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?» — Какъ мнѣ не плакать? била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала.»—А за какую вину такая тебѣ погибель? «Эхъ, за то погибель была, что себя не опознал да сметанку слизалъ.» И опять заплакалъ котъ-мурлыко. «Котъ-котокъ, сѣрый ло-

1) Устрашился.

бокъ! о чемъ же ты еще плачешь?» — Какъ не плакать? баба меня била да приговаривала: ко мнѣ придетъ зять, гдѣ будетъ сметаны взять? за неволю придется колоть козла да барана! Заревѣли козелъ и баранъ: «ахъ ты, сѣрой котъ, безтолковой лобъ! за что ты насъ-то загубилъ? Вотъ мы тебя забодаемъ!» Тутъ мурлыко вину свою приносилъ и прощенья просилъ. Они простили его, и стали втроемъ думу думать: какъ быть и что дѣлать? «А что, середній братъ баранко! спросилъ мурлыко, крѣпокъ ли у тебя лобъ: попробуй-ка о ворота.» Баранъ съ разбѣгу стукнулся о ворота лбомъ: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старшій братъ мрасище[1] -козлище, разбѣжался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбомъ подымается, трава къ землѣ приклоняется, бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ-сѣрой лобъ. Усталъ онъ и возмолился названнымъ братьямъ: «ни то старшій братъ, ни то средній братъ! не оставьте меньшаго братишку на съѣденье звѣрямъ.» Взялъ козелъ, посадилъ его на себя, и понеслись они опять по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. Долго бѣжали, и день, и ночь, пока въ ногахъ силы хватило. Вотъ пришло крутое крутище, станово становище; подъ тѣмъ крутищемъ скошеное поле, на томъ полѣ стогà чтò города стоятъ. Остановились козелъ, баранъ и котъ отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. Гдѣ огня добыть? думаютъ козелъ да баранъ; а мурлышко уже добылъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ баранкомъ стукнуться лбами. Стукнулись козелъ съ бараномъ да таково крѣпко, что искры изъ глазъ посыпались; берестечко такъ и зарыдало [2]). «Ладно, молвилъ сѣрой котъ, теперь обогрѣемся» — да за словомъ и затопилъ стогъ сѣна.

---

1) Мрась—негодяй (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 117). 2) Вспыхнуло, затрещало.

Не успѣли они путёмъ обогрѣться, глядь — жалуетъ незванный гость мужикъ-сѣрячекъ Михайло Ивановичъ. «Пустите, говоритъ, обогрѣться да отдохнуть: что-то не можется» 1). — Добро жаловать, мужикъ-серячекъ муравейничекъ 2)! Откуда, братъ, идешь? «Ходилъ на пасику да подрался съ мужиками, отъ того и хворь 3) прикинулась; иду къ лисѣ лѣчиться.» Стали вчетверомъ темну ночь дѣлить: медвѣдь подъ стогомъ, мурлыко на стогу, а козелъ съ бараномъ у теплины 4). Идутъ семь волковъ сѣрыхъ, восьмой бѣлой, и прямо къ стогу. «Фу-фу, говоритъ бѣлый волкъ, не русскимъ духомъ пахнетъ. Какой такой народъ здѣсь? давайте силу пытать!» Заблеяли козелъ и баранъ со страстей 5), а мурлышко такую рѣчь повелъ: «ахти, бѣлой волкъ, надъ волками князь! не серди нашего старшаго; онъ, помилуй Богъ, сердитъ! — какъ расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды: въ ней-то и сила, бородою онъ звѣрей побиваетъ, а рогами только кожу сымаетъ. Лучше съ честью подойдите да попросите: хотимъ дескать поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ-то лежитъ.» Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вотъ онъ крѣпился, крѣпился да какъ хватитъ на каждую лапу по волку; запѣли они Лазаря, выбрались кое-какъ да поджавъ хвосты — подавай Богъ ноги.

А козелъ да баранъ тѣмъ времячкомъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, и опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловой сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ глядя на

---

1) Не здоровится. 2) Мелкой породы медвѣдь, который любитъ разгребать муравьиныя кучи и лакомиться муравьиными яйцами (Рус. Вѣстн. 1857, № 12, стр. 463). 3) Болѣзнь. 4) Огня (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 228). 5) Со страху.

козла и барана. Видитъ котъ-сѣрый лобъ, что дѣло плохо, сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговаривать: «разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. Я мурлышко давича двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытёхонекъ; а ты большой братимъ за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю!» Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричитъ: «держи его, лови его!» Тутъ на волковъ такой страхъ нашелъ, что со всѣхъ ногъ припустили бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

20.

ЛИСА И ДЯТЕЛЪ.

Жилъ былъ дятелъ на дубу, свилъ себѣ гнѣздышко, свёсъ три яичка и высидѣлъ три дѣтёнка. Повадилась къ нему лиса ходить; стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой. Мнѣ дубъ над*а* — *сѣчихичики* (?) гнуть.» — Ей, лисынка! не дала ты мнѣ и одного дѣтёнышка-то высидѣть. «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу кузнешному.» Дятелъ ей бросилъ, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу, и стукъ-стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой, мнѣ дубъ над*а* — сѣчихичики гнуть.» — Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного дѣтёнышка-то высидѣть. «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу башмашному.» Дятелъ ей бросилъ, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

Опять идетъ къ дятлу, и стукъ стукъ хвостищемъ по сырому дубищу: «дятелъ, дятелъ! полѣзай съ дубу долой, мнѣ

дубъ нада — сѣчихичики гнуть.» — Ей, лисынька! не дала ты мнѣ и одного дѣтёнышка-то высидѣть. «Ей, дятелъ! брось ты мнѣ, я его выучу портняжному.» Дятелъ бросилъ ей, а она кустикъ за кустикъ, лѣсокъ за лѣсокъ, да и съѣла.

(Записана въ нижегородской губерніи, васильскомъ уѣздѣ, членомъ—сотрудникомъ Географич. Общества іеромонахомъ Макаріемъ.)

21.

СВИНЬЯ И ВОЛКЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА [1].

Какъ волки озарничали,
Себя величали,
Сходила свинья со двора,
Сводила за собой махынькихъ и бѣленькихъ [2];
Она думала — по лѣсу-лѣсу,
Анъ у [3] колосъ у овёсъ.
У ней были зубки ловки,
Усё схватывала головки.
Подходила къ волку близко,
Поклонилась ему низко:
«Здравствуй, волкъ-волчокъ!
Не будетъ ли съ тебя
Махынькихъ и бѣленькихъ?»
— Эхъ, ты свинушка!
Я глазами окину —
И тебя не покину.
Взялъ за щетину

1) Смотри вып. I, стр. 5; вып. II, стр 111; вып. IV-й №№ 2, 14 и 37, я. 2) Т. е. поросятъ. 3) Вмѣсто въ.

И повалилъ на спину,
И сталъ косточки объѣдать,
А мякушко у кучку сбирать.
Бѣжала непорочная лисица:
«Охъ ты, кумъ-куманёкъ!
Некупленое у тебя, дешевое;
Не подѣлишь-ли масца?»
— Эхъ ты, кумушка!
Вѣдаешь, Ермакъ
Зап . . . . . . на-тощакъ?
И тебѣ того не миновать. —
Лисица слышитъ нерадостны рѣчи,
Назадъ, назадъ да и бѣжать!
Прибѣжала во городъ Козельскъ;
Во городѣ во Козельскѣ
Сидитъ красное чадо —
Пѣтухъ на дубу.
«Охъ ты пѣтухъ-пѣтушокъ!
Спущайся ты на низящее,
Съ низящего на землящее;
Я твою душу
На небеса взнесу.»
Пѣтухъ сдуру лисицу послухалъ,
Слѣзалъ на низящее,
Съ низящего на землящее.
Лисица стала пѣтушка вертѣть,
Пѣтушку не въ мочь стало терпѣть,
. . . .
Охъ, ты лисица, жолтая княгиня!
Какъ у нашего у батюшки
Маслицемъ (блинки) поливаютъ,
Тебя въ гости поджидаютъ;

Тамъ-то не по нашему,
Пироги съ кашею.
Станемъ поминать
Сидора да Макара,
Третьяго Захара,
Трёхъ Матрёнъ
Да Луку съ Петромъ,
Дѣда-мироѣда,
Бабку-бѣльматку (?),
Тюшу да Катюшу,
Бабушку Матрю(ё)шу!

(Записана П. И. Якушкинымъ въ калужской губерніи, лихвинскомъ уѣздѣ.)

22.

ЛИСА, ВОЛКЪ, МЕДВѢДЬ И ЗАЯЦЪ.

Жилъ себѣ старикъ со старушкой, и у нихъ только и было имѣнья, что одинъ боровъ. Пошелъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему идетъ волкъ. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою.» — Я бы взялъ, говоритъ, тебя съ собою, да тамъ яма есть глубока, широка; ты не перепрыгнешь. «Ничего, говоритъ, перепрыгну.» Вотъ и пошли; шли. шли по лѣсу и пришли къ этой ямѣ. «Ну, говоритъ волкъ, прыгай.» Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ. Волкъ прыгнулъ да прямо въ яму. Ну, потомъ боровъ наѣлся жолудей и отправился домой. На другой день опять идетъ боровъ въ лѣсъ. На встрѣчу ему медвѣдь. «Боровъ, боровъ, куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми, говоритъ медвѣдь, меня съ собою.» — Я бы взялъ тебя, да тамъ яма глубока, широка,

ты не перепрыгнешь. «Небось, говоритъ, перепрыгну.» Подошли къ этой ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ; медвѣдь прыгнулъ — прямо въ яму угодилъ. Боровъ наѣлся желудей, отправился домой. На третій день боровъ опять пошелъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему косой заяцъ. «Здравствуй, боровъ!» — Здравствуй, косой заяцъ! «Куда ты идешь?» — Въ лѣсъ жолуди ѣсть. «Возьми меня съ собою.»— Нѣтъ, косой, тамъ яма есть широка, глубока, ты не перепрыгнешь. «Вотъ не перепрыгну, какъ не перепрыгнуть!» Пошли и пришли къ ямѣ. Боровъ прыгнулъ — перепрыгнулъ; заяцъ прыгнулъ — попалъ въ яму. Ну, боровъ наѣлся жолудей, отправился домой. На четвертый день идетъ боровъ въ лѣсъ жолуди ѣсть. На встрѣчу ему лисица; тоже просится, чтобъ взялъ ее боровъ съ собою. — Нѣтъ, говоритъ боровъ, тамъ яма есть глубока, широка, ты не перепрыгнешь. «И-и, говоритъ лисица, перепрыгну!» Ну и она попалась въ яму. Вотъ ихъ набралось тамъ въ ямѣ четверо, и стали они горевать, какъ имъ ѣду добывать.

Лисица и говоритъ: «давайте-ка голосъ тянуть; кто не встянетъ — того и ѣсть станемъ.» Вотъ начали тянуть голосъ; одинъ заяцъ отсталъ, а лисица всѣхъ перетянула. Взяли зайца, разорвали и съѣли. Проголодались и опять стали уговариваться голосъ тянуть: кто отстанетъ — чтобъ того и ѣсть. «Если, говоритъ лисица, я отстану, то и меня ѣсть, все равно!» Начали тянуть; только волкъ отсталъ, не могъ встянуть голосъ. Лисица съ медвѣдемъ взяли его, разорвали и съѣли. Только лисица надула [1]) медвѣдя, дала ему немного мяса, а остальное припрятала отъ него, и ѣстъ себѣ потихоньку. Вотъ медвѣдь начинаетъ опять голодать, и говоритъ: «кума, кума, гдѣ ты берешь себѣ ѣду?» — Экой ты кумъ! ты возьми-ка просунь

---

1) Обманула.

себѣ лапу въ ребра, зацѣпись за ребро — такъ и узнаешь какъ ѣсть. Медвѣдь такъ и сдѣлалъ, зацѣпилъ себя лапой за ребро, да и околѣлъ. Лисица осталась одна. Послѣ этого, убрáмши медвѣдя, начала лисица голодать.

Надъ этой ямой стояло древо, на этомъ древѣ вилъ дроздъ гнѣздо. Лисица сидѣла-сидѣла въ ямѣ, все на дрозда смотрѣла, и говоритъ ему: «дроздъ, дроздъ, что ты дѣлаешь?» — Гнѣздо вью. «Для чего ты вьешь?» — Дѣтей выведу. «Дроздъ, накорми меня; если не накормишь — я твоихъ дѣтей поѣмъ.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу ему накормить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей курицу. Лисица курицу убрала и говоритъ опять: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — Накормилъ. «Ну напои-жъ меня.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу напоить. Полетѣлъ въ село, принесъ ей воды. Напилась лисица и говоритъ: «дроздъ, дроздъ, ты меня накормилъ?» — Накормилъ. «Ты меня напоилъ?» — Напоилъ. «Вытащи-жъ меня изъ ямы.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу вынимать. Вотъ началъ онъ палки въ яму метать; наметалъ такъ, что лисица выбралась по этимъ палкамъ на волю — и возлѣ самаго древа легла — протянулась. «Ну, говоритъ, накормилъ ты меня, дроздъ?» — Накормилъ. «Напоилъ ты меня?» — Напоилъ. «Вытащилъ ты меня изъ ямы?» — Вытащилъ. «Ну разсмѣши-жъ меня теперь.» Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу разсмѣшить. «Я, говоритъ онъ, полечу, а ты, лиса, иди за мною.» Вотъ хорошо, полетѣлъ дроздъ въ село; сѣлъ на ворота къ богатому мужику, а лисица легла подъ воротами. Дроздъ и началъ кричать: «Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ! Бабка, бабка, принеси мнѣ сала кусокъ!» Выскочили собаки и разорвали лисицу. Я тамъ была, медъ-вино пила, по губамъ текло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синій кафтанъ; я пошла, а вороны летятъ да кричатъ: синь кафтанъ, синь кафтанъ! Я ду-

мала: скинь кафтанъ, взяла да и скинула. Дали мнѣ красный шлыкъ. Вороны летятъ да кричатъ: красный шлыкъ, красный шлыкъ! Я думала, что краденый шлыкъ, скинула—и осталась ни съ чѣмъ.

(Записана въ воронежскомъ уѣздѣ К. О. Александровымъ-Дольникомъ.)

23.

ОВЦА, ЛИСА И ВОЛКЪ.

У крестьянина изъ гурта бѣжала овца. На встрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: «куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?» — О-ихъ, кума! была я у мужика въ гуртѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдуритъ, а все я, овца, виновата! вотъ и вздумала уйти — куды глаза глядятъ. «И я тоже! отвѣчала лиса; гдѣ мужъ мой курочку словитъ, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ.» Чрезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ бирюкъ. «Здорово, кума!» — Здравствуй! говоритъ лиса. «Далече ли бредешь?» Она въ отвѣтъ: «куда глаза глядятъ!» — да какъ разсказала про свое горе, бирюкъ молвилъ: «и я также! гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, бирюкъ, виноватъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ.» Пошли. Дорогою бирюкъ и говоритъ овцѣ: «а что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «взаправду, кумъ, твой?» — Вѣрно мой! «Побожишься?» — Побожусь! «Къ присягѣ пойдешь?» — Пойду. «Ну, иди, цѣлуй присягу.» Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она привела бирюка къ самому капкану и говоритъ: «ну, вотъ здѣсь цѣлуй!» Только что сунулся бирюкъ сдуру — а капканъ щолкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцой тотчасъ убѣжали отъ него по добру по здорову.

24.

ВОЛКЪ, КОБЫЛА, СОБАКА, ЛИСА И МУЖИКЪ.

Попался было бирюкъ въ капканъ, да кое-какъ вырвался и сталъ пробираться въ глухую сторону. Завидѣли его охотники и стали слѣдить. Пришлось бирюку бѣжать черезъ дорогу, а на ту пору шелъ по дорогѣ съ поля мужикъ съ мѣшкомъ и цѣпомъ. Бирюкъ къ нему: «сдѣлай милость. мужичокъ, схорони меня въ мѣшокъ! за мной охотники гонятъ.» Мужикъ согласился, запряталъ его въ мѣшокъ, завязалъ и взвалилъ на плеча. Идетъ дальше, а на встрѣчу ему охотники. «Не видалъ ли, мужичокъ, бирюка?» спрашиваютъ они.—Нѣтъ, не видалъ! отвѣчаетъ мужикъ. Охотники поскакали впередъ и скрылись изъ виду. «Что ушли мои злодѣи?» спросилъ бирюкъ.—Ушли. «Ну, теперь выпусти меня на волю.» Мужикъ развязалъ мѣшокъ и выпустилъ его на вольной свѣтъ. Бирюкъ сказалъ: «а что, мужикъ, я тебя съѣмъ!»—Ахъ, бирюкъ, бирюкъ! я тебя изъ какой неволи выручилъ, а ты меня съѣсть хочешь! «Старая хлѣбъ-соль забывается», отвѣчалъ бирюкъ. Мужикъ видитъ, что дѣло-то плохо, и говоритъ: «ну коли такъ, пойдемъ дальше, и если первой, кто съ нами встрѣтится, скажетъ по твоему, что старая хлѣбъ-соль забывается, тогда дѣлать нечего — съѣшь меня!» Пошли они дальше. Повстрѣчалась имъ старая кобыла. Мужикъ къ ней съ вопросомъ: «сдѣлай милость, кобылушка-матушка! разсуди насъ. Вотъ я бирюка изъ большой неволи выручилъ, а онъ хочетъ меня съѣсть!» и разсказалъ ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «я жила у хозяина двѣнадцать лѣтъ, принесла ему двѣнадцать жеребятъ, изо всѣхъ силъ на него работала, а какъ стала стара и пришло мнѣ не въ моготу работать — онъ взялъ да и стащилъ меня подъ яръ; ужь я

лѣзла-лѣзла, насилу вылѣзла, и теперь вотъ плетусь куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — Видишь, моя правда! молвилъ бирюкъ. Мужикъ опечалился и сталъ просить бирюка, чтобъ подождалъ до другой встрѣчи. Бирюкъ согласился и на это. Повстрѣчалась имъ старая собака. Мужикъ къ ней съ тѣмъ-же вопросомъ. Собака подумала-подумала и сказала: «служила я хозяину двадцать лѣтъ, оберегала его домъ и скотину, а какъ состарѣлась и перестала брехать [1] — онъ прогналъ меня со двора, и вотъ плетусь я куда глаза глядятъ. Да, старая хлѣбъ-соль забывается!» — Ну, видишь, моя правда! Мужикъ еще пуще опечалился и упросилъ бирюка обождать до третьей встрѣчи, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, коли хлѣба-соли моей не попомнишь. Въ третій разъ повстрѣчалась имъ лиса. Мужикъ повторилъ ей свой вопросъ. Лиса стала спорить: «да какъ это можно, чтобы бирюкъ, эдакая большая туша, могъ помѣститься въ эдакомъ маломъ мѣшкѣ?» И бирюкъ, и мужикъ побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не вѣрила, и сказала: «а ну-ка, мужичокъ, покажъ какъ ты сажалъ его въ мѣшокъ-то!» Мужикъ разставилъ мѣшокъ а бирюкъ всунулъ туда голову. Лиса закричала: «да развѣ ты одну голову пряталъ въ мѣшокъ?» Бирюкъ влѣзъ совсѣмъ. «Ну-ка, мужичокъ, продолжала лиса, покажи, какъ ты его завязывалъ?» Мужикъ завязалъ. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты въ полѣ хлѣбъ-то молотилъ?» Мужикъ началъ молотить цѣпомъ по мѣшку. «Ну-ка, мужичокъ, какъ ты отворачивалъ?» Мужикъ сталъ отворачивать, да задѣлъ лису по головѣ и убилъ ее до смерти, приговаривая: «старая хлѣбъ-соль забывается!»

(Обѣ сказки: эта и предыдущая записаны въ астраханской губерніи, черноярскомъ уѣздѣ, волостнымъ писаремъ Волконидинымъ.)

---

1) Лаять.

25.

УДАЛОЙ БАТРАКЪ.

У одного мирошника[1]) былъ работникъ. Мирошникъ послалъ его засы́пать на ковшъ пшеницы, а работникъ пошелъ и засы́палъ-то на камень. Мельница завертѣлася и пшеница вся разметалася. Хозяинъ какъ пришелъ на мельницу и какъ увидѣлъ размётанную пшеницу — и согналъ работника. Работникъ пошелъ домой, въ свое село, и заплутался. Вотъ зашелъ онъ въ эдакіе кусты и легъ спать. Приходитъ бирюкъ; видитъ, что работникъ спитъ, и подошелъ къ нему близко, сталъ его обнюхивать, а работникъ-та ухватилъ бирюка за хвостъ, убилъ его, и снялъ съ него шкуру!

Вотъ работникъ вышелъ на гору, а на горѣ стояла пустая мельница; онъ у(въ) етой мельницы(ѣ) и остановился ночевать. Пріѣхали три человѣка, разбойники; развели въ мельницѣ огонь и начали дува́нъ дува́нить [2]). Одинъ разбойникъ говоритъ: «я свою часть положу подъ исподъ мельницы»; другой разбойникъ: «а я подъ колесо подпихну»; а третій говоритъ: «я въ ковшъ спрячу». А работникъ лежитъ въ ковшѣ, и убоявшись, какъ-бы разбойники его не убили, вздумалъ сабѣ: «дай, я вонъ такъ-та закричу: Денисъ! ступай туда на низъ; а ты, Хв(Ѳ)ока! гляди съ бока; а ты, малой, гляди тамъ, а я тутъ! держи ихъ, ребята! бей ихъ, ребята!» Разбойники уробѣли, бросили свое имѣніе и разбѣжались.

Работникъ вылѣзъ изъ ковша, подобралъ все богатство и пошелъ домой; приходитъ и разсказываетъ отцу и матери:

---

1) Мельникъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 118). 2) Дѣлить грабежъ, добычу; дува́нъ—раздѣлъ (Словарь Академ. Росс, ч. 2, стр. 270).

«вотъ все, що я заработалъ на мельницѣ. Поѣдемъ теперь, дѣдушка, на базаръ и купимъ сабѣ ружье и будемъ охотничать.» Поѣхали сабѣ на базаръ, купили ружье, и ѣдутъ съ базару. Вотъ работникъ и говоритъ дѣду: «ты дѣдушка, гляди, не попадется ли намъ заяцъ, лисица, а не то куница.» Ѣдутъ да оба дремлютъ и наконецъ уснули. Гдѣ ни взялись два бирюка, зарѣзали у нихъ лошадь и съѣли всю. Дѣдушка проснулся да какъ стягнётъ кнутомъ — думалъ по лошади, анъ по бирюку! бирюкъ-та попалъ въ хомутъ и давай носить, а дѣдъ правитъ. А другой бирюкъ сзади хочетъ ухватить работника, и тотъ бирюкъ-та былъ съ щербиной. Работникъ какъ стягнётъ бирюка кнутомъ, а онъ хотѣлъ кнутъ та зубами поймать, да на кнутѣ былъ узелъ, — этотъ узелъ и застрялъ у бирюка въ щербинѣ! Работникъ и потащилъ его за телегою. Одинъ бирюкъ везётъ, а другой сзади идётъ. Вотъ пріѣхали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, одинъ какъ повернулъ круто — тележонка и опрокинулась, работникъ съ старикомъ упали на землю; тутъ бирюкъ изъ хамута выскочилъ, а работникъ кнутъ изъ рукъ выпустилъ, такъ оба бирюка и убѣжали, а старикъ съ работникомъ остались не при чемъ. Жили они богато; дворъ у нихъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ, три кола забито, три хворостины завито, небомъ накрыто, а свѣтомъ обгороженo!

(Записана въ астраханской губерніи, енотаевскомъ уѣздѣ, священникомъ Григоріемъ Рышкинымъ.)

26.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА.

а. Собирался мужикъ въ поле, говоритъ женѣ: «не пеки блиновъ.» А жена говоритъ: «вотъ-таки напеку!» — Если

напекешь. такъ въ поле не носи. «Вотъ таки напеку и понесу!» — А понесешь, такъ черезъ мостъ не ходи. «А вотъ пойду, такъ пойду!» — А пойдешь, такъ каменьевъ въ пазуху не клади. «Вотъ накладу, такъ накладу!» — А накладешь, такъ съ мосту въ воду не сигай [1]. «Вотъ сигну, такъ сигну!» — Если прыгнешь, такъ чертей не пужай. «Вотъ распужаю, такъ распужаю!»... Ѣдитъ мужикъ съ поля, выскочилъ чертёнокъ и кричитъ ему: «дядюшка, возьми свою жену, а то намъ житья отъ нея въ водѣ нѣтъ!» — Не надо мнѣ ее, отвѣчалъ мужикъ. «Я, мужичокъ, шляпу денегъ принесу.» Мужикъ и отъ денегъ отказался, только чтобъ чертёнокъ съ женой къ нему не вязался [2].

(Записана въ воронежской губерніи, въ землянскомъ уѣздѣ, бургомистромъ Рышковымъ.)

b. *Въ* одного мужика была жена сварлива и упряма; ужь что бывало захочетъ, дакъ мужъ дай ей, и ужь непремѣнно мужъ соглашайся съ ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; какъ бывало зайдетъ на дворъ чужая скотина, дакъ ужь мужъ и говори, что это её. Страшно надоѣла жена мужу. Вотъ однажды и зашли къ ней на дворъ барскіе гуси. Жена спрашиваетъ: «мужъ, чьи это гуси?» — Барскіе. «Какъ барскіе!» Вспылила со злости, пала на полъ. «Я умру, говоритъ, сказывай: чьи гуси?»—Барскіе. Жена охаетъ, стонетъ. Мужъ наклонился къ ней: «что ты стонешь?» — Да чьи гуси? «Барскіе.» — Ну, умираю, бѣги скорѣй за попомъ. Вотъ мужъ послалъ за попомъ; ужь и попъ ѣдетъ. «Ну, говоритъ мужъ, вотъ и священникъ ѣдетъ.» Жена спрашиваетъ: «чьи гуси?»— Барскіе. «Ну, пущай священникъ идётъ, умираю!» Вотъ ис-

---

1) Не прыгай (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 202). 2) Смотри вып. I, стр. 42—44; вып. II, стр. 119—120.

повѣдали ее, пріобщили, попъ в(у)шолъ. Мужъ опять: «что съ тобой, жена?» — Чьи гуси? «Барскіе.» — Ну, совсѣмъ умираю, готовь домовише! [1]) Изготовили домовише. Мужъ подшолъ: «ну, жена, ужь и домовише готово.» — А чьи гуси? «Барскіе.» — Ну, совсѣмъ умерла, клади въ домовише. Положили въ домовише, и послали за попомъ. Мужъ наклонился къ женѣ, шепчетъ: «ужь домовише подымають, нести хотять отпѣвать въ церковь.» А она шепчеть: «чьи гуси?» — Барскіе. «Ну, несите!» Вотъ вынесли домовише, поставили въ церкви, отпѣли панафиду [2]). Мужъ подходить прощаться: «ужь и панафиду, говорить, отпѣли; выносить хотять на кладбище.» Жена шепчеть: «чьи гуси?» — Барскіе. «Несите на кладбище!» Вотъ и вынесли; подняли домовише опушшать въ могилу, мужъ нагинается къ ней: «ну, жена, ужь тебя въ могилу опушшають и землей тотчасъ засыплють.» А она шепчеть: «Чьи гуси?» — Барскіе. «Ну, опушшайте и засыпайте!» Домовише опустили и засыпали землею. Такъ уходили бабу барскіе гуси!

(Записана въ ливенскомъ уѣздѣ, орловской губерніи, К. О. Александровымъ-Дольникомъ.)

c. Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что всё ему наперекоръ говорила. Бывало онъ скажетъ: *бритое*, а ужь она непремѣнно кричитъ: *стриженое*. Всякой день бранились! Надоѣла жена мужу; вотъ онъ и сталъ думать, какъ-бы отъ нея отдѣлаться. Идутъ они разъ къ рѣкѣ, а вмѣсто моста на плотинѣ лежитъ перекладинка. Постой, думаетъ онъ, вотъ теперь-то я ее изведу. Какъ стала она переходить по перекладинкѣ, онъ и говоритъ: «смотри же, жена, не трясись, не то какъ разъ утонешь!» — Такъ вотъ же на-

1) Домовище — гробъ. 2) Панихиду.

речно буду! Тряслась, тряслась, да и бултыхъ въ воду. Жалко ему стало жены; вотъ онъ влѣзъ въ воду, сталъ ее искать, и идетъ по водѣ въ гору. [1] «Что ты тутъ ищешь?» говорятъ ему прохожіе мужики.—А вотъ жена утонула, вонъ съ энтой перекладинки упала! «Дуракъ, дуракъ! ты бы шелъ внизъ по рѣкѣ, а не въ гору: ее теперь, чай, снесло.» — Эхъ, братцы! молчите; она все дѣлала на перекоръ, такъ ужь и теперь, вѣрно, пошла противъ воды [2].

(Записана въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ. Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

27.

КАКЪ МУЖЪ ОТУЧИЛЪ ЖЕНУ ОТЪ СКАЗОКЪ.

Жилъ себѣ дворникъ. Онъ имѣлъ *ва*(у) себе жену, которая страсть какъ любила казки, и запретила она пушшать къ себѣ въ постойшшики тѣхъ, кто не умѣлъ казки сказывать. Ну, разумѣется, мужу то убытошно, онъ и думаетъ: какъ-бы мнѣ жену отучить отъ сказокъ! Вотъ однажды въ зимнюю пору, позд(н)о ночью, идётъ себѣ старичокъ, весь иззябъ, и просится пер(е)ночевать. Мужъ выбѣгаетъ къ нему: «а што, говоритъ, умѣешь ты казки сказывать. Жена не велитъ пуш-

---

1) Вверхъ, противъ теченія.

2) Анекдотъ о женѣ, спорившей съ мужемъ, что поле не *кошено*, а *стрижено*, попадается въ сборникѣ: «Великое Зерцало», переведенномъ на русской языкъ съ польскаго въ XVII вѣкѣ. Мужъ бросилъ жену въ воду, но не переспорилъ ее; она выставила изъ воды руку «твораше знаменіе перстами на подобіе ножницъ». (Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 202, 268. Русс. Вѣстн. 1857, № 9, статья Забѣлина.)

жать никого, кто не умѣетъ казки сказывать.» Мужикъ видить — дѣло плохо, отъ холода чуть не мерзнетъ: «умѣю!» говоритъ. «А долго будешь сказывать?» — Да всю ночь. Ну, вотъ хорошо. Впустили мужика. Мужъ говоритъ: «ну, жена! вотъ мужикъ посулился всю ночь сказывать казки, да только съ тѣмъ, чтобъ поперечки [1] ему не дѣлать и не перебивать.» Мужикъ говоритъ: «да, поперечки не дѣлать, а то сказыватъ не буду.» Вотъ поужинали, легли спать; мужикъ и началъ: «летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду; летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду...» И пошолъ твердить все одно и тоже: «летѣла сова мимо сада, сѣла на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала слушала, да и говоритъ: «чтожъ эта за казка, все одно и тоже твердитъ!» — Дакъ для че-же ты мене перебиваешь? вѣдь я говорилъ, чтобы мнѣ поперечки не дѣлать; вѣдь эта такъ ужь казка сказывается въ началѣ, а тамъ пойдетъ другое. — Вотъ мужъ, услыхамши это, а ему то и нужно было, скочилъ съ лавки и давай жену колотить: «тебѣ сказано, чтобъ ты не поперечила! и казку не дала кончить!» Ужь онъ билъ-билъ, билъ-билъ! такъ что жена возненавидѣла казки и съ тѣхъ поръ зареклась казки слушать.

(Записана въ орловской губерніи, ливенскомъ уѣздѣ, К. О. Александровымъ-Дольникомъ.)

28.

ХОРОШО ДА ХУДО.

а. Ѣхали баринъ и мужикъ. «Мужикъ, откуда ты?» — Издалеча, бачка! «А откуда?» — Изъ города Ростова, а ба-

---

1) Отъ глагола: перечить — возражать.

рина Толстова. «А великъ ли городъ?» — Не мѣрилъ. «А силенъ?» — Не боролся. «А зачѣмъ ѣхалъ?» — За покупкой дорогою: за мѣрою гороха. «Вотъ это хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «А чтожъ?» — Ѣхалъ пьяный, да разсыпалъ. «Вотъ это худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Разсыпалъ-то мѣру, а подгрёбъ-то двѣ! «А вотъ это-то хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «Да чтожъ?» — Посѣялъ, да рѣдокъ. «Вотъ это худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Хоть рѣдокъ, да стручистъ! «Вотъ это хорошо!» Хорошо, да не совсѣмъ! «А чтожъ? — Поповы свиньи повадились горохъ топтать, топтать — да и вытоптали. «Эдакъ худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Я поповыхъ свиней убилъ, да два чана свѣжины насолилъ. «Вотъ это хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «А чтожъ?» Поповы собаки [1] повадились свѣжину таскать, таскать — да повытаскали. «Вотъ это худо» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Я тѣхъ собакъ убилъ, да женѣ шубу сшилъ! «Вотъ это хорошо!» — Хорошо, да не дюже! «А чтожъ?» — Пошла моя шельма жена мимо попова двора; попъ-то узналъ да шубку снялъ. «Вотъ это худо!» — Худо, да не дюже! «А чтожъ?» — Я съ попомъ судился-судился, сиваго мерина да рыжую корову цапъ-царапъ! мое-то дѣло и выгорѣло!

(Записана въ орловской губерніи, болховскаго уѣзда. Изъ собранія П. В. Кирѣевскаго.)

b. Повстрѣчались два мужика. «Здорово, братъ!» — Здорово! «Откуда ты?» — Изъ Ростова. «Не слыхалъ ли что новаго?» — Не слыхалъ. «Говорятъ ростовскую мельницу сорвало?» — Нѣтъ; мельница стоитъ, жернова по водѣ плаваютъ, на нихъ собака сидитъ, хвостъ согнувши — повизгиваетъ, да муку полизываетъ... «А былъ на ростовской ярманкѣ?» —

---

1) Или: кошки.

Былъ. — «Велика?» — Не мѣрилъ. «Сильна?» — Не боролся. «Чтожъ тамъ по чемъ?» — Деньги по мѣшкамъ, табакъ по рожкамъ, пряники по лавкамъ, калачи по санкамъ. «А ростовскаго медвѣдя видѣлъ?» — Видѣлъ. «Каковъ?» — Сѣрый! «Не бредь! это волкъ.» — У насъ волкъ по лѣсу побѣгиваетъ, ушми подергиваетъ! «Это заяцъ!» — Чорта ты знаешь! «Это трусъ!» [1] — У насъ то трусъ, что на дубу сидитъ да покаркиваетъ. «Это ворона!» — Чтобъ тебя лихорадка по животу порола!

(Записана въ орловской губерніи, малоархангельскомъ уѣздѣ, П. И. Якушкинымъ.)

29.

МАЛОРОССІЙСКІЕ АНЕКДОТЫ.

а. Іихавъ Остапъ зъ Ромна, а Ѳедырь у Ромёнъ, и зустрилысь [2]. Остапъ и пыта у Ѳедыря: «звиткиля?» [3] — Зъ Ромна, каэ [4] Ѳедырь. «А що?» — Вола. «А якъ?» — Трицять. «Гумъ!..» — Ге! И розъјихалысь соби.

b. Шовъ москаль по селу ничью, а ничь була мисяшна. Бигъ іого святый зна, кудысь мисяць и зховавсь [5]; паны кажуть, що то було якеесь-то лунне затминня. Москаль подывывсь, що нема на неби мисяца, да-й пыта у якогось мужика, котрый іому на встичъ [6] шовъ: «а што энто на небѣ дѣлаеца?» — Да я не здѣшній, господынъ служивый, каэ мужикъ; спросѣть у тутешнихъ.

---

1) Заяцъ или кроликъ. (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 233). 2) Встрѣтились. 3) Откуда. 4) Говоритъ. 5) Спрятался. 6) На встрѣчу.

c. «Дѣ се ты бувъ? пыта Ничипиръ [1]) Степана, що тебе такъ довго не було выдно.»—Ге, дѣ? у татарви! «У татарви! чого?»—Воюваты ходывъ. «А чи зрубавъ хоть едыного татарюгу?» — А тожъ и ни! «А якъ же ты іого зрубавъ?» — Да такички: иду соби полемъ и брякочу шаблюкою [2]), ажъ зиркъ [3]) — пидъ вербою лежить здоровенный татарюга и руки розкилавъ. Ото я пидкрався да изъ-за вербы іому едну руку и витявъ [4]) шаблюкою, а винъ лежить; я іому и другу витявъ, а винъ усе лежить! «Э, дурный [5]) же ты, Степане! казэ Ничипиръ, ты бъ іому голову першъ [6]) витявъ.»—Ге! каже, я и самъ такъ думавъ, да головы не було!

d. «Що-то за сушь така! казавъ панъ пысарь пану голови, колыбъ-то дощикъ спрызнувъ — то усе-бъ полизло изъ земли.»—Ковинька [7]) тоби на языкъ, пане пысарю! казэ голова: аже-жъ тамъ у мене тры жинки, да не дай-же-то Боже, якъ воны вылизуть!

e. Заснувъ мужикъ на вози да и наjихавъ на верству̀; кони сталы, мужикъ и проснувся, да-й казэ: «оце бисова тиснота! да що то за розумны люде булы: не зналы дѣ постановыты верству̀!»

f. Продавъ Грыцько борошно [8]) въ губерныи [9]) и купывъ соби добры шкаповы [10]) чоботы [11]), вымазавъ ихъ добрымъ дёгтемъ, и напывся губерньской горилки [12]) въ смакъ [13]), такъ що ледви [14]) вылизъ зъ губерныи. Дали-вже не моги йты, упавъ на шляху [15]) да и заснувъ, а москали шлы да и зняли чоботы. На другій день ураньци jиде мужикъ зъ того села, зъ якого

---

1) Никифоръ. 2) Саблею. 3) Глядь. 4) Отсѣкъ; отъ глагола: тяти, тнути — сѣчь, бить. 5) Глупой. 6) Напередъ. 7) Закорлючка. 8) Муку̀ (Словарь малоросс. Чужбинскаго, стр. 15). 9) Въ губернскомъ городѣ. 10) Шкаповый — яловый (см. словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревск., стр. 25); т. е. сапоги изъ телячьей кожи. 11) Сапоги. 12) Водки. 13) Въ сласть. 14) Едва. 15) На дорогѣ.

бувъ и Грыцько. Ого винъ, бачъ—той що ј̈хавъ, пидходе до Грыцька да и буде іого: «вставай, кажу, Грыцько!» — Да ще рано, каэ Грыцько. «Да яке тоби рано?»—Геть [1], кажу тоби! каэ Грыцько розсердывшись. «Бачъ, ще-й гниваеця! прыйми хочь ногы зъ шляху, дай прој̈хаты.» Глянувъ Грыцько на свои ногы и баче, що нема чобитъ, да и каэ: «се не мои, мои въ чоботахъ!»

g. «Шо це зъ тобою робыця? каэ батько свому сынови, чи у тебе лыхоманка, чи що, шо ты нычого и не ј̈сы? Чи ј̈въ ты сёгодня що?»—Ни, каэ сынъ; маты ураньци дала краюшку хлиба да черству, я хотивъ въ ведро обмочиты да не влизала, дакъ я и сухую згрызъ; бильшъ [2] нычого не ј̈въ.

h. Сивъ Охрымъ зъ своею жинкою Солохою на велыкописны запуски [3] запускаты. Солоха чи що зъј̈ла, чи не зъј̈ла, а Охрымъ усе пој̈въ и печене и варене, да ще цилу макитру [4] гречаныхъ выреныкивъ вмьявъ [5], и не здужа, сердека, вже встаты зъ покутя, да-й каэ жинци: «Солóха, Солóха! кэ [6] лышинь сюда подушки.» — На що тоби? хиба на прымосци мисьця мало? «Ой лышечко-жъ мини!» гвалтуе Охрымъ. «Да що тамъ таке зъ тобою?» — Ой, голубочко-жъ моя Солóха! скажи-жъ мини: чи уси миряне сёгодня ј̈лы вареныки?» — А якъ-же усв! «Про-о-пáлы-жъ теперычки уси міряне!»

i. Зибралыся зъ нашего села хлопци, може ихъ тамъ було и зъ семеро, або й бильшъ. Да пишлы въ губерныю на ярманокъ. Ходять соби по ярманку, да-й думають, шобъ то губерньске купыты, да таке, шобъ усимъ було въ дыковыну. Ажъ зиркъ, москаль несе фузію [7]! «А шо, браця [8], каэ ко-

---

1) Прочь. 2) Больше. 3) Великопостное заговѣнье. 4) Макитра — большая глиняная ендова (Малор. словарь, приложенн. къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13). 5) Умялъ, съѣлъ. 6) Дай (см. словарь въ Трудахъ Общ. любит. росс. словесности при Москов. Университ., кн. VII, стр. 300). 7) Ружье. 8) Братцы.

валь [1]: чи ны купемо фузію у москаля?» — А що-жъ, гукнулы [2] хлопци, колы куповать, то й купемо! Ото-й купылы фузію, купылы маку—се то бачъ: пороху, купылы и шроту [3], дай пишлы до дому. Идучи дорогою, одынъ хлопець и каэ: «а шо, браця. трельнемо [4] зъ фузіи!» — Колы трельнемо, то-й трельнемо! «А хто буде триляты?» пытае одынъ. «Да хто-жъ, гукнули уси, якъ не коваль, се вже звисно!« Ото коваль узявъ фузію, усыпавъ въ нее жменю [5] маку, да и хотивъ уже триляты. «Тривай [6], тривай! гукулы хлопци, а ще мы не сыпалы маку.»—Ну, сыпте и вы, каэ коваль. Хлопци повну фузію насыпалы макомъ, да-й кажуть: «отъ теперычки трилай, а мы зъ бокивъ станемо да будемо дывытысь [7], якъ вона палне.» [8]) — А куды триляты? пытаеця коваль. «Да туды на татарву», гукнулы хлопци. Коваль трельнувъ—и фузію упустывъ, и самъ упавъ, а писля якъ очунявся [9] да поглядивъ, що вся у нёго морда въ пасоци [10], а хлопци — дѣ якій безъ очій, а дѣ якій зовсимъ мертвый лежить, ажъ жахъ [11] іого пронявъ. А дали и каэ: «Оце, бисова фуэія! скильки тугъ людей побыла! чого жъ вона наробыла [12] у татарви?»

k. «Прохоре! каэ Омелько, а на шо оце у тебе высе рушныця [13], хиба ты уміешъ триляты?»—Отъ таке! каже Прòхиръ, а тожъ и не умію? ластивку кулею [14] такъ и счешу. «Эге, а зыбьешъ кулею у мене зъ головы шапку?» — Зыбью́. «Ни, не зыбьешъ!» — Ни, зыбью́ «А шо?..» — Кварту горилки. «Добре!» Ото и пишлы Прохиръ и Омелько у поле;

---

1) Кузнецъ. 2) Закричали, воскликнули. 3) Дроби (Тр. Общ. любит. росс. словесн., кн VII, стр. 325). 4) Стрѣльнемъ. 5) Горсть (ibidem, стр. 296). 6) Погоди (ibidem, стр. 311). 7) Смотрѣть. 8) Выпалитъ. 9) Очнулся. 10) Въ крови (Тр. Об. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310, и Оп. областн. великор. словаря, стр. 153). 11) Ужасъ, страхъ (Труды Общ. люб. рос. сл., кн. VII, стр. 296). 12) Надѣлала. 13) Ружье 14) Пулею.

сивъ Прохиръ на они, а Омелько видмиравъ [1] пьятнадцять ступыниивъ да-й циле прямисенько въ Прохореву кучму [2], а Прохиръ тильки зна натягуе шапку, шобъ не збывъ jиjи Омелько. Трельнувъ Омелько. Прохиръ якъ снипъ покатывся. «А шо, каэ Омелько самъ соби, не збывъ, пропала кварта горилки!» А дали якъ пидыйшовъ да побачывъ, шо Прохиръ зовсимъ умеръ, знявъ зъ іого кучму—ажъ куля навзкризь голову пробыла. «Эге, сказавъ самъ соби, оце я понызывъ!»

l. Купывъ соби мужикъ новы шкаповы чоботы, жинци накупывъ каблучковъ [3], а доци сережки. Прышовъ празныкъ, ото уси и понадивалы свои обновки. Мужикъ сивъ на покутя, выставывъ ногу и човга [4], щобъ то бачылы іого чоботы, и каэ жинци: «а чому се у насъ хата не метена?» Жинка выставыла попередъ себе руки, разтопырыла пальци, щобъ то бачылы jиjи каблучки, да-й каже: «чи я-жъ не казала!» А дочка замотала головою, такъ що сережки зателипалысь [5], да каэ: «оце лыхо, скилько jиjи разивъ на день месты?»

m. Накынувъ Грыцько коня арканомъ да-й тягне на гору, а кинь тягне пидъ гору; арканъ хоть и дуже крипкій бувъ да порвавсь, а кинь сторчъ [6] головою покатывсь. Баче Грыцько, шо кинь перевертнемъ чеше, да-й каже: «оце бисова скотына яка сылна! бачъ, новый арканъ якъ перегорывъ!» А Ныкыта и пыта у Грыцька: «яка-жъ скотына, чи та, що перевернулась, чи та, що стоить?»

n. Продавъ мужикъ товаръ да пишовъ дёгтю купыты, да увыйшовъ въ таку, бачъ, лавку, дѣ фиги-миги продають и всяки ласощи [7]. Выйшовъ, поставывъ мазныцю биля чобота да и

---

1) Отмѣрилъ. 2) Кучма—особливый родъ крестьянской шапки (Тр. Об. люб. рос. словесности, кн. VII, стр. 304). 3) Колецъ, перстней (ibidem, стр. 299). 4) И колышитъ, качаетъ. 5) Телипаться—болтаться (ibidem, стр. 518). 6) Торчма, стремглавъ. 7) Лакомства (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 12).

дывыця. Купець iого и пыта: «чого се тоби надоино?» — Я дывлюсь, каэ мужикъ, що тутечки продаеця? Купець и розсердывся на мужика да-й закрычавъ: «дураки, дураки, дураки!» — Оце да-й расходъ на ныхъ велыкiй, каэ мужикъ; оце ты тильки одынъ и зоставсь!

о. «Дывысь, тату! [1] видъ чого се: иншiй колосокъ, якъ поглянешъ, такъ до земли и прыпада, а иншiй якъ стовбуръ [2] стоить?» — Гай, гай! каэ батько, бачу, що ты ще не розумный и того не втелепавъ, зъ дуба выри(о)съ, а ума, бачу, не вынисъ! ото котрый повный, то такъ до земли и прыпада, а котрый пустый, то такъ до горы и дереця. «Отъ теперъ-жето я, тату, й догадавсь — видъ чого се нашъ пысарь Иванъ Гургуня такъ до горы нисъ дере!»

р. «Хто тамъ до тебе прiјиздывъ учора, пытае панъ у свого мужика, що ты до мене прыбигавъ за самоваромъ?» — Да якiйсь панъ. «Да якiй-же, якъ iого прозвище?» — Оце-й забувъ. Такось, якъ на птаха скидаеця: јe птахъ такiй. «Сорочиньскiй?» каэ панъ. — Ни. «Горобьевскiй» — И то ни! «Сыныцькiй?» — Да ни. А шобъ iого! отъ на уми вертыця, да не згадаю [3]... Вербицкiй, Вербицкiй, пане! насылу згадавъ. «Ты-жъ казавъ, що iого прозвище на птаха скидаеця?» — Ге! да що, хиба птахъ на вирби и не сидить?

q. Прыходе мужикъ до пана, выйшовъ у горницю да-й ставъ, а у пана бувъ попугай, котрый тильки и умивъ казаты: дуракъ мужикъ! Мужикъ стоить у пороги, а попугай усе каэ: дуракъ мужикъ! А мужикъ усе iому кланяеця, а дали и каже: «звините, ваше благородье! я думавъ, що вы птыця.»

г. Прысудылы козаки повисыты цыгана за то, що кобылу вкравъ. «Ой, батечки! каэ цыганъ, не вишайте-жъ мене за

---

1) Отецъ. 2) Обрубокъ каменный или деревянный. 3) Не вспомню.

шію, а луче пидъ мышки, за тымъ що я лоскоту дуже боюся!»

s. Шовъ мужикъ гаемъ [1], а жидъ за нымъ. Мужикъ и прыдержавъ гильку [2], а дали пустывъ, гилька и фыльнула [3] жида по мармизи [4] такъ, що-й око выбыла. «Ай, веймиръ, зацвенькавъ жидюга ухватывшись за пыку [5], а дали и каэ мужикови: спасиби со придерзавъ, а то и обои мозе оцы выбыла!»

t. Шовъ мужикъ полемъ, а за нымъ шовъ жидъ. Дывыця мужикъ: на земли лежать часы; винъ и пиднявъ, а жидъ тее побачывъ, да-й каэ: «цуисъ (чуешь), Иване! а со ты пиднявъ?» — А на що тоби?» Якъ на со? то мое, я іого загубывъ [6] уцора.» — Учора? да я сёгодня уранци и въ-пивдня тутечки разивъ зъ тры проходывъ, да не бачывъ ихъ. «Да со — со ты не бацывъ?» — А то, що ихъ нашъ панъ загубывъ, бо винъ тутечки сёгодня jіздывъ. «Ну, показы мини, а я-зъ тоби зказу: цы воно паньске, цы мое?»—На, гляды! «Дай-зе мини у руки.» — Ни, вже выбачай [7]. «А я-зъ тоби казу, со воно мое; я взе дамъ тоби рубль гросей.»—Не хочу! «Цуисъ, сцѣ кварту горилки.»—Не хочу! «А бодай тебе, якій ты завзятый! ну сцо-зъ ты хоцесъ?»—Нычого, понесу до пана. «Ну, колы взе такъ, понесемъ вмисци и сказемъ, сцо вмисци й знаслы, то панъ намъ дасць сто рубливъ гросей и мозе сце й коня на прыдацу.»—Ото дило! «Ну такъ ходимъ-зе заразъ!» —Ни, нехай уранци, теперычки вже не рано. «Дай-зе мини, нехай воны у мене полезать до ранку [8]» — Ни вже, за цю мову [9] бувай здоровъ! «Ну, я-зъ до тебе завтра уранци забизу.» — Ото дило!

---

1) Лѣсомъ. 2) Вѣтвь. 3) Хлестнула. 4) По рожѣ (Тр. Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 306). 5) За лице (ibidem, стр. 312). 6) Потерялъ. 7) Не прогнѣвайся 8) До утра. 9) Мова — рѣчь.

Побигъ жидъ у свою корчму, а мужикъ прямисенько пошовъ до пана. Ото-й побачывъ іого панъ да-й пыта: «что тебѣ нужно?» — Да я, пане, найшовъ вашы часы. «Спасибо, братъ, спасибо, что принесъ; вотъ я тебѣ за это дамъ пару овецъ.» — Спасиби, пане! Да тутъ јe прыцыпка. «Какая?» Мужикъ и разказавъ панови, якъ до нёго жидъ прыдыпывся. Панъ выслухавъ да-й каэ: «нужно съ жидомъ штуку съиграть. Возьми ты, братъ, часы назадъ, а завтра приходи вмѣстѣ съ жидомъ и въ награду проси по пятидесяти батоговъ, слышишь?» — Чую. «Ну, ступай же.» Прыйшовъ мужикъ до дому, переночувавъ, а на другій день ще сонечко не всхопилось [1], якъ жидъ прыбигъ до хаты мужиковой да-й гуркотыть въ виконечко [2]. «Иванце, Иванце! цы ты спысъ?» — Сплю. «А вставай: узе пора йты до пана.» — Колы пора, то й пидемо. Прышлы до пана, а панъ якъ будто вычого не зна, пытаеця у ихъ, чого имъ треба? «Якъ цого, пане, а зезъ(вже-жъ) я знайсовъ васы цасы, а Иванце зо мною.» — А спасибо; ну, чѣмъ же васъ наградить? «Да колы мылость ваша, пане, обизався мужикъ, то по пьятидисать батогивъ.» — Цуръ, дурню, со ты казесъ (кажешь)! «Да те, що треба!» — Хорошо, сказалъ панъ. Эй люди! отведите ихъ на конюшню. «Ой, веймиръ! не хоцу я ныцого, не хоцу я ныякой награды!» — Помилуй, Лейбо, какъ же мнѣ не наградить васъ! — Сказавшы се, панъ моргнувъ на людей, шобъ то, бачъ, схватылы жида да неби [3] и мужика. Люды схватылы и прывелы у конюшню; прышовъ и панъ у конюшню я пыта: «кому першъ [4] даты награжден(ь)е?» — Звисно, пане, що Лейби, за тымъ що винъ перший найшовъ и перший у насъ на сели, якъ вашъ арендаторъ. «Ну, ладно! сказавъ панъ, кладите Лейбу.» Ото-й положилы Лейбу и

---

1) Не встало, не взошло. 2) Окошечко. 3) Какъ будто. 4) Напередъ, прежде.

выдщиталы іому зъ перцемъ пьятьдисять; якъ выдщиталы, тогди панъ и каэ мужикови: «ну, братъ, теперь и твоя очередь!» — Ни, пане, якъ Лейба першій найшовъ, то іому слидуе тры четверти, а мини остальне. «И то правда! сказавъ панъ, кладите Лейбу.» Положилы Лейбу, ще выдщиталы іому двацятьпьять. Мужикъ зновъ каэ: «пане, я чоловикъ зажиточный соби, маю и худобыньку [1]) и хату зъ кимнатою [2]) а дитокъ не маю, тильки една жинка; а у Лейбы и жинка, и дитокъ богацько [3]), а хаты чортъ-ма [4]), то я іому и свои двацятьпьять на дитокъ отдаю.» — Это твоя, братъ, воля! сказавъ панъ, отщитайте Лейбѣ остальные двадцать пять. Положилы сердеку и у третій разъ, да такъ выдщиталы, що водыци далы напытысь, а то може-бъ довго лежавъ. Прыбигъ жидъ до дому, а жинка и пыта іого: «цы богацько панъ давъ?» — Сотню. «Со-зъ такъ мало?» — Ай, трясьця [5]) іого мамѣ! бисивъ мужыкъ! давъ бы око выколоть за батоги!

п. «Чого се ты дома сидышъ, казала жинка мужикови, чему се ты не поведешъ вола въ Москву? тамъ, кажуть, хороши гроши дають за воливъ.»—Оле! и то правда, спасиби що нагадала. Ото и повивъ мужик вола въ Москву продавать, и стрича [6]) іого у Москви москаль и каэ: «здоровъ хахолъ!» — Будте здоровы, москалю! «Што, братъ, продаешь козла?» — Якого козла? «Што ведешь за рога.» — Да се вилъ! «Што ты, беэмоэглый хахолъ, дурачить што-ль пришолъ?» — Да Бигъ зъ вами, се вилъ! «Да Богъ съ тобою, хахолъ, это козелъ! тебя ешшо поколотатъ, какъ будешь говорить, што это волъ.» — Отчалюйте, отчалюйте [7]), москалю! я бачу, що у васъ не уси дома. «Погоди, отчалитъ хто-нибудь тебя!» Мужикъ повивъ

---

1) Худоба — имущество (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 23). 2) Свѣтелкою. 3) Много. 4) Нѣту. 5) Лихорадка (Тр. Общ. люб. рус. слов., кн. VII, стр. 319). 6) Встрѣчаетъ. 7) Отчаливай.

вола дали, а москаль переулками побигъ да знову іому на ветричъ иде. «Здоровъ, хахолъ!» кае москаль. А мужикъ и не втелепавъ [1], що то той самой москаль, що перше здоровкався, да-й кае: «здоровы булы!» — Не продаешь ли козла? Мужикъ глядыть на москаля да-й дума: «чи воны подурилы, си москали, що на вола кажуть козелъ!» — Ну, што вылупилъ глазища? тебя спрашиваютъ, не продаешь ли козла? «Да якій се козелъ, се вилъ.» — Гдѣ волъ? «Да осе!» — Вотъ тебѣ, проклятый хахолъ, штобъ не дурачилъ людей! и двизнувъ [2] москаль мужика по потылыци [3], и пишовъ соби. «Оце лыхо!» дума мужикъ: ужь самъ соби, сердека, не вире. «Може се манія [4] яка! побачу, що буде дали, а то й брошу — цуръ іому!» Повивъ вола дали, а москаль — що то за хытрый бувъ! — побигъ да надивъ вже мундёръ, да-й знову иде на ветричъ мужикови, шобъ то, бачъ, зовсимъ зъ пантолыку збыты [5]. «Эй ты, лоботрясъ! што заплатилъ за козла?» Злякавсь [6] бидный мужикъ: «оце лыхо! дума самъ соби, я й казавъ, що се манія яка, а не вилъ!» да уже зрадовавсь, що москаль озвався. «Цуръ іому, шобъ я за собою манію водывъ!... Я іого продаю» кае москалю. — А што просишь? «Да дисять корбованьцивъ.» — Што-о! ахъ ты, мужицкая твоя харя! да гдѣ же ты слышалъ, штобы за козла платили по десяти цалковыхъ? «Да не серчайте бо, господынъ служивый! вы кажить, що даете.» — Цалковой. «Накыньте хоть шо-нибудь!» Москаль баче, що мужикъ зовсимъ здуривъ, ну торговаця, и выторговавъ вола за два корбованьця.

Пишовъ мужикъ до дому; выйшовъ у хату, кинувъ на пилъ батигъ и шапку, ставъ да-й дывыця на жинку. «Ну шо, пытае

---

1) Не призналъ, не смекнулъ. 2) Ударилъ. 3) По затылку. 4) Призракъ, привидѣніе (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13). 5) Съ разуму сбить. 6) Испугался (Тр. Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 298).

іого жинка, продавъ вола?» — Якого вола? «Да бурого, що въ Москву повивъ.»—Ге, вола! бувъ вилъ, да зкозлятывсь [1])!

х. Ны продавъ мужикъ вола въ губерныи и веде до дому, закинувъ іому ланцюгъ [2]) на роги; а москали видризалы ланцюгъ да привьязалы свого брата москаля, а вола повелы зновъ на ярманокъ у губерныю. Ото привьязанный москаль якъ смыкне [3]) за ланцюгъ, мужикъ и оглянувся и баче, що замись [4]) вола привьязана служба [5]). «Що се таке?» каз самъ соби. А москаль каз іому: «пусти меня, мужичокъ! за што ты меня привязалъ, вѣдь я табѣ ничаво не сдѣлалъ.» Мужикъ спугався да и ланцюгъ упустывъ, а москаль тымъ часомъ взявъ да утикъ [6]). Вернувся знову мужикъ въ губерныю и баче, що іого вола москали вже продають на ярманци, а знакомый чоловикъ зъ ихъ же села торгуе того вола; ото винъ пидыйшовъ до нёго да-й каз: «эй, брате, не купуй сёго вола! се не вилъ, а манія: отъ теперъ винъ зовсимъ якъ вилъ, а выведешъ за губерныю, той стане служба!»

у. Прыјихавъ Грыцько у Москву и ставъ биля дзвоныци [7]) Велыкаго Ивана, да галки й щита, а на ту биду йде москаль да й пыта Грыцька: «што ты, хахолъ, дѣлаешь?» — Галки щитаю, господа служба! «Какъ, што? га́лки считаешь?» — Эге! «Какъ-же ты смѣешь казенныя галки считать — а?» — Хиба-жъ воны зправди казены? «А ты, безмозглой, и этаво не зналъ! пойдемъ въ полицію.» — Да за що, господа служба, въ полыцію? «Какъ за што? за галки.» — Да помылуйте! «Што тутъ съ тобою толковать, пойдемъ, говорятъ; а не то за шиворотъ потащу!» — Да помылуйте-бо! може вамъ грошей треба? «А сколько ты галокъ нащиталъ?» — Да усего тильки два десятка. «По гривнѣ за штуку!» — Да звольте-жъ,

1) Окозлятился. 2) Цѣпь, обороть. 3) Дернетъ, потянетъ. 4) Вмѣсто. 5) Солдатъ. 6) Убѣжалъ. 7) Колокольни.

тильки помылуйте! Полизъ у кишеню [1] Грыцько, доставъ мидякивъ [2] пригоршь [3], выдщитавъ москалеви два рубли, да мерщій [4] видъ нёго, прибигъ до своихъ да-й сміеця. «Чого се ты сміеся?» пытаюця іого хлопци. — Кихъ, кихъ, кихъ! оце обдурывъ москаля; кажуть, що москаля не обдурышъ; я нащитавъ гало́къ може сотни зъ дви, а сказавъ іому тильки двадцать!

г. Бижить мужикъ, а на встричъ іому иде москаль; мужикъ и пыта у москаля: «москалю, москалю! чи не находывъ ты торбынки [5], а въ торбыньци выторопокъ [6] да дви [7] паляныци?» — Што? «Чы не находывъ ты торбынки, а въ торбыньци выторопокъ да дви паляныци?» — Нѣтъ, я нашолъ мяшокъ, а въ мяшкѣ заяцъ да двѣ ляпёшки. «Ни, каэ мужикъ, се не мое!»

аа. Москаль побачывъ, що у мужика на горыщи [8] висе сало, да тыхесенько й полизъ, щобъ то, бачъ, іого зняты. Знявъ сало, да вмисци зъ саломъ якъ загуркотыть [9], бо стеля [10] була у хати уже трухлява [11]. Ото винъ и впавъ у хату, а у хати чоловикъ зъ жинкою да зъ дитками вечерялы [12]. Шо тутъ робыты москалеви? винъ заразъ вскочилъ на ноги да и пыта у мужика: «а што, братъ, не были-ль здѣся наши колядники? [13]» — Ни, не було́. «А коли не были, такъ прощай!» И зъ симъ словомъ москаль выбигъ зъ хаты. «Оце лыхо! каэ жинка чоловикови [14], мини здаеця, що у москаля було наше сало? — И то бачъ, каэ мужикъ, а полизь лышинь на горыще

---

1) Въ карманъ (Тр. Общ. люб. рос. сл., кн. VII, стр. 301). 2) Мѣдныхъ денегъ. 3) Пригоршь, горсть. 4) Скорѣе (Тр. О. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 306). 5) Мѣшка. 6) Заяцъ (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 32). 7) Двѣ. 8) На чердакъ. 9) Громко застучать; здѣсь: провалиться съ шумомъ. 10) Потолокъ. 11) Дряблая, гнилая (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 233). 12) Ужинали. 13) Тѣ, которые славятъ по дворамъ на праздникъ коляды. 14) Мужу.

да погляды. Полизла жинка, побачыла, що нема сала, да-й каэ: «нема, чоловиче!» — Оле! ну вже-жъ хочъ москаль и вкравъ сало, за тожъ и самъ страху набравса!

ѣѣ. Шовъ мужикъ зъ поля, пидходе до своей хаты, зиркъ въ викно, а у хати москаль цюлуе іого жинку. Мужикъ мерщій у хату, а москаль прымитывъ мужика да мерщій на покути, вкрывся — небито спыть. Мужикъ шасть у хату и баче, що москаль спыть, а жинка пораеця биля пички 1). «Хиба-жъ то я нычого й не бачывъ!» каэ мужикъ. «А шо ты тамъ бачывъ?» пыта іого жинка. — Якъ шо, бисова дочка! «За що ты лаешся, вражій сыну?» — Якъ за що! хиба-жъ я не бачывъ, якъ тебе москаль цюлувавъ. «Колы?»—Якъ колы! Господа служба! господа служба! каэ мужикъ москалеви; бачъ, небито й спыть! оце лыхо, въ очи обдурюють! «Што за шумъ!» каэ москаль, продыраючи очи — бачъ хоче показаты, що спавъ. — Якъ що за шумъ! А на що вы мою жинку цюлувалы? «Када?» — Якъ колы! да заразъ. «Што ты ошалѣлъ, што ли? я къ начальству пойду, пожа*люсь*, што ты мнѣ покою не даешь; на ученьи былъ, усталъ...» — Да таки и пидить, господа служба! каэ жинка, пожалуйтесь на іого. Се іому видъ пьянства такъ вздрилося 2). «Оце лыхо! каэ мужикъ, далеби 3) що самъ бачывъ.»—Да што ты одурѣлъ—што ли? Мужикъ здвыгнувъ плечими и дума: «а може мини й показалося.» — Какъ-же ты видѣлъ? пыта іого москаль. «Да у викно» каэ мужикъ. — А постой, я пойду погляжу.

Пишовъ москаль да и глядыть у те саме викно, у которе глядывъ и мужикъ, да и каже: «вотъ и ты цалуешь!» — Да ни, господа служба! далеби-то що ни, каэ мужикъ дывуючись. «Нѣтъ, братъ, цалуешь!»—Оце оказія! каэ мужикъ. А идить

---

1) Возится, убирается около печи. 2) Показалося. 3) Ей, по истинѣ (Тр. Общ. *л.* рос. сл., кн. VII, стр. 294).

вы, служба, у хату, а я ще пиду подывлюсь. Москаль выйшовъ у хату да зновъ ставъ жинку цюлуваты, а мужикъ дывыця у викно да и каэ: «цюлуете, господа служба, далеби що цюлуете!» — Вотъ я тебѣ говорю, што это окно такъ показываетъ! «А и справди, се викно не певне [1]), мороче воно насъ зъ вамы! каэ мужикъ вхôдючи у хату; треба забыты iого, господа служба! бачете, що воно зачаровано.»

cc. Прышовъ москаль на квартеру да-й каэ хозяйци: «хазявка! нѣту ли чаво поѣсть?» — Je, каэ хозяйка. «Ну такъ давай!» Ото-й постановыла Хивря передъ москалемъ повнисеньку макитру вареныкивъ, — дума соби, що москаль повной не зъjисть. Почавъ москаль поратьця биля вареныкивъ, упорався такъ, що тильки на донычку трошки [2]) зосталось. Баче москаль, що вже трохи вареныкивъ въ макитри да-й пыта Хиврю: «хазявка! а какъ называетца евта ѣда?» Хивря дуже розсердылась на москаля за вареныки да зъ сердцемъ iому й каэ: «жры мовчки!» [3]) — А славные жримочки! каэ москаль, нельзя ли ешо подложить евтихъ жримочковъ?

dd. Прыjихавъ зъ кiевской бурсы сынъ зажиточнаго мужика Петра Дренчика, хлопья мале, да що то розумне да презрозумне, таке що забуло — якъ зъ намы и говорють и якъ зовеця плугъ, або потылыця, усе по пысьменьскому раздобарюе: потылыця, каэ, не потылыця, а затылокъ. Ото ходе винъ зъ батькомъ по двору и баче, що лежать грабли, винъ и пыта батька: «тату, якъ воно зовеця?» да-й наступывъ на зубци. Ще батько и не видвитывъ iому, якъ грабли вченого паныча вчистылы по мармызи такъ, що искры зъ очiй посыпалысь. «Ай, бисови грабли!» заскыгливъ [4]) панычъ, а батько

---

1) Обыкновенное (Тр. Об. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 310). 2) Немножко. 3) Молча. 4) Жалобно запищалъ (Малорус. словарь Чужбинскаго, стр. 147).

й каэ: «такъ тоби й треба, сыну! вчись да розуму не провчи [1]); скоро ты забудешъ, якъ и мене зваты.»

ее. Jихавъ Омелько зъ губерныи до дому, а школяръ тожъ бигъ до дому. Баче школяръ, що на дорози велыка калюжа [2]), да-й почавъ прохаты Омелька, шобъ винъ iого перевизъ, а Омелько й каэ: «ты, братику, вченый, перейдешъ—якъ захочешъ.»—Э, колы-жъ такъ, каэ бурсакъ, то я-жъ тоби зроблю штуку. Тильки що Омелько въjихавъ въ калюжу, а бурсакъ вбигъ за ным, да-й сивъ верхи на коня да-й выдризавъ гужи у хамути, и переjихавъ черезъ калюжу; а Омелько зоставсь у калюжи. Що тутъ робыты Омелькови? треба злазыты зъ воза да ловыты коня, що бурсакъ переjихавши бросывъ на тымъ боци [3]), а самъ узявъ да-й утикъ. Піймавъ Омелько коня, запригъ якъ прышлось у самой калюжи, и прыjихавъ до дому. Входе у хату и баче, що бурсакъ сидыть на покутя въ iого хати. Омелько и ротъ розавывъ да-й пыта жинку: що се? якъ се?—Да ночуваты попросився, каэ жинка. «Гу! каэ Омелько; добре, спасыби, жинко! що пустыла. Отъ теперъ-жежъ то я зъ тобою, бисове дытя, розтурбуюсь [4]).» Що тутъ робыты бурсакови? утикъ бы, да Омелько и хату защепнувъ и самъ ставъ биля дверей. Ото и каэ Омелько бурсакови: «а ходы лышинь сюда, вченый панычу!» Бурсакъ пидыйшовъ. «А що се таке?» пыта Омелько и показуе на огонь. — А щожъ, дядюшка, каэ бурсакъ, якъ не огонь! «Ни, брешишъ» каэ Омелько, да якъ згарбавъ [5]) школяра за чупрыну да круте, круте, да приговорюе: «брешишъ, се не огонь, а чистота!» Ажъ моторошно [6]) стало бурсакови, да нычого робыты. А дали звеливъ Омелько жинци прынесты кухлыкъ [7]) воды, да знявъ пыта у

1) Проучи. 2) Лужа (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 10). 3) На той сторонѣ. 4) Расправлюсь; турбовать — безпокоить кого, трогать (Тр. Общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 319; Опытъ обл. великор. словаря, стр. 234). 5) Сграбилъ. 6) Жутко. 7) Кувшинъ.

бурсака: що воно је?—Вода, каэ бурсакъ. «Ни, брешишь, каэ Омелько, се не вода, а благодать!»—да знову згорбавъ бурсака за чупрыну и ну крутыты, ажъ слёзы якъ горохъ сыпалюця изъ очій у бурсака, а Омелько іого круте за чупрыну да прыговорюе: «се не вода, а благодать!» — Ну а се що? пыта знову Омелько у бурсака и показуе на стелю. «Стеля, дядюшка!» каэ бурсакъ. «А, бачъ, ты вченый, да не знаешь, що се высота!» да знову почавъ за чуба крутыты; крутывъ, крутывъ, ажъ искры посыпалысь изъ очій у бурсака; сердека-бурсакъ ажъ упавъ! Тогди Омелько зказавъ: годи! [1]).

Писля сёго Омелько зъ жинкою повечерялы, а бурсакови не далы, да-й леглы спаты. Лигъ и бурсакъ, да не спыця іому: почувъ, що мужикъ зъ жинкою захропылы, тыхесенько видсунувъ заслинку у печи, доставъ огню, и вышовъ зъ хаты да и пидложывъ той огонь пидъ стриху; хата мужикова и загорилась, а бурсакъ видсунувъ виконечко да-й крычить мужикови: «дядюшка, а дядюшка! встаньте да погляньте, що воно робыця!» — А що тамъ таке? каэ Омелько. «Якъ що? хиба-жъ вы не бачыте, що чистота побигла на высоту. А вы, дядюшка, мерщій берить благодать да йдить хату залывать!»

ff. Шовъ москаль чи въ домовый отпускъ, чи що, а іого догона конемъ Грыцько зъ нашого села — чоловикъ усимъ знакомый, той що у цвынтари [2]) въ велыкій пистъ стоить зъ каламаромъ [3]) да проскуры [4]) подписуе, бо бувъ соби чоловикъ письменный. Іого звалы по батюшци Максымовычъ, Ото винъ догнавъ москаля, а москалю захотилося пидъїхаты, бо дуже утомывся сердека. Москаль и гукнувъ [5]) Грыцьку: «здоровъ хахолъ Максимовичъ!» Грыцько не розчухавъ [6]), якъ

---

1) Довольно. 2) Въ церковной оградѣ (Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 24). 3) Съ чернилицею (ibidem, стр. 10). 4) Просвиры. 5) Закричалъ. 6) Не разслышалъ.

іого москаль назвавъ по имены, а тильки почувъ ще по батькови такъ улучивъ [1]); спынывъ [2]) коня, глядыть на москаля, потылыцю чеше и самъ смiеця. «Што, каэ москаль, аль не познал — што ли?»—Ни, каэ Грыцько. «Вотъ-те на! Нешто забылъ, какъ мы стояли въ вашей деревнѣ?»—Да чы не Иванъ вы, господа служба? «Насилу вспомнилъ, Максимычъ! а братъ твой, али сватъ, какъ бишь ево — тотъ, што водочку тово...»—Се Иванъ, да винъ мини дядько доводыця; нема вже iого, господа служба! «Да гдѣ же онъ?»—Вмеръ. «Ой ли! а славной былъ мужикъ, царство небесное!» Москаль взявъ да-й перехрыстывсь. «Да вы, бачу, усихъ нашыхъ знаете; сидайте лышинь на визъ, я васъ пидвезу.» Москалю тильки того й хотилось. Сивъ москаль на визъ да якъ переговорывъ усе, що було, а мовчки сидиты не хотилося, и каэ Грыцькови: «Максимычъ! давай, братъ, рифми говорить.» — Якъ се то рыхмы? «Да такъ, штобъ было до ладу.»—А щожъ, давай. «Вотъ, напримѣръ, какъ твоего дѣда звали?» — Кузьмою. «Я твоего Кузьму за бороду возьму.»—Ни, се не звычайно [3]); мiй дидъ бувъ чоловикъ вельмы поважаемый, за що iого за бороду браты? «Эхъ, братъ, не знаешь ты дѣла! ну, какъ твоего дядьку звали?»—Хиба-жъ ты не знаешъ, що Иванъ! «Твой дядько Иванъ большой болванъ.»—Бачь, бисова служба, ще-й лаеця! А якъ-же тебе зовуть? «Леонтiй.»—Э, колы Леонтiй, то злизай зъ воза. «Да евто не рифма.» — Да що, хоть не рыхма, а ты геть пишовъ зъ воза!

gg. Ходывъ якiйсь панъ по охоти зъ легавою собакою, зовсимъ якъ треба, а мужикъ ще до схидъ сонця вставъ да може дѣ яку й десятыну зоравъ [4]) и сивъ соби снидаты хлибъ да сало. Ото панъ и пидходе до нёго и пыта: «а що се ты ро-

---

1) Попалъ. 2) Остановилъ. 3) Звычайный — обыкновенный, вѣжливый. 4) Спахалъ.

быль, чоловиче?» — Снидаю, пане! «Снидаешь?»—Эге! «А щожъ ты снидаешь?»—Що снидаю? хлибъ да сало. «Сало! да и собака моя не буде јисты сала, хоть брось јий.» Мужикъ и выдризавъ шматочикъ [1]) сала и кинувъ собаци да-й дывыця, що то зъ того буде, а панъ щось не наше зказавъ собаци. Собака й дывыци на сало, а јисты бонця. Мужикъ поглядуе то на пана, то на собаку, а дали зкинувъ кучму, почухавъ [2]) потылыцю и каэ: «отъ теперъ-жежъ то я, пане, догадавсь, видъ чого вона не јисть сала; бачу, що в вона едыной зъ вашы породы.»

hh. Прыјихавъ якійсь панъ у свое село; винъ десь въ другимъ мисци живъ довго-довго, такъ що мужики не зналы, що тамъ за панъ у ихъ. Ото и прыјихавъ да заразъ вылизъ зъ кареты и пишовъ до горници, а іого собака, чи вона мыдляньска, чи або яка, съ довгимы ушима, зосталась у карети. Ото една жинка и каэ своему чоловикови: «чоловиче! пиду лыжинь я побачу, що тамъ за панъ такій!»—Иды, каэ чоловикъ. Ото-й пишла жинка на паньскій дворъ и баче, що стоить карета. Вона заразъ до ней и дывыця; подывылась и пишла соби до дому. Ото-й пыта јии чоловикъ: «а що, жинко, чи бачыла пана?»—А якъ-же! «А якій же винъ?»—Да якій! зовсимъ якъ нашъ барбосъ, тильки уши довши [3]).

ii. Побачывъ Пудъ у паньи маленьку собачку на рукахъ, да хорошу, да мохнату-премохнату, да-й каэ самъ соби: «що то за бисови глачане, чого воны не зроблять!»

kk. «Що то за скусны [4]) нимци! казавъ Несторъ, бачъ обизяну выдумалы!

(Собраны учителемъ грайворонскаго уѣзднаго училища, въ курской губерніи, г. Островскимъ.)

---

1) Кусочикъ. 2) Почесалъ. 3) Длиннѣе. 4) Искусны.

ПРИМѢЧАНІЯ.

2.

Катигорошекъ.

Сказка эта, какъ и многія другія, начинается похищеніемъ дѣвицы лютымъ змѣемъ, который убиваетъ двухъ ея братьевъ. Осиротѣлая ихъ мать молитъ Бога, и ради этой молитвы совершается чудо: катится горошинка. «Божій даръ!» думаетъ она, подняла горошинку и съѣла—отъ того понесла и родила богатыря, будущаго побѣдителя страшныхъ сказочныхъ змѣевъ. Богатырь выросъ, названъ Покатигорошкомъ; сила его чрезмѣрна. Подобно другому сказочному богатырю, Ивану Попялову, онъ пробуетъ скованную для него желѣзную семи-пудовую булаву о свое колѣно; онъ вырываетъ дубъ съ корнемъ, разбиваетъ мизинцемъ въ щепы колоду въ четыре сажени толщины и въ двѣнадцать длины, а дуновеніемъ своихъ устъ превращаетъ ее въ пепелъ; вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣстъ желѣзный хлѣбъ и желѣзные бобы [1]. Въ сказкѣ, напечатанной подъ № 10, Надзей-богатырь также чудесно родился отъ пепла сгорѣвшей головы и одаренъ громадною силою. Съ Покатигорошкомъ соединяются другіе сказочные богатыри *Вернигора* и *Вернидубъ*, имена которыхъ указываютъ уже на степень ихъ силы: одинъ поворачиваетъ горы, другой вывертываетъ дубы.

1) Сличи съ сказкою въ изданіи Кулиша: «Записки о южной Руси», т. 2, стр. 52.

Но оба они уступаютъ въ силѣ Покатигорошку; мы еще встрѣтимся съ ними въ другихъ народныхъ сказкахъ; въ № 10 этого выпуска тоже выведенъ богатырь *Горыня*. — Сказка о Покатигорошкѣ имѣетъ много варіантовъ, съ которыми читатели познакомятся при изданіи сказокъ изъ собранія В. И. Даля. Она сходна съ напечатанною во второмъ выпускѣ сказкою: «Иванъ Попяловъ» (N 30). Г. Максимовичъ передаетъ содержаніе украинской сказки о Катигорошкѣ (см. Русск. Бесѣда, 1856 г., т. 3, стр. 100—101): бездѣтная жонка шла по воду, увидѣла — катится по дорогѣ горошина, подняла и съѣла; родился богатырь, который, при помощи своего вѣщаго воронаго коня, совершаетъ разныя чудныя похожденія, между прочимъ захватываетъ морскую пани; но подвиги эти совсѣмъ иные, а не тѣ, какіе составляютъ содержаніе бѣлорусской сказки, нами напечатанной. — Ржаніе коня, вой собаки, крикъ сокола—все это примѣты къ бѣдѣ, несчастію.

3.

Волкъ и лиса.

Смотри еще варіантъ въ изданіи г жи Авдѣевой: «Русскія сказки для дѣтей, разсказанныя нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою». (Изд.3. СПБ. 1856, стр. 48—54.) Здѣсь напечатано только *семь* сказокъ, переданныхъ просто, но безъ соблюденія мѣстныхъ оборотовъ языка. Въ прекрасной книгѣ Гаупта и Шмалера: «Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz» (Grimma, 1843, in 4, часть 2-я, стр. 164—6) помѣщены два любопытные списка сказки о волкѣ и лисѣ: № 6 — «Битый небитаго везетъ»; № 7 — «Несчастливая рыбная ловля волка». Въ первой сказкѣ волкъ и лиса отправляются искать приключеній. Погода была чудная и мѣ-

сяцъ ярко свѣтилъ на небѣ. Вотъ пришли они къ небольшому источнику. «Что это?» спросилъ волкъ. — Гдѣ? говоритъ лиса. «Да вотъ въ водѣ!» Полный мѣсяцъ отражался въ источникѣ. — Это славный сыръ. «Я бы охотно его попробовалъ!» — Выпей напередъ воду. И волкъ принялся тянуть въ себя воду, а лиса тутъ-же заткнула его пробкою. Вылокалъ онъ всю воду до дна, а сыра нѣтъ! Послѣ того отправились они въ прядильню, гдѣ парни собрались на вечерницу. Лиса примѣтила, что здѣсь приготовлены славныя колбасы; захотѣлось ей попробовать, да какъ? у дверей лежитъ цѣпной песъ и не пуститъ. Она ототкнула у волка пробку — и вода полилась и стала наполнять комнату, все выше и выше. Тутъ всѣ напустились на волка, принялись его ругать, бить, и вытолкали вонъ; а лиса межъ тѣмъ подхватила колбасы, съѣла, и вымазалась нарочно брусникою, которая подлѣ стояла. Приходитъ къ волку, а тотъ къ ней съ укорами; лиса притворилась избитою, окровавленною, увѣрила волка, что ей и самой досталось, и уговорила пріятеля посадить ее къ себѣ на спину и отнести домой. Волкъ согласился; дорогой лиса причитываетъ: «битый небитаго несетъ!» Волкъ услыхалъ и переходя черезъ перекладину, сбросилъ ее въ ровъ съ водою. — Смотри также нѣкоторыя подробности объ этой сказкѣ въ статьѣ г. Пыпина въ Отечественныхъ Запискахъ 1856 года, № 5, стр. 9—16.

4.

Лиса и журавль.

Начало этой сказки сличи съ разсказами о лисѣ, напечатанными въ выпускѣ I, стр. 9—10 и выпускѣ II, стр. 109—111. Въ бѣлорусскомъ варіантѣ подробности о томъ, какъ хитрила лиса, чтобы избавить мужика отъ волка, пере-

даны съ особенною полнотою. По замѣчанію г. Пыпина, подобная сказка существуетъ у эстонцевъ, гдѣ также лиса пугаетъ медвѣдя охотниками (Отеч. Зап. 1856 года, № 5, стр. 19).

Но болѣе всего въ этой сказкѣ обращаетъ наше вниманіе— конецъ: хитрая лиса сама попадается въ просакъ и дѣлается жертвою своей собственной недогадливости и злости. Разсказъ о лисѣ и жбанѣ, сходный съ нашимъ, но переданный въ необыкновенно-увлекательной поэтической формѣ, существуетъ у чеховъ; смотри въ изданіи Шафарика — «Wýbor z literatury české» (1845 г., Прага, стр. 228—230: Bajka o lišce a čbanu). Шафарикъ относитъ эту байку къ XIII столѣтію. «Въ числѣ любимыхъ чтеній средневѣковой Европы, говоритъ онъ, были разсказы о животныхъ. Слѣдующая байка (о лисичкѣ и ведрѣ) свидѣтельствуетъ, что уже въ XIII столѣтіи у чеховъ были извѣстны подобныя сочиненія, ибо по языку своему можетъ быть отнесена она къ этой отдаленной эпохѣ. Находится она въ рукописи Градецкой (нынѣ въ книгохранилищѣ Лобковицкомъ) и напечатана въ первый разъ въ собраніи басень Пухмайера, въ Прагѣ 1795 г.; также въ сочиненіи Томсы: «Ueber Veränderungen der böhm. Spr.» 1805 г., стр. 72.» Смотри еще разсказъ о лисѣ и кувшинѣ въ IV-мъ выпускѣ «Народн. русскихъ сказокъ» (№ 19).

Приведемъ кстати еще одинъ варіантъ сказки: «Мужикъ, медвѣдь и лиса», записанный въ тульской губерніи членомъ-сотрудникомъ Русскаго Географическаго Общества, г. Мясоѣдовымъ:

Пахалъ мужикъ ниву; пришелъ къ нему медвѣдь и говоритъ ему: «мужикъ, я тебя сломаю!» — Нѣтъ, не замай (т. е. не трогай); я вотъ сѣю рѣпу, себѣ возьму хоть корешки, а тебѣ отдамъ вершки. «Быть такъ, сказалъ медвѣдь, а коли обманешь —такъ въ лѣсъ по дрова ко мнѣ хоть не ѣзди!» Сказалъ

и ушелъ въ дуброву. Пришло время: мужикъ рѣпу копаетъ, а медвѣдь изъ дубровы вылѣзаетъ. «Ну, мужикъ, давай дѣлить!» — Ладно, медвѣдюшка! давай я привезу тебѣ вершки — и отвёзъ ему возъ ботвы. Медвѣдь остался доволенъ честнымъ раздѣломъ. Вотъ мужикъ наклалъ свою рѣпу на возъ и повезъ въ городъ продавать; а на встрѣчу ему медвѣдь: «мужикъ, куда ты ѣдешь?»—А вотъ, медвѣдюшка, ѣду въ городъ корешки продавать. «Дай-ка попробовать, каковъ корешокъ!» Мужикъ далъ ему рѣпу. Медвѣдь какъ съѣлъ—«а—а! заревѣлъ, ты меня обманулъ, мужикъ! корешки твои сладеньки. Теперь не ѣзжай ко мнѣ по дрова, а то задеру!» Мужикъ воротился изъ города и боится ѣхать въ лѣсъ; пожогъ и полочки, и лавочки, и кадочки, наконецъ дѣлать нечего — надо въ лѣсъ ѣхать. Въѣзжаетъ потихонечку; откуда ни возьмись бѣжитъ лисица. «Что ты, мужичокъ, спрашиваетъ она, такъ тихо бредешь?»— Боюсь медвѣдя, сердитъ на меня, обѣщалъ задрать. «Небось медвѣдя, руби дрова, а я стану порскать (охотничій терминъ); коли спроситъ медвѣдь: что такое? скажи: ловятъ волковъ и медвѣдей.» Мужикъ принялся рубить; глядь — анъ медвѣдь бѣжитъ и мужику кричитъ: «эй, старикъ! что это за крикъ?» Мужикъ говоритъ: «волковъ ловятъ да медвѣдей.» — Охъ, мужичокъ! положи меня въ сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумаютъ, что колода лежитъ. Мужикъ положилъ его въ сани, увязалъ веревкою, и давай обухомъ гвоздить его въ голову, пока медвѣдь совсѣмъ окачурился (издохъ). Прибѣжала лиса и говоритъ: «гдѣ медвѣдь?» — А вотъ околѣлъ! «Ну чтожъ, мужичокъ, теперь нужно меня угостить.»— Изволь, лисынька! поѣдемъ ко мнѣ, я тебя угощу. Мужикъ ѣдетъ, а лиса впередъ бѣжитъ; сталъ мужикъ подъѣзжать къ дому, свиснулъ своимъ собакамъ и притравилъ лисицу. Лиса пустилась къ лѣсу и юркъ въ нору; спряталась въ норѣ и спрашиваетъ: «охъ вы, мои глазоньки, что вы смотрѣли,

когда я бѣжала?» — Охъ, лисынька, мы смотрѣли, чтобъ ты не спотыкнулась. «А вы, ушки, что дѣлали?» — А мы все слушали, далеко ли псы гонятъ. «А ты, хвостъ, что дѣлалъ?» — Я-то, сказалъ хвостъ, все мотался подъ ногами, чтобъ ты запуталась да упала, да къ собакамъ въ зубы попала. «А-а, каналья! такъ пусть же тебя собаки ѣдятъ.» И высунувъ изъ норы свой хвостъ, лиса закричала: «ѣшьте, собаки, лисій хвостъ!» Собаки за хвостъ потащили и лисицу закамшили (т. е. задавили: см. Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 79, 88). Такъ часто бываетъ: отъ хвоста и голова пропадаетъ.

6. 13.

Жена безъ рукъ. Косоручка.

Сказка эта передается еще съ слѣдующими измѣненіями: жилъ-былъ царь, у него были сынъ и дочь. Царь померъ и остались одни—братецъ съ сестрицей. «Сестрица! говоритъ онъ, отдадимъ тебя замужъ.» — Нѣтъ, братецъ, лучше тебя напередъ женимъ. Вотъ онъ и женился, а сестрицу все не забываетъ, и при женѣ любитъ и почитаетъ ее по старому: въ иномъ дѣлѣ жены не послушаетъ, а что̀ скажетъ сестрица — то и сдѣлаетъ. Братниной женѣ стало то завистно. Вотъ разъ какъ-то онъ уѣхалъ, жена возьми что ни есть лучшаго коня подъ золотымъ ковромъ изрубила на мелкія части. Пріѣзжаетъ мужъ, она сидитъ да плачетъ. «Чего ты плачешь?» — Какъ же мнѣ не плакать? твоя сестра-злодѣйка пришла въ конюшню да что ни есть лучшаго коня подъ золотымъ ковромъ изрубила на мелкія части. «Ну пусть волкамъ будетъ мясо!» Въ другой разъ уѣхалъ мужъ; жена взяла сокола въ золотой клѣткѣ — изрубила на мелкія части, сама сидитъ да плачетъ. Воротился мужъ. «Чего ты плачешь?» —

Какъ же мнѣ не плакать? твоя сестра-злодѣйка взяла сокола въ золотой клѣткѣ — изрубила на мелкія части. «Ну чтожъ, сова его клюй!» Опять уѣхалъ мужъ, жена взяла свое дитя, изрубила на мелкія части, сидитъ и разливается горючими слезами. Пріѣхалъ мужъ и спрашиваетъ: «чего ты плачешь?» — Какъ же мнѣ не плакать? твоя сестра-злодѣйка изрубила нашего дѣтеныша! [1]). Братъ приказалъ сестрицѣ нарядиться: «пріодѣнься-ка да поѣдемъ со мною!» Не говоря ни слова, она одѣлась; братъ взялъ топоръ и повезъ ее въ лѣсъ; остановился у дубоваго пня и говоритъ: «ну, сестра, клади свою голову на этотъ пень. Я ее отрублю!» Стала сестрица лить передъ нимъ слезы и упрашивать: «родимой мой братецъ! не руби головы, отруби лучше мои бѣлыя руки по самые локотки.» Онъ отрубилъ ей руки по самые локотки и уѣхалъ домой, а сестрица пошла скитаться по лѣсу: гдѣ день, гдѣ ночь! Ходючи по темному лѣсу, изорвалась она, всю одёжу по кустамъ оставила, и стали кусать её комары да мошки — а прогнать-то нечѣмъ! вотъ она и спряталась въ дупло. На ту пору выѣхалъ на охоту королевичъ; собаки напали на ея слѣдъ, прибѣжали къ дуплу, такъ и вьются вокругъ дерева да лаютъ. «Кто здѣсь? спросилъ королевичъ; озовись и выходи!» — Я бы вышла, говоритъ дѣвица, да я голая! «Ничего, выходи и такъ!» Вотъ она и вышла: увидалъ королевичъ, что она такая красавица, а безъ рукъ, взялъ ее одѣлъ и повезъ къ себѣ во дворецъ [2]). Только снится ему, что гово-

1) По другому разсказу, братъ, воротившись домой, привозитъ десятокъ яблокъ, пять отдалъ сестрѣ, а пять оставилъ себѣ съ женою. Этой послѣдней стало завидно; она растрепала свои косы, изорвала свое платье, заплакала и стала жаловаться на сестру, что та ее избила. И въ другой разъ сдѣлала тоже, а въ третій убила своего ребенка и сказала на сестру.

2) *Варіантъ:* День и два ходила она по лѣсу не ѣвши, не пивши; на третій день пробилась въ царской садъ и увидала яблоню, а на яблонѣ виситъ три яблочка очень низко — ртомъ достанешь. Она не утерпѣла, подо-

ритъ чей-то голосъ: возьми ты за себя замужъ эту безрукую — она породитъ тебѣ сына — по локти руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ, во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ! Снится разъ, и два, и три раза. Вздумалъ королевичъ на ней жениться, а мать говоритъ ему: «развѣ нельзя найтить королевну, что хочешь на ней жениться? Она хоть и красавица, да рукъ нѣту.»—Ничего, говоритъ, вить ей не работать; я красоту ея и сплю — въ глазахъ вижу! Ну и женился. Стали они жить. Только королевичу понадобилось ѣхать въ то государство, откудова пришла его жена; онъ и наказываетъ своей матери: «матушка, какъ скоро родится у меня сынъ — сейчасъ напиши ко мнѣ.» Простился и уѣхалъ. Пришло время; королевичева жена родила сына—по локти руки въ золотѣ, по колѣни ноги въ серебрѣ, во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтелъ мѣсяцъ. Королева сейчасъ написала къ сыну письмо; посланный съ этимъ письмомъ зашелъ въ домъ къ злой братниной женѣ. Та вывѣдала обо всемъ и подмѣнила письмо другимъ, въ которомъ написала: родила де твоя жена щенка, а не сына. Какъ прочиталъ королевичъ письмо, призадумался и написалъ къ матери въ отвѣтъ, чтобъ до пріѣзда его выслали королевну изъ царства вонъ, а то де какъ пріѣду —совсѣмъ ее изрублю. Вотъ дѣлать-то нечего, привязали ей

шла, схватила зубами одно яблочко и скушала. Яблоки были завѣтныя: царь настрого приказалъ садовнику беречь ихъ, а не устережетъ — такъ около самой этой яблони грозилъ отрубить ему голову. Ввечеру пришелъ царь въ садъ и видитъ: нѣтъ одного яблока. Сталъ допрашивать садовника, да на первой разъ простилъ его. Первая вина, сказалъ, прощается, а за другую — берегись — и самъ голову положишь. На другой день садовникъ опять не углядѣлъ: дѣвица сорвала и другое яблочко и скушала. Еще разъ простилъ царь садовника. На третій день съѣла дѣвица и послѣднее яблочко. Разсердился царь, велѣлъ принести мечъ и хочетъ срубить садовнику голову. Вдругъ явилась дѣвица и говоритъ: «ваше царское величество! не прикажи рубить ему голову. Я всему дѣлу виновна, сѣки мою голову!» Царь тутъ прельстился ея красотою, и женился на ней.

ребенка полотенцемъ къ плечамъ и выслали изъ царства. Пошла она, куда глаза глядятъ. Шла долго-долго; захотѣлось ей напиться, вотъ она нагнулась къ колодцу и уронила мальчика въ воду. Стоитъ и плачетъ. Идетъ старецъ. «Что ты плачешь?»— Сына уронила въ воду, дѣдушка! «Достань его.» — О, еслибъ у меня были руки! «Нагнись только и протяни локотки.» Она нагнулась и протянула локотки — и вдругъ стали у нея руки; она взяла ребенка и стала благодарить Бога. «Ну, ступай съ Богомъ!» сказалъ старецъ и невидимо исчезъ [1]. Пошла королевна путемъ-дорогою, пришла къ своему брату, а тамъ и королевичъ; попросилась она ночевать. Пустили ее и заставляютъ сказывать сказки. Она говоритъ: «я сказывать сказки не умѣю, а умѣю сказывать правду. Только чуръ меня не перебивать, а кто перебьетъ — съ того голова долой!» На томъ и положили... (Продолжается сказка также, какъ и напечатанная въ текстѣ: «Косоручка».) Узналъ королевичъ свою жену и обрадовался. Братнину жену тотчасъ присудили привязать къ злому жеребцу и пустить въ чистое поле. Понёсъ ее жеребецъ и размыкалъ по полю: гдѣ ударилась она головою — тамъ сдѣлалась высокая могила, гдѣ ударилась задомъ—тамъ стала глубокая долина. А королевичъ и теперь живетъ съ своею королевною да радуется.

Въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, N 31) встрѣчается такое же сказаніе (Das Mädchen ohne Hände): жилъ-былъ мельникъ въ большой нищетѣ. Однажды рубилъ онъ дрова. Пришелъ къ нему старикъ (это былъ — чортъ) и

---

1) *Варіантъ:* Захотѣла она распеленать свое дѣтище — и не можетъ; аш акала горько. Идетъ старичокъ сѣдой-сѣдой и спрашиваетъ ее: чего плачешь? Она все ему разсказала. «Ну, говоритъ старичокъ, шевельни своими плечами — у тебя будутъ руки!» Она шевельнула три раза плечами—и стали у ней руки попрежнему... Оглянулась поблагодарить старика, смотритъ — нѣтъ никого!

сказалъ: «полно съ топоромъ возиться! я сдѣлаю тебя богачемъ, если пообѣщаешь отдать мнѣ то, что позади твоей мельницы.» Мельникъ подумалъ, и пообѣщалъ. «Смотри же, черезъ три года я явлюсь къ тебѣ!» сказалъ чортъ съ страшнымъ хохотомъ. Воротился мельникъ домой. Жена и спрашиваетъ: «откуда вдругъ явилось у насъ въ домѣ такое богатство?» Мужъ разсказалъ. «Ахъ! съ ужасомъ воскликнула мельничиха; это былъ чортъ, и ты обѣщалъ ему дочь: она стояла за мельницей!» Дочь мельника была прекрасна и скромна, боялась Бога и не вѣдала грѣха. Время между тѣмъ шло, и вотъ настала пора. Она умылась чисто и сдѣлала вокругъ себя мѣломъ кругъ. Явился чортъ, но не въ силахъ былъ къ ней приблизиться. Съ гнѣвомъ приказалъ онъ мельнику: «унеси всю воду, чтобъ не могла она больше умываться.» Мельникъ исполнилъ приказаніе. На другое утро опять явился чортъ, но дѣвица прослезилась на руки и онѣ были совершенно чисты. Чортъ не могъ ничего сдѣлать и сказалъ мельнику: «отруби ей руки!» — Какъ мнѣ отрубить руки своему собственному дѣтищу? Злой духъ началъ грозить: «если не сдѣлаешь этого, я тебя унесу!» Несчастный отецъ передалъ обо всемъ дочери. «Милой отецъ! отвѣчала она, дѣлай со мною, что хочешь: я твое дитя.» Положила свои руки и дала отрубить ихъ. Въ третій разъ пришелъ чортъ; но она такъ много и такъ долго плакала на свои обрубленныя руки, что онѣ были совсѣмъ чисты, —и чортъ потерялъ на нее право. —Такъ начинается нѣмецкая сказка, и это начало интересно именно тѣмъ, что указываетъ на преданіе объ очистительномъ значеніи воды и слёзъ. Дальше сказка продолжается такъ: безрукая дочь не осталась дома; съ восходомъ солнца пустилась она въ путь, шла день и ночь и пришла къ королевскому саду. При свѣтѣ мѣсяца увидѣла она деревья съ прекрасными плодами; но кругомъ сада была вода. Цѣлый день не ѣла бѣдняжка и, чувствуя мучительный

голодъ, преклонила колѣна и стала молиться Богу. Вдругъ явился ангелъ въ бѣлой одеждѣ, заперъ воду и по осушенному рву провелъ ее въ садъ. Здѣсь стояло дерево съ отличными грушами, и плоды эти были всѣ на счету. Она подошла и скусила съ дерева одну грушу, а потомъ скрылась въ лѣсной чащѣ. Садовникъ видѣлъ и дѣву и ангела, и принялъ ее за духа. На другой день узналъ обо всемъ король, и самъ пришелъ ночью въ садъ. Опять пришла въ королевскій садъ дѣвица. «Кто ты, духъ или человѣкъ?» Она отвѣчала: «я несчастная, всѣми оставленная, кромѣ Бога!» — Если весь міръ тебя оставилъ, я не оставлю! сказалъ король, взялъ ее въ свой замокъ и сдѣлалъ своею женою. — Послѣдующій разсказъ совершенно сходенъ съ нашею сказкою: король уѣзжаетъ, жена рожаетъ прекраснаго малютку, мать короля посылаетъ къ нему письмо съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, посланный на пути засыпаетъ; чортъ подмѣняетъ письмо другимъ, въ которомъ написано, что королева родила урода; подмѣняетъ онъ и отвѣтное письмо короля другимъ, въ которомъ требуетъ, чтобъ королеву съ ребенкомъ убили и въ знакъ исполненія такого приказа сберегли ея глаза и языкъ. Мать короля велѣла убить оленя, а королеву отпустила съ привязаннымъ назади ребенкомъ въ дикій лѣсъ; Богъ посылаетъ хранить ее ангела. Семь лѣтъ она живетъ въ лѣсу, въ избушкѣ, и по милости божіей отрубленныя руки снова у ней выросли. Воротясь домой и узнавъ о томъ, что случилось, король отправляется искать королеву и даетъ обѣтъ: не пить и не ѣсть, пока не найдетъ своей подруги. Богъ укрѣпляетъ его силы, и послѣ долгаго странствованія онъ наконецъ находитъ и жену и сына. — Между нѣмецкими варіантами этой сказки (Kinder- und Hausmärchen 1856, т. III (Геттингенъ), стр. 57—59) любопытенъ слѣдующій: у одного нечестиваго отца была дочь, еще дитя; она все молилась день и ночь, не смотря на отцовской запретъ. Злой отецъ отрѣзалъ ей языкъ.

Съ тѣхъ поръ она молилась мысленно, кладя рукою крестъ; раздраженный отецъ отрубилъ ей кисть правой руки. Она стала полагать крестъ лѣвою. Тогда онъ отсѣкъ ей правую руку по локоть и сказалъ: «ступай отсюда, или отрублю тебѣ и лѣвую руку!» Дѣвочкѣ было семь лѣтъ, и она пошла дальше и дальше, и пришла къ замку богатаго графа. Егерь сжалился надъ нею и позволилъ ей жить вмѣстѣ съ собаками: съ ними она и пила и ѣла. Случилось — разъ она стояла у воротъ; бѣднякъ-старикъ попросилъ у нея милостыни. Она подала ему. «Ты получишь снова и языкъ и руку», сказалъ онъ и далъ ей посохъ: «возьми этотъ посохъ и ступай прямо впередъ.» Она взяла, долго-долго шла и пришла къ водѣ; захотѣла напиться и только наклонилась къ водѣ, приплылъ языкъ и крѣпко приросъ во рту; окунула обрубленный локотокъ—приплыли рука и кисть и крѣпко приросли къ своему мѣсту.—Сказка о безрукой дѣвицѣ есть въ изданіи: «Der Pentamerone oder das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile» и въ Сербскихъ приповѣткахъ Караджича. Въ итальянской сказкѣ (т. I, № 22) король хочетъ жениться на сестрѣ. Не желая такого грѣшнаго союза и узнавъ, что прекрасныя руки ея больше всего тронули братнино сердце, сестра велѣла отрубить ихъ и послала ему въ даръ. Раздраженный король заключаетъ ее въ ящикъ и бросаетъ въ море. Ящикъ выкинутъ волнами на берегъ, рыбакъ принимаетъ королевну къ себѣ; но ревнивая жена его снова бросаетъ ее въ море. Въ другой разъ спасаетъ несчастную одинъ король и женится на ней. Содержаніе сербской сказки (№ 33) такое: жили-были мужъ съ женою; у мужа была дочь отъ перваго брака добрая и красивая, какъ горная вила, высокая и стройная, какъ ель, бѣлолицая, какъ лилія, и румяная, какъ яблоко. Мужъ уѣхалъ на войну, а злобная мачиха приказала отвесть падчерицу въ густой лѣсъ, убить и принести къ ней двѣ руки ея и сердце. Слуги взяли

ее, увели въ лѣсъ, привязали къ дереву и хотѣли убить. Заплакала дѣвица и стала молить ихъ и заклинать о пощадѣ. «О, отсѣките мои руки, но оставьте жизнь; я бы отдала вамъ и мое сердце, еслибъ знала, какъ безъ него жить!» Сжалились слуги, отсѣкли ей однѣ руки, и воротясь домой сказали, что сердце потеряли дорогою. Осталась бѣдная падчерица безъ рукъ въ пустынѣ. Но въ тотъ часъ — хвала Богу! — явился во снѣ ея отцу нѣкій человѣкъ и сказалъ: воротись домой; твоя безбожная жена изгубила твою дочь; «него тражи у «војсци црна коња без биљега, бијелу бедевију без биљега, «ата врана пријед нејахана и ждребну кобилу, и од свакога «узми по три длаке репне, изгори на огањ, па онијем прахом «поспи ране својој ћћери, те ће одмах бити као што је пријед «била.» Отецъ такъ и сдѣлалъ; пустился въ лѣсъ, нашелъ свою дочь болѣе мертвою, чѣмъ живою; посыпалъ ей раны пепломъ конскихъ хвостовъ — и она въ тотъ-же часъ оживилась; изникли у нея руки не отъ мяса, а отъ «сухаго» злата. Отвелъ онъ свою златорукую дочь домой, а злую мачиху привязалъ за хвосты къ лошадямъ: такъ испустила она свою душу!

Въ сказку о безрукой дѣвицѣ занесены два любопытныя преданія, указывающія на ея старинное происхожденіе, что̀ подтверждается и выставленными здѣсь отношеніями брата къ сестрѣ. Братъ самъ опредѣляетъ мѣру наказанія обвиненной сестрѣ и самъ исполняетъ это наказаніе: очевидный намекъ на обычаи и нравы глубокой старины. Преданія, занесенныя въ разсматриваемую нами сказку, говорятъ: а) во-первыхъ — о рожденіи чудесныхъ дѣтей, у которыхъ во лбу мѣсяцъ, противъ сердца красно солнце, по бокамъ часты звѣзды. Преданіе это, исполненное миѳической таинственности, часто встрѣчается въ народныхъ сказкахъ и былинахъ; смотри сказку, напечатанную въ этомъ выпускѣ № 7, которая въ варіантахъ своихъ многими подробностями сходится съ приведенными те-

верь разсказами о безрукой дѣвицѣ. Въ былинѣ про Дуная Ивановича читаемъ: Настасья-королевишна признается мужу—

У меня есть въ утробѣ чадо милое,
По колѣнъ у чада ноги въ золотѣ
По локоть у чада руки въ серебрѣ,
Во лбу у чада солнце красное,
На затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ (вискамъ) часты звѣзды.

(Прибавл. къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ по II отдѣл., 1853, стр. 167. Смотри также Сербск приповѣтки, стр. 74: «чадо златоруко и златокосо» (т. е. златоволосое), стр. 128: дѣва съ звѣздою на правомъ колѣнѣ; Гриммъ: Deutsche Mytholog., т. I, стр. 364; Kinder-und Hausmärchen, ч. I, стр. 56: дочь съ златою звѣздою во лбу; Валахск. сказки, № 16, 23.) d) Во-вторыхъ — о чудесномъ выростаніи отрубленныхъ рукъ при первомъ прикосновеніи ихъ къ цѣлющей водѣ. Языческая вѣра въ живую воду въ нѣкоторыхъ варіантахъ уже замѣняется сказаніемъ, въ духѣ христіанскаго воззрѣнія, о чудѣ, которое творится божіими угодниками, ради молитвъ несчастной матери, уронившей свое дитя въ воду.

7.

Чудесные мальчики.

Смотри примѣчаніе къ № 6. Сказка о чудесныхъ мальчикахъ разсказывается съ разными измѣненіями; въ собраніи В. И. Даля есть нѣсколько варіантовъ этой сказки, которые будутъ сообщены въ послѣдующихъ выпускахъ. Бѣлорусская редакція, сообщенная въ настоящемъ выпускѣ, слишкомъ сжата, но она любопытна по вошедшему въ нее древне-языческому преданію о переходѣ душъ: чудесныя дѣти (на лбу мѣсяцъ, на затылкѣ звѣзда), погибшія жертвами злобы, превращаются

въ деревья съ золотыми и серебреными вѣтвями, потомъ въ барашковъ съ сохраненіемъ своихъ прежнихъ чудныхъ знаковъ, и наконецъ опять въ мальчиковъ. Съ бѣлорусскою редакціей весьма близка валахская сказка (№ 8): «Золотыя дѣти». Наряженый въ брачныя одежды, доброй молодецъ стоялъ у воротъ въ раздумьи: невѣста у него была хоть и съ приданымъ, да не хороша собою. Въ то время шла мимо красавица-дѣвица и сказала ему: «женись на мнѣ, я принесу тебѣ *золотыхъ* дѣтей.» Онъ женился на красавицѣ, а прежняя невѣста пошла къ нему въ служанки. Черезъ годъ молодая жена родила двухъ прекрасныхъ золотыхъ мальчиковъ. Служанка со злобы взяла ихъ, убила и зарыла на дворѣ, а въ колыбель положила щенка. «Твоя жена вѣдьма!» говорила она своему прежнему жениху. Онъ велѣлъ щенка убить, больную жену прогналъ изъ дому, а самъ женился на злой и хитрой служанкѣ. Скоро выросли на дворѣ двѣ яблони съ золотыми вѣтвями и золотыми яблоками; выросли онѣ изъ сердецъ зарытыхъ дѣтей. Злая жена пристала къ мужу, чтобъ велѣлъ срубить эти деревья. «По крайней мѣрѣ, сказалъ этотъ, сдѣлаемъ изъ нихъ двѣ кровати.» Кровати были сдѣланы и поставлены; мужъ и жена легли на нихъ спать. «Послушай, братъ! стала говорить одна кровать; какъ тебѣ — тяжело ли?» — Мнѣ легко, отвѣчала другая; на мнѣ лежитъ нашъ добрый отецъ. «Ахъ, а я изнемогаю подъ бременемъ; мнѣ такъ тяжело, что я держу на себѣ эту дьявольскую женщину, которая сдѣлала несчастными и нашего отца и нашу мать!» Жена услышала этотъ разговоръ, и на другой день велѣла изрубить обѣ кровати и сжечь огнемъ. Послѣ того одна овца, которая съѣла съ чудеснаго дерева золотое яблоко, принесла двухъ золотыхъ ягнятъ. Жена приказала и ихъ убить, вмѣстѣ съ овцою, вынуть ихъ внутренности, вымыть въ рѣкѣ начисто и сварить на обѣдъ. Служанка пошла на рѣку мыть эти внутренности, упустила одну

кишку въ воду и не могла достать. Какъ же удивилась она, когда увидѣла, что кишка раздулась и лопнула у другаго берега, а изъ нея вышли двое прекрасныхъ золотыхъ дѣтей. Они отыскали свою мать; всѣ трое одѣлись въ нищенское рубище и пришли домой. Тутъ все было узнано, и злая жена изгнана навсегда. (Сличи съ сербскою сказкою, № 27.) — Подобная же сказка встрѣчается и въ «Тысячѣ одной ночи» (Москва, 1774. in 8, т. XII, стр. 147 — 263). Султанъ подслушалъ въ одномъ домѣ разговоръ трехъ сестеръ. Старшая высказала желаніе быть замужемъ за султанскимъ хлѣбникомъ, средняя — за султанскимъ поваромъ, а младшая — за самимъ султаномъ: «я бы (сказала она) родила ему сына съ золотыми и серебреными волосами; еслибъ онъ заплакалъ — то вмѣсто слёзъ катился жемчугъ, а еслибы вздумалъ улыбнуться — то уста его уподобились расцвѣтающей розѣ.» Султанъ исполнилъ ихъ желанія. Старшія сестры позавидовали младшей, и когда приспѣло ей время родить — выпросились быть повивальными бабками. Султанша родила прекраснаго, какъ день, мальчика; но сестры подмѣнили его щенкомъ, а мальчика посадили въ коробку и пустили на воду. На другой годъ султанша родила другаго мальчика; онѣ подмѣнили его котенкомъ. На третій годъ султанша принесла дѣвочку, но сестры и эту подмѣнили кускомъ дерева. Разгнѣвался султанъ на жену, приказалъ одѣть ее въ рубище и заточить. Всѣ три ребенка были спасены главнымъ султанскимъ садовникомъ; они выросли и отправились добывать три диковинки: говорящую птицу, поющее дерево и золотую воду. Братья не совладали съ препятствіями и были превращены въ камни; а сестра избавила братьевъ и добыла диковинки. Узналъ про то султанъ и пріѣхалъ къ нимъ въ гости; они подали ему за столъ огурцы, начиненные жемчугомъ. Султанъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ и сталъ спрашивать, чтобы это значило? Тогда говорящая

птица сказала: «можешь ли ты удивляться теперь, когда прежде такъ легко повѣрилъ, что жена твоя родила щенка, котенка и кусокъ дерева?» Окончаніе счастливое.

Сказка, на которой мы остановили теперь вниманіе читателей, послужила матеріаломъ для А. Пушкина, который такъ мастерски умѣлъ пользоваться простодушными разсказами живаго народнаго слова. Смотри его «Сказку о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди» и приложенія къ I-му тому Сочиненій А. С. Пушкина, изд. Анненкова, стр. 437—8.

8.

Королевна и разбойники.

Варіантъ: Жилъ богатый именитой купецъ, у него была дочь-красавица. Прослышали про нее двѣнадцать разбойниковъ, свели съ купцомъ знакомство, стали навѣщать его, пить-гулять съ нимъ и веселиться. Разъ и зовутъ они къ себѣ въ гости купеческую дочку, разсказали ей дорогу; вотъ она и пошла. Пришла въ густой да темной лѣсъ, а тамъ стоитъ большой домъ. Входитъ въ двери, въ домѣ свѣтло, вездѣ огни горятъ, на столѣ всего наготовлено вдоволь — и пить, и ѣсть, а нѣтъ ни одной души. Пошла въ другую горницу; тамъ лежатъ все убитые да зарѣзанные, на кольяхъ торчатъ девять дѣвичьихъ головъ, а десятой колъ стоитъ пустой. На дѣвицу напалъ страхъ. Вдругъ раздался крикъ, шумъ, гамъ, она взяла да и спряталась подъ кровать. Пріѣхали разбойники и привезли съ собой красную дѣвицу, посадили ее за столъ и говорятъ: «не пей, не ѣшь, а за ужинъ почитай!» И стали сами ѣсть, пить, прохлаждаться и надъ дѣвицею разныя насмѣшки насмѣхать. (Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ отрубленномъ пальцѣ и о

кольцѣ, поднятомъ купеческою дочерью.) На другой день купеческая дочь прибѣжала домой, съ лица совсѣмъ перемѣнилась. Отецъ началъ спрашивать: «что съ тобою? гдѣ пропадала?» Она ему все разсказала. Вотъ пріѣхали къ купцу разбойники, сѣли за столъ; купеческая дочь и говоритъ: «позвольте, я вамъ сказку разскажу.»—Ну, разскажи! Она стала разсказывать имъ свое приключеніе. «Полно, прерываютъ ее разбойники; сказка хороша, оставь на другой разъ!» А она все себѣ знай продолжаетъ. (Конецъ обыкновенной.) — Этою народною сказкою художнически съумѣлъ воспользоваться Пушкинъ въ своемъ· «Женихѣ» (Соч. А. Пушкина, изд. Анненкова, т. III, стр. 407—414).

9.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ.

Въ этой замѣчательной сказкѣ *счастіе* и *несчастіе* являются олицетворенными паннами, живыми миѳическими существами,—подобно тому какъ въ сказкѣ, напечатанной подъ № 14 этого выпуска, является живымъ существомъ *лихо*. Сравненіе этихъ сказокъ съ тѣми, въ которыхъ выведены дѣйствующими лицами двѣ доли: счастливая и несчастливая, приводитъ къ тому заключенію, что всѣ онѣ основаны на вѣрованіяхъ глубокой старины и по происхожденію своему весьма древни. Мы уже коснулись однажды преданія о двухъ доляхъ, и надѣемся еще разъ возвратиться къ этому любопытному сказанію. (См. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. II, половина 1-я: моя статья «О значеніи Рода и Рожаницъ»; Современ. 1856 г., № 10, Костомарова: «О миѳическомъ значеніи горязлосчастія»).

Бѣлорусская сказка о счастіи и несчастіи сходна съ арабскою исторіею: «Кожіа Гассанъ Алгаббала» (Тысяча и одна

ночь, перев. съ французск. 1771 г., т. X., стр. 237—252; т. XI, стр. 4—50). Два пріятеля поспорили; одинъ утверждалъ, что при деньгахъ легко разбогатѣть, а другой увѣрялъ, что богатство дается случаемъ и счастіемъ. Спорили, спорили и рѣшились на дѣлѣ испытать, кто правъ. Нашли они бѣдняка Гассана и дали ему сто золотыхъ, съ тѣмъ чтобы онъ съ помощію этихъ денегъ разбогатѣлъ отъ своихъ трудовъ и предпріимчивости. Гассанъ зашилъ деньги въ чалму, но коршунъ схватилъ съ его головы чалму и унесъ. Въ другой разъ дали ему двѣсти золотыхъ; Гассанъ завернулъ ихъ въ тряпицу и спряталъ въ кувшинъ съ отрубями. Жена, ничего не зная о томъ, промѣняла кувшинъ съ отрубями на песокъ, который ей понадобился. Въ третій разъ одинъ изъ споровшихъ пріятелей далъ бѣдняку кусокъ свинца. Гассанъ отдалъ его рыбаку, который обѣщалъ за то подарить ему первую пойманную рыбу, и исполнилъ свое обѣщаніе. Въ рыбѣ нашелся алмазъ, который свѣтилъ лучше всякаго огня, и Гассанъ страшно разбогатѣлъ. Пришли къ нему въ гости оба спорщика, пошли гулять въ садъ и увидѣли гнѣздо коршуна, гнѣздо сняли и нашли въ немъ Гассанову чалму со всѣми деньгами; въ то-же время случайно купленъ былъ Гассановымъ невольникомъ и кувшинъ, на днѣ котораго нашлась тряпица съ завязанными въ ней золотыми.

11.

Илья-Муромецъ.

Смотри выпускъ 1, № 12. Въ варіантѣ, сообщенномъ П. В. Кирѣевскимъ, особенно любопытенъ разсказъ о томъ, какъ летаетъ къ королевнѣ змѣй (драконъ) и какъ Илья-Муромецъ избавляетъ отъ него королевну. Огненному змѣю народное повѣрье, вмѣстѣ съ похищеніемъ дѣвицъ, приписываетъ и нецѣломудренныя связи съ ними, плодомъ которыхъ бываютъ

богатыри-кудесники и кикиморы. Припомним Тугарина Змѣевича и Волхва Всеславьевича. Раз

По саду, саду зеленому, ходила-гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна;
Она съ камени скочила на лютаго змѣя —
Обвивается лютой змѣй около чебота-зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелковова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну,
А втапоры княжна понос понесла (т. е. забеременила),
А поносъ понесла — и дитя родила 1).

Родился могучій богатырь *Волхвъ*; во время его рожденія сотряслася земля, всколебалося море (Древн. рос. стихотвор., стр. 45; Сахарова: Сказанія русск. народа, т. II, стр. 6, 16). Летая къ красной дѣвицѣ, змѣй томитъ ее и сушитъ. Это народное повѣрье послужило мотивомъ, изъ котораго создались многія народныя сказки. Есть лубочная

Сказка о Силѣ-царевичѣ и объ Ивашкѣ-бѣлой рубашкѣ 2).

Жилъ-былъ царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшаго звали Сила-царевичъ. Старшіе братья стали проситься у отца поѣхать-погулять въ иныя государства, людей посмотрѣть и себя показать; царь далъ имъ по кораблю и отпустилъ. И Сила-царевичъ пришелъ къ отцу и сталъ проситься со слезами—отпустить и его вмѣстѣ съ братьями. Царь сказалъ: «сынъ мой возлюбленный, Сила-царевичъ! ты еще младъ и къ дорожнымъ трудамъ не обыченъ; оставайся лучше

---

1) Сличи съ былиною въ Прибавленіяхъ къ Извѣст. Академіи Наукъ, т. III, стр. 278—280: «Ступила княгиня на люта змѣя на Горынича; вокругъ ея ножки змѣй обвился, хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыя груди».

2) Сказка эта помѣщена и въ изданіи: «Лѣкарство отъ безсонницы или 2-ая часть настоящихъ русскихъ сказокъ. М., 1819». Мы передаемъ ее въ сокращенномъ разсказѣ.

дома». Но Сила-царевичъ такъ неотступно просился у отца, что царь далъ и ему корабль и отпустилъ въ дорогу. Сѣли царевичи на свои корабли, отвалили отъ берега и поплыли по морю: старшій братъ впереди, за нимъ средній, а Сила царевичъ позади. Плыветъ имъ на встрѣчу гробъ, обитый желѣзными обручами; старшіе братья пропустили его мимо, а Сила-царевичъ приказалъ корабельщикамъ спустить лодку, перенять тотъ гробъ и взять на корабль. Такъ и сдѣлано. На другой день поднялся великій вѣтръ, сбилъ корабль Силы-царевича съ пути, занесъ его въ незнаемую сторону и прибилъ къ берегу. Съѣхалъ царевичъ на тотъ берегъ и зарылъ гробъ въ землю; потомъ наказалъ корабельщикамъ дожидать его годъ, и два, и три, а самъ пошелъ, куда глаза глядятъ одинъ-одинёшенекъ. Шелъ онъ путемъ-дорогою цѣлыхъ три дня, никого впереди себя не видывалъ, а сзади никто его не обганивалъ; на четвертый день слышится ему — бѣжитъ за нимъ кто-то. Оглянулся царевичъ и видитъ: нагоняетъ его человѣкъ въ бѣлой одёжѣ; нагналъ, бросился ему въ ноги и началъ благодарить за свое избавленіе. «За что челомъ бьешь?» спрашиваетъ царевичъ.—Охъ, гой еси младой юноша, Сила-царевичъ! какъ мнѣ тебя не благодарить? вить я лежалъ въ томъ гробѣ, что̀ ты перенялъ и велѣлъ похоронить; еслибъ не ты, я, можетъ статься, вѣчно бы плавалъ по морю. «Да какъ-же ты въ гробъ попалъ?» — Я называюсь Ивашка-бѣлая рубашка, великой еретикъ; мать прокляла меня, велѣла сдѣлать гробъ и, положивъ меня туда, закрыть на-глухо крышкою и набить желѣзные обручи, а потомъ бросила въ море [1]. Два года

---

1) Еретиковъ, по народному повѣрью, не принимаетъ земля; есть народныя преданія о гробахъ *проклятыхъ*, плавающихъ по водѣ; такъ объ убійцахъ Андрея Боголюбскаго разсказываютъ, что они плаваютъ по озеру въ коробахъ, обросшихъ мохомъ, и не тлѣя стонаютъ отъ лютаго мученія. (Древній Боголюбовъ, городъ и монастырь съ его окрестностями, соч. Доброхотова,

плавалъ я по морю, никто меня не взялъ; одинъ ты сжалился. Бью челомъ за мое избавленіе, и буду тебѣ вѣрнымъ слугою. Если желаешь жениться, то я знаю прекрасную королевну Труду.—Сила-царевичъ сказалъ: коли та королевна собою хороша, то готовъ на ней жениться.

Послѣ того пошли они вмѣстѣ путемъ-дорогою, и шли близко ли, далеко ли, наконецъ очутились у того царства, гдѣ жила королевна; кругомъ стояли тычинки, какъ-бы полисадомъ обнесено, и на всякой тычинкѣ воткнуто по богатырской головѣ: только одна стояла незанятая. Сила-царевичъ ужаснулся и спросилъ, чтобъ это значило? «Это все головушки тѣхъ богатырей, что̀ сватались за прекрасную королевну Труду, сказалъ Ивашка-бѣлая рубашка; но ты не бойся, ступай смѣло.» Сила-царевичъ пошелъ во дворецъ, и какъ скоро увидалъ его король — сейчасъ самъ вышелъ на встрѣчу, принималъ его за руки бѣлыя, повелъ въ палаты каменныя, и сталъ распрашивать: «Охъ, ты гой еси доброй молодецъ! откуда пришелъ ты, изъ какого государства? котораго отца сынъ и какъ тебя по имени зовутъ?»—Я сынъ царя Хотея, а зовутъ меня Сила-царевичъ, и пришелъ къ тебѣ свататься за твою дочь прекрасную королевну. Король обрадовался такому жениху, собралъ князей и бояръ и обвѣнчалъ Силу-царевича на своей дочери; потомъ сѣли всѣ за столы дубовые, за скатерти браныя, пили-ѣли, прохлаждалися. Время молодымъ въ камору идти. Ивашка-бѣлая рубашка отозвалъ царевича и сказалъ ему: «слушай, Сила-царевичъ! какъ будешь съ своею супружницею опочивъ держать, станетъ она тебя цаловать, миловать, крѣпко къ сердцу прижимать, а ты съ нею ничего не твори — или про-

стр. 116—7; Московск. Наблюдатель, 1837 г., май, кн. 2, стр. 251). Чуваши, подозрѣвая въ покойникѣ колдуна, набиваютъ на его гробъ желѣзные обручи, чтобъ не выходилъ изъ могилы (Записки о Чувашахъ и Черемисахъ, соч. г-жи Фуксъ, стр. 14).

падешь, и голова твоя на послѣдней тычинкѣ будетъ торчать! А какъ наложитъ она на твою грудь свою руку и сдѣлается тебѣ тяжело — вскочи съ постели и бей ее палкою изо всѣхъ силъ; вить королевна-то любится съ нечистымъ духомъ: каждую ночь прилетаетъ онъ къ ней по воздуху въ видѣ шестиглаваго змѣя, и перекидывается человѣкомъ [1]. А я буду стоять у дверей на караулѣ.» Сила-царевичъ выслушалъ эти рѣчи, пошелъ съ своею прекрасною супружницею въ камору и легъ на постелю. Начала его королевна цаловать, миловать, крѣпко къ сердцу прижимать; а Сила-царевичъ не хочетъ сотворить обычную любовь съ нею. Королевна наложила на него свою руку и такъ давнула, что онъ насилу опомнился. Вскочилъ царевичъ съ постели, схватилъ палку и сталъ бить королевну, и билъ ее до тѣхъ поръ, пока не упала она замертво. Вдругъ поднялся вихрь — прилетѣлъ шестиглавой змѣй и хочетъ пожрать Силу-царевича; а Ивашка-бѣлая рубашка взялъ острой мечь и началъ съ тѣмъ змѣемъ сражаться. Бились они ровно три часа; Ивашка срубилъ у змѣя двѣ головы — и змѣй улетѣлъ прочь. Поутру послалъ король провѣдать зятя, и когда принесли вѣсть, что онъ живъ и здоровъ,—король весьма возрадовался: это еще первый избавился отъ неминучей смерти. И цѣлый тотъ день король съ зятемъ веселилися, пили-ѣли, прохлаждалися. На другую ночь случилось тоже; Ивашка-бѣлая рубашка срубилъ змѣю еще двѣ головы. На третью ночь опять царевичъ билъ королевну, а Ивашка сражался съ лютымъ змѣемъ, срубилъ ему двѣ послѣднія головы и сжегъ змѣиное ту-

---

1) На картинкѣ этой лубочной сказки змѣй изображенъ въ видѣ чорта: такое представленіе летучаго змѣя (дракона) нечистою, злою силою согласно съ тѣми народными преданіями, которыя связываютъ съ нимъ характеръ демоническій. (См. Зооморфич божества у славянъ, въ Отечеств. Зап. 1852, № 3, стр. 14—15; Kinder-und Hausmärchen, ч. 2, № 125: «Der Teufel und seine Grossmutter»; Сербскія приповѣтки, № 20.)

ловище вмѣстѣ съ головами, а пепелъ развѣялъ по чистому полю.

Прошелъ годъ, и Сила-царевичъ просится у короля, чтобъ отпустилъ его съ родителями повидаться. Король отпустилъ. Сила-царевичъ и поѣхалъ въ путь-дорогу вмѣстѣ съ королевною. На половинѣ пути остановились и разбили палатки. Ивашка-бѣлая рубашка набралъ костеръ и зажегъ, выхватилъ мечъ и разсѣкъ королевну на-двое. Царевичъ заплакалъ горькими слезами. «Не плачь, опять будетъ жива!» сказалъ Ивашка. Какъ скоро разсѣкъ онъ королевну—изъ чрева ея поползли всякіе гады. «Видишь, какая нечистота! все это злые духи зародились въ твоей супружницѣ», сказалъ Ивашка-бѣлая рубашка; пожегъ всѣхъ гадовъ, потомъ сложилъ тѣло королевны и спрыснулъ живою водою: въ тужъ минуту она ожила и сдѣлалась столько же кроткою, сколько прежде была злою. «Ну, теперь прощай, Сила-царевичъ! ты меня больше не увидишь», сказалъ Ивашка и сталъ невидимъ. А Сила-царевичъ поѣхалъ къ морскому берегу, сѣлъ на свой корабль и приплылъ въ свое государство вмѣстѣ съ прекрасною королевною.

Подобное же преданіе занесено въ старинную русскую повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроньѣ. Повѣсть эта исполнена совершенно-сказочнаго интереса и довольно часто попадается въ рукописныхъ сборникахъ нравственныхъ разсказовъ, повѣстей и сказокъ XVII и XVIII столѣтій. Я пользовался двумя сборниками (XVIII столѣтія), принадлежащими И. Е. Забѣлину [1]). Повѣсть начинается такъ.

«Сей [2]) убо въ русстѣй земли градъ, нарицаемый Муромъ, въ немъ же бѣ самодержствуя благовѣрный князь Павелъ.

---

1) Проф. Буслаевъ упоминаетъ объ этой повѣсти по рукописи XVI вѣка (Эпическ. поэзія въ Отеч. Запискахъ 1851 г., № 7, стр. 42—43). 2) По другому списку: «Бысть».

Искони ненавидя [1]) врагъ діаволъ, всели непріязненнаго летящаго змія къ женѣ князя того на блудъ, и являяся ей, яковъ бяше естествомъ; приходящымъ людемъ являяся своими мечты, яко самъ князь. Тѣми же мечты не мало время прейде. Жена того не тая, повѣда князю, мужю своему вся случившаяся. Князь Павелъ мысля, что сотворити змію; но не зная и рече женѣ своей: мыслю азъ, жено, но не вѣмъ — како на него нанести смерть; блюди сіе опасно: аще какія словеса глаголати начнетъ тебѣ той лукавый змій, и ты вопроси его о семъ лстивыми словесы — вѣсть ли той лукавый отчего ему смерть хощетъ быти? аще увѣдаеши ты, то скоро повѣдай ми, яко ты свободишися въ нынѣшнемъ вѣцѣ злаго его дыханія и сипѣнія и всего скаредія, иже сірадно и глаголати, и въ будущемъ вѣцѣ судію нелицемѣрнаго Христа милостива сотвориши. Жена слыша глаголъ мужа своего пріимши твердо въ сердцы своего. Въ единъ день непріязнивому тому змію прилетѣвшу къ ней, она же, помня заповѣданное слово мужа своего, нача къ тому треклятому змію многія рѣчи съ лестію простирати, и по многихъ словесѣхъ вопроси его. яко хваля: вижу тя, яко много вѣси, и вѣси ли свою кончину, отчего ти смерть будетъ [2])? Онъ же льстивый прелестникъ прельщенъ бысть отъ добрыя жены, мня *ея* яко истинну рекла ему, и изрече ей тайну свою: смерть моя отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча! Жена слыша глаголы отъ него и по отшествіи его повѣда князю, мужю своему. Князь Павелъ слыша и недоумѣяся, что есть ему смерть отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча. Имѣя у себе брата юнѣйша себѣ, именемъ Петра зовома; во единъ день повѣда брату своему князю Петру подробну вся зміевы рѣчи,

---

1) Въ друг. спискѣ здѣсь вставлено: «добра рода(у) человѣчю». 2) Сличи съ подобнымъ же разсказомъ въ I вып., стр. 73, 128, и во II выпускѣ, стр. 67.

яже сказа женѣ его. Князь Петръ слыша отъ брата своего, яко змій нарече тезоименита ему *смерти своей*, и нача мыслити мужественно, не сумняяся, како бы змія убити; но не вѣдый Агрикова меча, имѣя обычай ходити единъ по церквамъ. Бысть церковь въ женстѣмъ монастыри Воздвиженія честнаго креста Господня, и пріиде къ ней единъ нощію помолитися, и явися ему отроча и рече: княже Петре! хощеши ли, да покажу ти Агриковъ мечъ? Князь Петръ рече: покажи ми. И рече отроча: иди вслѣдъ мене. И показа ему во олтарной стѣнѣ, между столповъ, скважню, въ ней же мечъ лежаще. Князь Петръ видѣ мечъ, нарицаемый Агриковъ, и взя его, и пріиде въ домъ свой и повѣда брату своему князю Павлу, и отъ того дни нача искати подобна время купно погубити змія. Въ нѣкое время прилучися блаженному князю Петру пріити въ полату на поклоненіе брату своему, зане менши его лѣты; и бывый у брата своего, и иде въ полату ко сносѣ своей, и видѣ у нея сѣдяща мужа во образъ брата своего. И изыде скоро ис(з)ъ полаты и срѣте человѣка, иже предстоитъ всегда брату его князю Павлу; онъ же повѣда ему, яко во своей полатѣ сѣдитъ. Князь Петръ разумѣ пронырство лукаваго змія и хотя испытно увѣрити и иде въ полату къ брату своему и рече ему, когда сѣмо пріиде? Князь Павелъ рече ему: азъ по твоемъ изшествіи отъ мене никамо не исходилъ исъ полаты своея. Князь Петръ повѣда ему пронырство лукаваго змія и како видѣ у жены его во образѣ его, и рече ему: отселѣ, брате, не исходи исъ полаты своея; дондеже азъ иду братися со зміемъ, ты, брате, въ то время пребуди на молитвѣ ко Господу Богу; егда услышитъ Господь Богъ молитву твою и подастъ ми помощь убити лукаваго змія. И тако увѣща брата, и вземъ мечъ, нарицаемый Агриковъ, и иде въ полату ко сносѣ своей, и видѣ змія зракомъ аки брата сѣдяща и твердо увѣрися, яко нѣсть братъ его, но прелестный змій, и удари его мечемъ

крѣпко зѣло, яко змій востренета и бысть мертвъ, и явися яковъ бяше естествомъ. Благовѣрный князь Петръ нача его мечемъ сѣщи, дондеже до конца его низложи: отъ непріязненныя крови его окрововися лице блаженнаго князя Петра отъ крѣпкаго его ударенія.» Ѣдкая кровь змѣя покрыла все тѣло князя струпами и язвами, и никто не могъ излѣчить его отъ этой болѣзни. Послалъ онъ искать лѣкарей въ рязанской области; одинъ изъ посланныхъ зашелъ «въ весь нарицаемо Ласково, и пріиде къ дому и у вратъ никого не видѣ, и взыде въ домъ, и никто его не ощутилъ; вниде въ храмину и видѣ едину дѣвицу сѣдящу.» Дѣвица, увидавъ посланнаго, сказала: «не лѣпо быть дому безъ ушей, а храминѣ безъ очей!» — Гдѣ хозяинъ? спросилъ пришлецъ. «Отца моего и матери нѣтъ дома, отвѣчала дѣвица; они пошли въ заемъ плакать.» Такія загадочныя рѣчи въ старинныхъ повѣствованіяхъ и отчасти въ народныхъ сказкахъ выставляются какъ *мудрость;* въ настоящемъ случаѣ онѣ означали, что когда посланный князя вошелъ на дворъ и въ избу, ни собака не залаяла («то бо есть дому уши»), ни мальчикъ не извѣстилъ («отроча — есть очи храму(-инѣ)»), и что родители дѣвицы пошли плакать надъ мертвымъ: когда же «и они отъ сего житія преставятся, тако и надъ ними учнутъ плакати». Мудрая дѣвица была Февронія, «древодѣльцева дщерь»; она вылѣчиваетъ князя, который на ней женится.

14.

Лихо одноглазое.

Эта замѣчательная сказка передаетъ, конечно — въ своеобразной формѣ, тоже происшествіе, какое составляетъ содержаніе превосходнаго Гомерова разсказа о томъ, какъ Одиссей съ двѣнадцатью товарищами попался къ свирѣпымъ великанамъ

— къ одноглазымъ циклопамъ. Странники зашли въ пещеру Полифема. Увидавъ ихъ, великанъ прянулъ, какъ бѣшенный звѣрь, разомъ подхватилъ двоихъ, какъ щенятъ, ударилъ о земь, и сострапавъ ужасный ужинъ, съѣлъ ихъ: ни костей, ни утробъ не оставилъ. Послѣ погибло еще четверо изъ странниковъ такою же страшною смертію. Тогда хитрый Одиссей обольстилъ циклопа своими рѣчами и опоилъ его виномъ. На вопросъ объ имени Одиссей назвался: *Никто*. Когда опьяненный великанъ крѣпко заснулъ, Одиссей тотчасъ взялъ заостренный колъ, разжегъ остріе на огнѣ и съ помощію товарищей своихъ воткнулъ его въ глазъ Полифема: глазное яблоко зашипѣло и лопнуло. Ужасно заревѣлъ Полифемъ, и на этотъ крикъ сбѣжались другіе циклопы. «Кто тебя губитъ?» спрашиваютъ они. — *Никто*, отвѣчаетъ Полифемъ. «Если никто, такъ для чего же ты подымаешь такой крикъ!» говорятъ ему циклопы и удаляются прочь. Полифемъ отодвинулъ скалу, которою заграждался входъ въ пещеру, и сѣлъ у отверстія, надѣясь переловить своихъ враговъ въ то время, когда станутъ выходить изъ пещеры. Одиссей связалъ лыками по три длинноруныхъ барана, и каждаго товарища подвязалъ подъ среднимъ бараномъ; а себѣ выбралъ самаго роскошнаго шерстью барана, ухватился руками за его спину и повисъ подъ волнистымъ брюхомъ. Бараны вынесли ихъ на свободу. Не медля посажались они на корабль и поплыли; Одиссей не утерпѣлъ и началъ кричать съ корабля, ругаясь надъ великаномъ. Взбѣшенный Полифемъ отломилъ отъ вершины горы огромный утесъ и съ размаху кинулъ его въ воду; утесъ упалъ недалеко отъ судна и всколыхалъ море, которое едва не поглотило корабля (Одиссея, пѣсня IX). Это любопытное сказаніе распространено у различныхъ народовъ и доселѣ передается въ устныхъ пересказахъ, съ разными измѣненіями. Арабскія сказки передаютъ подобное же преданіе о мореходцѣ Синдбадѣ, весь-

ма близко къ Одиссеѣ (Тысяча и одна ночь, М., 1765, т. 3, стр. 46—54): здѣсь великанъ сравнивается ростомъ съ большимъ пальмовымъ деревомъ, у него среди лба одинъ красный и пылающій какъ огонь глазъ, бѣдныхъ корабельщиковъ жаритъ онъ на вертелѣ и поѣдаетъ; содержаніе сказки тоже, что у Гомера, только опущенъ вымыселъ, по которому сказочный герой опаиваетъ великана виномъ и называется именемъ: *Никто*. Въ нѣмецкой сказкѣ: «Der Räuber und seine Söhne» (Гримм., ч. 2, № 191) старый разбойникъ разсказываетъ, какъ онъ съ товарищами вздумалъ похитить у великана большія собранныя имъ сокровища; но великанъ поймалъ ихъ и каждый день началъ съѣдать по одному, выбирая который пожирнѣе. Разбойникъ спасается хитростію. «У тебя глаза болятъ, сказалъ онъ великану, а я лѣкарь и могу тебѣ помочь, если ты согласишься подарить мнѣ жизнь.» Великанъ согласился. Тогда разбойникъ смѣшалъ въ котлѣ масло, сѣру, смолу, мышьякъ и другія такія же снадобья, поставилъ котелъ на огонь и началъ приготовлять пластырь. Когда масло вскипѣло, а глупой великанъ разлегся, ожидая лѣченья, — онъ тотчасъ вылилъ ему въ глаза все, что было въ котлѣ. Несчастный заревѣлъ подобно льву, вспрянулъ, схватилъ огромную дубину, бѣгая по дому, размахивалъ ею во всѣ стороны. Разбойникъ увидѣлъ въ углу баранью шкуру, нарядился въ нее и смѣшался съ овцами. Обыкновенно великанъ, выпуская овецъ на пастбище, пересчитывалъ ихъ и пробовалъ какая тяжеле — ту оставлялъ онъ и варилъ себѣ на обѣдъ. Пришла пора, сталъ онъ выпускать овецъ; вмѣстѣ съ ними вздумалъ пробраться и разбойникъ. Великанъ ухватилъ его и сказалъ. «ты жирна и сегодня же будешь въ моемъ брюхѣ!» Разбойникъ сдѣлалъ скачокъ и выпрыгнулъ изъ его рукъ, но великанъ опять схватилъ бѣдняка, тотъ снова вырвался и опять былъ пойманъ, и такъ до семи разъ. «Бѣги же, сказалъ разсердившись вели-

канъ, пусть тебя волки съѣдятъ!» Выбѣжалъ разбойникъ на свободу, сбросилъ овечью шкуру и сталъ насмѣхаться надъ своимъ обманутымъ врагомъ. Великанъ снялъ съ пальца кольцо и сказалъ: «на, возьми это кольцо въ даръ; я не хочу, чтобы столь хитрый и изворотливый человѣкъ ушелъ отъ меня безъ подарка!» Разбойникъ поднялъ кольцо и надѣлъ на палецъ; но кольцо было чародѣйное, и въ ту-же минуту онъ невольно сталъ повторять: я здѣсь! я здѣсь! Великанъ побѣжалъ за нимъ въ погоню по голосу. Принялся разбойникъ снимать кольцо — и не въ силахъ этого сдѣлать, откусилъ палецъ зубами и въ тужъ минуту пересталъ кричать: я здѣсь! я здѣсь! Такъ спасся онъ отъ погибели, потерявъ одинъ палецъ. Такое окончаніе нѣмецкой сказки сходно съ окончаніемъ напечатанной нами, въ которой говорится о пальцѣ чародѣйно прилипшемъ къ топору Лиха-одноглазаго. Но еще ближе въ этомъ отношеніи къ нашей сказкѣ сербская, помѣщенная въ приповѣткахъ Караджича, подъ заглавіемъ: «Дивљан» (т. е. великанъ съ однимъ глазомъ во лбу, № 38). Когда герой сказки счастливо выбрался на волю, онъ началъ громко этимъ хвастаться. Великанъ протянулъ свою палку и сказалъ: «ну, если ты съумѣлъ уйти, такъ возьми эту палку и гони къ себѣ мое стадо; безъ этой палки ни одно животное не пойдетъ съ тобою». Только что хотѣлъ молодецъ взять палку, какъ одинъ палецъ крѣпко прилипъ къ ней; видя бѣду неминучую, онъ тутъ же отрѣзалъ свой палецъ и побѣжалъ, ругаясь надъ врагомъ и гоня предъ собою все его стадо. Слѣпой великанъ бросился за нимъ, а тотъ завелъ его къ водѣ и зайдя изъ-за спины толкнулъ въ глубину. Великанъ утонулъ.

Въ Малороссіи также извѣстенъ разсказъ: «Лыхо» (см. Отечествен. Записки 1840, № 2: Преданія, записанныя г. Боровиковскимъ). Жилъ да былъ человѣкъ и не зналъ, что то есть на свѣтѣ лихо; слышитъ—люди часто его поминаютъ,

и рѣшился во что бы ни стало увидѣться съ нимъ. Взялъ сумку на плеча и пошелъ. Шелъ, шелъ, подъ лѣсомъ стоитъ желѣзный зáмокъ, кругомъ частоколъ изъ человѣчьихъ костей, черепа воткнуты сверху. Подходитъ къ зáмку. «Чего надо?» — Лиха; его ищу! «Лихо здѣсь!» Вошелъ въ горницу, а тамъ лежитъ громадный и тучный великанъ; голова на покути, ноги на печкѣ; ложе подъ нимъ — людскія кости. Это Лихо, а вокругъ него сидятъ Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человѣчью голову и подчуетъ. А само Лихо *слѣпое*. Взялъ гость голову да подъ лавку. «Что скушалъ?» спрашиваетъ Лихо. — Скушалъ. «А гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подъ лавкою. Жаромъ и холодомъ обдало гостя. «Скушай, голубчикъ! ты самъ вкуснѣй для меня будешь.» Онъ взялъ голову и спряталъ за пазуху. А Лихо: «гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подлѣ желудка. Значитъ: съѣлъ, подумало Лихо; «ну, теперь твоя очередь!» Гость улучилъ годину да бѣгомъ. Дверь желѣзная заскрипѣла; Лихо узнало побѣгъ и закричало: «двери, держите, уйдетъ!» Но онъ уже былъ за дверью; только правую руку не уберегъ, въ дверяхъ оставилъ, да тутъ и сказалъ: «оце лыхо!» (стр. 49.)

Этотъ малороссійскій разсказъ, сходный отчасти со сказкою, напечатанною нами въ этомъ выпускѣ, уже вполнѣ отдалился отъ Гомерова разсказа о Полифемѣ и сложился въ совершенно своеобразной формѣ. Всѣ приведенныя здѣсь сказанія, принадлежащія различнымъ народностямъ, одинаково не воспользовались тою подробностію, которая въ Одиссеѣ всей вѣсти даетъ полноту и цѣлость: это обманъ Одиссея, скрывшаго свое настоящее имя и хитро придумавшаго себѣ двусмысленное названіе. Вымыселъ этотъ эпизодически вошелъ, разумѣется — съ большими отмѣнами, въ одну изъ сказокъ, живущихъ въ народѣ въ Буковинѣ (см. Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. II, выпус. 2, стр. 210). Герой

сказки идетъ на чортову мельницу за мукою для своей сестры; пришелъ и усѣлся около очага, и сталъ жарить для себя мясо. Явился и чортъ. «Что тебѣ нужно?» — Муки для больной сестры? «Какъ тебя звать? — *Я-самъ!* (Ichselbst). Только что сжарилось мясо, какъ чортъ взялъ убитую жабу, изъ которой висѣли кишки, и ея кровью забрызгалъ приготовленное кушанье. Но гость не былъ робокъ, онъ схватилъ съ горячихъ угольевъ мясо и бросилъ его въ глаза чорту. Нечистой заревѣлъ изо всей мочи; на крикъ его прибѣжалъ другой чортъ: «кто тебя обижаетъ?» — *Я-самъ, Я-самъ!* «Ну, такъ я не могу помочь тебѣ!» [1])

Любопытно было бы рѣшить вопросъ: всѣ эти разнообразные разсказы объ одноглазомъ великанѣ, встрѣчаемые у нѣмцевъ, славянъ и въ Тысячѣ одной ночи, составляютъ ли заимствованіе изъ Гомера, и въ такомъ случаѣ — какимъ путемъ двигалось и распространялось это заимствованіе? или разсказы эти суть произведенія, самостоятельно создавшіяся на одномъ общемъ преданіи, какое вынесли народы изъ своей до-исторической жизни? Выставляя настоящій вопросъ, мы не можемъ не замѣтить, что положительное рѣшеніе его представляетъ много трудностей.

15.

Ершъ Щетинниковъ.

Происхожденіе сказки объ Ершѣ Щетинниковѣ должно быть отнесено къ XVI столѣтію. Формы словеснаго судопроизводства этой эпохи сохранены въ сказкѣ съ поразительною вѣрностію (сличи ее съ правыми грамотами, напечатанными въ

---

1) Кастренъ упоминаетъ о подобной же сказкѣ, слышанной въ русской Кореліи (Вѣсти. Русск. Географ. Общ. 1856, кн. V, стр. 29).

«Юридическихъ актахъ»). Это меткая сатира надъ старинныиъ сутяжничествомъ и ябеднической изворотливостью. Сказка объ Ершѣ составляла въ старину любимое чтеніе и, вмѣстѣ съ другими повѣстями, сохранилась до насъ въ рукописныхъ сборникахъ и даже перешла на лубки. Обиліе варіантовъ, замѣчаемыхъ въ различныхъ ея спискахъ, уже доказываетъ, какъ много она была распространена между читающимъ и нечитающимъ людомъ. Кромѣ списка, напечатаннаго г. Сахаровымъ (Русск. нар. сказки, ч. 1, стр. 154: «О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ»; въ примѣчаніяхъ г. Сахаровъ помѣстилъ и отрывокъ этой-же сказки, напечатанный въ Московскомъ Телеграфѣ), мы въ этомъ и въ IV-мъ выпускѣ (№ 32) нашихъ сказокъ передаемъ четыре другихъ; у Н. В. Калачова есть еще одинъ списокъ сказки объ Ершѣ, который онъ думаетъ напечатать въ своемъ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи». Лубочное изданіе состоитъ изъ картины (въ одинъ листъ), изображающей озеро съ разными рыбами; кругомъ озера представлена въ лицахъ судьба Ерша послѣ его поимки, съ приличными надписями; внизу текстъ:

Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ.

Пришелъ Лещъ на Ерша подалъ челобитну, а въ челобитной пишетъ тако: «Господамъ моимъ отъ рыбъ великому Осетру и Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ. Бьемъ челомъ на лихова Ерша, что онъ владѣетъ насильствомъ нашими вотчинами. Собою онъ малъ, а щетины у него какъ острыя рогатины, и гдѣ онъ ни попросится ночевать и кто его не вѣдаючи пуститъ, — и онъ хочетъ хозяина вонъ выжить. А мы хотимъ быть оправлены вами праведными судіями.» Судья спросилъ Леща· «чѣмъ Лещъ Ерша уличаеть?» Лещъ сказалъ: «уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовутъ ихъ Сигъ и

Ладога, на нихъ я шлюся.» Судьи спросили Ерша: «шлешься ли ты на Сига и на Ладогу?» Ершъ сказалъ: «Сигъ и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малыя; а се онѣ съ Лещемъ хлѣбъ-соль водятъ вмѣстѣ, и онѣ правды не скажутъ.» Судіи спросили Леща: «(еще) чѣмъ Ерша уличаешь?» Лещъ сказалъ: «уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовутъ ее Сельдь переславская; на ту я еще шлюся.» Судьи спросили Ерша: «шлешься ли ты на общую правду—Сельдь?» Ершъ сказалъ: «то общая правда; на ту и я шлюся.» Судіи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошелъ, взялъ въ понятые Сома, и Сомъ съ большимъ усомъ сказалъ, что де я въ понятые не гожусь, имѣю брюхо велико, ходить не могу, глазами вдо(а?)ль не вижу. И Окунь отпустилъ Сома, и взялъ въ понятые Язя, и поставили Сельдь предъ судьями. Судіи спросили Сельдь: «чье Ростовское озеро, изстари ли ершово? и знаютъ ли Ерша на Москвѣ все богатые (и) покупаютъ ли его для похмѣлья дорогою цѣною и съ похмѣлья имъ оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро изстари лещёво, а тотъ де Ершъ гдѣ ни попросится ночевать (и) кто его невѣдаючи пуститъ—и онъ хочетъ хозяина выжить, а знаютъ его все богатые, у кого одна полушка есть — и на ту ершовъ(-ей) много купитъ: столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ его! Судіи приговорили: истца Леща оправить, а отвѣтчика Ерша обвинить и въ соль (п)осолить и противъ солнышка повѣсить. И какъ Ершъ сіе услышалъ, вильнулъ хвостомъ, ушелъ въ хворостъ: только Ерша и видѣли! и всему тому конецъ.—Послали міромъ Першу заложить вершу; пришелъ Богданъ, Ерша Богъ далъ; пришелъ Устинъ, опять Ерша упустилъ; пришелъ Иванъ, опять Ерша поймалъ; пришелъ Потапъ, сталъ Ерша топтать; пришелъ Давидъ, сталъ Ерша давить; пришелъ сусѣдъ, бросилъ Ерша въ сусѣкъ; пришелъ Лазарь, по Ерша слазилъ; пришелъ Назаръ, понесъ Ерша на

базаръ: недорогъ! пришелъ Константинъ, даетъ за Ерша шесть алтынъ: уступи. Назаръ! пришелъ Мартынъ, даетъ *Костентину* барыша алтынъ; пришелъ Аносъ, и даромъ Ерша унёсъ; пришелъ Копронъ, сустигъ на конѣ; пришелъ Павелъ, котелъ поставилъ; пришелъ Ерема, принёсъ дровъ беремя; пришелъ Селиванъ, воды въ котелъ наливалъ; пришелъ Обросимъ, Ерша въ котелъ бросилъ: пусть попрѣетъ, къ ужину поспѣетъ! пришелъ Перша, посыпалъ перцу; пришелъ Лука, покрошилъ луку; пришелъ Савва, положилъ полтора пуда коровьева сала; пришелъ Глѣбъ, принесъ хлѣбъ; пришелъ Пахомъ, хлѣба напахалъ [1]; пришелъ Логинъ, принесъ ложекъ; пришелъ Вавила, поднялъ Ерша на вила; пришелъ Филипъ, сталъ Ерша пилить; пришелъ Демидъ, сталъ Ерша дѣлить; пришелъ Мина, мякнулъ [2] Демида въ рыла; пришелъ Титъ, только походя бз....; пришелъ Андрей, Тита по плеши огрѣлъ; пришелъ Яковъ, одинъ Ерша смякалъ, самъ убѣжалъ, только ножки показалъ! пришелъ Елизаръ, только котла полизалъ, а Ерша и въ глаза не видалъ; пришелъ Данила да сестра его Ненила, только по Ершѣ голосомъ повыли и конецъ ему сотворили.

Есть другое лубочное сказаніе, содержаніе котораго также заимствовано изъ обыденной людской жизни и перенесено въ міръ животныхъ. Это — «Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, оберчена въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь отдавали(ютъ) съ церемоніемъ(ей). Былъ престарѣлой котъ казанской, уроженецъ астраханской, разумъ сибирской, жилъ славно, плелъ лапти — носилъ сапоги, сладко ѣлъ, слабко бз..., умеръ въ сѣрой мѣсяцъ, въ шестопятое число, въ жидовскій шабашъ.» Подъ такимъ заглавіемъ на

---

1) Нарѣзалъ (Опытъ обл великорус. словаря, стр 153). 2) Ударилъ (ibidem, стр. 119).

листѣ изображена картина, преставляющая похоронную процессію; мертваго кота везутъ шесть мышей въ саняхъ, а передъ нимъ и позади сопровождаютъ его разныя мыши. Картина пояснена слѣдующими надписями: «знатныя подпольныя мыши, криношныя блудницы, напослѣдокъ коту послужили, на чухонскія дровни, связавъ лапы, положили; хотятъ печаль утолить, а кота въ г...... ямѣ утопить. На полозахъ сидитъ кучеръ — изъ навозной кучи. Съ Балчуга старая крыса поминаетъ кота Алабриса..., по нотѣ(амъ) воспѣваетъ, а малыя съ визгомъ припѣваютъ; искусная мышка изъ нѣмецкой лавки, взявши свирѣль въ лапки, умильно играетъ, кота проклинаетъ; изъ Рогожской мышь... тащитъ бубенъ скорча; позади бѣжитъ изъ Таганки самая поганка, бьетъ въ бубенъ: походъ будетъ; деревенская мышь... въ свирѣлку играетъ — ладу не знаетъ, въ балалайку играетъ—на поминки къ коту гостей собираетъ;... съ Дону, изъ убогаго дому, пѣсни воспѣваетъ, послѣ кота добрую жизнь возвѣщаетъ; мышь татарская Аринка тожъ наигрываетъ въ волынку; мышь изъ Рязани въ синемъ сарафанѣ идучи горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ...» и такъ далѣе. Въ повѣсти объ Ершѣ и въ небылицѣ о мышахъ, погребающихъ кота, нельзя не увидѣть книжнаго вліянія, но едва ли можно сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. «Небылица» о мышахъ отличается народнымъ юморомъ и складомъ; она, какъ и всякая басня, любопытна указаніемъ на обычныя людскія отношенія и можетъ быть примѣняема къ различнымъ житейскимъ случаямъ. Лубочная картина: «Мыши кота погребаютъ» давно составляетъ любимое украшеніе деревенскихъ избъ; ея содержаніе послужило матеріаломъ для нѣкоторыхъ народныхъ пословицъ, какъ видно изъ сборника пословицъ XVII столѣтія. (См. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, изд. Калачова, т. II, половина 2, стр. 61.)

17.

Медвѣдь.

Смотри выпускъ II, № 2 («Волкъ»), вып. IV, № 15 и «Русскія сказки для дѣтей», изданныя Авдѣевою — № 5. Мужики пошли на медвѣдя; онъ сталъ на заднія лапы и двинулся на нихъ. Одинъ изъ мужиковъ ударилъ по немъ и отрубилъ ему лапу. Медвѣдь пуще озлился. «Пойдемте-ка, ребята, домой! теперь онъ немного наскачется на трехъ ногахъ; а какъ изойдетъ кровью, тогда прійдемъ да и снимемъ съ него шкуру.» Такъ рѣшили мужики, пошли въ деревню и унесли съ собой медвѣжью лапу. Одна старуха выпросила у нихъ эту лапу, пришла домой, остригла съ нея шерсть, содрала кожу, а мясо поставила вариться. Настала ночь. «Старуха сѣла на «печь, подослала подъ себя медвѣжью кожу, и начала прясть «медвѣжью шерсть, и приговариваетъ: напряду шерсти, свяжу «себѣ чулки — то-то тепло мнѣ будетъ зимой! На дворѣ ужъ «полночь. Старуха сидитъ на печи, да дремлетъ. Вдругъ раз«дались на улицѣ рявканье и скрипъ. Старуха жила въ своей «избушкѣ одна-одинехонька. Что такое? думаетъ старуха. «Рявканье и скрипъ все ближе да ближе. Вотъ она выглянула «въ окошко, и видитъ — идетъ медвѣдь на деревяшкѣ и поетъ:

«Скырлы, скырлы, скырлы,
На липовой ногѣ,
На березовой клюкѣ,
На красномъ батогѣ.
По селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ.
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядётъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!»

Старуха видитъ—дѣло плохо, отперла подполье, погасила лучину и спряталась за печку. Медвѣдь выломалъ двери, вошелъ въ избу, да прямо въ подполье бухъ! Старуха созвала мужиковъ; они убили медвѣдя, а старуха напряла изъ его шерсти нитокъ и связала себѣ чулки, да и стала жить-поживать.

29.

Малороссійскіе анекдоты.

Народные анекдоты могутъ составить прекрасное дополненіе къ собранію сказокъ; какъ произведенія болѣе или менѣе позднѣйшаго времени, они исполнены юмору и знакомятъ насъ съ характеристическими чертами простонародья и его быта.

Анекдотъ (подъ буквою *i*) о томъ, какъ дурни купили ружье и стали всѣ вмѣстѣ стрѣлять изъ него, вошелъ въ составъ книги о похожденіяхъ старинныхъ Пошехонцевъ.—Приведемъ здѣсь два варіанта къ анекдотамъ, напечатаннымъ подъ буквами *t* и *x:* 1) Оралъ мужикъ въ полѣ, выоралъ самоцвѣтной камень. Идетъ домой, а на встрѣчу ему сосѣдъ, такой стародревній. Показалъ ему камень: «кому гоже?»—Неси, говоритъ, къ царю. Понесъ; приходитъ во дворецъ и повстрѣчалъ генерала. Поклонился ему до земи: «батюшка! доведи до царя.»—Зачѣмъ тебѣ нужно? «Несу изъ деревни подарокъ.»—Ну, мужичокъ! чѣмъ царь тебя наградитъ, отдай мнѣ половину; а не хочешь — во вѣкъ не дойти тебѣ до царя. Мужикъ согласился. Вотъ генералъ довелъ его до самаго царя. «Благодарю, мужичокъ! говоритъ царь. Вотъ тебѣ въ награду за то двѣ тысячи рублей.» Мужикъ палъ на колѣни: «Не надо мнѣ, царь-государь, иной награды, кромѣ пятидесяти стежей въ спину.» Возжалѣлъ его царь, и приказалъ дать ему пятьдесятъ стежей легонько. А мужикъ зачалъ считать; какъ дали двадцать пять,

онъ и закричалъ: «полно, будетъ съ меня; другая половина посулена тому, что̀ довелъ меня до вашего царскаго величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, какъ слѣдовало; только онъ не радъ былъ такой наградѣ! Царь поблагодарилъ мужичка и подарилъ ему цѣлыхъ три тысячи. (Записана въ архангельской губерніи.) 2) Ѣхалъ жидъ на ярманку, ѣхалъ-ѣхалъ да и заснулъ. Нагналъ его старецъ, видитъ у жида лошадь славная, отпрегъ ее и услалъ съ батракомъ въ городъ продавать, а самъ запрегся въ телѣгу и стоитъ. Проснулся жидъ и дивится: «какъ ты сюда попалъ, дѣдушка?»—По грѣхамъ моимъ; пять лѣтъ тому назадъ за грѣхи мои обращенъ я въ лошадь, ты меня и купилъ. А теперь срокъ моему наказанію вышелъ — я и сдѣлался опять человѣкомъ. «Ну, если Богъ тебя простилъ, такъ и я прощаю. Ступай съ Богомъ!» На другой день пришелъ жидъ въ городъ на ярманку и видитъ: продается его лошадь. «А, крикнулъ, опять подлецъ согрѣшилъ! Нѣтъ, теперь ужь тебя не куплю Богъ-то вашъ очень милостивъ; пожалуй, опять скоро проститъ, такъ опять пропадутъ мои деньги!» (Записана въ тверской губерніи. Оба варіанта заимствованы изъ собранія сказокъ В. И. Даля.)

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

А. Н АѲАНАСЬЕВА,

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ

СКАЗКИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е К. СОЛДАТЕНКОВА И Н. ЩЕПКИНА.

—

ВЫПУСКЪ IV.

—

ЦѢНА III И IV ВЫПУСКАМЪ 1 Р. 20 К.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 24-го 1860 года.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

Печатано съ изданія 1858 г.

Въ настоящемъ выпускѣ «Народныхъ русскихъ сказокъ» напечатаны сказки, собранныя В. И. Далемъ. Свое богатое собраніе народныхъ сказокъ онъ передалъ, по моей просьбѣ, мнѣ для изданія этихъ любопытныхъ матеріаловъ въ свѣтъ, что теперь отчасти и выполняется. Собраніе В. И. Даля заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи списковъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ числѣ довольно попадается и такихъ, которые записаны весьма слабо, неотчетливо, и по содержанію своему указываютъ на заимствованіе изъ печатныхъ книгъ (напримѣръ изъ «Тысяча одной ночи») или вовсе не представляютъ ничего занимательнаго (таковы нѣкоторые солдатскіе разсказы). Вообще относительно языка собранныхъ г. Далемъ сказокъ слѣдуетъ замѣтить, что очень немногія переданы съ соблюденіемъ мѣстныхъ грамматическихъ формъ. Не смотря на то, собраніе это весьма важно. Оно, вопервыхъ, содержитъ въ себѣ много въ высшей степени интересныхъ сказаній и легендъ: это можно видѣть уже изъ напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ ска-

зокъ, и еще болѣе оправдаются слова наши при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ. Оно, во-вторыхъ, весьма обильно варіантами, и если это обстоятельство значительно уменьшаетъ численное количество входящихъ въ его составъ сказокъ, то съ другой стороны этимъ самымъ дана возможность: повѣрять одинъ списокъ другимъ и хотя приблизительно возстановить народный разсказъ въ его первоначальной простотѣ. Отъ лица науки и любителей русской народности приносимъ здѣсь искреннюю благодарность просвѣщенному собирателю, который съ такою живою любовью и такъ много трудовъ посвятилъ на пользу народнаго слова.

Въ заключеніе прибавимъ, что нѣкоторыя очень любопытныя сказки изъ собранія В. И. Даля, къ сожалѣнію, не могутъ быть допущены въ печать, ради нескромности своего содержанія; героемъ подобныхъ разсказовъ чаще всего бываетъ *поповъ батракъ*. Здѣсь много юмору и фантазіи данъ полный просторъ.

А. А.

1.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА [1]).

а. Былъ себѣ дѣдъ и баба. У дѣда былъ пѣтушокъ, а у бабы курочка. Въ одинъ день пошли они на смитьячко [2]) поискать себѣ пищи; пѣтушокъ нашелъ пшеничный колосокъ, а курочка нашла маковку. Съ этого колоска дѣдъ вымолотилъ зерно, смололъ муку; а баба, вычистивши маковку, растерла макъ, смѣшала съ медомъ, и съ дѣдовой муки сдѣлала пирожокъ съ стертымъ макомъ, и за неимѣніемъ, по бѣдности, печки и огня, положила тотъ пирожокъ на окнѣ своей избушки, чтобы на солнышкѣ испекся.

Въ то время проходила лисичка съ волчикомъ. Лисичка и говоритъ: «а что, волчику-братику, украдемъ этотъ пирожокъ и раздѣлимъ его между собою по-братски.» — Хорошо, лисичко-сестричко, украдемъ. Лисичка украла. Отошедши въ сторонку, она замѣтила, что будто-бы пирожокъ еще не допекся и что для этого надобно ему еще пожариться на солнышкѣ; «а мы между тѣмъ уснемъ, а проснувшись смачненько [3]) позавтракаемъ». Такъ улещала лисичка волчика-братика, который вскорѣ и уснулъ. Она въ то время къ пирожку, разломила,

---

1) Смотри выпускъ I, № 1, a, b; вып. II, стр. 108; вып. III, № 3.
2) Смѣтье—соръ (Словарь при Энеидѣ, перелицiованной на малоросс. языкъ Котляревскимъ, стр. 21). 3) Вкусно.

сладкую начинку съѣла, а туда наклала... съ позволенія сказать—сами догадаетесь чего...и, залѣпивъ, положила. Волчикъ проснулся, и лиса за нимъ. Принялись дѣлиться пирожкомъ, и первая лиса замѣтила, что не та уже въ пирожкѣ начинка, и напустилась на волка. Волкъ божится, клянется, землю ѣстъ [1),—куда? лиса не вѣритъ. Наконецъ предлагаетъ испытаніе: лечь обоимъ противъ солнца, и у кого отъ жару выступитъ на тѣлѣ воскъ, тотъ и съѣлъ медъ. Согласились. Волчикъ безпечно уснулъ, а лиса побѣжала въ ближнюю пасѣку [2), украла сотъ, съѣла, а вощинами всего волка облѣпила. Проснувшись и бывъ изобличенъ, волкъ повинился, что онъ и самъ не помнитъ, какъ это случилось, но послѣ такого яснаго доказательства винится и очень охотно подчиняется приговору лисички-сестрички, чтобы при первой добычѣ не имѣть ему въ ней доли, а всю уступить лисѣ. Вотъ и разошлись въ разныя стороны для промыслу.

Лисичка, завидѣвъ, что идетъ фура чумаковъ, легла на дорогѣ, разметалась будто неживая и начала подфунивать [3) изо всей мочи. Чумаки ее завидѣли и сочли сначала живою, но подойдя ближе, когда услышали, что за нѣсколько шаговъ она такъ сильно смердитъ, закричали: «вона здохла, бачъ [4) якъ воня!» и взявъ ее, положили на возъ съ рыбою. Первое дѣло ея было — прогрызть у воза лубки, и потомъ начала выкидывать рыбу. Накидавши, сколько ей надобно было, она благополучно дала тягу съ воза, подобрала всю рыбу въ кучу и начала преисправно ее кушать. Волкъ, побродивши вездѣ, безъ успѣха возвращался на сборное мѣсто, и увидѣлъ лису

---

1) Это любопытное указаніе на старинный обрядъ клятвы. Вадимъ Пасекъ свидѣтельствуетъ, что на Украйнѣ были примѣры, когда клятва скрѣплялась цѣлованіемъ земли, и такая клятва почиталась самою важною и священною (Путевыя записки, стр. 151—2). 2) Пасѣка — пчельникъ. 3) Вонять. 4) Смотри.

за такимъ роскошнымъ пиромъ. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть маленькую рыбку...» — О, волчику-братику! налови себѣ, какъ и я наловила, да и ѣшь, сколько душѣ угодно. «Лисичко-сестричко! дай мнѣ хоть головку.» — О, волчику-братику! ни косточки. Я утомилась, пока ее наловила, и очень голодна. «Гдѣ, какъ и чѣмъ ты ее наловила?» — Самая безделица! вонъ недалеко рѣка; иди туда, вложи хвостъ въ прорубь, сиди и приговаривай: ловись рыбка и мала и велика, ловись рыбка и мала и велика! потомъ выдерни хвостъ, то увидишь, сколько вытянешь рыбы. Какъ уже лиса кончила свой обѣдъ, то и взялася довести его до проруби. Волкъ вложилъ свой хвостъ и началъ приговаривать [1]): «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса, бѣгая около него, приговаривала: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!»—Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я тебѣ помогаю»—а сама поминутно твердитъ: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» Волкъ скажетъ: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» Волкъ опять: «ловися рыбка и мала и велика!» а лиса: «мерзни, мерзни вовчій хвостъ!» — Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я тебѣ помогаю!» Волкъ уже хочетъ вытянуть свой хвостъ изъ проруби, но лиса запрещаетъ: «погоди, еще мало наловилось!» И опять начинаютъ они приговаривать. Волкъ только что попробуетъ вытащить хвостъ, а лиса ему: «погоди, еще рано!» — и какъ тогда былъ морозъ такой, *що ажь скалкы* [2]) *скачуть*, то лиса, разочтя время, закричала на волка: тяни! Онъ потянулъ, но не тутъ-то было! Хвостъ его замерзъ въ рѣкѣ и волкъ не могъ освободить его, и самъ остался на мѣстѣ. Тогда лиса благимъ матомъ побѣжала въ село и начала кричать: «сюда, люди! спѣшите бить

---

1) Приговоры волка сказочники передаютъ *толстымъ* (грубымъ) голосомъ, басомъ; а приговоры лисы *тоненькимъ*, мягкимъ. 2) Осколки.

волка, примерзъ къ ополонкѣ [1])!» Всѣ бросились на волка: мущины съ дубинами, съ топорами, бабы съ гребнями, съ днищам [2]), всѣ на волка; били его, били, колотили до того, что волкъ не пожалѣлъ и хвоста, оторвалъ его, и куцый [3]) побѣжалъ куда глаза глядятъ. Какъ же всѣ люди бросились къ нему на ледъ, то одинъ мужикъ покинулъ даже и сани свои съ лошадью. Волкъ, набѣжавъ на нихъ, вскочилъ въ сани, началъ погонять лошадь и такимъ образомъ выбрался изъ села.

А лиса среди общей суматохи, когда всѣ бросились бить волка, вскочила въ пустую избу, увидѣла квашню съ тѣстомъ, вскочила въ нее, вы́ляпалась въ тѣсто, побѣжала на дорогу и легла. Недалеко за селомъ увидѣлъ волкъ на дорогѣ лисичку-сестричку избитую, израненную и ледва [4]) живую. Съ большимъ участіемъ бросился онъ къ ней, и она начала жаловаться, что и ее такъ больно прибили, что мозгъ изо всѣхъ костей повыступалъ. «Крѣпись, лисичко-сестричко! вотъ и я хвоста лишился, да какъ же быть! иди за мною, я еще покрѣпче тебя, буду тебя защищать.» Лисичка начала проситься въ сани, но волкъ ей отказалъ и доказалъ, что и одному тѣсно. Нечего дѣлать! пошла лиса тихо за ѣдущимъ волкомъ. Пройдя немного, начала упрашивать, чтобы хотя одну лапку самую разбитую положить на сани, не болѣе какъ лапку. Волкъ долго отнѣкивался, наконецъ согласился. Положивши лапку, лиса послѣ долгихъ переговоровъ упросила и о другой, третьей, четвертой, потомъ умолила волка имѣть состраданіе и къ ея хвосту, который такъ жалко волочился, и умостилась совсѣмъ въ санкахъ. Волкъ услышалъ, что санки трещатъ, началъ ее упре-

---

1) Прорубь на льду (Тр. Об. любит. рос. слов., кн. VII, стр. 309). 2) Днище — донце, дощечка, въ, которую втыкается прядильный гребень (Малоросс. словарь Аѳанасьева, стр. 89). 3) Безхвостый. 4) Едва.

жать. «Это, волчику-братику, я орѣшки кусаю!» Поѣхали дальше; слышитъ волкъ, что санки опять трещатъ, и снова упрекаетъ лису. «Это, волчику-братику, я орѣшки кусаю!» Наконецъ санки совсѣмъ разсыпались.

Волкъ пошелъ рубить дрова на сани, а лиса осталась пасти лошадь. Отъ скуки она выѣла у лошади всю внутренность, напихала туда живыхъ воробьевъ и дырку подъ хвостомъ заткнула соломой. У волка сани поспѣли, и онъ запрегъ лошадь. «Ну, ну; ну, ну!»—лошадь ни съ мѣста. Волкъ увидѣлъ, что изъ-подъ хвоста у лошади торчитъ солома, и сказалъ: «вотъ какъ обожралася, что и солома назадъ лѣзетъ!» Вытянулъ ее... воробьи выпорхнули и кожа лошадиная упала. Лиса, притворяясь все еще больною отъ побоевъ, послѣ продолжительнаго спора убѣдила волка, чтобы онъ везъ ее въ санкахъ. Волкъ повезъ и сталъ приговаривать: «битый битую везетъ! битый битую везетъ!» А лисичка шепчетъ: «битый небитую везетъ!»—Что ты, лисичко-сестричко, говоришь? «То я, волчику-братику, говорю: битый битую везетъ!...»

(Записана въ харьковскомъ уѣздѣ Г. Ѳ. Квиткою.)

Ь. Якъ була соби лисичка, да-й пишла разъ до одныи бабы добувать огню; вишлá у хату да-й каже: «добрый день тоби, бабусю! дай мини огня.» А баба тильки що выйняла изъ печи пирожокъ изъ макомъ, солодкій, да-й положила, щобъ винъ прохоловъ 1); а лисичка се и пидгледала, да тильки що баба нахилилась 2) у пичъ, щобъ достать огня, то лисичка заразъ ухватила пирожокъ да и драла 3) съ хаты, да бижучи весь макъ изъ ёго выјила, а туда смитья наклала. Прибигла на поле, ажъ тамъ пасуть хлопци бичкивъ. Вона и каже имъ:

---

1) Остылъ. 2) Наклонилась. 3) Убѣжала.

«ей, хлопци! промѣняйте мини бичка третячка [1]) за маковый пирожокъ.» Тые согласились; такъ вона имъ говорить: «смотрить-же, вы не јижте заразъ сёго пирожка, а тоди уже розломите, акъ я зави(е)дў бичка за могилку; а то вы ёго не за що не розломите.» Бачите вже — лисичка така соби була розумна, що хоть кого да обманить. Тые хлопци такъ и зробили, а лисичка якъ зашла за могилу, да заразъ у лисъ и повернула, щобъ на дорози не догнали; пришла у лисъ да и зробила соби санки, да-й јиде. Коли йде вовчикъ: «здорова була, лисичко-сестричко!» — Здоровъ, вовчику-братику! «Дѣ [2]) се ты узяла соби и бичка и санки?» — Э! зробила. «Пидвези-жъ и мене.» — Э, вовчику! не можно. «Мини хоть одну нижку.» — Одну можно. Винъ и положивъ, да отъјихавши немного и просить, щобы еще одну положить. «Не можно, братику! боюсь, щобъ ты саней не зломавъ.» — Ни, сестричко, не бі(о)йся! — Да и положивъ другую нижку. Тильки що отъјихали, якъ щось и триснуло. «Бачишъ, вовчику, уже и ломаешь санки.» — Ни, лисичко! се у мене бувъ оришбкъ, такъ я розкусивъ. Да просить опять, щобъ и третю ногу положить; лисичка и ту пустила, да тильки що опять отъјихали, ажъ щось уже дужче [3]) триснуло. Лисичка закричала: «охъ лишечко! [4]) ты-жъ мини, братику, зовсимъ зломаишъ санки.» — Ни, лисичко, се я оришбкъ розкусивъ. «Дай же и мини; бачишъ якій, що самъ јишъ, а мини и не даешъ.» — Нима уже бильше, а я-бъ давъ. Да и просить опять, щобъ пустила положить и послѣдню ногу. Лисичка и согласилась. Такъ винъ тильки що положивъ ногу, якъ санки зовсимъ розломались. Тоди вже лисичка такъ на ёго розсердилась, що и сама не знала щобъ робила! а якъ

---

1) Третьякъ — теленокъ или жеребенокъ по третьему году (Опытъ области. великорус. словаря, стр. 232). 2) Гдѣ. 3) Сильнѣе. 4) Уменьшительное отъ «лихо».

отошло сердце, вона и каже: «иди-жъ, ледащо [1])! да нарубай дерева, щобъ намъ опять изробить санки; тильки рубавши кажи такъ: «рубайся дерево и криве и пряме.» Винъ и пишовъ да-й каже усе: «рубайся-жъ дерево усе пряме да пряме!» Нарубавши и приносить; лисичка увидала, що дерево не таке, якъ jiй нужно, опять розсердилась: «ты, говорить, не казавъ видно такъ, якъ я тоби велила!»—Ни, я усе тее казавъ, що ты мини казала. «Да чомусь не таке рубалось? ну, сиди-жъ ты тутъ, а я сама пиду нарубаю»—да и пишла у лисъ. А вовкъ дивицця, що винъ самъ остався; узявъ да проjивъ у бичка дирку да выjивъ усе въ середини, да напускавъ туда горобцивъ [2]), да ще соломой заткнувъ, поставивъ бичка, а самъ и втикъ [3]). Ажъ лисичка приходить, зробила санки да-й сила и стала погонять: «гей бичокъ третячокъ!» Тильки винъ не везе. Вотъ вона встала, щобъ поправить: може, що не такъ запряжено; да не хотячи одоткнула солому, а оттуда такъ и сыпнули горобци литить. Вона уже тоди побачила, що бичокъ неживый; покинула ёго да и пишла.

Легла на дорози, ажъ дивиццяя — jиде мужикъ зъ рибою; во́ и притворилась, що здохла. Вотъ мужикъ и говорить: «во́зму я оцю [4]) лисицу, обдеру да хоть шапку соби сошью.» Узявъ да и положивъ сзади у воза. Вона замѣтила, що мужикъ не смотрить, стала ногами викидывать рибу съ воза, а когда побачила, що навикидала уже богато, тоди потихесеньку и сама слизла; сила биля [5]) рибы да и jисть соби, — коли бижить опять той самый вовчикъ. Побачивши, що вона jисть рибу, прибигъ до еи да-й каже: «здорова була, лисичко-сестричко! дѣ се ты набрала стильки рибы?» Вона каже: «наловыла, вовчику-братику!» А соби на думци: «подожди, и я зроблю зъ тобою таку штуку, якъ и ты зо мною.» — Якъ же ты

1) Негодный. 2) Воробьевъ. 3) Убѣжалъ. 4) Эту. 5) Подлѣ, возлѣ.

ловыла? «Такъ, вовчику, уложила хвостикъ въ ополонку, вожу тихенько да-й кажу: ловыся рибка мала и велика! коли хочешъ, то и ты пиди, наловы соби.» Винъ побигъ да и зробивъ такъ, якъ казала лисичка. А лисичка стала за деревомъ да-й дивицця; коли у вовчика зовсимъ хвостикъ примерзъ, вона тоди побигла въ си(е)ло да и кричить: «идить, люди, вбывайте вовка!» Люди набигли съ кольями да и убили ёго.

с. Однажды лиса украла лошадь съ полной збруей и съ телегою, и давай разъѣзжать по лѣсу. Попадается ей на встрѣчу медвѣдь. «Лисанька! посади меня», говоритъ медвѣдь. — Садись, сиволапый чортъ! Медвѣдь сѣлъ. Поѣхали; попадается имъ волкъ. «Лисанька! посади меня», говоритъ волкъ. — Садись, сѣрой воръ! Послѣ того попадается на встрѣчу косой заяцъ. «Лисанька! посади меня», говоритъ онъ. — Садись, косой! Вотъ и поѣхали въ четверомъ и запѣли пѣсни. Вдругъ переломилась у нихъ оглобля. Лисица говоритъ медвѣдю: «ступай ты, Мишинька, принеси оглоблю.» Медвѣдь пошелъ по лѣсу, только лѣсъ трещитъ; переваляяъ пропасть деревъ, наконецъ выбралъ самое большое, толстое дерево и принесъ лисѣ. «Не годится это на оглоблю, сиволапый ты Мишка! Ступай ты, сѣрой волкъ!» говоритъ лисица. Волкъ пошелъ и принесъ также цѣлое дерево, но поменьше. «И это не годится, говоритъ лиса; поди, принеси ты, косой заяцъ!» Заяцъ пошелъ и принесъ пруточикъ. «Всѣ вы ничего не смыслите! Пойду ужь сама», говоритъ лисица. Пока она ходила, медвѣдь съ волкомъ и съѣли лошадь, а въ шкуру лошадиную набили моху, и опять запрягли, какъ-бы живую лошадь. Лисица выбрала славную оглобельку; приходитъ къ телегѣ, а ужь на ней нѣтъ ни медвѣдя, ни волка, ни зайца. Она перемѣнила оглобельку и начала погонять лошадь, а та ни съ мѣста. Стала ее дерґать возжами и бить палкою, лошадь и свалилась. Слѣзла лиса съ телеги, посмотрѣла на лошадь и увидала, что она набита мо-

хомъ, а мясо все съѣдено; поплакала-поплакала и опять стала ходить по лѣсу пѣшкомъ.

Повадилась лиса таскать изъ садковъ рыбу. Мужики догадались и рѣшились изловить вора, а лиса, какъ смѣтливая баба, накравши въ послѣдній разъ рыбки, пошла гулять по лѣсу. Попадается ей на встрѣчу сѣрый волкъ. «Что ты ѣшь, лисанька?» спрашиваетъ волкъ.—Рыбку, куманёкъ. «Да гдѣ же ты ее берешь.»—Да сама ловлю. «Да какъ же ты ее ловишь? научи-ка меня.» — Изволь куманёкъ! возьми ведро, привяжи къ хвосту да и опусти въ пролубь: рыба и найдетъ къ тебѣ сама въ ведро; только ты часа два посиди у пролуби! Волкъ такъ и сдѣлалъ; но только часа черезъ два хвостъ-то у него примёрзъ къ пролуби, такъ что онъ, какъ ни старался, оторвать его не могъ. Поутру пришли мужики и убили его.

Пришла лиса къ медвѣдю въ берлогу и выпросилась перезимовать у него. На зиму запаслась она цыплятами, положила ихъ подъ себя и ѣла по немножку. Медвѣдь однажды и спрашиваетъ: «что ты, кумушка, ѣшь?» — Да что, куманёкъ, изъ лба кишечки таскаю да и кушаю. «И сладко?» спрашиваетъ медвѣдь. — Сладко, куманёкъ. «Дай-ко попробовать!» Она ему дала немного курятинки. Облакомился Мишка, и ну тискать себѣ изо лба кишечки, до тѣхъ поръ надрывался, пока не околѣлъ. А лисица этому и рада. Ей и пищи на цѣлый годъ, и мягкая постель, и теплая канура.

(Записана въ тверской губерніи.)

d. Шла лиса по дорожкѣ и нашла ла́потокъ, пришла къ мужику и просится: «хозяинъ, пусти меня ночевать.» Онъ говоритъ: «некуда, лисынька! тѣсно.» — Да много ли нужно мнѣ мѣста! я сама на лавку, а хвостъ подъ лавку. Пустили ее ночевать; она и говоритъ: «положите мой ла́потокъ къ вашимъ курочкамъ.» Положили; а лисынька ночью встала и забросила

свой лапоть. Поутру встають, она и спрашиваеть свой лапоть; а хозяева говорять: «лисынька, вить онъ пропалъ!» — Ну, отдайте мнѣ за него курочку. Взяла курочку, приходить въ другой домъ и просить, чтобъ ея курочку посадили къ хозяйскимъ гуськамъ. Ночью лиса припрятала курочку, и получила са нее утромъ гуська. Приходить въ новой домъ, просится ночевать и говорить, чтобъ ея гуська посадили къ барашкамъ; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще въ одинъ домъ. Осталась ночевать и просить посадить ея барашка къ хозяйскимъ бычкамъ. Ночью лисынька украла и барашка, а поутру требуеть, чтобъ за него отдали ей бычка [1]. Всѣхъ — и курочку, и гуська, и барашка, и бычка — она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дорогѣ. Идеть медвѣдь съ волкомъ, а лиса говорить: «подите, украдьте сани да поѣдемте кататься.» Вотъ они украли и сани, в хомуть, впрягли бычка, сѣли всѣ въ сани; лиса стала править и кричить: «шню-шню! бычокъ-соломенной бочокъ, сани чужіе (или: не наши), хомуть не свой, погоняй не стой!» Бычокъ не идеть. Она выпрыгнула изъ саней и закричала: «оставайтесь, дураки!» а сама ушла. Медвѣдь съ волкомъ обрадовались добычѣ и ну рвать бычка, рвали-рвали, видять, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домамъ.

е. Жили-были волкъ да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка-то лубяная. Лѣто стало, у лисички избушка и растаяла. Пошла она къ волку на фатеру [2] проситься: «пусти-ко, кумъ, меня на лѣсенку.» — Нѣтъ, кума, не пушшу.

---

1) *Вар.* Вздумала лисичка разбогатѣть, подняла на дорогѣ лычко и приходить въ одну избу, гдѣ толкуть, мелють и зыбки качають: такъ много народу! — и просится ночевать. На другой день лычко припрятала и получила за него ремешокъ, и т. дал. Наконецъ дають ей тройку лошадей, на которыхъ она и пускается въ путь.... 2) Квартиру.

«Пусти кумъ!» — Ну, лизь инно! [1] Взошла кума на лѣсницу; какъ-бы добраться до печки? начала она умолять кума не вдругъ, а потихоньку, помаленьку: «пусти-ко, кумъ, меня на крылечко-то.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» Ну, лизь инно! Взошла на крыльцо: «пусти-ко, кумъ, меня въ си(ѣ)нцы-те.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лизь инно. Взошла въ сѣни: «пусти-ко, кумъ, меня въ избу-то.» — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лизь инно! Пришла въ избу: «пусти-ко, кумъ, меня на го́лбчикъ-отъ.» [2] — Нѣтъ, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ.» Ну, лизь инно! Влѣзла на го́лбчикъ: «пусти-ко, кумъ, меня на полатцы-те.» — Нѣтъ, кума. не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Ну, лизь инно! А съ полатей просится: «пусти-ко, кумъ, меня на печку-то.» — Нѣту, кума, не пушшу. «Пусти, кумъ!» — Да ужь лизь ты! съ досадою сказалъ волкъ. Легла кума на печку, да и постукиваетъ хвостикомъ: «чу! кумъ, меня зовутъ бабиться.» [3]. — Поди, отвѣчаетъ кумъ. Пошла кума на вышку [4], нашла кринку масла да и почала ее; пришла назадъ въ избу. Волкъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума? — Початышка. Легла опеть да постукиваетъ, и говоритъ: «чу! кумъ, меня бабиться зовутъ.» — Поди, кума! Сходила на вышку и пришла назадъ. Волкъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума?» — Серёдышка. Легла опеть на печку да постукиваетъ, и говоритъ: «чу! кумъ, меня бабиться зовутъ.» — Поди, кума! Воротилась кума, а волчокъ-отъ спрашиваетъ: «кого Богъ далъ, кума?» — Заскрёбышка. Волкъ хотѣлъ оладьи печи, пошелъ на вышку, а масла-то нѣту. Спрашиваетъ онъ куму: «ты, кума, съѣла масло?» — Нѣтъ — ты,

---

1) Лѣзь — входи; инно — союзъ, употребляемый въ случаѣ недоумѣнія (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 75). 2) Го́лбецъ — деревянная придѣлка къ печи (ibidem, стр. 38). 3) Быть повивальною бабкою. 4) Чердакъ (ibidem, стр. 33).

кумъ! ляжемъ-ко на шестокъ-отъ: у кого масло выпре(я)жится? [1]) Волкъ уснулъ, а у лисички выпре(я)глось масло; она имъ и вымазала кума. Пробудился волкъ; лисичка ему и говоритъ: «вѣдь ты, кумъ съѣлъ!» Онъ говоритъ: «нѣтъ — ты, кума!» Спорили да спорили, и не могли переспорить одинъ другаго... Кума ро(а)зсердилась, пошла куды-то да и легла на дорогу, а мужикъ съ рыбой ѣхалъ, да и думаетъ, что лисичка пропала [2]), взялъ ее и бросилъ на сани. Она проѣла у него бочку съ рыбой и рыбу ро(а)зсыпала. Пріѣхалъ мужикъ домой и посылаетъ жену: «поди-ко, жена, я лисицу привезъ.» Пошла жена: ни рыбы, ни лисицы нѣтъ. Лиса собрала рыбу и идётъ къ куму волку: «лѝ-ко [3]), кумъ, сколько я наудила!» — Поведи-ко меня, кума, научи. «Вотъ какъ удь: хвостъ-то умочи въ воду-то.» Пошелъ кумъ, умочилъ хвостъ да и приморозилъ. Лисичка стала сми(ѣ)яться надъ кумомъ: «е(я)сни, есни на небѣ, мерзни, мерзни у волка хвостъ!» Онъ не учулъ [4]) да и спрашиваетъ: «чего ты, кума, говорила?» — Чтобъ Богъ далъ тебѣ болѣ рыбы-то. Бабы пришли да и убили волка, а лисичка убѣжала [5]).

(Записана въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.)

f. Волкъ и лиса жили въ одномъ мѣстѣ. У волка былъ домъ коряной, а у лисы ледяной. Вотъ пришла весна красная, у лисы домъ растаялъ, какъ не бывалъ. Что дѣлать ей? но лиса хитра, пришла она къ волку подъ окошечко да и говоритъ: «волченёкъ-голубокъ! пусти меня горемычную хоть во дворъ.» А тотъ такъ толсто [6]): «поди, лиса.» — Волченёкъ-

---

1) Вытопится. 2) Издохла. 3) Гляди-ко (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 103). 4) Не разслыхалъ. 5) Въ этой сказкѣ и въ слѣдующей за нею соединены вмѣстѣ два разсказа о лисѣ, но при этомъ не сохранена должная послѣдовательность: дѣйствіе начинается лѣтомъ, а продолжается зимою. 6) Т. е. говоритъ.

голубокъ! пусти хоть на крылечко. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! пусти хоть въ избу. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! Пусти хоть на приступочекъ. «Поди, лиса!» — Волченёкъ-голубокъ! пусти на печку. «Поди, лиса!» Вотъ лиса на печкѣ лежитъ да хвостомъ вертитъ; совсѣмъ бы она, да вишь трои сутки не ѣдала: какъ узнать, гдѣ у волка хлѣбъ? И ну искать; искала, искала да и нашла на избицѣ у волка лукошко толокна да кринку масла, а сама опять на печку. Стукъ, стукъ, стукъ! А волкъ: «лиса, кто-то стукается?» Лиса въ отвѣтъ: «волченёкъ-голубокъ! тебя въ кумы зовутъ, а меня въ кумушки.» — Поди, лиса, а мнѣ лихо [1]. А лиса тому и рада: съ печки скокъ, да на избицу скокъ, а тамъ масла лизнетъ, толоконца лизнетъ, лизала-лизала да все и сзобала [2]; съ избицы скокъ, да на печку скокъ, и лежитъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Волкъ спалъ, спалъ да ись [3] захотѣлъ, и на избицу побрелъ. «Ахъ-ти бѣда! волкъ завопилъ. Ахъ-ти бѣда! кто масло съѣлъ? толокно сзобалъ?» А лиса: «волченёкъ-голубокъ! на меня не подумай.» — Полно ты, кума! кто подумаетъ на тебя! И тѣмъ дѣло рѣшили, а голода не заморили. «Поди, кума, на Русь! говоритъ волкъ лисѣ; что найдешь, то и тащи, а не то съ голоду умремъ.» А лиса ни слова въ отвѣтъ и шмыгъ на Русь. Выбѣжала на дорогу, видитъ — ѣдетъ съ сельдями мужикъ, прикинулась и легла поперегъ дороги, какъ(бы) умерла. Наѣхалъ мужикъ на лису. «Ай, говоритъ, лисица! что за шерсть, что за хвостъ!» А самъ лису въ возъ. Лиса тому и рада: и ну рыть сельди, дорылась до дна и ну грызть рогоз(ж)у, перегрызла рогозу и ну грызть дно у саней, перегрызла и дно; сельди всѣ въ дыру пропустила и сама ускочила. Мужикъ уже спалъ и ничего не

1) Не хочется, лѣнь (см. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 103). 2) Зобать — ѣсть, кушать (Опытъ обл. великор. слов., стр. 71). 3) Ѣсть.

зналъ; а лиса сельди собрала и къ волку въ избу принесла: «на, говоритъ, волченёкъ-голубокъ! ѣшь, веселись, ни объ чемъ не тужи!» Волкъ не можетъ и надивоваться ухваткѣ своей кумы: «да какъ ты, кума, сельди-то имала?»—Ой ты, куманёкъ-голубокъ! я хвостъ-то какъ въ прорубь упущу, сельдь да двѣ, сельдь да двѣ! Волка такъ и забираетъ попробовать это дѣло неслыханное. Вотъ онъ хлѣба каталажку [1]) наклалъ и отправился ловить сельдей, какъ кума его учила. Пришелъ онъ къ рѣкѣ, упустилъ въ воду хвостъ да и держитъ, а лиса въ тожъ время молитъ: «на небѣ ясни, ясни! у волка хвостъ мерзни, мерзни!» И вотъ треснулъ морозъ, что у волка хвостъ замёрзъ. Пришли поповы дочки и волка кичигой [2]) зашибли да изъ шкуры себѣ шубу сшили! А лиса осталась одна жить, и тепере живетъ, и насъ переживетъ.

(Записана въ архангельской губерніи.)

g. Жили-были куманёкъ да кумушка: волкъ да лисица. Вздумали они построить себѣ изъ снѣгу избушку и жить добромъ. Вздумано, взгадано и сдѣлано. Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ они и выстроили избушку возлѣ деревушки. Куманёкъ кормилъ свою кумушку телятиною да бараниною, а кума — курочками да цыплятами. Однажды кумушка говоритъ своему куманьку: «куманёкъ! пойдемъ вмѣстѣ въ деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить.» Вотъ отправились на охоту, пришли въ деревню; а въ деревнѣ всѣ мужики и бабы на сѣнокосѣ, а малы ребятишки въ горохѣ. «Ну, кумъ! теперь намъ раздолье; хоть всю деревню шаромъ покати! Теперь своя воля и наша доля.» И лиса улизнула въ стайку [3]) и двухъ куръ удушила; пришла и добычу принесла,

1) Каталажка—дорожная сумка, носимая за плечами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 80). 2) Кичи́га—цѣпъ молотильный; валекъ (ibidem, стр. 83). 3) Хлѣвъ для скотины (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 214).

и ку́му говоритъ: «теперь, куманёкъ, ты ступай, твоя череда! Я стану сторожить и на всѣ стороны гляди(ѣ)ть.» Волкъ пробѣжалъ половину деревни, и послышался ему лай собаки, запертой въ избѣ; онъ проскакалъ деревню и остановился за погребомъ. Видитъ, что нѣтъ за нимъ никакой погони, что въ деревнѣ нѣтъ ни шуму, ни гаму, и лиса-кумушка никакой вѣсти ему не даетъ, волкъ тихохонько отворилъ погребъ, схватилъ кринку масла и былъ таковъ. Пришли домой, зажарили добычу, съѣли и легли отдыхать.

Лисѣ показалось масло вкусно, захотѣлось еще полизать и отвѣдать маслеца голичкомъ. Вотъ она тихонько встала и къ кринкѣ подошла; на ту пору волкъ пробудился и съ боку на бокъ перевалился. Лиса брызгнула [1] отъ крынки и снова улеглась. Волкъ догадался, что кумушка-лиса хочетъ маслецомъ поживиться, всталъ и вынесъ кринку въ сѣни и поставилъ на высокую полицу, чтобъ кумушкѣ не достать. Какъ ухитрить(ся) — кума обмануть и маслеца отвѣдать? Вотъ волкъ ушелъ въ лѣсъ за дровами, чтобъ печку затопить; въ ту пору лиса Патрикіевна приставила лѣсенку на потолокъ, вскочила по ней, и съ потолка на полицу, обнюхала масло, хотѣла полизать да побоялась, чтобъ кумъ не засталъ. Скоро(ё)хонько воротилась, сѣла къ печкѣ и ждала кума; а кумъ что-то долго запоздалъ, бѣгалъ отъ собакъ, поздно пришелъ, жаловался, что очення усталъ, и легъ спать не ѣвши. Ночью лиса, лежа подъ окномъ, стукъ въ стѣну хвостомъ и чужимъ голосомъ говоритъ: «матушка! кормилица! помоги, пособи горю, не дай умереть!» — Кто тамъ, говоритъ волкъ, что такое? «Ахъ, куманёкъ! кроликъ зоветъ меня въ повивушки.» — Бѣги, да къ свѣту вернись! «Коли Богъ дастъ счастливо, я тотчасъ

---

1) Стремительно, поспѣшно убѣжала (Словарь Академ. Россійской, ч. I, стр. 321).

прибѣгу.» Хлопнула дверьми, стукнула запоромъ, а сама ни вонъ изъ сѣней. Коль скоро все пріумолкло и волкъ захрапѣлъ, лиса шмыгъ на потолокъ, а съ потолка на пóлицу и къ маслу. Зоря на дворѣ и наша лиса передъ волкомъ въ избѣ. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — Початышекъ, куманёкъ, Початышекъ! На другую ночь лиса ту-же хитрость повторила, и стукнувъ запоромъ, передъ волкомъ явилась. «Что, кумушка, кого Богъ далъ?» — Середышекъ, куманёкъ, Середышекъ! Въ третью ночь кума тоже сотворила и волку объявила: «Послѣдышекъ, куманёкъ, Послѣдышекъ!»

Однажды волкъ лисѣ говоритъ: «кумушка, мы теперь масло-то къ празднику побережемъ, а о праздникѣ сотворимъ пиръ на весь міръ и на славу добрымъ людямъ.»—Какъ-же, куманёкъ! сохранимъ, сохранимъ! Вѣть ты его самъ упряталъ, и некому взять. Передъ праздникомъ оба отправились на охоту. Волкъ притащилъ за уши свинью да ягненка, а лиса курицу да цыплёнка, и пошли наши стряпать. Все приготовлено, только маслецомъ сподобить, да гостямъ подать; вить для праздника надобно же и снадобье! 1) «Куманёкъ, говоритъ лиса, сходи-ко да принеси маслеца-то.» — Сейчасъ, сейчасъ, кумушка! — и вышелъ. Взялъ волкъ съ пóлицы кринку, но кринка пуста и масла нѣтъ. Волкъ изумѣ(и)лся и кричитъ: «кума! гдѣ масло? кто съѣлъ его? кума, ты съѣла!» — Что ты, куманёкъ! я масла и въ глаза не видала и близко не бывала. Ты поставилъ масло высоко и знаешь, что мнѣ не достать. Не самъ ли ты съѣлъ, а на меня сваливаешь? «Такъ кто же его съѣлъ?»—Вѣрно ты самъ, кумъ, и хочешь меня провести; полно шутить, меня не обманешь. Волкъ началъ сердиться и ротиться 2), что онъ масла не ѣдалъ и что лиса его съѣла. «Полно, куманёкъ, полно шутить. Вотъ спознаемъ: кто масло

1) Приправа къ кушанью. 2) Клясться.

съѣлъ? Кто съѣлъ, у того оно вытопится; надо лечь брюхомъ къ огоньку, испробуемъ-ко? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду уберу.» Волкъ отдалъ кринку, а лиса въ кринку лапу и обшарила [1]) всю. Вотъ легли наши противъ печки къ огоньку. Волка пригрѣло, и онъ захрапѣлъ. Лиса вымарала лапой полъ передъ волкомъ и лапой же провела по волчью брюху. Волкъ спросилъ: «что ты, кума, дѣлаешь?» — А вотъ смотрю, какъ у тебя масло вытапливается; смотри-ко, ты и полъ-отъ замаслилъ. Вишь, я правду сказала, что кто масло съѣлъ, у того и вытопится. Волкъ провелъ по брюху лапою и нашелъ, что оно въ маслѣ. «Что, куманёкъ, не стыдно ли свой грѣхъ на чужихъ сваливать? Отпирайся теперь, воръ, а укоры-то вѣрные.» Волкъ осердился, съ досады и горя пустился бѣжать и домой не воротился. Пришло лѣто, изба растаяла. Волкъ эту быль мнѣ самъ разсказывалъ и завѣрялъ, что впередъ никогда не станетъ жить вмѣстѣ съ лисою.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

h. У волка была изба деревянная, у лисы ледяная. Пришло лѣто, растаяла у лисы изба. Она пришла къ волку и говоритъ: «кумъ, ты не знаешь моего горечка!» — Что, кума, у тебя за горечко? «Изба-то растаяла, пусти къ себѣ пожить.» — Изволь поди, кума, поживи. Лиса говоритъ: «нынѣ, кумъ, разбуди меня пораньше, меня придутъ звать на повой.» Настала ночь, къ дверямъ пришла другая лиса и стучится. Волкъ услыхалъ и началъ будить свою куму: «кума! вставай, пришли за тобой.» — Спасибо тебѣ, куманёкъ, что разбудилъ; я бы проспала. Вышла и пустила тихонько въ сѣни свою подругу. Залѣзли онѣ на полдовку [2]), гдѣ у волка было много меду, и съѣли по-

1) Вытерла. 2) Пóлдовка—чердакъ (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 164).

ловину кадушки. Проводила кумушка подругу и взошла въ избу. «Какъ, кума, младенца зовутъ?» спросилъ волкъ. — Починочкомъ. На другую ночь тоже. Кумушки весь медокъ съѣли. Волкъ опять спрашиваетъ: «что, кума, какъ зовутъ?»—Поскрёбышкомъ. День пришелъ и лиса захворала: охъ, охъ!... «Что, кума, или захворала?» — Захворала, кумъ, что-то головушка заболѣла. «Постой-ка, кума, я тебя вылѣчу; у меня есть запасецъ.» Полѣзъ на полдовку, хвать — нѣтъ меду въ кадушкѣ. Разсердился волкъ, вбѣжалъ въ избу и спросилъ: «ты, лиса, съѣла у меня медъ?» — Нѣтъ, кумъ, что ты! Господь съ тобой! Ты знаешь, что въ день-то мы съ тобой вмѣстѣ ходимъ, а ночью я на повоѣ бываю; когда мнѣ твой медъ ѣсть? «Нѣтъ, лебёдушка! пошла вонъ изъ моей избы, чтобъ я тебя не видалъ!» Лиса ушла, а волкъ сталъ по прежнему поживать да медокъ запасать.

(Записана въ саратовской губерніи г. К. Гуськовымъ.)

2.

ЛИСА И ПѢТУХЪ 1).

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лѣсу не ѣвши. На зорѣ прибѣжала она въ деревню, взошла на дворъ къ мужику и полѣзла на насѣсть къ курамъ. Только что подкралась и хотѣла схватить одну курицу, а пѣтуху пришло время пѣть: вдругъ онъ крыльями захлопалъ, ногами затопалъ и закричалъ во все горло. Лиса съ насѣсти-то такъ со страху полетѣла, что недѣли три лежала въ лихорадкѣ. Вотъ разъ вздумалось пѣтуху пойдти въ лѣсъ—разгуляться, а лисица ужъ

1) См. вып. I, стр. 5; вып. II, стр. 111; вып. III, № 21.

давно его стережетъ; спряталась за кустъ и поджидаетъ, скоро ли пѣтухъ подойдетъ. А пѣтухъ увидѣлъ сухое дерево, взлетѣлъ на него, и сидитъ себѣ. Въ то время лисѣ скучно показалось дожидаться, захотѣлось сманить пѣтуха съ дерева; вотъ думала, думала да и придумала: дай прельщу его. Подходитъ къ дереву и стала здоровкаться: «здравствуй, Петинька!» [1]) Зачѣмъ ее лукавой занесъ? думаетъ пѣтухъ. А лиса приступаетъ съ своими хитростями: «я тебѣ, Петинька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вотъ ты, Петя, имѣешь у себя пятьдесятъ женъ, а на исповѣди ни разу не бывалъ. Слѣзай ко мнѣ и покайся, а я всѣ грѣхи съ тебя сниму и на смѣхъ не подыму.» Пѣтухъ сталъ спускаться ниже и ниже, и попалъ прямо лисѣ въ лапы. Схватила его лиса и говоритъ: «теперь я задамъ тебѣ жару! ты у меня за все отвѣтишь, попомнишь, блудникъ и пакостникъ, про свои худыя дѣла! Вспомни, какъ я въ осеннюю темную ночь приходила и хотѣла попользоваться однимъ курёнкомъ, а я въ то время три дня ничего не ѣла, и ты крыльями захлопалъ и ногами затопалъ!...» — Ахъ, лиса! говоритъ пѣтухъ, ласковыя твои словеса! премудрая княгиня! . . . .
. . . . пойдетъ про насъ слава добрая.
— Лиса распустила лапы, а пѣтухъ порхъ на дубокъ.

3.

КОТЪ, ПѢТУХЪ И ЛИСА [2]).

а. Жилъ-былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ у(по)нёсъ ему ѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса.

---

1) Игра словъ: *пе(ѣ)тинька* — уменьшительная форма и отъ слова *пѣтухъ (пѣтелъ)*, и отъ имени *Петръ*. 2) См. выпускъ II, № 3.

«Ки(у)ке(у)реку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку.» 1)

Такъ лиса пѣла, сидя подъ окномъ. Пѣтухъ выставилъ окошко, высунулъ головку и посмотрѣлъ: кто тутъ поётъ? Лиса схватила пѣтуха въ когти и понесла его въ гости. Пѣтухъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, въ далекія страны, въ чужія земли, да тридевять земель, въ тридцатое царство, въ тридесятое государство. Котъ Котонаевичъ, отыми меня!» Котъ въ полѣ услыхалъ голосъ пѣтуха, бросился въ погоню, достигъ лису, отбилъ пѣтуха и принёсъ домой. «Мотри 2) ты, Петя-пѣтушокъ! говоритъ ему, котъ, не выглядывай въ окошко, не вѣрь лисѣ; она съѣстъ тебя и косточекъ не оставитъ.»

Старикъ опять ушелъ въ лѣсъ на работу, а котъ унёсъ ему ѣсть. Старикъ, уходя, заказывалъ пѣтуху беречь домъ и не выглядывать въ окошко. Но лисица стерегла, ей больно хотѣлось скушать пѣтушка; пришла она къ избушкѣ и запѣла:

---

1) *Варіантъ:* «Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка,
Смятанный лобокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ кашки
На красной ложкѣ.»

Или: «Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Чесаная головушка,
Масляная бородушка!
Выгляни въ окошечко;
Бары ѣдутъ,
Кольцами звенятъ,
Деньгами дарятъ!

2) Смотри.

«Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ.»

Пѣтухъ ходилъ по избѣ да молчалъ. Лиса снова запѣла пѣсенку и бросила въ окно горошку. Пѣтухъ съѣлъ горошекъ, и говоритъ: «нѣтъ, лиса, не обманешь меня! ты хочешь меня съѣсть и косточекъ не оставишь.» — Полно ты, Петя-пѣтушокъ! стану ли я ѣсть тебя! Мнѣ хотѣлось, чтобъ ты у меня погостилъ, моего житья-бытья посмотрѣлъ и на мое добро поглядѣлъ! — и снова запѣла:

«Кикереку пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Выгляни въ окошко,
Я дала тебѣ горошку,
Дамъ и зернышковъ 1).»

Пѣтухъ лишь выглянулъ въ окошко, какъ лиса его въ когти. Пѣтухъ лихимъ матомъ закричалъ: «понесла меня лиса, понесла пѣтуха, за темные лѣса, за дремучіе боры, по крутымъ бережкамъ, по высокимъ горамъ; хочетъ лиса съѣсти меня и косточекъ не оставити!» Котъ въ полѣ услыхалъ, пустился въ догоню, пѣтуха отбилъ и домой принёсъ: «не говорилъ ли

1) Въ рукописи слѣдуетъ продолженіе, которое вѣроятно вставлено сюда изъ другаго народнаго разсказа:

«Гдѣ ты вечеръ былъ-побывалъ?»
Я леталъ, леталъ
До Ѳаді(ѣ)ева двора.
«Что тебѣ баба дала?»
— Клюку да лопату,
Корову горбату.
Кикереку-пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Да выгляни въ окошко.

я тебѣ: не открывай окошка, не выглядывай въ окошко, съѣстъ тебя лиса и косточекъ не оставитъ. Мотри, слушай меня! мы завтра дальше пойдемъ.»

Вотъ опять старикъ на работѣ, а котъ ему хлѣба унёсъ. Лиса подкралась подъ окошко, ту-же пѣсенку запѣла; три раза пропѣла, а пѣтухъ всё молчалъ. Лиса говоритъ: «что это, ужь нынѣ Петя нѣмъ сталъ!» — Нѣтъ, лиса, не обманешь меня, не выгляну въ окошко. Лиса побросала въ окошко горошку и пшенички, и снова запѣла:

«Кикереку — пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Маслява головка!
Выгляни въ окошко.
У меня-то хоромы большіе,
Въ каждомъ углу
Пшенички по мѣрочкѣ;
Ѣшь, сытъ, не хочу!»

Потомъ прибавила: «да, посмотрѣлъ бы ты, Петя, сколько у меня рѣдкостей! да покажись же ты, Петя! полно не вѣрь коту. Если бы я съѣсти хотѣла тебя, то давно бы съѣла; а то вишь я тебя люблю, хочу тебѣ свѣтъ показать, уму-разуму тебя наставить и научить, какъ надо жить. Да покажись же ты, Петя, вотъ я за уголъ уйду!»—и къ стѣнѣ ближе притаилась. Пѣтухъ на лавку скочилъ и смотрѣлъ издалека, хотѣлось ему узнать, ушла ли лиса? Вотъ онъ высунулъ головку въ окошко, а лиса его въ когти, и была такова. Пѣтухъ ту-же пѣсню запѣлъ; но котъ его не слыхалъ. Лиса унесла пѣтуха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Котъ со старикомъ пришли домой и пѣтуха не нашли; сколько ни горевали, а послѣ сказали: «вотъ каково не слушаться!» 1)

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

1) Сказка эта оканчивается и такъ: Не найдя дома своего товарища, унесеннаго злодѣйкою-лисою, котъ погоревалъ, погоревалъ и пошелъ выручить

b. Жилъ-былъ котъ да баранъ, у нихъ былъ пѣтушокъ. Вотъ они пошли лыки драть; пришла лиса подъ окошко къ пѣтушку и говоритъ:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляная головка!
Вотъ тебѣ съ сѣмячкомъ лепешка.
У Карпова двора
Преукатана гора,
Стоятъ санки-самокатки;
Они сами катятъ,
Сами ѣхать хотятъ!»

Пѣтушокъ выглянулъ; она его унесла. Онъ дорогой и кричитъ: «котъ да баранъ! меня лиса несётъ за высокія горы, за темные лѣса.» Они услыхали, воротились и отняли пѣтушка. На другой день говорятъ ему: «смотри же, если придётъ лиса — не выглядывай!» Лиса пришла, ту-же пѣснь запѣла; пѣтушокъ выглянулъ, она и унесла его. Котъ да баранъ опять

его изъ бѣды. Онъ нарядился гусляромъ, пришелъ къ лисициной избѣ, и поетъ: «Трень-трень (или: стрень-брень), гусельки-золотыя струнушки! Дома ли Лисафья, со своими со дѣтками: одинъ сынъ Терентьюшко, другой Меленьтьюшко, третій Алёшка-парнечокъ, одна дочь Чучелка, другая Почучелка, третія Подмети-шестокъ, четвертая Подай-челнокъ!» Лиса посылаетъ своихъ дѣтей посмотрѣть, кто тамъ поетъ? А котъ всѣхъ ихъ и зарубилъ саблею. Подождала, подождала лиса; гусляръ пересталъ пѣть, а дѣтки не йдутъ въ избу. Говоритъ пѣтушку: «поди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ, какъ увидалъ кота — чуть было не закричалъ отъ радости: кукуреку! «Бѣги скорѣе домой!» говоритъ ему котъ. Пѣтушокъ побѣжалъ, а котъ къ лисѣ идетъ да поетъ:

«Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить!»

Пришелъ, да какъ хватитъ лису саблей — изъ нея и духъ вонъ!

отняли. На третій день говорятъ ему: «смотри же, не гляди въ окно; мы теперь далеко уйдемъ, не услышимъ — какъ будешь кричать.» Лиса пришла, такимъ сладкимъ голосомъ запѣла, что пѣтушокъ не утерпѣлъ — выглянулъ; она его схватила и понесла домой. Онъ кричалъ-кричалъ дорóгой; нѣтъ, не слыхали котъ да баранъ. Приходятъ они домой, нѣтъ пѣтушка! они сдѣлали гусельцы-барановы струночки и пошли къ лисѣ выручать пѣтушка. У лисы было семь дочерей. Котъ да баранъ пришли подъ окошко и начали играть: «тюкъ-тюкъ, гусельцы-барановы струночки! жила-была лиса красна во своемъ золотомъ гнѣздѣ; у нея было семь дочерей: первая дочь Чучелка, другая Подчучелка, третья Подай-челнокъ, четвертая Мети-шестокъ, пятая Трубу-закрывай, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-пироги!» Лиса говоритъ: «поди, Чучелка, посмотри — кто такую хорошую пѣсню поетъ?» Чучелка вышла, они стукъ ее въ лобокъ да въ коробокъ. Такъ всѣхъ лисиныхъ дочерей по одиночкѣ и забрали. Потомъ вышла сама лиса. Они и ее стукъ въ лобокъ да въ коробокъ; взошли въ избушку, взяли пѣтушка еще живаго, воротились домой и стали жить да быть.

4.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВЪ.

Бѣжала лисица по лѣсу, увидала на деревѣ тетерева и говоритъ ему: «Терентій, Терентій! я въ городѣ была.» — Бу-бу-бу, бу бу-бу! была, такъ была. «Терентій, Терентій! я указъ добыла.» — Бу-бу-бу, бу-бу-бу! добыла, такъ добыла. «Чтобы вамъ тетеревамъ не сидѣть по деревамъ, а все бы гулять по зеленымъ лугамъ.» — Бу-бу-бу, бу бу-бу! гулять, такъ гулять. «Терентій! кто тамъ ѣдетъ?» спрашиваетъ лисица,

услышавъ конской топотъ и собачій лай. — Мужикъ. «Кто за нимъ бѣжитъ?» — Жеребёнокъ. «Какъ у него хвостъ-то?» — Крючкомъ. «Ну такъ прощай, Терентій! мнѣ дома недосугъ.»

(Записана въ тверской губерніи.)

5.

ЛИСА И РАКЪ.

Лиса и ракъ стаятъ вмѣстѣ и гыварятъ црамёшъ сибя. Лиса гваритъ раку: «давай съ табой пирганятца.» Ракъ: «штошъ, лиса, ну давай!» Зачили пирганятца. Лишь лиса пабѣгла, ракъ уцыпилси лисѣ за хвостъ. Лиса да мѣста дабѣгла, а ракъ ни атцыпляитца. Лиса абярнулась пысматрѣть, вярнула хвастомъ, ракъ атцыпилси и гваритъ: «а я давно ужъ жду тибя тутъ.»

(Записана въ тамбовской губерніи.)

6.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ.

Лиса съ журавлёмъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманёкъ! приходи, дорогой! ужь я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званой пиръ, а лиса наварила манной каши 1) и размазала по тарелкѣ. Подала и подчиваетъ: «покушай, мой голубчикъ-куманёкъ! сама стряпала.» Журавль хлопъ-хлопъ

1) *Варіантъ:* «яишницы и размазала по сковородѣ».

носомъ, стучалъ-стучалъ, ничего не попадаетъ! а лисица въ это время лижетъ себѣ да лижетъ кашу [1], такъ всю сама и скушала. Каша [2] съѣдена; лисица и говоритъ: «не безсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ.»—Спасибо, кума, и на этомъ! Приходи ко мнѣ въ гости. На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку, наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право больше нечѣмъ подчивать.» Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и эдакъ, и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ. А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ да клюетъ, пока все поѣлъ. «Ну, не безсудь, кума! больше угощать нечѣмъ.» Взяла лису досада, думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! Съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлёмъ — врозь [3].

(Записана въ тверской губерніи.)

7.

ЛИСА—ЛѢКАРКА.

Бывалъ-живалъ старикъ со старухой. Старикъ посадилъ кочешокъ [4] въ подпольецо, а старуха въ попелушку [5]. У

---

1) *Вар*: «яишницу.» 2) *Вар*: «яишница.»

3) Начало этой общеизвѣстной басни передается еще такъ: Захотѣлось лисѣ, чтобъ журавль ее угостилъ, и вздумала завести съ нимъ знакомство и причесться ему въ родню. Увидала разъ, что журавль гуляетъ по полю, подошла къ нему и говоритъ: «Здравствуй, журавль!» — Здравствуй, премудрая лиса! что тебѣ? «Ходила я . . . справлялась по книгамъ и розыскала, что ты доводишься мнѣ троюроднымъ братомъ: надо намъ другъ друга знать и почитать, другъ къ другу въ гости ходить.» 4) Кочень (кочанъ). 5) Куда собирается зола, пепелъ.

старухи въ попелушкѣ совсѣмъ завялъ кочешокъ, а у старина росъ, росъ, до полу доросъ. Старикъ взялъ топоръ и вырубилъ на полу прямо [1] кочешка дыру. Кочешокъ опять росъ, росъ, до потолку доросъ; старикъ опять взялъ топоръ и вырубилъ на потолку прямо кочешка дыру. Кочешокъ росъ, росъ, до нéба доросъ. Какъ старику поглядѣть на верхушку кочешка? Полѣзъ по корешку [2], лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ, долѣзъ до неба, просѣкъ нà небѣ дыру и влѣзъ туда. Смотритъ: стоятъ жóрновцы [3]; жорновцы повернутся — пирогъ да шаньга [4], наверхъ каши горшокъ. Старикъ наѣлся, напился и спать повалился. Выспался, слѣзъ на землю и говоритъ: «старуха! а старуха! какое житье-то на небѣ! тамъ есть жорновцы, какъ повернутся — пирогъ да шаньга, наверхъ каши горшокъ!» — Какъ-бы мнѣ, старичокъ, тамъ побывать? «Садись, старуха, въ мѣшокъ; я тебя унесу.» Старуха подумала и сѣла въ мѣшокъ. Старикъ взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ нà небо; лѣзъ-лѣзъ, долго лѣзъ; старухѣ стало скучно, она и спрашиваетъ: «далеко ли, старичокъ?» — Далече, старуха! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. «Далеко ли, старичокъ?» — Еще половина! Опять лѣзъ-лѣзъ, лѣзъ-лѣзъ. Старуха снова спрашиваетъ: «далеко ли, старичокъ?» Только старикъ хотѣлъ сказать: «не далече» [5] — мѣшокъ у него изъ зубовъ вырвался, старуха на землю свалилась и вся разшиблась [6]. Старикъ спустился внизъ по кочешку [7], поднялъ мѣшокъ, а въ мѣшкѣ одно костье, и то примельчалось. Пошелъ старикъ изъ дому и горько плачетъ. На встрѣчу ему лиска: «о чемъ, старичокъ,

---

1) Противъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 183). 2) *Варіантъ:* «Старикъ взялъ купилъ кирпичу, навозилъ и выклалъ лѣстницу до самаго неба, и полѣзъ.» 3) Жернова или ручная мельница. 4) Ватрушка или хлѣбъ изъ пшеничной муки, обмазанный сметаною и масломъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 263). 5) *Вар:* «послѣднія ступеньки.» 6) *Вар:* «покатилась старуха по лѣстницѣ, только костье трещитъ.» 7) *Вар:* «по лѣстницѣ.»

плачешь?»—Какъ не плакать! старуха разшиблась. «Молчи, я вылѣчу,» Старикъ палъ лисицѣ въ ноги: «вылѣчи, что угодно заплачу».—Ну, вытопи баньку, снеси туда толоконца мѣшочекъ, маслеца горшочекъ, да старуху, а самъ стань за двери и не смотри въ баньку. Старикъ вытопилъ баню, принесъ что надо и сталъ за двери; а лиса зашла въ баню, двери на крюкъ, стала мыть старухины кости, моетъ-не моетъ, а все огладываетъ. Старикъ спрашиваетъ: «каково старушка?» — Пошевеливается! говоритъ лиска, а сама доѣла старуху, собрала костье и сложила въ уголокъ, и принялась мѣсить саламату. Старикъ постоялъ-постоялъ и спрашиваетъ: «каково старушка?»—Посиживаетъ! говоритъ лиска, а сама саламату дохлебываетъ. Съѣла и говоритъ: «старичокъ! отворь двери шире.» Онъ отворилъ, а лиса прыгъ изъ баньки и убѣжала домой. Старикъ вошелъ въ баню, поглядѣлъ: только старухины кости подъ лавкой и тѣ оглоданы! толоконцо и маслецо съѣдено. Остался старикъ одинъ въ бѣдности [1]).

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ.)

---

1) *Варіантъ 1:* Жилъ старикъ и старуха. Старикъ каталъ-каталъ одну горошину. Она и упала на земь; искали-искали, не могли найдти съ недѣлю. Минула недѣля, и увидѣли старикъ да старуха, что горошина дала ростокъ; стали ее поливать, горошина взяла рости выше избы. Горохъ поспѣлъ, и полѣзъ старикъ по горохъ, нащипалъ большой узелъ и сталъ слѣзать по китинѣ. (Ки́тина—стволъ травы, на которой ростутъ стручки. См. Опытъ обл. великор. словаря, стр. 83.) У старика узелъ упалъ и старуху убилъ; тѣмъ и кончилось.

(Записана въ вологодской губерніи.)

Варіантъ 2: Жилъ дѣдъ да баба, и была у нихъ хата. Посадилъ дѣдъ бобинку, а баба горошинку подъ столъ. Горошинку поклевала курица, а бобинка выросла подъ самый столъ; приняли столъ, она еще выше выросла; сняли накатъ, крышу, — все ростетъ, и выросла подъ самое небо. Дѣдъ полѣзъ на небо, лѣзъ, лѣзъ — стоитъ хатка, стѣны изъ блиновъ, лавки изъ калачей, печка изъ творогу, вымазана масломъ. Онъ принялся ѣсть; наѣлся и легъ за печку отдыхать. Приходятъ двѣнадцать сестеръ-козъ: у одной

8.

СНѢГУРУШКА И ЛИСА.

Жилъ да былъ старикъ со старухой, у нихъ была внучка Снѣгурушка. Собрались ея подрушки итти въ лѣсъ по ягоды, и пришли её звать съ собой. Старики долго не соглашались, но послѣ многихъ просьбъ отпустили Снѣгурушку и приказали ей не отставать отъ подругъ. Ходя по лѣсу и собирая ягоды, деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ, Снѣгурушка отстала отъ своихъ подругъ. Онѣ аукали ее, аукали, но Снѣгурушка не слыхала. Ужь стало темно, подрушки пошли домой, Снѣгурушка, видя, что она осталась одна, взлѣзла на дерево, стала горько плакать, припѣваючи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка! у дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка! ее дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули.» Идетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «о чемъ ты, Снѣгурушка, плачешь?»— Какъ мнѣ, батюшка медвѣдюшка, не плакать! я одна у дѣдушки, у бабушки внучка Снѣгурушка; меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. «Сойди, я тебя отнесу.»— Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Медвѣдь ушелъ отъ нея. Она опять заплакала, припѣваючи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!...» Идетъ волкъ, спрашиваетъ: «о чемъ ты, Снѣ-

---

одинъ глазъ, у другой два, у третей три, и такъ дальше, у послѣдней двѣнадцать. Увидали, что кто-то попробовалъ ихъ хатку, выправили ее, и уходя оставили стеречь одноглазую. На другой день дѣдъ опять полѣзъ туда-же, увидѣлъ одноглазую и сталъ приговаривать: «спи, очко, спи!» Коза заснула, онъ наѣлся и ушелъ. На слѣдующій день сторожила двуглазая, потомъ трехглазая, и такъ дальше. Дѣдъ приговаривалъ: «спи, очко, спи другое, спи третье! и проч.» Но на двѣнадцатой козѣ сбился, заговорилъ только одиннадцать глазъ; коза увидала его двѣнадцатымъ и поймала.

Сличи также съ началомъ сказки подъ № 9.

гурушка, плачешь?» Она отвѣчаетъ ему тоже, что и медвѣдю. «Сойди, я тебя отнесу.»—Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь! Волкъ ушелъ, а Снѣгурушка опять заплакала, причитаючи: «ау! ау! Снѣгурушка, ау! ау! голубушка!...» Идетъ лисица, спрашиваетъ: «чего ты, Снѣгурушка, плачешь?»—Какъ мнѣ, лисынька, не плакать! меня дѣвки въ лѣсъ заманули, заманувши покинули. «Сойди, я тебя отнесу.» Снѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та помчалась съ нею; прибѣжала къ дому и стала хвостомъ стучаться въ калитку. — Кто тамъ? Лисица отвѣчаетъ, что она принесла къ старику и старухѣ ихъ внучку Снѣгурушку. «Ахъ, ты наша дорогая, такая-сякая, немазанная! Войди къ намъ въ избу. Гдѣ намъ тебя посадить и чѣмъ угостить?» Принесли молока, яицъ, творогу, и стали лисицу подчивать за ея услугу. А лисица проситъ, чтобъ въ награду дали ей курицу и пустили бы ее въ поле. Старики простились съ лисицею, посадили въ одинъ мѣшокъ курицу, а въ другой собаку, и понесли за нею на указанное мѣсто. Выпустили курицу; только было лисица бросилась за нею, выпустили и собаку. Увидя собаку, лисица какъ припуститъ въ лѣсъ, такъ и ушла.

(Записана въ калужской губерніи.)

9.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ [1].

Жилъ-былъ старикъ со старухою, была у нихъ дочка. Разъ ѣла она бобы и уронила одинъ на земь. Бобъ росъ-росъ и выросъ до неба. Старикъ полѣзъ на небо; взлѣзъ туда, хо-

1) См. выпускъ I, № 1, d.

дилъ - ходилъ, любовался - любовался, и говоритъ себѣ: «дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слѣзъ на земь, посадилъ старуху въ мѣшокъ, взялъ мѣшокъ въ зубы и полѣзъ опять на верхъ; лѣзъ, лѣзъ, усталъ да и выронилъ мѣшокъ. Спустился поскорѣе, открылъ мѣшокъ, смотритъ — лежитъ старуха, оскаливъ зубы. Онъ и говоритъ: «что ты, старуха зубы-то оскалила?» да какъ увидѣлъ, что она уже мертвая, такъ и залился слезами. Жили они одни-одинёхоньки, среди пустыря: некому и поплакать-то по старухѣ. Вотъ старикъ взялъ мѣшокъ съ тремя парами бѣленькихъ курочекъ и пошелъ искать плачеи. Видитъ — идетъ медвѣдь, онъ и говоритъ: «поплачь-ко, медвѣдь, по моей старухѣ! я дамъ тебѣ двѣ бѣленькихъ курочки.» Медвѣдь заревѣлъ: «ахъ, ты моя родимая бабушка! какъ тебя жалко.» — Нѣтъ, говоритъ старикъ, ты не умѣешь плакать. И пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и повстрѣчалъ волка; заставилъ его причитать, и волкъ не умѣетъ. Пошелъ еще и повстрѣчалъ лису, заставилъ ее причитать за пару бѣленькихъ курочекъ. Она и запѣла: «туру-туру, бабушка! убилъ тебя дѣдушка.» Мужику понравилась пѣсня, онъ заставилъ лису пѣть въ другой, третій и четвертой разъ; хвать, а четвертой пары курочекъ и не достаетъ. Старикъ говоритъ: «лиса, лиса! я четвертую пару дома забылъ; пойдемъ ко мнѣ.» Лиса пошла за нимъ слѣдомъ. Вотъ пришли домой; старикъ взялъ мѣшокъ, положилъ туда пару собакъ, а сверху заложилъ лисанькиными шестью курочками, и отдалъ ей. Лиса взяла и побѣжала; немного погодя остановилась около пня и говоритъ: «сяду на пенёкъ, съѣмъ бѣлую курочку.» Съѣла и побѣжала впередъ; потомъ еще на пенёкъ сѣла и другую курочку съѣла, затѣмъ третью, четвертую, пятую и шестую. А въ седьмой разъ открыла мѣшокъ, собаки на нее и выскочили. Лиса ну бѣжать, бѣжала бѣжала, и спряталась подъ колоду, спряталась и начала спрашивать: ушки, ушки! что вы

дѣлали? — Мы слушали да слушали, чтобъ собаки лисаньку не скушали. Глазки, глазки! что вы дѣлали? — Мы смотрѣли да смотрѣли, чтобъ собаки лисаньку не съѣли. Ножки, ножки! что вы дѣлали? — Мы бѣжали да бѣжали, чтобъ собаки лисаньку не поймали. А ты, хвостище, что дѣлалъ? — Я по пнямъ, по кустамъ, по колодамъ зацѣплялъ, чтобъ собаки лисаньку поймали да разорвали. А, ты такой! такъ вотъ-же, нате, собаки! ѣшьте мой хвостъ! — и высунула хвостъ, а собаки ухватили за хвостъ, и самоё лисицу вытащили и разорвали [1].

10.

СКАЗКА О БУХТАНѢ БУХТАНОВИЧѢ [2].

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ живалъ-бывалъ нѣкто Бухтанъ Бухтановичъ; у Бухтана Бухтановича была выстроена середи поля печь на столбахъ. Онъ лежитъ на печи *по полу-локоть въ тараканьемъ молокѣ* (?). Приходила къ ёму лисица и говорила: «Бухтанъ Бухтановичъ! хошь ли я тебя женю у царя на дочери?» — Что ты, лиска! «Есть ли у тебя сколько-нибудь денегъ?» — Да есть: всего одинъ пятакъ. «Подай и тотъ сюда.» Лисица пошла, размѣняла пятакъ на мелкія деньги — на копѣйки, денежки и полушки; пошла къ царю и говоритъ: «царь, вольный человѣкъ! дай четверика́, у Бухтана Бухтановича деньги смѣрять.» Онъ говоритъ: «возьми». Она принесла домой; деньгу, копѣйку запихала за обручь и отнесла къ царю и говоритъ:

---

1) Сличи съ окончаніемъ сказки: «Мужикъ, медвѣдь и лиса» (Вып. I, стр. 9—10; вып. II-й, стр. 111). 2) Была напечатана въ Москвитянинѣ 1844 г., № I, стр. 122—4.

«царь, вольный человѣкъ! четверика мало; дай полмѣры, деньги у Бухтана Бухтановича смѣрять.» — Возьми. Она взяла, принесла домой; деньгу, копѣйку запихала за обручь и отнесла къ царю: «царь, вольный человѣкъ! полмѣры мало, дай мѣру.» — Возьми мѣру. Она взяла, принесла домой и остальное отъ пятака запихала за обручьё и отнесла къ царю. Царь говоритъ: «смѣряла ли, лиска?» Лиска сказала: «всё вцѣлѣ [1]). Ну, царь, вольный человѣкъ! я пришла къ тебѣ за добрымъ дѣломъ: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича.» — Ну, ладно, покажи же ты мнѣ жениха [2]). Она побѣгла домой.

---

1) Цѣло.

2) *Варiантъ 1:* Въ одной деревнѣ была-жила вдова, у нея былъ сынъ Ванька Голой. Жили они въ большой бѣдности: изба на бокъ свалилась; окно худымъ сарафанишкомъ затыкалось; ни сѣней, ни двора—кругомъ чисто! Пошелъ сынъ въ городъ работы искать, денегъ наживать; жилъ тамъ годъ и два, и выжилъ десять рублей. Нѣтъ, думаетъ, отъ работы не будешь богатъ, а развѣ горбатъ! Воротился домой и говоритъ матери: «поди къ богатому мужику, проси четверикъ, а станетъ спрашивать: зачѣмъ? — скажи: деньги мѣрять.» Пришла баба къ богатому мужику и проситъ четверика: сынъ де прiѣхалъ изъ города, такъ деньги надо смѣрять. — Возьми. Приноситъ домой; Ванька Голой и началъ побрякивать десятью рублями. А богатому мужику не терпится, пошелъ подслушивать. Баба увидала его и спрашиваетъ у сына: «что, сколько четвериковъ?» А онъ говоритъ: «двадцать». Только богатой мужикъ воротился домой, Ванька Голой будь догадливъ, позасунулъ въ четверикъ за обручи пятачковъ да гривенничковъ и отнесъ къ нему. Посмотрѣлъ мужикъ на свой четверикъ, какъ увидѣлъ серебро — и думаетъ себѣ: «и впрямь онъ деньги мѣрялъ!» На другой день Ванька Голой посылаетъ свою мать: «поди, сватай за меня дочь у богатаго мужика.» Пошла сватать, а мужикъ тому и радъ; веселымъ пиркомъ да за свадебку! Взялъ Ванька большое приданое, и сталъ жить-поживать съ своею молодою женою въ богачествѣ, и теперь живутъ да хлѣбъ жуютъ. Я у нихъ на свадьбѣ былъ, медъ-вино пилъ; дали мнѣ блинъ, что три года гнилъ, а кто-то былъ смѣлъ, выхватилъ да съѣлъ.

Варiантъ 2: Жилъ себѣ купецъ, у него былъ сынъ. Вотъ отецъ померъ, а сынъ остался одинъ, прогулялъ все имѣнiе, и задумалъ жениться. Пошелъ онъ на базаръ, накупилъ горшковъ, поразбивалъ въ черепки и наколотилъ полной погребъ. Недалеко жилъ другой купецъ, у него была дочь красавица.

«Бухтанъ Бухтановичъ! есть ли у тебя какое-нибудь платьё? надѣвай.» Бухтанъ Бухтановичъ оболокся [1] и пошелъ съ лисою къ царю. Идутъ по ряду, и привелось имъ идти по мостику — грязной такой! Лиска пихнула его, и Бухтанъ Бухтановичъ валйлся [2] въ грязь. Она прибѣгла къ нему: «что ты, что ты, Бухтанъ Бухтановичъ?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтанъ Бухтановичъ! я къ царю сбѣгаю.» Лиска прибѣгла къ царю и говоритъ: «царь, вольный человѣкъ! мы шли съ Бухтаномъ Бухтановичемъ по мостику—мостикъ скверный такой!—мы какъ-то не постереглись, валйлись; Бухтанъ Бухтановичъ весь замарался; идти-то не хорошо въ городъ; нѣтъ ли у тебя платья ижидёнова?» [3]—На, возьми. Лиска побѣгла. Прибѣгла. «Бухтанъ Бухтановичъ, на — переболокись [4] да пойдемъ.» Пришли къ царю. У царя было уже нала́жено [5] на столъ. Бухтанъ Бухтановичъ никуда не глядитъ, какъ на себя,—отъ роду не видалъ онъ такого платья! Царь и моргонулъ лискѣ: «лиска, что это Бухтанъ Бухтановичъ-то никуда не глядитъ, какъ на себя?»—Царь, вольный человѣкъ! ему стыдно кажится, что на немъ эко платьё; Бухтанъ Бухтановичъ эково платья-то отроду не нашивалъ дряннова. Царь, вольный человѣкъ! дай ему платьё то, которое носишь! ты въ Паску.—А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «не гляди на себя!» Бухтанъ Бухтановичъ опять глядитъ *некуды-*

Приходитъ къ нему купеческой сынъ и проситъ: «дай, пожалуй, четверика.»—На что тебѣ? «Да купилъ овса, такъ за́ ночь хочу перемѣрить.»—Бери, говоритъ купецъ, а самъ думаетъ: «что такое хочетъ онъ ночью мѣрить? дай разузнаю!» И пошелъ подслушивать, а купеческій сынъ сидитъ въ погребѣ, да черепки пересыпаетъ. «Ишь гремитъ! думаетъ купецъ, вѣрь послѣ людимъ, сказываютъ, что промотался, а онъ по ночамъ деньги мѣряетъ.» Наутро купеческій сынъ набилъ въ щели четверика мелкихъ денегъ съ рубль серебра, понесъ и отдалъ купцу. Потомъ заслалъ къ нему сваху и женился на его дочери, да и сталъ жить припѣваючи. 1) Одѣлся. 2) Свалился. 3) Ежедневнаго. 4) Переодѣнься. 5) Приготовлено.

мимо на стулъ: стулъ былъ вызолоченный. Царь шепнулъ лискѣ: «лиска, что это Бухтанъ Бухтановичъ никуды не глядитъ, что на стулъ?»—Царь вольный человѣкъ! у ихъ эково стулья-та по банямъ много. Царь хлопъ стулъ за дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу: «не гляди въ одно мѣсто; гляди туды да инуды.» 1) Ну тутъ стали толковать о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ. Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? ни пива варить, ни вина курить, всё готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили и поѣхали домой на корабляхъ. Ѣдутъ домой: Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ на корабляхъ съ жонкою, а лиска по берегу бѣжитъ. Бухтанъ Бухтановичъ увидѣлъ свою печь и скрычалъ: «лиска, лиска! эводе моя-то печь!» — Молчи, Бухтанъ Бухтановичъ; стыдно! — Бухтанъ Бухтановичъ ѣдетъ, а лиска напередъ бѣжитъ по берегу; прибѣгла напередъ, вызнялась на угоръ 2): стоитъ на угорѣ домъ каменный пребольшущій и царство явилось преогромное. Она въ избу — нѣту никово въ избѣ, забѣгла въ палату — въ большомъ углу лежитъ-протянулся Змѣй Змѣёвичъ, сидитъ на печномъ столбѣ Воронъ Вороновичъ, сидитъ на престолѣ Кокотъ Кокотовичъ 3). Лиска говоритъ: «што вы тутъ сидите! царь идетъ съ огнемъ, царица съ маланьёй 4), сожгутъ и спалятъ васъ.»—Лиска! куда мы? «Кокотъ Кокотовичъ, поди ты въ бочку!» Лиска заперла въ бочку Кокота Кокотовича. «Воронъ Вороновичъ, поди ты въ ступу, давай!» 5) Ворона Вороновича въ ступу заперла; Змѣя Змѣёвича въ солому завертѣла и вынесла на улку 6). Корабли пришли. Лиска приказала въ воду свезти всѣхъ ихъ; казаки 7) сейчасъ свезли въ воду. Бухтанъ Бухтановичъ въ тотъ домъ всё житейское

1) И туда, и сюда. 2) Поднялась на гору. 3) Кочетъ Кочетовичъ? 4) Молніей. 5) *Давай* употребляется въ шенкурскомъ уѣздѣ почти въ каждой рѣчи: *давай-иди туда-то; давай-сдѣлай то-то; давай возьми у ѣео.* 6) Улицу. 7) Работники, слуги.

свое перевезъ; тамъ жилъ-поживалъ, добра наживалъ, царилъ-властвовалъ, да тамъ и животъ скончалъ.

(Записана въ архангельской губерніи, шенкурскомъ уѣздѣ, г. Борисовымъ.)

11.

О КОЗЬМѢ СКОРОБОГАТОМЪ.

Жилъ-проживалъ Кузинька, одинъ-одинёшенекъ въ темномъ лѣсу; у него былъ худой домишко, да одинъ пѣтушокъ да пять курочекъ. Къ этому Кузинькѣ повадилась ходить лисичка; пошелъ онъ разъ на охоту, и только изъ дому, а лисичка какъ тутъ; прибѣжала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузинька, хвать—нѣтъ курочки! и думаетъ: вѣрно коршунъ утащилъ. На другой день пошелъ опять на охоту. Попадается ему на встрѣчу лисичка и спрашиваетъ: «куда, Кузинька, идешь?»—На охоту, лисичка! «Ну, прощай!» — и тотчасъ же побѣжала къ нему въ избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришелъ домой Кузинька, хватился курочки—нѣту! Пало ему въ догадку: «ужь не лисичка ли кушаетъ моихъ курочекъ?» Вотъ на третій день онъ крѣпко-накрѣпко заколотилъ у себя въ избѣ окна и двери, а самъ пустился на промыселъ. Неоткуль взялась лисичка и спрашиваетъ: «куда идешь, Кузинька?»—На охоту, лисичка! Лисичка тутъ-же и побѣжала къ дому Кузиньки, а онъ поворотилъ да вслѣдъ за нею. Прибѣжала лисичка, обошла кругомъ избу, видитъ: окна и двери заколочены крѣпко-накрѣпко, какъ попасть въ избу? взяла да и спустилась въ трубу. Тутъ Кузинька и поймалъ лисичку; «ба! говоритъ, вотъ какой воръ ко мнѣ жалуетъ. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь живу изъ рукъ не выпущу!» Лисичка стала просить Кузиньку: «не

убивай меня! я тебя сдѣлаю Козьмою Скоробогатымъ, только изжарь для меня одну курочку съ маслечкомъ пожирнѣе.» Кузинька согласился, а лисанька, накушавшись такого жирнаго обѣда, побѣжала на царскіе заповѣдные луга и стала на тѣхъ заповѣдныхъ лугахъ кататься. Бѣжитъ волкъ и говоритъ: «экъ ты, проклятая лиса! гдѣ такъ жирно обтрескалась?» 1)— Ахъ, любезный волченёкъ-куманёкъ! вѣдь я была у царя на пиру. Неужли тебя, куманёкъ, не звали? а насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо-невидимо! Волкъ и проситъ: «лисанька, не сведешь ли и меня къ царю на обѣдъ?» Лисичка обѣщалась и велѣла собрать сорокъ сороковъ сѣрыхъ волковъ и привести съ собою. Волкъ согналъ сорокъ сороковъ сѣрыхъ волковъ. Лиса повела ихъ къ царю; какъ привела, сейчасъ же вошла въ бѣлокаменныя палаты и поклонилась царю сорокомъ сороковъ сѣрыхъ волковъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь весьма тому обрадовался, приказалъ всѣхъ волковъ загнать въ ограду и запереть накрѣпко. А лисичка бросилась къ Кузинькѣ; прибѣжала, велѣла зажарить еще одну курочку; пообѣдала сытно и пустилась на заповѣдные луга, и стала кататься по травѣ. Бѣжитъ медвѣдь мимо, увидѣлъ лисаньку и говоритъ: «экъ вѣдь ты, проклятая хвостомеля, какъ обтрескалась!» Она отвѣчаетъ: «я была у царя въ гостяхъ; насъ тамъ было всякихъ разныхъ звѣрей, куницъ, соболей, видимо невидимо! да и теперь еще остались—пируютъ волки. Ты знаешь, любезный куманёкъ, какіе они объѣдалы! по сю пору всё обѣдаютъ.» Мишка и проситъ: «лисанька! не сведешь ли и меня на царской обѣдъ?» Лисичка согласилась и велѣла ему собрать сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей; «для одного тебя царь де и безпокоиться не захочетъ.» Мишка собралъ сорокъ сороковъ черныхъ медвѣдей. Лиса

1) Объѣлась.

повела ихъ къ царю; привела и поклонилась ему сброкомъ сорокбвъ черныхъ медвѣдей отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь тому и радъ, приказалъ загнать ихъ и запереть нàкрѣпко. А лисичка отправилась къ Кузинькѣ; прибѣжала и велѣла зажарить послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ. Кузинька не пожалѣлъ, зажарилъ ей послѣднюю курочку съ пѣтушкомъ; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповѣдные луга, и стала валяться по зеленой травѣ. Бѣжитъ мимо соболь съ куницею и спрашиваетъ: «экъ ты, лукавая лиса! гдѣ такъ жирно накушалась?» — Ахъ, вы соболь и куница! я у царя въ превеликомъ почетѣ. У него нынче пиръ и обѣдъ на всякихъ звѣрей: я что-то порадѣла, таки много жирнаго поѣла; а чтò звѣрей на обѣдѣ-то было, видимо-невидимо! только васъ тамъ и не доставало. Вы сами знаете волковъ, какъ они завистливы, будто съ роду жирнаго не ѣдали, о сю пору трескаютъ у царя! А про косолапаго Мишку и говорить нечего: онъ потуль ѣстъ, что чуть дышетъ! — Соболь и куница стали лису упрашивать: «кумушка, своди ты насъ къ царю: мы хоть посмотримъ.» Лиса согласилась и велѣла имъ согнать къ себѣ сорокъ сорокòвъ соболей и куницъ. Согнали; лиса привела ихъ во дворецъ и поклонилась царю сброкомъ сорокòвъ соболей и куницъ отъ Козьмы Скоробогатаго. Царь не можетъ надивиться богатству Козьмы Скоробогатаго, съ радостью принялъ даръ, и приказалъ всѣхъ звѣрей перебить и поснимать съ нихъ шкуры.

На другой день лисичка опять прибѣжала къ царю и говоритъ: «ваше царское величество! Козьма Скоробогатой приказалъ тебѣ низко кланяться и попросить пудовки [1]; нужно размѣривать серебряны деньги. Свои-то пудовки всѣ запростаны [2] у него золотомъ.» Царь безъ отказу далъ лисѣ пу-

1) Четверика (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 183). 2) Заняты, наполнены (ibidem, стр. 66).

довку. Она прибѣжала къ Кузинькѣ и велѣла мѣрить пудовкою песокъ, чтобы высвѣтлить у ней бочокъ. Какъ высвѣтлило, она заткнула въ зауторы 1) сколько-то мелкихъ денегъ, и понесла назадъ къ царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатаго. Царь не отказываетъ, велитъ Козьмѣ совсѣмъ изготовиться и пріѣзжать. Поѣхалъ Кузинька къ царю, а лисичка забѣжала впередъ и подрядила работниковъ подпилить мостикъ. Кузинька только что въѣхалъ на мостикъ — мостикъ вмѣстѣ съ нимъ и рушился въ воду. Лисичка стала кричать: «ахти! пропалъ Козьма Скоробогатой!» Царь услышалъ и тотчасъ-же послалъ людей перехватить Козьму. Вотъ они перехватили его, переодѣли въ нарядное платье и привели къ царю. Обвѣнчался онъ на царевнѣ, 2) и живетъ у царя недѣлю и двѣ. «Ну, го-

---

1) Уторъ — вырѣзка по внутренней поверхности четверика, около края, въ которую вставливается ребро дна (Словарь Акад. Росс., ч. VI, стр. 453).

2) *Варіантъ:* Былъ-жилъ мужикъ съ бабой, у нихъ былъ одинъ сынъ, да и тотъ не въ полномъ разумѣ. «Мужъ-муженёкъ! говоритъ баба, въ нашемъ сынѣ мало толку будетъ; давай отдѣлимъ его, пускай живетъ самъ по себѣ.» Вотъ и отдѣлили его, дали ему одну худую лошаденку да пѣтуха. Сѣлъ дуракъ на клячу, взялъ пѣтуха и поѣхалъ въ чистое поле; ѣхалъ долго ли, коротко ли, и пріѣхалъ въ лѣсъ. Видитъ: стоитъ въ лѣсу глиняная избушка; входитъ туда, а въ избушкѣ пусто — нѣтъ никого! Вотъ пустилъ онъ лошадь въ лѣсъ, а самъ забрался въ избушку, и лежитъ себѣ голодный на печкѣ. Гдѣ не взялася лисица, вбѣжала въ избу и говоритъ: «здравствуй, дядюшка! какъ тебя зовутъ? скажешь — буду знать, какъ величать.» — *Люди* зовутъ: Никита Македонской. «Ну, Никита Македонской! подари мнѣ пѣтуха, я тебѣ невѣсту высватаю.» Онъ немного думалъ, слѣзъ съ печи, зарѣзалъ пѣтуха, ощипалъ и отдалъ лисицѣ: «на, кушай, лисанька! на здоровье.» — Спасибо, Никита Македонской! Есть царь Огонь и царица Грозная Маланья́ (молнія), у нихъ до́чь — прекрасная царевна; я её за тебя высватаю. «Кто за меня, бѣднаго, пойдетъ?» — Молчи, не твоя забота. И побѣжала лисица къ царю Огню и царицѣ Маланьѣ. «Здорово, *Лиса*! что хорошенькаго скажешь?» — Здорово! пришла свахою. У васъ есть невѣста, у меня женихъ молодецъ, Никита Македонской царевичъ. «Гдѣ же онъ? что самъ не пріѣхалъ?» — Ему нельзя; онъ одинъ на своемъ царствѣ. «Что-же онъ подѣлываетъ?» — Да всё

ворить царь, пойдемъ теперь, любезный зять, къ тебѣ въ гости.» Козьмѣ дѣлать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поѣхали. А лисичка отправилась впередъ. Бѣжала-

---

за звѣрями охотится. «Ну, пускай пришлетъ намъ семьдесятъ зайцевъ; тогда повѣримъ тебѣ.» Лисица пустилась въ лѣсъ; попадается ей косой заяцъ: «гдѣ была, лиса?» — На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи́. «Не слыхала-ль чего про насъ, зайцевъ?» — Какъ-же, слышала; про васъ завтра будетъ у царя съ царицей большой обѣдъ. Соберитесь гуртомъ семьдесятъ зайцевъ, я васъ завтра туда проведу. Заяцъ бросился созывать своихъ товарищей; созвалъ. «Ну, лиса, веди!» Лиса привела ихъ къ царю, поставила рядкомъ и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья́! нареченный зять прислалъ вамъ въ подарокъ семьдесятъ зайцевъ.» Ну, ихъ забрали и заперли въ клѣть. Царь и говоритъ лисѣ: «коли нареченный зять прислалъ зайцевъ, пусть пришлетъ еще семьдесятъ волковъ.» Лисица опять побѣжала въ лѣсъ; попадается ей на встрѣчу сѣрой волкъ. «Здорово, лиса!» — Здорово, кумanёкъ! «Гдѣ ты была?» — На обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи́. «Не слыхала-ль чего про насъ, волковъ?» — Какъ-же слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Собери семьдесятъ волковъ, я васъ туда проведу. — Волкъ побѣжалъ скликать своихъ товарищей, скликалъ и прямо къ лисѣ. «Ну, лиса, веди насъ!» Лисица привела къ царю, построила ихъ рядкомъ, и говоритъ: «Царь Огонь и царица Грозная Маланья́! извольте принять; нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ.» — Ну, спасибо. Сейчасъ ихъ забрали и заперли въ сарай. «Скажи нареченному зятю: коли онъ прислалъ волковъ, то пусть пришлетъ еще семьдесятъ медвѣдей.» Лисица ударилась въ лѣсъ; попадается ей на встрѣчу медвѣдь: «куда, лиса, ходила?» — Была въ гостяхъ на обѣдѣ у царя Огня и царицы Маланьи́. «Не слыхала-ль чего про насъ, медвѣдей?» — Какъ-же слышала; про васъ завтра будетъ у царя и царицы большой обѣдъ. Соберитесь семьдесятъ медвѣдей, я васъ проведу. — Косолапый медвѣдь поплелся скликать своихъ товарищей, накликалъ — и къ лисицѣ: «ну, веди насъ, лиса!» Привела ихъ лисица, построила рядкомъ и говоритъ: «царь Огонь и царица Грозная Маланья́! нареченный зять прислалъ вамъ подарокъ.» — Спасибо! пускай нареченный зять Никита Македонской пріѣдетъ самъ къ намъ; мы на него поглядимъ, а онъ на невѣсту посмотритъ. Лисица распрощалась и пустилась къ глиняной избушкѣ, гдѣ Никита Македонской на печи ничкомъ лежалъ. Прибѣжала и говоритъ: «что лежишь? Царь Огонь и царица Грозная Маланья́ зовутъ тебя въ гости; поѣдемъ, станемъ свадьбу играть.» — Ахъ, лиса! какъ я поѣду? мнѣ одѣться не во что. «Ничего! запрягай свою лошадь. Какъ поѣдешь черезъ городъ, я пробѣгу мимо лавокъ; купцы и приказчики бросятся за мною, а ты смотри

бѣжала, глядитъ: пастухи пасутъ стадо овецъ; она спрашиваетъ ихъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» Пастухи отвѣчаютъ: «стадо царя Змiулана.» Лисичка начала ихъ учить: «сказывайте всѣмъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго, а не Змiулана-царя; а то ѣдутъ царь Огонь да царица Маланьица; коли не скажете имъ, что это стадо Козьмы Скоробогатаго,—они всѣхъ васъ и съ овцами-то сожгутъ и спалятъ.» Пастухи видятъ, что дѣло неминучее, надо слушаться! — и обѣщаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатаго, какъ лиса учила. А лисичка пустилась впередъ; видитъ — пастухи стерегутъ свиней и спрашиваетъ: «пастухи, пастухи! чье стадо пасете?»—Царя Змiулана. «Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатаго, а то ѣдутъ царь Огонь и царица Маланьица; они всѣхъ васъ сожгутъ и спалятъ, коли станете поминать царя Змiулана.» Пастухи согласились. Лиса опять побѣжала

не плошай! Кушаки, шапки и разную одёжу изъ лавокъ хватай; да захвати кстати и пилу.» Поѣхалъ Никита городомъ, а лиса ужь около лавокъ; всѣ купцы и прикащики выбѣжали да за нею, а Никита Македонской беретъ изъ лавокъ что надо, да грузитъ тележонку: и одёжу добылъ, и пилу спроворилъ одноручную. Выѣхалъ за городъ, и видитъ, что лиса давно его дожидаетъ. Поѣхали. Попался на пути на дорогѣ мостикъ. «Пили мостъ!» говоритъ лиса. Никита Македонской и ну стараться, подпилилъ столбы; мостъ и рухнулъ. «Раздѣвайся до нага да кидай всю одёжу въ воду-то, а самъ катайся по песку.» Сказала лиса и побѣжала къ царю и царицѣ: «ахъ! говоритъ, несчастье случилось.» — Какое несчастiе? спрашиваетъ царь. «Да мосты не крѣпки въ вашемъ царствѣ; нареченный зять вашъ Никита Македонской ѣхалъ къ вамъ въ гости, а мостъ и подломился; люди его всѣ потонули, да и самъ онъ еле живъ.» Поскакали къ мосту; смотрятъ: Никита Македонской голой валяется въ песку. Подняли его, одѣли въ царское платье, посадили въ карету и повезли во дворецъ. Вотъ пиркомъ да за свадебку; у царя не пиво варить, не вино курить; обвѣнчали Никиту на царевнѣ и стали пить-ѣсть и прохлаждаться. Нагулялись досыта. Молодая княгиня и говоритъ: «ну, Никита Македонской! пора къ тебѣ ѣхать, посмотрѣть твое царство . . .» (Продолженiе сказки такое-же, какъ и о Козьмѣ Скоробогатомъ Вмѣсто выраженiй: царь Огонь и царица Грозная Молнiя — ставятъ иногда Грома-батьку и Молнiю матку.)

впередъ; добѣгаетъ до коровьяго стада царя Зміулана, потомъ до конскаго стада, и велитъ пастухамъ сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатаго, о царѣ же Зміуланѣ ничего не говорить. Добѣгаетъ лиса и до стада верблюжьяго. «Пастухи, пастухи! чье стадо пасете?» — Царя Зміулана. Лиса строго запретила имъ сказывать о царѣ Зміуланѣ, а велѣла говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатаго; а то царь Огонь и царица Маланьйца сожгутъ и спалятъ все стадо! Лисанька опять побѣжала впередъ, прибѣгаетъ въ царство царя Зміулана и прямо въ бѣлокаменныя палаты. «Что скажешь, лисанька?» — Ну, царь Зміуланъ! теперь-то надо тебѣ скоро-наскоро спрятаться. Ѣдетъ грозный царь Огонь и царица Маланьйца, все жгутъ и палятъ. Стада твои и съ пастухами прижгли: сначала овечье, потомъ свиное, а тутъ коровье и конское. Я не стала мѣшкать, пустилась къ тебѣ сказать, и чуть отъ дыма не задохлась! Царь Зміуланъ закручинился-запечалился: «ахъ, лисанька! куда-же я подѣваюсь?» — Есть въ твоемъ саду старой заповѣдной дубъ, средина вся повыгнила: бѣги и схоронись въ дупло, пока они мимо ни проѣдутъ. Царь Зміуланъ вмигъ собрался и по сказанному, какъ по писанному, сдѣлалъ такъ, какъ лиса научила. А Козьма Скоробогатой ѣдетъ себѣ да ѣдетъ съ женою и тестемъ. Доѣзжаютъ они до стада овечьяго. Молодая княгиня и спрашиваетъ: «пастушкѝ, пастушкѝ! чье стадо пасете?» — Козьмы Скоробогатаго, отвѣчаютъ пастухи. Царь тому и радъ: «ну, любезный зять! много же у тебя овецъ.» Ѣдутъ они дальше, доѣзжаютъ до стада свинаго. «Пастушкѝ, пастушкѝ! спрашиваетъ молодая княгиня, чье стадо пасете?» — Козьмы Скоробогатаго. «Ну, любезный зять! много же у тебя свиней.» Ѣдутъ они все дальше и дальше; тутъ пасется стадо коровье, тамъ конское, а тамъ и верблюжье. Спросятъ у пастуховъ: «чье стадо пасете?» Они знай себѣ отвѣчаютъ одно: «Козьмы Скоробогатаго». Вотъ пріѣхали

къ царскому дворцу; лисанька встрѣчаетъ и вводитъ ихъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь вошелъ и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-ѣсть и веселиться! Живутъ они день, живутъ и недѣлю. «Ну, Кузинька! говоритъ лисанька, перестань гулять, надо дѣло исправлять. Ступай съ тестемъ въ зеленый садъ; въ томъ саду стоитъ старой дубъ, а въ томъ дубѣ сидитъ царь Змiуланъ—отъ васъ спрятался. Разстрѣляйте дерево на мелкiя части!» Тогда Кузинька по сказанному, какъ по писанному, пошелъ вмѣстѣ съ тестемъ въ зеленый садъ, и стали они въ тотъ дубъ стрѣлять, и убили царя Змiулана до смерти. Козьма Скоробогатой воцарился въ томъ государствѣ, и сталъ онъ съ царевною жить да поживать, и теперь живутъ—хлѣбъ жуютъ. Лисаньку всякой день угощали они курочками, и она до тѣхъ поръ у нихъ гостила, докуда всѣхъ куръ не испакостила [1].

12.

ВОЛКЪ.

Жилъ-былъ старикъ да старушка, у нихъ была кошечка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Дознался волкъ, что у старика много скотины; пошелъ просить себѣ. Пришелъ и говоритъ: «отдавай старуху!» Старику жаль отдать старушку; отдалъ вмѣсто ея кошечку-судомоечку. Волку этого мало; съѣлъ и опять пришелъ къ старику: «подавай старуху!» Старику жаль отдавать старушку; отдалъ за нее со-

1) Извела (переѣла). — Эту и предыдущую сказки сличи съ напечатанною въ «Деревенской забавной старушкѣ, по вечерамъ разсказывающей простонародныя веселыя сказочки» (М., 1804) подъ заглавiемъ: «О лисицѣ и дуракѣ».

бачку-пустолаечку. Съѣлъ волкъ, и опять идетъ за старухою. Старикъ не даетъ старушки; отдалъ за нее овечку, а потомъ и коровушку. А старушку себѣ оставилъ; и стали они вдвоемъ жить да быть, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

13.

ВОЛКЪ-ДУРЕНЬ.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ мужикъ, у него была собака; съ молоду сторожила она весь домъ, а какъ пришла тяжелая старость — и брехать [1]) перестала. Надоѣла она хозяину; вотъ онъ собрался, взялъ веревку, зацѣпилъ собаку за шею и повелъ ее въ лѣсъ; привелъ къ осинѣ и хотѣлъ было удавить, да какъ увидѣлъ, что у стараго пса текутъ по мордѣ горькія слезы, ему и жалко стало; смиловался, привязалъ собаку къ осинѣ, а самъ отправился домой. Остался бѣдный песъ въ лѣсу и началъ плакать и проклинать свою долю. Вдругъ идетъ изъ-за кустовъ большущій волкъ, увидалъ его и говоритъ: «здравствуй, пестрой кобель! долгонько поджидалъ тебя въ гости. Бывало, ты прогонялъ меня отъ своего дому; а теперь самъ ко мнѣ попался: что захочу, то надъ тобой и сдѣлаю. Ужь я тебѣ за все отплачу!» — А что хочешь ты, сѣрой волчокъ, надо мною сдѣлать? «Да немного: съѣмъ тебя со всей шкурой и съ костями.» — Ахъ ты, глупой сѣрой волкъ! Съ жиру самъ не знаешь, что дѣлаешь; таки послѣ вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачѣмъ тебѣ понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? мое мясо теперь словно гнилая колода. А вотъ я лучше тебя нау-

1) *Лаять.*

чу: поди-ка да принеси мнѣ пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и дѣлай со мною что угодно.— Волкъ послушалъ кобеля, пошелъ и притащилъ ему половину кобылы: «вотъ тебѣ и говядинка! смотри поправляйся.» Сказалъ и ушелъ. Собака стала прибирать мясцо и все поѣла. Черезъ два дня приходитъ сѣрой дуракъ и говоритъ кобелю: «ну, братъ! поправился али нѣтъ?» — Маленько поправился; колибъ еще принесъ ты мнѣ какую-нибудь овцу, мое мясо сдѣлалось бы не въ примѣръ слаже! — Волкъ и на то согласился, побѣжалъ въ чистое поле, легъ въ лощинѣ и сталъ караулить, когда погонитъ пастухъ свое стадо. Вотъ пастухъ и гонитъ стадо; волкъ повысмотрѣлъ изъ-за куста овцу, которая пожирнѣе да побольше, вскочилъ и бросился на нее; ухватилъ за шиворотъ и потащилъ къ собакѣ. «Вотъ тебѣ овца, поправляйся!» Стала собака поправляться, съѣла овцу и почуяла въ себѣ силу. Пришелъ волкъ и спрашиваетъ: «ну что, братъ, каковъ теперь?» — Еще немножко худъ. Вотъ когда-бъ ты принесъ мнѣ какого-нибудь кабана, такъ я бы разжирѣлъ, какъ свинья! — Волкъ добылъ и кабана, принесъ и говоритъ: «это моя послѣдняя служба! черезъ два дня прійду къ тебѣ въ гости.» — Ну ладно, думаетъ собака, я съ тобою поправлюсь. Черезъ два дня идетъ волкъ къ откормленному псу, а песъ завидѣлъ и сталъ на него брехать. «Ахъ ты, мерзкой кобель! сказалъ сѣрой волкъ, смѣешь ты меня бранить?» и тутъ-же бросился на собаку и хотѣлъ ее разорвать. Но собака собралась уже съ силами, стала съ волкомъ въ дыбки и начала его такъ подчивать, что съ сѣраго только космы летятъ. Волкъ вырвался да бѣжать скорѣе; отбѣжалъ далече, захотѣлъ остановиться, да какъ услышалъ собачій лай — опять припустилъ. Прибѣжалъ въ лѣсъ, легъ подъ кустомъ и началъ зализывать свои раны, что дались ему отъ собаки. «Ишь какъ обманулъ, мерзкой кобель! говоритъ волкъ самъ съ собою. Постой же,

теперь кого ни попаду, ужь тотъ изъ моихъ зубовъ не вырвется!»

Зализалъ волкъ раны и пошелъ за добычей. Смотритъ на горѣ стоитъ большой козелъ; онъ къ нему, и говоритъ: «козелъ, а козелъ! я пришелъ тебя съѣсть.»—Ахъ ты, сѣрой волкъ! для чего станешь ты понапрасну ломать объ меня свои старые зубы? а ты лучше стань подъ горою и разинь свою широкую пасть; я разбѣгусь да таки прямо къ тебѣ въ ротъ, ты меня и проглотишь! Волкъ сталъ подъ горою и разинулъ свою широкую пасть, а козелъ себѣ на умѣ, полетѣлъ съ горы какъ стрѣла, ударилъ волка въ лобъ да такъ крѣпко, что онъ съ ногъ свалился. А козелъ и былъ таковъ! Часа черезъ три очнулся волкъ, голову такъ и ломитъ ему отъ боли. Сталъ онъ думать: проглотилъ ли онъ козла, или нѣтъ? думалъ-думалъ, гадалъ-гадалъ. «Коли-бъ я съѣлъ козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись онъ бездѣльникъ меня обманулъ! Ну, ужь теперь я буду знать что дѣлать!»

Сказалъ волкъ и пустился къ деревнѣ, увидалъ свинью съ поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не даетъ. «Ахъ ты, свиная харя! говоритъ ей волкъ, какъ смѣешь грубить? да я и тебя разорву, и твоихъ поросятъ за одинъ разъ проглочу.» А свинья отвѣчала: «ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!» — Какъ такъ? «А вотъ какъ! Самъ ты, сѣрой, посуди: какъ тебѣ ѣсть моихъ поросятъ? вить, они недавно родились. Надо ихъ обмыть...» Волкъ согласился. Вотъ хорошо, пришли они къ большой мельницѣ. Свинья говоритъ волку: «ты, любезный кумъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ воды нѣту, а я пойду, стану поросятъ въ чистую воду окунать да тебѣ по одному подавать.» Волкъ обрадовался, думаетъ: вотъ когда попадетъ въ зубы добыча-то! Пошелъ сѣрой дуракъ подъ мостъ, а свинья тотчасъ схватила заставку зубами, подняла и пусти-

ла воду. Вода какъ хлынетъ и потащила за собой волка и почала его вертѣть. А свинья съ поросятами отправилась домой; пришла, наѣлась и съ дѣтками на мягкую постель спать повалилась.

Узналъ сѣрой волкъ лукавство свиньи, насилу кое-какъ выбрался на берегъ и пошелъ съ голоднымъ брюхомъ рыскать по лѣсу. Долго издыхалъ онъ съ голоду, не вытерпѣлъ, пустился опять къ деревнѣ, и увидѣлъ: лежитъ около гумна какая-то падла. «Хорошо, думаетъ, вотъ придетъ ночь, наѣмся хоть этой падлы.» Нашло на волка неурожайное время, радъ и падлою поживиться! Все лучше, чѣмъ съ голоду зубами пощелкивать да по волчьи пѣсенки распѣвать. Пришла ночь; волкъ пустился къ гумну и сталъ уписывать падлу. Но охотникъ ужь давно его поджидалъ и приготовилъ для пріятеля пару хорошихъ орѣховъ [1]; ударилъ онъ изъ ружья, и сѣрой волкъ покатился съ разбитой головою. Такъ и скончалъ свою жизнь сѣрой волкъ!

14.

СВИНЬЯ И ВОЛКЪ. [2]

Жилъ-былъ старикъ и при немъ старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери; было скота только одна свинья вострорылая. И повадилась та свинья ходить со двора въ заднія ворота̀. Чортъ ее понёсъ, да въ чужую полосу — въ овёсъ. Прибѣжалъ тутъ волкъ, да и пріумолкъ: схватилъ, онъ свинку за щетинки, уволокъ ее за тынинки и изорвалъ. Тѣмъ сказка и кончилась.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

1) Т. е. пуль. 2) См. ниже № 36, а и вып. III, № 21.

15.

МЕДВѢДЬ. [1])

Жилъ-былъ старикъ да старуха, дѣтей у нихъ не было. Старуха и говоритъ старику: «старикъ! сходи по дрова.» Старикъ пошелъ по дрова; попалъ ему на встрѣчу медвѣдь и сказываетъ: «старикъ! давай бороться.» Старикъ взялъ да и отсѣкъ медвѣдю топоромъ лапу; ушелъ домой съ лапой [2]) и отдалъ старухѣ: «вари, старуха, медвѣжью лапу.» Старуха сейчасъ взяла, содрала кожу, сѣла на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила въ печь вариться. Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ, надумался и сдѣлалъ себѣ липовую лапу; идётъ къ старику на деревашкѣ и поетъ:

Скрипи, нога!
Скрипи, липовая!
По селамъ спятъ,
По деревнямъ спятъ;
Одна баба не спитъ,
На моей кожѣ сидитъ,
Мою шерстку прядетъ,
Мое мясо варитъ,
Мою кожу сушитъ!

Втѣпоры [3]) старикъ и старуха испугались. Старикъ спрятался на полати подъ корыто, а старуха на печь подъ черныя рубахи. Медвѣдь взошелъ въ избу; старикъ со страху крехтитъ

---

1) См. выпускъ III, № 17.

2) *Варіантъ:* Жилъ старикъ со старухой. Захотѣлось старухѣ медвѣжьяго мяса. «Ступай, старикъ, за медвѣжьимъ мясомъ.» Старикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ; глянулъ: лежитъ подъ колодою старой медвѣдь и крѣпко спитъ. Старикъ недолго думалъ, отрубилъ у медвѣдя ногу и понесъ домой. 3). Тогда.

подъ корытомъ, а старуха закашляла. Медвѣдь нашелъ ихъ, взялъ да и съѣлъ [1]).

(Записана въ пермской губерніи, осинскомъ уѣздѣ.)

16.

КОЗА [2]).

Сидитъ козёлъ да плачетъ: онъ послалъ козу за орѣхами; она пошла и пропала. Вотъ козелъ и запѣлъ:

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, коза! пошлю на тя волки.
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами!
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, волки! пошлю на васъ медвѣдь(я).
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, медвѣдь! пошлю на тя людъ.
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, люди! пошлю на васъ дубьё.
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать·

---

1) *Варіантъ:* Увидалъ старуха медвѣдя. «Ну, старикъ! полѣзай въ кузовъ, я тебя повѣшу надъ дверьми, а сама залѣзу на печь и за дрова спрячусь.» Только медвѣдь въ избу, кузовъ съ старикомъ оборвался и упалъ. Медвѣдь испугался, вонъ изъ избы да бѣжать . . . 2) См. выпускъ II-й, стр. 130.

Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, дубьё! пошлю на тя топоръ.
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, топоръ! пошлю на тя камень.
Камень не йдетъ топоръ тупить,
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать;
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, камень! пошлю на тя огонь,
Огонь не йдетъ камень палить,
Камень не йдетъ топоръ тупить,
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать;
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными!
Добро же, огонь! пошлю на тя воду.
Вода не йдетъ огонь лить,
Огонь не йдетъ камень палить,
Камень не йдетъ топоръ тупить,
Топоръ не йдетъ дубьё рубить,
Дубьё не йдетъ людей бить,
Люди не йдутъ медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь не йдетъ волковъ драть,
Волки не йдутъ козы гнать:
Нѣтъ козы съ орѣхами,
Нѣтъ козы съ калёными,
Добро же, вода! пошлю на тя бурю.
Буря пошла воду гнать,

Вода пошла огонь лить,
Огонь пошелъ камень палить,
Камень пошелъ топоръ тупить,
Топоръ пошелъ дубьё рубить,
Дубьё пошло людей бить,
Люди пошли медвѣдь стрѣлять,
Медвѣдь пошелъ волковъ драть,
Волки пошли козу гнать:
Вотъ коза съ орѣхами,
Вотъ коза съ калёными!

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

17.

ВОЛКЪ И КОЗА [1].

Жила-была коза, сдѣлала себѣ въ лѣсу избушку и нарожала дѣтокъ. Часто уходила коза въ боръ искать корму; какъ только уйдетъ, козлятки запрутъ за нею избушку, а сами никуда не выходятъ. Воротится коза, постучится въ дверь и запоетъ: «козлятушки, дѣтятушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молоко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытичка въ сыру землю!» [2] Козлятки тотчасъ отопрутъ двери и впустятъ мать. Она покормитъ ихъ и опять уйдетъ въ боръ, а козлятки запрутся крѣпко-накрѣпко. Волкъ все это и подслушалъ; выждалъ время, и только коза въ боръ, онъ подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ тол-

1) См. II-й, № 4. 2) *Варіантъ:*

Охъ вы, дѣтушки, мои батюшки,
Отопритеся, отомкнитеся;
Ваша мать пришла — молока принесла,
Полны бокà молока, полны рогà творога,
Полны копытцы водицы!

стымъ голосомъ: «вы, дѣтушки! вы, батюшки! отопритеся, отворитеся! ваша мать пришла, молока принесла, полны копытцы — водицы!» А козлятки отвѣчаютъ: «слышимъ, слышимъ не матушкинъ голосокъ! Наша матушка поетъ тонкимъ голоскомъ и не такъ причитаетъ.» Волкъ ушелъ и спрятался. Вотъ приходитъ коза и стучится: «козлятушки, дѣтатушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытечка въ сыру землю!» Козлятки впустили мать и разсказали ей, какъ приходилъ къ нимъ бирюкъ и хотѣлъ ихъ поѣсть. Коза покормила ихъ, и уходя въ боръ, строго-настрого наказала: коли придетъ кто къ избушкѣ и станетъ проситься толстымъ голосомъ и не переберётъ всего, что она имъ причитываетъ, — того ни за что не впускать въ двери. Только что ушла коза, волкъ прибѣжалъ къ избѣ, постучался и началъ причитывать тоненькимъ голоскомъ: «козлятушки, дѣтатушки! отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была; ѣла траву шелковую, пила воду студеную. Бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытичко, изъ копытичка въ сыру землю!» Козлятки отперли двери, волкъ вбѣжалъ въ избу и всѣхъ поѣлъ, только одинъ козлёночекъ схоронился, въ печь *улѣзъ*. Приходитъ коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе къ дверямъ и видитъ, что все отворено; въ избу — а тамъ все пусто; заглянула въ печь и нашла одного дѣтища. Какъ узнала коза о своей бѣдѣ, сѣла она на лавку, зачала горько плакать и припѣвать: «охъ вы, дѣтушки мои, козлятушки! на что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися? онъ васъ всѣхъ поѣлъ, и меня, козу, со великимъ горемъ, со кручиной сдѣлалъ.» Услышалъ это волкъ, входитъ въ избушку и говоритъ козѣ: «ахъ ты, кума, кума! что ты на меня грѣшишь? неужли таки я сдѣлаю это! пойдемъ въ лѣсъ погуляемъ.» — Нѣтъ, кумъ, не до гулянья.

«Пойдемъ!» уговариваетъ волкъ. Пошли они въ лѣсъ; нашли яму, а въ этой ямѣ разбойники кашицу недавно варили, и оставалось въ ней еще довольно таки огня. Коза говоритъ волку: «кумъ! давай попробуемъ, кто перепрыгнетъ черезъ эту яму?» Стали прыгать. Волкъ прыгнулъ да и ввалился въ горячую яму; брюхо у него отъ огня лопнуло, и козлятки выбѣжали оттуда да прыгъ къ матери. И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

(Записана въ саратовской губерніи г. А. Гусьновымъ.)

18.

КОЛОБОКЪ [1].

Жилъ-былъ старикъ со старухою. Проситъ старикъ: «испеки, старуха, колобокъ.» — Изъ чего печь-то? муки нѣту. «Э, эхъ, старуха! по коробу [2] поскреби, по сусѣку [3] помети; авось мукѝ и наберется.» Взяла старуха крылушко, по коробу поскребла, по сусѣку помела, и набралось мукѝ пригоршни съ двѣ. Замѣсила на сметанѣ, изжарила въ маслѣ и положила на окошечко простудить. Колобокъ полежалъ-полежалъ, да вдругъ и покатился, съ окна на лавку, съ лавки нá полъ, пò полу да къ дверямъ, перепрыгнулъ черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота, дальше и дальше. Катится колобокъ по дорогѣ, а на встрѣчу ему заяцъ: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Не ѣшь меня, косой зайчикъ! я тебѣ пѣсеньку спою, сказалъ колобокъ и запѣлъ:

---

1) Сдобная, прѣсная лепёшка (Опытъ обл. великорусс. словаря, стр. 87). 2) Ящикъ съ замкомъ для поклажи (ibidem, стр. 90). 3) Засѣкъ, закромъ.

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушчши ушелъ,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только заяцъ его и видѣлъ!... Катится колобокъ, а на встрѣчу ему волкъ: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Не ѣшь меня, сѣрой волкъ! я тебѣ пѣсеньку спою:

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себѣ дальше; только волкъ его и видѣлъ!... Катится колобокъ, а на встрѣчу ему медвѣдь: «колобокъ, колобокъ! я тебя съѣмъ.» — Гдѣ тебѣ, косолапому, съѣсть меня!

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У тебя, медвѣдь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медвѣдь его и видѣлъ!... Катится-катится колобокъ, а на встрѣчу ему лиса: «здравствуй, колобокъ! какой ты хорошенькой.» А колобокъ запѣлъ:

Я по коробу скребёнъ,
По сусѣку метёнъ,
На сметанѣ мѣшонъ,
Да въ маслѣ пряжонъ,
На окошкѣ стужонъ;
Я у дѣдушки ушелъ,
Я у бабушки ушелъ,
Я у зайца ушелъ,
Я у волка ушелъ,
У медвѣдя ушелъ,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

— Какая славная пѣсенька! сказала лиса, но вѣдь я, колобокъ, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разокъ погромче. Колобокъ вскочилъ лисѣ на мордочку и запѣлъ ту-же пѣсню. «Спасибо, колобокъ! славная пѣсенька, еще бы послушала! сядь-ка на мой язычокъ да пропой въ послѣднiй разокъ.» Сказала лиса и высунула свой языкъ; колобокъ съ-дуру прыгъ ей на языкъ, а лиса — амъ его, и скушала.

19.

МЕДВѢДЬ, ЛИСА, СЛѢПЕНЬ И МУЖИКЪ.

Жилъ-былъ мужикъ, у него была пѣгая лошадь. Мужикъ запрёгъ её въ телегу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Только прiѣхалъ въ лѣсъ, а на встрѣчу ему идётъ большой медвѣдь. Поздоровался съ мужикомъ и спрашиваетъ: «скажи, мужичокъ, кто твою лошадку пѣжилъ [1])? Ишь какая рябенькая да славная!» — Эхъ, братъ Мишка! говоритъ мужикъ, я самъ её выпестрилъ. «Да развѣ ты умѣешь пѣжить?» — Кто? я-то? Да еще какой мастакъ! Коли хочешь, я пожалуй сдѣлаю тебя

---

1) Сдѣлалъ пѣгою.

пестрѣе моей лошади. Медвѣдь обрадовался: «сдѣлай милость, пожалуста! я тебѣ за работу цѣлой улей притащу.» — Ну чтожъ! хорошо. Только надо тебя, стараго чорта, связать веревками; а то тебѣ не улежать, какъ стану пѣжить. Медвѣдь согласился. «Погоди, думаетъ мужикъ; я тебя спеленаю!» Взялъ возжи и веревки, и такъ скрутилъ, опуталъ медвѣдя, что тотъ зачалъ ревѣть на весь лѣсъ, а мужикъ ему: «постой, братъ Мишка! не шевелись, пора пѣжить.» — Развяжи, мужичокъ! просится медвѣдь. Я ужь не хочу быть пѣгимъ; пожалуста, отпусти! «Нѣтъ, старой чортъ! самъ напросился, такъ тому и быть.» Нарубилъ мужикъ дровъ, наклалъ цѣлой ворохъ и развелъ огонь жарко-жарко, да взялъ топоръ и положилъ его прямо на огонь. Какъ накалился топоръ до-красна, мужикъ вытащилъ его и давай пѣжить медвѣдя; только заверещало[1])! Медвѣдь заревѣлъ что есть мочи, понатужился, перервалъ всѣ веревки и возжи и ударился бѣжать по лѣсу безъ оглядки — только лѣсъ трещитъ. Рыскалъ-рыскалъ медвѣдь по лѣсу, изъ силы выбился, хочетъ лечь—нельзя: все брюхо и бока выжжены; какъ заревётъ, заревётъ! «Ну, только попадись мнѣ мужикъ въ лапы, ужь будетъ меня помнить!»

На другой день мужикова жена пошла въ поле рожь жать и взяла съ собою краюшку хлѣба да кувшинъ молока. Пришла на свою полосу, поставила къ сторонкѣ кувшинъ съ молокомъ и стала жать. А мужикъ думаетъ: «дай провѣдаю жену.» Запрёгъ лошадь, подъѣзжаетъ къ своей полосѣ и видитъ, что во ржи бродитъ лиса. Подобралась плутовка къ кувшину съ молокомъ, кое-какъ всунула въ него свою голову, да назадъ-то ужь никакъ её и не вытащитъ; ходитъ по жнивѣ да головою мотаетъ, и говоритъ: «ну, кувшинъ, пошутилъ да и будетъ!...

1) Верещать — трещать, шипѣть, какъ масло или вода на огнѣ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 23).

ну, полно же баловать: отпусти меня!... кувшинушко! голубчикъ! полно тебѣ дурачиться, поигралъ да и довольно!...» А сама всё головою мотаетъ. Вотъ покудова лиса уговаривалась съ кувшиномъ, мужикъ досталъ полѣно, подошелъ да какъ урѣжетъ ее по ногамъ. Лиса бросилась вдругъ въ сторону да головой прямо объ камень, и кувшинъ въ мелкіе черепки разбила. Видитъ, что за ней гонится мужикъ съ полѣномъ, лиса какъ прибавитъ рыси! — даромъ что на трёхъ ногахъ, а не догонишь и съ собаками — и скрылась въ лѣсу.

Воротился мужикъ и сталъ накладать на телегу снопы. Откуда нé взялся слѣпень, сѣлъ ему на шею и больно его укусилъ. Мужикъ хватился за шею и поймалъ слѣпня. «Ну, говоритъ, что съ тобой мнѣ дѣлать? да хорошо, постой, будешь и ты меня помнить.» Взялъ мужикъ соломину и воткнулъ ее слѣпню въ задъ. «Лети теперь, какъ знаешь!» Бѣдный слѣпень полетѣлъ и соломину за собой потащилъ. «Ну, думаетъ себѣ, попался я въ руки! Еще отъ роду эдакой ноши я не таскивалъ, какъ теперь!» Вотъ летѣлъ онъ, летѣлъ, прилетѣлъ въ лѣсъ и совсѣмъ ужь изъ силъ выбился. Захотѣлъ сѣсть на дерево — отдохнуть, думалъ повыше подняться, а соломина тянетъ его къ низу. Бился-бился, насилу кое-какъ присѣлъ, запыхался и такъ тяжело началъ дышать, что даже дерево зашаталось. А подъ этимъ деревомъ лежалъ тотъ самой медвѣдь, котораго мужикъ пестрилъ. Медвѣдь испугался: отъ чего такъ шибко зашаталось дерево? Глянулъ вверхъ, а на деревѣ сидитъ слѣпень. Онъ и закричалъ ему: «эй, братъ! родня! слѣзай пожалуста долой!, а то, пожалуй, вѣдь ты и дерево повалишь.» Слѣпень послушался и слетѣлъ внизъ. Медвѣдь посмотрѣлъ на него и спрашиваетъ: «кто, братъ, тебѣ такую соломину въ задъ забилъ?» А слѣпень посмотрѣлъ на медвѣдя и самъ спрашиваетъ: «а тебя, братъ, кто изуродовалъ? вишь у тебя гдѣ шерсть, а въ другомъ мѣстѣ

и кости видать.» — Ну, братъ слѣпень! это меня мужикъ обработалъ. «Ну, братъ медвѣдь! и мнѣ отъ мужика досталось.» Смотрятъ они: лиса на трёхъ ногахъ скачетъ. «Кто тебѣ ногу-то сломалъ?» спрашиваетъ медвѣдь. — Ахъ, куманёкъ! и сама хорошенько не видала, а не кому кромѣ мужика; онъ за мной съ полѣномъ гнался. «Братцы, пойдемте всѣ трое губить мужика!» Тотчасъ всѣ трое собрались и пошли на̀ поле, гдѣ мужикъ убиралъ снопы. Вотъ стали они подходить; мужикъ увидалъ, испугался и не знаетъ, что ему дѣлать.........

20.

СКАЗКА ПРА АННАВО АННАБОКАВА БАРАНА.

У аннаво́ барина бы́ла многа животсйны [1]. Тольки што јонъ прѝнилъ [2] пятсь бара̀шковъ, изъ шку́ракъ јихныхъ выдзѣлалъ авчинки и сталъ сибѣ шубу шить. Призвалъ партнова: «ну, баитъ, шшей мнѣ шубу.» Тотъ памѣрилъ, памѣрилъ; видзитъ, што не хватаитъ јиму̀ полъавчинки на шубу. «Мало, баитъ, авчинъ — не хватаитъ на клиньи.» — Эвтому дѣлу мо́жна пасабить, баитъ баринъ, и вилѣлъ лакею сваму̀ у аннаво́ барана садрать шкурку съ аннаво́ боку. Лакей такъ и сдзѣлалъ, какъ баринъ баилъ. Тольки шко јетотъ баранъ разсерчалъ на барина, падазвалъ къ сибѣ казла́: «пайдземъ, баитъ, отъ эдакава лихадзѣя; въ лѣсу пака̀ мо́жна житсь, травка естсь, вадзйцу найдзёмъ, сы́тси бу̀дземъ». Вотъ јаны́ и пашлѝ Пришли въ лѣсъ, сладзили шалашу̀, и ну по нопамъ начевать. Живутъ сибѣ да паживаютъ, да травку паядаютъ.

---

1) Скота. 2) Принять — бить и свѣжевать скотину (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 178).

Тольки што у таво́ барина житсь не палюбилось ни јим̊ъ аннымъ. Ушло съ таво́ со двара карова да свинья, питухъ да гусакъ. Вотъ јаны̊, пака̀ бы̊ла тепло́, жили сибѣ на воли, а какъ пришла зимушка-зима, и јаны стали прята̊тцы атъ мароза. Вотъ хадзили, хадзили по́ лису, да и нашли шалашу̀-та барана и стали јаны праситца къ јиму: «пустси, бають, намъ вѣдзь халадно.» А јаны и знатсь не хатсятъ, никаво́ ни пускають. Вотъ карова падходзитъ: «пустсйтсе, баитъ, а ни то всю вашу шалашу̀ на̀ бокъ сварачу!» Баранъ видзитъ плоха дзѣла пустсилъ јиё. Падходзитъ свинья: «пустсйтсе, баитъ, а нѣтъ — такъ я всю землю изрою, да такй падроюсь къ вамъ; матрйтсе, вамъ же будзетъ халаннѣя.» Дзѣлать нечиво, и јету пустсили. Глядзь — и гусакъ тоже баитъ: «пустсйтсе, а ни то я дыру праклюю, матрйтсе, вамъ же будзетъ халаннѣя.» — «Пустсйтсе, баитъ и пѣту̀нъ [1]), а ни то всю крышу вашу абс...!» Што дзѣлатсь, пустсили и јётыхъ, да и стали всѣ јаны житсь вмѣстяхъ.

Долга-ль, каро̀тка-ль јаны жили, а аннажды шли мима јихъ разбойники, и услыхали крикъ да гамъ, падашлй, паслухали; ни знаютъ, што такое естсь, и пасылаютъ аннаво́ сваво́ таварища: «ступай, бають, а ни то — веревку на шею да и въ воду!» Дзѣлать нечиво, тотъ и пашолъ. Какъ тольки взашолъ, какъ начали јиво̀ са всѣхъ старонъ. Вотъ јонъ дзѣлатсь нечиво, назадъ... «Ну, братчи! баитъ, што хотсйтсе — дзѣлайтсе, а я ужь ни за́ шта не пайду. Эдакаво страха сродзясь ни видывалъ! тольки штовза шолъ, гдзѣ ни вазьмись баба да миня ухватамъ-та, да миня ухватамъ-та; а тутъ ищо барыня, да такъ и серчаитъ; а тутъ глядзь — чиботарь [2]) да миня шйламъ-та, да миня шйламъ-та въ задъ; а тутъ ищо партной да ножницами; а тутъ ищо салдатъ со шпорами, да такъ на миня скн-

---

1) Пѣтухъ. 2) Сапожникъ.

нулся, што волосы у нивò дыбомъ стали: вотъ я те! баитъ. А тамъ ищо знатсь jихной нàбольшой: ужò-ка я-та jиво! Братчи, баитъ, срóбилъ.» — Ну, баютъ разбойники, дѣлатсь нечиво, уйдземтсе, а то пожалуй и насъ-та всѣхъ пиривяжутъ!— Ушли.

А jаны живутъ пакà, да живутъ сибѣ складно. Вдругъ приходзятъ къ jихной шалаши звѣрьё 1), да пò духу и узнали, што тамъ ёстся(ь). «Нутка, баютъ волку, падзи-ка ты напирёдъ!» Тольки што тотъ взашолъ, какъ тѣ начали jивò кататсь; насѝлу ноги аттуда вынесъ. Ни знаютъ што и дѣлатсь. А тỳта былъ съ ними ёжъ; во jонъ: «постойтсе-ка, баитъ; вотъ ужò-ка я папытаюсь, авось лучше будзетъ!» Вишь jонъ зналъ, што у барана-та аннавó бока нѣту. Вотъ jонъ и подкатсился да и кал(ь)ни барана; какъ тотъ черезъ всѣхъ да какъ прыгнетъ, да и дрáла. За нимъ и всѣ, да такъ и разбѣжались. А намѣсто ихъ звѣрьё тỳта и астались.

(Записана въ тверской губерніи И. И. Лажечниковымъ.)

21.

ЗИМОВЬЕ ЗВѢРЕЙ.

Шелъ быкъ лѣсомъ; попадается ему на встрѣчу баранъ. «Куды, баранъ, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, говоритъ баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ на встрѣчу свинья. «Куды, свинья, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами!» Пошли втроемъ дальше; на встрѣчу имъ попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта

1) Волки (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 69).

ищу, отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а на встрѣчу имъ пѣтухъ. «Куды, пѣтухъ, идешь?» спросилъ быкъ. — Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами!» Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «какъ-же, братцы-товарищи! время приходитъ холодное; гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ: «ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамёрзнемъ.» Баранъ говоритъ: «у меня шуба тепла—вишь какая шерсть! я и такъ прозимую.» Свинья говоритъ: «а по мнѣ хоть какіе морозы — я не боюсь: зароюся въ землю и безъ избы прозимую.» Гусь говоритъ: «а я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся,—меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую.» Пѣтухъ говоритъ: «и я тожъ!» Быкъ видитъ — дѣло плохо, надо одному хлопотать. «Ну, говоритъ, вы какъ хотите; а я стану избу строить.» Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баранъ — дѣлать нечего — приходитъ къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.» — Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пущу! «А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ твоей избы бревно [1]; тебѣ же будетъ холоднѣе.» Быкъ думалъ-думалъ: «дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ» — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.»—Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешся, и такъ прозимуешь! «А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою да твою избу уроню.» Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: «пусти, братъ, къ себѣ погрѣться.» — Нѣтъ; не пущу. У васъ по два крыла; одно постелишь, другимъ одѣнешься; и такъ прозимуете! «А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ

1) *Варіантъ:* «и сшибу дверь съ крючьемъ».

изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю; тебѣ же холоднѣе будетъ.» — «Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на верхъ [1]), всю землю съ потолка сгребу; тебѣ же холоднѣе будетъ.» Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся. и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ [2]). Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и зачалъ пѣсеньки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсеньки распѣваетъ, захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась къ медвѣдю да волку и сказала: «ну, любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для тебя, медвѣдь, быка; для тебя, волкъ, барана; а для себя пѣтуха.» — Хорошо, кумушка! говорятъ медвѣдь и волкъ, мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. «Кумъ, говоритъ она медвѣдю, отворяй дверь, я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ.» Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ зачалъ осаживать по бокамъ; изъ лисы и духъ вонъ. «Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться? говоритъ волкъ. Отпирай, братъ Михайло Ивановичъ! я пойду.» — Ну, ступай.

---

1) На чердакъ.

2) Сказка эта оканчивается и такъ: Спознали про то волкъ и медвѣдь. «Пойдемъ, говорятъ, въ избушку, всѣхъ поѣдимъ, а сами станемъ тамъ жить.» Собралися и пришли[къ избушкѣ. Медвѣдь говоритъ волку: «иди ты впередъ!» А волкъ говоритъ: «мнѣ не управиться, иди ты впередъ!» — Ну, смотри же, не выдавай меня, сказалъ медвѣдь и пошелъ въ избушку. Только вошелъ, быкъ и припёръ его рогами къ стѣнѣ, а баранъ разбѣжался да какъ бацнетъ (ударитъ) медвѣдя въ бокъ и сшибъ его съ ногъ, а свинья рветъ и мечетъ въ клочки, а гусь подлетѣлъ—глаза щиплетъ, а пѣтухъ сидитъ на брусу и кричитъ: «подайте сюда, подайте сюда!» Волкъ услыхалъ крикъ, да бѣжать. Вотъ медвѣдь рвался, рвался, насилу вырвался, прибѣжалъ и разсказываетъ волку: «ну, что мнѣ было, до смерти чуть не забили, да еще одинъ на брусу сидѣлъ да все кричалъ: подайте сюда, подайте сюда! ну, еслибъ подали къ нему, кажись бы и смерть была!»

Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдь ждалъ-ждалъ: «что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ! дай я пойду.» Вошелъ въ избушку; а быкъ да баранъ и его также приняли. Насилу вонъ вырвался, и пустился бѣжать безъ огладки.

22.

МѢДВѢДЬ И ПѢТУХЪ.

Былъ у старика сынъ дуракъ. Проситъ дуракъ, чтобы отецъ его женилъ: «а если не женишь — всю печку разломаю!» — Какъ я тебя женю? у насъ денегъ нѣту. «Денегъ нѣту, да есть волъ; продай его на бойню.» Волъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ опять пристаетъ къ отцу: «жени меня, не то всю печку разломаю!» Отецъ говоритъ: «радъ бы женить, да денегъ нѣту.» — Денегъ нѣту, да есть баранъ; продай его на бойню. Баранъ услыхалъ, въ лѣсъ убѣжалъ. Дуракъ отъ отца не отходитъ: жени меня, да и только. «Я же тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ!» — Денегъ нѣту, да есть пѣтухъ; заколи его, испеки пирогъ и продай. Пѣтухъ услыхалъ, въ лѣсъ улеталъ. Волъ, баранъ и пѣтухъ сошлись всѣ вмѣстѣ и выстроили себѣ въ лѣсу избушку. Медвѣдь узналъ про то, захотѣлъ ихъ съѣсть и пришелъ къ избушкѣ. Пѣтухъ увидалъ его и запрыгалъ по насѣсти; машетъ крыльями и кричитъ: «куда-куда-куда! да подайте мнѣ его сюда: я ногами стопчу, топоромъ срублю! и ножишко здѣсь, и гужишко здѣсь, и зарѣжемъ здѣсь, и повѣсимъ здѣсь!» Медвѣдь испугался и пустился назадъ, бѣжалъ-бѣжалъ, отъ страху упалъ и умеръ. Дуракъ

пошелъ въ лѣсъ, нашелъ медвѣдя, снялъ съ него шкуру и продалъ; на эти деньги и женили дурака. Волъ, баранъ и пѣтухъ изъ лѣсу домой пришли.

23.

КОТЪ И ЛИСА [1].

Жилъ-былъ мужикъ, у него былъ котъ, только такой шкодливой [2], что бѣда! Надоѣлъ онъ мужику. Вотъ мужикъ думалъ-думалъ, взялъ кота, посадилъ въ мѣшокъ, завязалъ и понесъ въ лѣсъ. Принесъ и бросилъ его въ лѣсу: пускай пропадаетъ! Котъ ходилъ-ходилъ, и набрелъ на избушку, въ которой лѣсникъ жилъ; залѣзъ на чердакъ и полеживаетъ себѣ, а захочетъ ѣсть — пойдетъ по лѣсу птичекъ да мышей ловить, наѣстся досыта и опять на чердакъ, и горя ему мало! Вотъ однажды пошелъ котъ гулять, а на встрѣчу ему лиса, увидала кота и дивится: «сколько лѣтъ живу въ лѣсу, а такого звѣря не видывала.» Поклонилась коту и спрашиваетъ: «скажись, доброй молодецъ, кто ты таковъ? какимъ случаемъ сюда зашелъ и какъ тебя по имени величать?» А котъ вскинулъ шерсть свою и говоритъ: «я изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ къ вамъ бурмистромъ, а зовутъ меня Котофей Ивановичъ.» — Ахъ, Котофей Ивановичъ! говоритъ лиса, не знала про тебя, не вѣдала; ну, пойдемъ-же ко мнѣ въ гости. Котъ пошелъ къ лисицѣ; она привела его въ свою нору и стала подчивать разной дичинкою, а сама выспрашиваетъ: «что, Котофей Ивановичъ, женатъ ты али холостъ?» — Холостъ, говоритъ котъ. «И я лисица—дѣвица, возьми меня замужъ.» Котъ согласил-

1) См. выпускъ III, № 18, и ниже въ этомъ IV-мъ выпускѣ № 26.
2) Шкода — убытокъ, вредъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 266).

ся, и начался у них пиръ да веселье. На другой день отправилась лиса добывать припасовъ, чтобъ было чѣмъ съ молодымъ мужемъ жить; а котъ остался дома. Бѣжитъ лиса, а на встрѣчу ей попадается волкъ и началъ съ нею заигрывать: «гдѣ ты, кума, пропадала? мы всѣ норы обыскали, а тебя не видали.» — Пусти, дуракъ! что заигрываешь? я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужня жена. «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — Развѣ ты не слыхалъ, что къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ присланъ бурмистръ Котофей Ивановичъ? Я теперь бурмистрова жена! «Нѣтъ не слыхалъ, Лизавета Ивановна. Какъ-бы на него посмотрѣть?» — У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклонъ; барана то положи, а самъ схоронись, чтобъ онъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придётся! Волкъ побѣжалъ за бараномъ. Идетъ лиса, а на встрѣчу ей медвѣдь и сталъ съ нею заигрывать. «Что ты дуракъ, косолапый Мишка, трогаешь меня? я прежде была лисица-дѣвица, а теперь замужня жена.» — За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла? «А которой присланъ къ намъ изъ сибирскихъ лѣсовъ бурмистромъ, зовутъ Котофей Ивановичъ, — за него и вышла.» — Нельзя ли посмотрѣть его, Лизавета Ивановна? «У! Котофей Ивановичъ у меня такой сердитой: коли кто не по немъ, сейчасъ съѣстъ! ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклонъ; волкъ барана хочетъ принесть. Да смотри, быка-то положи, а самъ схоронись, чтобъ Котофей Ивановичъ тебя не увидѣлъ, а то, братъ, туго придётся!» Медвѣдь потащился за быкомъ.

Принёсъ волкъ барана, ободралъ шкуру, и стоитъ въ раздумьи; смотритъ — и медвѣдь лѣзетъ съ быкомъ. «Здравствуй, братъ Михайло Иванычъ!» — Здравствуй, братъ Левонъ! что не видалъ лисицы съ мужемъ? «Нѣтъ, братъ, давно дожи-

даю.» — Ступай, зови. «Нѣтъ, не пойду, Михайло Иванычъ! самъ иди, ты посмѣлѣй меня.» — Нѣтъ, братъ Левонъ! и я не пойду. Вдругъ откуда нé взялся — бѣжитъ заяцъ. Медвѣдь какъ крикнетъ на него: «поди-ка сюда, косой чортъ!» Заяцъ испугался, прибѣжалъ. «Ну что, косой пострѣлъ! знаешь, гдѣ живетъ лисица?» — Знаю, Михайло Ивановичъ! «Ступай же скорѣе да скажи ей, что Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Иванычемъ давно ужь готовы, ждутъ тебя-де съ мужемъ, хотятъ поклониться бараномъ да быкомъ.» Заяцъ пустился къ лисѣ во всю свою прыть. А медвѣдь и волкъ стали думать, гдѣ бы спрятаться. Медвѣдь говоритъ: «я полѣзу на сосну.» — А мнѣ что-же дѣлать? я куда дѣнусь? спрашиваетъ волкъ. Вить я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Ивановичъ! схорони пожалуста куда-нибудь, помоги горю. Медвѣдь положилъ его въ кусты и завалилъ сухимъ листьемъ, а самъ взлѣзъ на сосну, на самую таки макушку, и поглядываетъ: не идетъ ли Котофей съ лисою? Заяцъ межъ тѣмъ прибѣжалъ къ лисицыной норѣ, постучался и говоритъ лисѣ: «Михайло Ивановичъ съ братомъ Левономъ Иванычемъ прислали сказать, что они давно готовы, ждутъ тебя съ мужемъ, хотятъ поклониться вамъ быкомъ да бараномъ.» — Ступай, косой! сейчасъ будемъ [1]).

---

1) *Варіантъ 1:* Жилъ старикъ и старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери, былъ только одинъ сѣрой котъ. Онъ ихъ поилъ-кормилъ, носилъ имъ кунокъ и бѣлокъ, рябчиковъ, тетеревей и всякихъ звѣрьковъ. Сдѣлался старъ сѣрой котъ. Старуха и говоритъ старику: «изъ чего мы, старикъ, кота держимъ? только даромъ на печи мѣсто занялъ!» — Да куда его дѣвать-то? «Посади въ котомку и отнеси въ островъ (отъемный лѣсъ, удобный по своему положенію для охотниковъ); пускай тамъ свою жизнь рѣшитъ.» Старикъ отнёсъ. Котъ остался въ острову, день голодалъ, другой и третій, и сталъ плакать. Идетъ лиса, и спросила кота: «о чемъ ты плачешь, Котай Ивановичъ?» — Ахъ, лиса! какъ мнѣ не плакать? жилъ я у старика и старухи, поилъ-кормилъ ихъ; сталъ старъ, они и прогнали меня. А лиса говоритъ: «давай, Котай Ивановичъ, женимся!» — Куды мнѣ жениться! только бы свою голову пропитать; а у тебя чай дѣтки есть, кормить-поить надо.

Вотъ идетъ котъ съ лисою. Медвѣдь увидалъ ихъ и говоритъ волку: «ну, братъ Левонъ Иванычъ, идетъ лиса съ мужемъ; какой же онъ маленькой!» Пришелъ котъ и сейчасъ-же бросился на быка, шерсть на немъ взъерошилась, и началъ онъ рвать

«Ничего, какъ-нибудь прокормимся.» Вотъ и вышла лиса за Котая Иваныча. Однажды медвѣдь и заяцъ шли мимо лисицыной норы. Увидала ихъ лиса и закричала: «ахъ ты, толстопятый медвѣдь, и ты, косой заяцъ! какъ была я вдовой, бывало ни одинъ изъ васъ не проходилъ мимо моей норы, а какъ вышла замужъ, то каждый день шляетесь; вишь какія дороги проторили! Смотрите, какъ-бы васъ Котай Ивановичъ по шеѣ не проводилъ!» Вотъ идучи дорогой, медвѣдь и сказалъ зайцу: «что, братъ, у нея за мужъ такой— Котай Ивановичъ? ужли больше меня!» А заяцъ: «ужли прытче меня? пойдемъ-ка завтра, посмотримъ на него.» Пришли на другой день къ лисицыной норѣ и видятъ: котъ гложетъ цѣлый стягъ быка, а самъ мурлычетъ: «мало, мало!» Ну, братъ, сказалъ медвѣдь зайцу, бѣда наша; Котай все говоритъ: мало, мало! Спрячемся, ты *лязсь* подъ хворостъ, а я взлѣзу на дерево. Только усѣлись они по своимъ мѣстамъ, какъ выбѣжала изъ-подъ хвороста мышь. Котъ увидалъ ее и въ ту-жъ минуту бросился за ней къ хворосту. Заяцъ испугался, кинулся бѣжать; а медвѣдь услышалъ тревогу, хотѣлъ повернуться да со страстей упалъ съ дерева, и убился до смерти. Лиса съ котомъ и донынѣ поживаютъ, да медвѣдя поѣдаютъ.

(Записана въ вологодской губерніи.)

Варіантъ 2: Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ въ дремучихъ лѣсахъ могучій котъ. Медвѣдь, волкъ, олень, лиса и заяцъ собрались совѣтъ держать, какъ-бы могучаго, сильнаго кота къ себѣ на пиръ позвать. Наготовили всякаго добра, и стали думать: кому идти за котомъ. «Ну, ступай ты, медвѣдь!» Медвѣдь началъ отговариваться: «я мохнатъ и косолапъ, куда мнѣ! пускай волкъ пойдетъ.» А волкъ говоритъ: «я неповоротливъ, онъ меня не послушаетъ; лучше пусть олень идетъ!» Олень тоже отказывается: «я пугливъ-боязливъ, не съумѣю отвѣтъ держать; котъ, пожалуй, за то меня смерти предастъ. Иди ты, шустрая *(бойкая)! говоритъ лисѣ; ты и собой хороша и оборотлива.» —У меня хвостъ длиненъ, не смогу скоро бѣжать; пускай идетъ заяцъ! отвѣчаетъ лиса. Тутъ всѣ стали складывать на зайца: «ступай, косой! не бойся. Ты поворотливъ и на ногу скоръ; коли онъ на тебя вскинется, ты сейчасъ отъ него уйдешь.» Заяцъ — дѣлать нечего — побѣжалъ къ коту; прибѣжалъ, поклонился пониже ногъ котовыхъ и сталъ звать его на пиръ, на бесѣду. Исправилъ все по наказу, и пустился назадъ

масо и зубами. и лапами, а самъ мурчитъ. будто сердится: «мало, мало!» А медвѣдь говоритъ: «невеликъ да прожористъ! намъ четверымъ не съѣсть, а ему одному мало; пожалуй, и до насъ доберется!» Захотѣлось волку посмотрѣть на Котофея Ивановича да сквозь листья не видать! и началъ онъ прокапывать надъ глазами листья, а котъ услыхалъ, что листъ шевелится, подумалъ, что это—мышь, да какъ кинется и прямо волку

бѣжать, сколько силъ хватаетъ. Явился къ своимъ товарищамъ и говоритъ: «ну, набрался страху! самъ-то котъ бурой, шерсть на немъ стоитъ дыбомъ, а хвостъ такъ по землѣ и волочится!» Тутъ звѣри стали прятаться, кто куда: медвѣдь взобрался на дерево, волкъ залѣзъ въ кусты, лиса зарылась въ землю; а олень съ зайцемъ совсѣмъ ушли.... (Окончаніе — тоже.)

Варіантъ 3: Лиса вышла замужъ за Котонайла Иваныча. Разъ побѣжала она припасти мужу обѣдъ; бѣгала-бѣгала и поймала утку. Несетъ домой, а на встрѣчу ей лѣсной кабанъ. «Стой, лиса! говоритъ; отдай утку.»—Нѣтъ, не дамъ. «Ну, я самъ отниму.»—А я скажу Котонайлу Иванычу; онъ тебя смерти предастъ!—Что такой за звѣрь? думаетъ кабанъ, и пошелъ своей дорогой. Лиса побѣжала; вдругъ повстрѣчался ей медвѣдь: «куда, лиса, бѣжишь, кому утку несешь? отдай ее мнѣ.»—Ступай-ка по добру; а то скажу Котонайлу Иванычу; онъ тебя смерти предастъ! Медвѣдь побоялся и пошелъ своей дорогой. Лиса дальше бѣжитъ; попадается ей волкъ. «Отдавай, говоритъ, утку!»—Какъ-же не такъ! я вотъ скажу Котонайлу Иванычу, онъ тебя самого съѣстъ! Волкъ оробѣлъ и пошелъ себѣ дорогой; а лиса побѣжала домой. Вотъ кабанъ, медвѣдь и волкъ сошлись вмѣстѣ и стали думать да гадать, что за звѣрь такой Котонайло Иванычъ? напередъ того его не видывали, и въ лѣсахъ его не бывало! Положили: сдѣлать большой пиръ и позвать къ себѣ Котонайла Иваныча въ гости. Изготовились. «Ну, говорятъ, кому-жъ идти за Котонайломъ?» и присудили идти волку. Волкъ собрался и побѣжалъ къ лисицыной норѣ. Прибѣжалъ. А котъ выглядываетъ изъ норы, усы повисли, а глаза такъ и свѣтятся. Затрясся волкъ со страху, отдалъ коту низкой поклонъ, поздравилъ его съ молодою женою и сталъ просить въ гости. Котъ сидитъ да мурчитъ У, какой сердитой! думаетъ волкъ и не знаетъ, какъ уйти... Воротился и сказалъ кабану и медвѣдю: «ну, да и страшной же Котонайло Иванычъ! глаза такъ и горятъ! только посмотрѣлъ на меня — и то дрожь пронала...» Вотъ оробѣли они и стали прятаться: медвѣдь влѣзъ на дерево, кабанъ затесался въ болото, а волкъ закопался въ стогъ сѣна....

въ морду вцѣпился когтями. Волкъ вскочилъ да давай Богъ ноги! и былъ таковъ. А котъ самъ испугался и бросился прямо на дерево, гдѣ медвѣдь сидѣлъ. «Ну, думаетъ медвѣдь, увидалъ меня!» Слѣзать-то некогда, вотъ онъ положился на божью волю да какъ шмякнется съ дерева объ земь, всѣ печенки отбилъ; вскочилъ да бѣжать! А лисица вслѣдъ кричитъ: «вотъ онъ вамъ задастъ! погодите!» Съ той поры всѣ звѣри стали кота бояться; а котъ съ лисой запаслись на цѣлую зиму мясомъ, и стали себѣ жить да поживать, и теперь живутъ, хлѣбъ жуютъ.

24.

МЕДВѢДЬ, СОБАКА И КОШКА.

Жилъ себѣ мужикъ, у него была добрая собака, да какъ устарѣла—перестала и лаять и оберегать дворъ съ анбарами. Не захотѣлъ мужикъ кормить ее хлѣбомъ, прогналъ со двора. Собака ушла въ лѣсъ и легла подъ дерево издыхать. Вдругъ идетъ медвѣдь [1] и спрашиваетъ: «что ты, кобель, улегся здѣсь?»—Пришелъ околѣвать съ голоду! Видишь нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормятъ и поятъ, а какъ пропадетъ сила отъ старости—ну и погонятъ со двора! «А что, кобель! хочется тебѣ ѣсть?»—Еще какъ хочется-то! «Ну, пойдемъ со мною; я тебя накормлю.» Вотъ и пошли. Попадается имъ на встрѣчу жеребецъ. «Гляди на меня!» сказалъ медвѣдь собакѣ

---

1) *Варіантъ:* Идетъ сѣрой волкъ. «А, попался! говоритъ онъ кобелю. Зачѣмъ ты не подпускалъ меня близко къ деревнѣ?» — Прости, Григорій Иванычъ! Впередъ не стану, буду тебѣ первый другъ! Тутъ волкъ и подружился съ собакою. (Вся сказка имѣетъ тоже содержаніе, только мѣсто медвѣдя заступаетъ волкъ.)

и сталъ лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!»—Ну, что? «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?»—Красны, медвѣдь! Медвѣдь еще сердитѣе началъ рвать землю. «Кобель, а кобель! что шерсть взъерошилась?» — Взъерошилась, медвѣдь! «Кобель, а кобель! что хвостъ поднялся?» — Поднялся! Вотъ медвѣдь схватилъ жеребца за брюхо; жеребецъ упалъ на́ земь. Медвѣдь разорвалъ его и говоритъ: «ну, кобель! ѣшь, сколько угодно. А какъ приберешь все, приходи ко мнѣ.» Живетъ себѣ кобель, ни о чемъ не тужитъ; а какъ съѣлъ все да проголодался опять, побѣжалъ къ медвѣдю. «Ну что, братъ, съѣлъ?» — Съѣлъ; теперича опять пришлось голодать. «Зачѣмъ голодать! Знаешь ли, гдѣ ваши бабы жнутъ?» — Знаю. «Ну, пойдемъ; я подкрадусь къ твоей хозяйкѣ и ухвачу изъ зыбки [1] ея ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Какъ отнимешь, и отнеси назадъ; она за то станетъ тебя по старому кормить хлѣбомъ.» Вотъ ладно, прибѣжалъ медвѣдь, подкрался и унёсъ ребенка изъ зыбки. Ребенокъ закричалъ, бабы бросились за медвѣдемъ, догоняли-догоняли и не могли нагнать, такъ и воротились; мать плачетъ, бабы тужатъ. Откуда не́ взялся кобель, догналъ медвѣдя, отнялъ ребенка и несетъ его назадъ. «Смотрите, говорятъ бабы, старой-то кобель отнялъ ребенка!» Побѣжали на встрѣчу. Мать ужь такъ рада-рада; «теперича, говоритъ, я этого кобеля ни-за̀-что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлѣбца и дала ему: «на, покушай!» А мужику говоритъ: «нѣтъ, муженёкъ, нашего кобеля надо беречь да кормить; онъ моего ребенка у медвѣдя отнялъ. А ты сказывалъ, что у него силы нѣтъ!» Поправился кобель, отъѣлся: «дай Богъ, говоритъ, здоровья медвѣдю! не далъ помереть съ голоду» — и сталъ медвѣдю первой другъ.

---

1) Люльки, колыбели.

Разъ у мужика была вечеринка. На ту пору медвѣдь пришелъ къ собакѣ въ гости. «Здорово, кобель! ну, какъ поживаешь-хлѣбъ поѣдаешь?» — Слава Богу! отвѣчаетъ собака; не житье, а масляница. Чѣмъ же тебя подчивать? пойдемъ въ избу. Хозяева загуляли и не увидятъ, какъ ты пройдешь; а ты войди въ избу да поскорѣй подъ печку. Вотъ я что добуду, тѣмъ и стану тебя подчивать. — Ладно, забрались въ избу. Кобель видитъ, что гости и хозяева порядкомъ перепились, и ну угощать пріятеля. Медвѣдь выпилъ стаканъ, другой, и поразобрало его. Гости затянули пѣсни, и медвѣдю захотѣлось, сталъ свою заводить; а кобель уговариваетъ: «не пой, а то бѣда будетъ!» Куды! медвѣдь не утихаетъ, а все громче заводитъ свою пѣсню. Гости услыхали вой, похватали колья и давай бить медвѣдя; онъ вырвался да бѣжать, еле-еле живъ уплёлся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить: куда ни полѣзетъ, а что-нибудь разобьетъ или изъ кувшина прольетъ. Мужикъ прогналъ кошку изъ дому, а собака видитъ, что она бѣдствуетъ безъ ѣды, и начала потихоньку носить къ ней хлѣба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; какъ узнала про это, принялась кобеля бить, била-била, а сама приговаривала: «не таскай кошкѣ говядины, не носи кошкѣ хлѣба!» Вотъ дня черезъ три, вышелъ кобель со двора и видитъ, что кошка совсѣмъ съ голоду издыхаетъ. «Что съ тобой?» — Съ голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормилъ. «Пойдемъ со мною.» Вотъ и пошли. Приходитъ кобель къ табуну, и началъ копать землю лапами, а самъ спрашиваетъ: «кошка, а кошка! что глаза красны?» — Ничего не красны. «Говори, что красны!» Кошка и говоритъ: «красны.» — «Кошка, а кошка! что шерсть ощетинилась?» — Нѣтъ, не ощетинилась. «Говори, дура, что ощетинилась.» — Ну, ощетинилась. «Кошка, а кошка! что хвостъ поднялся?» — Ничего не поднялся. «Говори, дура, что поднялся!» — Ну, поднялся. Ко-

бель какъ бросится на кобылу, а кобыла какъ ударитъ его задомъ: у кобеля и духъ вонъ! А кошка и говоритъ: «вотъ теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвостъ завился. Прощай, братъ кобель! и я пойду помирать.»

25.

СОБАКА И ДЯТЕЛЪ.

а. Жили мужикъ да баба и не знали, что есть за работа; а была у нихъ собака, она ихъ и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара; куда ужь тутъ кормить мужика съ бабой! чуть сама съ голоду не пропадаетъ. «Послушай, старикъ! говоритъ баба; возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони: пусть идетъ, куда хочетъ. Теперича она намъ нé надобна! Было время, кормила насъ, ну и держали ее.» Взялъ старикъ собаку, вывелъ за деревню и погналъ прочь. Вотъ собака ходитъ себѣ по чистому полю, а домой идти боится: старикъ со старухою станутъ бить-колотить. Ходила-ходила, сѣла нà земь и завыла крѣпкимъ голосомъ. Летѣлъ мимо дятелъ и спрашиваетъ: «о чемъ ты воешь?»—Какъ не выть мнѣ, дятелъ! Была я молода, кормила-поила старика со старухою; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, гдѣ вѣкъ доживать. «Пойдемъ ко мнѣ, карауль моихъ дѣтушекъ, а я кормить тебя стану.» Собака согласилась и побѣжала за дятломъ. Дятелъ прилетѣлъ въ лѣсъ къ старому дубу, а въ дубѣ было дупло, а въ дуплѣ дятлово гнѣздо. «Садись около дуба, говоритъ дятелъ, ни кого не пущай, а я полечу разыскивать корму.» Собака усѣлась возлѣ дуба, а дятелъ полетѣлъ. Леталъ-леталъ и увидалъ: идутъ по дорогѣ бабы съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать; пустился назадъ къ дубу, при-

летѣлъ и говоритъ: «ну, собака, ступай за мною; по дорогѣ бабы идутъ съ горшечками, несутъ мужьямъ въ поле обѣдать. Ты становись за кустомъ, а я окунусь въ воду да вываляюсь въ песку и стану передъ бабами по дорогѣ низко порхать, будто взлетѣть, повыше не могу. Онѣ начнутъ меня ловить, горшечки свои постановятъ нá земь, а сами за мною. Ну, ты поскорѣе къ горшечкамъ-то бросайся да наѣдайся до сыта.» Собака побѣжала за дятломъ и, какъ сказано, стала за кустомъ; а дятелъ вывалялся весь въ песку и началъ передъ бабами по дорогѣ перепархивать. «Смотрите-ка, говорятъ бабы, дятелъ-то совсѣмъ мокрой, давайте его ловить!» Покинули нá земь свои горшки, да за дятломъ, а онъ отъ нихъ дальше да дальше, отвелъ ихъ въ сторону, поднялся вверхъ и улетѣлъ. А собака межъ тѣмъ выбѣжала изъ-за куста и все, что было въ горшечкахъ, пріѣла и ушла. Воротились бабы, глянули, а горшки катаются порожніе; дѣлать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятелъ нагналъ собаку, и спросилъ: «ну, что сыта?» — Сыта, отвѣчаетъ собака. «Пойдемъ же домой.» Вотъ дятелъ летитъ, а собака бѣжитъ, попадается имъ на дорогѣ лиса. «Лови лису!» говоритъ дятелъ. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всѣхъ силъ. Случись на ту пору ѣхать мужику съ бочкою дегтю. Вотъ лиса кинулась черезъ дорогу, прямо къ телегѣ, и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею да завязла въ колесѣ; тутъ изъ нея и духъ вонъ. «Ну, мужикъ! говоритъ дятелъ, когда ты задавилъ мою собаку, то и я причиню тебѣ великое горе!» Сѣлъ на телегу и началъ долбить дыру въ бочкѣ, стучитъ себѣ въ самое дно. Только отгонитъ его мужикъ отъ бочки, дятелъ бросится къ лошади, сядетъ промежду ушей и долбитъ ее въ голову. Сгонитъ мужикъ съ лошади, а онъ опять къ бочкѣ; таки продолбилъ въ бочкѣ дыру и весь деготь выпустилъ. А самъ гово-

ритъ: «еще не то тебѣ будетъ!» и сталъ долбить у лошади голову. Мужикъ взялъ большое полѣно, засѣлъ за телегу, выждалъ время и какъ хватитъ изо всей мочи; только въ дятла не попалъ, а со всего маху ударилъ лошадь по головѣ и ушибъ ее до смерти. Дятелъ полетѣлъ къ мужиковой избѣ, прилетѣлъ и прямо въ окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенокъ сидѣлъ на лавкѣ; дятелъ сѣлъ ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не можетъ прогнать: злой дятелъ все клюетъ; вотъ она схватила палку да какъ ударитъ: въ дятла-то не попала, а ребенка зашибла....

b. Мужикъ прогналъ со двора старую собаку: она придумала идти въ чистое поле и кормиться полевыми мышами. Пошла въ поле; увидѣлъ ее дятелъ и взялъ къ себѣ въ товарищи. «Я голодна», говоритъ собака.—Пойдемъ въ деревню, отвѣчаетъ дятелъ; тамъ свадьбу справляютъ, будетъ чѣмъ поживиться. Птица влетѣла въ избу, гдѣ свадьбу справляли, и зачала бѣгать по столамъ, а гости стали кидать въ нее, кто чѣмъ попало, всё перебили и подъ столъ перебросали; а собака въ такой суматохѣ незамѣтно пробралась въ эту-же избу, затесалась подъ столъ, наѣлась, сколько душѣ угодно, и ушла. «Ну, что сыта?» спрашиваетъ дятелъ. — Сыта-то сыта, да пить хочу! говоритъ собака. «Ступай въ другую избу, тамъ старикъ вино цѣдитъ изъ бочки.» Дятелъ влетѣлъ въ окошко, сѣлъ на бочку и ну долбить въ самое дно. Старикъ хотѣлъ ударить дятла, кинулъ въ него воронкой, да не попалъ; воронка куда-то закатилась: старикъ и туда и сюда, не можетъ найти, а изъ бочки вино себѣ льется на земь. Собака пробралась въ избу, напилась и назадъ. Сошлась съ дятломъ и говоритъ ему: «я теперь и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмѣяться!»—Ладно, отвѣчаетъ дятелъ. Вотъ увидали они, что работники хлѣбъ молотятъ. Дятелъ тотчасъ сѣлъ къ одному работнику на плечо и сталъ клевать его въ затылокъ; а другой парень схватилъ

палку, хотѣлъ ударить птицу, да и свалилъ съ ногъ работника. А собака отъ смѣху такъ и катается по землѣ! Послѣ того дятелъ съ собакою пустились въ чистое поле и повстрѣчали лисицу. Дятелъ началъ манить лисицу: чуть-чуть подымется вверхъ и опять опустится внизъ; лиса ну гоняться за нимъ по полю, а собака подкралась сзади къ лисицѣ, подползла на брюхѣ, хвать ее и начала грызть. На ту пору ѣхалъ въ городъ мужикъ съ возомъ, горшки продавать, увидѣлъ, что собака лису давитъ, прибѣжалъ къ нимъ съ полѣномъ, ударилъ со всего размаху, убилъ и ту и другую. Озлился дятелъ на старика; сѣлъ его лошади на голову и сталъ выклевывать ей глаза. Мужикъ бѣжитъ съ полѣномъ, хочетъ убить дятла; прибѣжалъ, какъ хватитъ—лошадь тутъ-же и повалилась мертвая. А дятелъ увернулся, перелетѣлъ на́ возъ и пошелъ бѣгать по горшкамъ, а самъ такъ и бьетъ крыльями. Мужикъ за нимъ, и ну полѣномъ по возу-то, по возу-то. Перебилъ всѣ горшки и пошелъ домой ни съ чѣмъ, а дятелъ улетѣлъ въ лѣсъ.

26.

БАРАНЪ, КОЗЕЛЪ, ВОЛКИ И МЕДВѢДЬ [1].

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужичокъ, у него были козелъ да баранъ [2]. Полѣнился

---

1) Смотри вып. III, № 18. 2) *Варіантъ 1:* Козелъ говоритъ: «пойдемъ, баранъ, странствовать.»—Куда? спрашиваетъ баранъ. «Извѣстно—куда! въ лѣсъ.»—Зачѣмъ? «Извѣстно—зачѣмъ! волковъ да медвѣдей пугать.»—Какъ-бы на свою шею не напугать? «Ничего! пойдемъ.» Вотъ и пошли въ лѣсъ.

Варіантъ 2: Жилъ мужикъ, у него былъ козелъ да такой бѣдовой: погонитъ пастухъ стадо, козелъ бѣжитъ впереди да прямо въ хлѣбъ. Пастухъ за нимъ, а онъ въ сторону; бился-бился съ нимъ, и свилъ себѣ кнутъ аршинъ въ тридцать. Только козелъ въ хлѣбъ, а пастухъ его кнутомъ по ляжкамъ. Собрался козелъ бѣжать.

мужикъ накосить сѣна; пришла зима, нечего ѣсть козлу и барану, стали они на весь дворъ ревѣть, а мужикъ схватилъ кнутъ и ну колотить ихъ. Вотъ козелъ и сказалъ барану: «давай, братъ, уйдемъ въ лѣсъ; найдемъ стогъ сѣна и станемъ жить.» — Пойдемъ, братъ Козьма Микитичъ! хуже не будетъ. Козелъ стащилъ у хозяина ружье, а баранъ куль, и пошли вдвоемъ; идутъ путемъ-дорогою и нашли старую волчью голову. «Братъ баранъ! сказалъ тутъ козелъ, возьми эту голову и положи въ куль.» — На чорта она намъ? и такъ тяжело идти! «Возьми! придемъ на мѣсто, сваримъ себѣ студень.» Баранъ поднялъ волчью голову, положилъ въ куль и понёсъ. Шли они, шли, и наконецъ пришли въ лѣсъ. «Я совсѣмъ иззябъ», сказалъ баранъ. А козелъ увидалъ, что въ сторонѣ огонь свѣтится, и говоритъ: «вонъ гдѣ-то огонь горитъ; пойдемъ туда!» Пошли на огонь, и прямехонько таки наткнулись на волковъ: сидятъ кругомъ огня да грѣются. Баранъ напугался, еле душа въ тѣлѣ держится. А козелъ говоритъ ему: «не робѣй, баранъ!» а самъ подошелъ къ волкамъ: «здорово, ребята!» Здравствуй, Козьма Микитичъ! Вотъ, думаютъ волки, славная будетъ пожива: козелъ да баранъ сами пришли, сами въ ротъ просятся. Только козелъ себѣ на умѣ. «Ну-ка, братъ баранъ! давай, говоритъ, сюда волчью голову; сваримъ да сдѣлаемъ студень. Да смотри, выбирай, чтобъ былъ старой волкъ!» Баранъ вынулъ изъ куля волчью голову и несетъ козлу. «Не та! говоритъ козелъ, тамъ въ кулю есть другая голова, съ самаго стараго волка, — ту и притащи.» Баранъ сталъ копаться въ своемъ кулѣ, копался-копался и несетъ опять ту-же голову. «Ахъ, ты дуракъ! закричалъ козелъ и ногами затопалъ; не та!... посмотри, на самомъ исподѣ лежитъ.» Баранъ опять копался-копался и несётъ ту-же самую голову. «Ну, вотъ теперь такъ! сказалъ козелъ. Эту самую голову мнѣ и надобно.» А волки поглядываютъ, да раздумываютъ: «ишь сколько наколо-

тилъ нашей братіи! однѣхъ головъ цѣлой куль.» — Нѣтъ ли у васъ, братцы! спрашиваетъ козелъ, въ чемъ намъ ужинъ изготовить? Тутъ волки повскакивали и побѣжали кто за дровами, кто за водою, кто за посудою, а у самихъ на умѣ какъ-бы уйдти по добру, по здорову. Бѣгутъ, а на встрѣчу имъ медвѣдь. «Куда вы, сѣрые волки?» — Ахъ, Михайло Ивановичъ! ты не знаешь нашего горя: пришли къ намъ козелъ да баранъ, принесли съ собой цѣлый куль волчьихъ головъ, хотятъ студень варить; мы убоялись, чтобъ они и до насъ-то не добрались и убѣжали. «Ахъ вы, дурачье! сказалъ медвѣдь. Козелъ да баранъ сами къ вамъ пришли, только бери да кушай; а вы убоялись! Пойдёмте-ка со мною.» — Пойдемъ.

Козелъ и баранъ увидали, что волки назадъ идутъ, засуетились, забѣгали. Козелъ взобрался на дерево, изловчился и усѣлся, а баранъ лѣзъ-лѣзъ, никакъ не можетъ высоко подняться, ухватился кое-какъ за сукъ передними ногами и повисъ на немъ. Вотъ пришелъ и медвѣдь съ волками, смотритъ: куда бы дѣвались козелъ да баранъ? нигдѣ не видать. «Ну, братцы! сказалъ медвѣдь волкамъ, собирайте жолудей, стану ворожить: куда запропастился козелъ съ бараномъ?» Волки набрали жолудей; а медвѣдь сѣлъ подъ дерево, сталъ выкидывать жолудями и ворожить, какъ бабы на бобахъ гадаютъ. Баранъ говоритъ козлу: «ахъ, козелъ! упаду; мочи нѣтъ — ногамъ больно!» — Держись! отвѣчаетъ козелъ, а то ни за грошъ пропадёмъ; они заѣдятъ насъ! Баранъ крѣпился-крѣпился, да какъ повалится на-земь. Козелъ видитъ бѣду неминучую, выстрѣлилъ въ ту-жъ минуту изъ ружья и закричалъ во всю глотку: «хватай ворожею-то! держи его!» 1) Медвѣдь испугался,

---

1) *Варіантъ:* Напуганные козломъ волки не долго бѣжали, а пораздумали — поразсудили и поворотили назадъ. Приходятъ, а козла и барана нѣтъ. Козелъ взлѣзъ на дерево, а баранъ повисъ на суку́. Слышатъ волки по духу, что они близко, а гдѣ — не найдутъ, и послали за медвѣдемъ-ко-

какъ бросится бѣжать безъ оглядки, а волки за нимъ. Такъ всѣ и разбѣжались. Тогда козелъ слѣзъ съ дерева, и не захотѣлъ оставаться въ лѣсу. Воротился онъ вмѣстѣ съ бараномъ домой, и стали себѣ жить-поживать да лиха избывать. 2)

стомётомъ. Пришелъ медвѣдь, сталъ метать на костахъ и отгадывать, гдѣ спрятались козелъ да баранъ. Пока медвѣдь ворожилъ, баранъ не удержался, какъ брякнется на̀ земь, и кричитъ: «вотъ они! вотъ они!» А козелъ за нимъ вслѣдъ упалъ и реветъ: «держи, пожалуста, костомёта!»...

2) *Варіантъ:* Жили старикъ да старуха, у нихъ былъ баранъ да козелъ, только такіе блудливые: совсѣмъ отъ стада отбились, бѣгаютъ себѣ по сторонамъ—ищи гдѣ хочешь. «Знаешь что, старуха! говоритъ старикъ, давай заколемъ козла и барана, а то они съ жиру бѣсятся! Пожалуй туда забѣгутъ, что и не найдешь; все равно пропадутъ даромъ.» — Ну, чтожъ? заколемъ. А баранъ съ козломъ стояли подъ окошкомъ, подслушали эти рѣчи, и убѣжали въ густой-густой лѣсъ. Прибѣжали и говорятъ: «надо развести теперь огонь, а то холодно будетъ; вишь, какая роса холодная!» Стали они таскать хворосту; набрали цѣлую кучу. Надо огню добыть. Недалеко мужики жгли уголья. Вотъ козелъ съ бараномъ утащили у нихъ головешку, развели огонь и сѣли грѣться. Вдругъ прибѣжали три медвѣди и усѣлись около костра. Что дѣлать! Козелъ сталъ спрашивать: «что, баранъ, ѣсть хочешь?» — Хочу. «А что ружье у тебя заряжено?» — Заряжено. «А топоръ востёръ?» — Востёръ. «Ну поди, добывай на ужинъ.»—Нѣтъ, братъ козелъ, я сейчасъ только пришелъ; не пойду. «Неужто-жъ намъ голоднымъ спать? Ступай, убей вотъ этого медвѣдя; мы ихъ не звали, они сами къ намъ пришли! зажаримъ да поужинаемъ.» Медвѣдь оробѣлъ и говоритъ: «ахъ, братцы козелъ и баранъ! гдѣ станете меня жарить? вишь у васъ какой малой огонь! пустите меня, я наломаю вамъ дровъ, разведу побольше костеръ, тогда убейте меня и жарьте.» — Хорошо, ступай за дровами. Медвѣдь вскочилъ и давай Богъ ноги. «Кто себѣ врагъ! думаетъ онъ про себя. Ни за что не ворочусь назадъ.» Другой медвѣдь видитъ, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: пожалуй, они за меня теперь примутся. «Пойду, говоритъ, помогу тому медвѣдю; вѣрно онъ такъ много наломалъ, что̀ и притащить не въ силу.» — Ну ступай, помоги. Вотъ и другой медвѣдь убѣжалъ; остался еще одинъ. Козелъ обождалъ немножко, и говоритъ: «ну, братъ медвѣдь! приходится тебя бить. Самъ видишь, очередные-то ушли!»—Ахъ, братцы! на чемъ-же станете меня жарить; огню-то вовсе нѣтъ. Лучше пойду я да погоню очередныхъ назадъ. «Да и ты, пожалуй, не воротишься?» — Ну право, ворочусь, да и тѣхъ съ собой приведу! «Ступай да поскорѣй приходи; не умирать же намъ съ голоду. Коли

27.

КУРИЦА И ПѢТУХЪ.

Ходятъ курица съ пѣтухомъ на поповомъ гумнѣ. Подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ. Курочка сжалѣлась, пошла къ рѣчкѣ просить воды. Рѣчка говоритъ: «поди къ липкѣ, проси лѝста, тогда и дамъ воды!» — Липка, липка! дай листу: листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ: ни спышѝтъ [1]), ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ! Липка сказала: «поди къ дѣвкѣ, проси нитки; въ тѣ-поръ дамъ лѝста!» — Дѣвка, дѣвка! дай нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ! — Дѣвка говоритъ: «поди къ коровѣ, проси молока; въ тѣ-поръ дамъ нитки.» Пришла курочка къ коровѣ: «корова, корова! дай молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку, — подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐр-

---

самъ за вами пойду — всѣмъ худо будетъ!» И послѣдній медвѣдь со всѣхъ ногъ пустился бѣжать, и убѣжалъ далеко-далеко. «Славно, братъ, надули! говоритъ козелъ. Только вишь, здѣсь надо каждаго шороху бояться. Пойдемъ-ка домой; за одно пропадать! а можетъ старикъ-то и сжалится.» Вотъ и воротились домой. Старикъ обрадовался; «накорми-ка ихъ!» говоритъ старухѣ. Козелъ и баранъ зачали ласкаться; старухѣ жалко ихъ стало. Она и говоритъ старику: «неужто намъ ѣсть нечего! не станемъ колоть козла и барана, пусть еще поживутъ!» — Ну, ладно! сказалъ мужикъ. Стали они жить себѣ, поживать, да добра наживать; а козелъ съ бараномъ баловство свое совсѣмъ оставили, сдѣлались смирными да послушными.

1) Пышѝть — дышать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).

няткомъ: ни спышѝтъ ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Корова говоритъ: «поди, курочка, къ сѣнокосамъ [1]), попроси у нихъ сѣна; въ тѣ-поръ дамъ молока.» Пришла курочка къ сѣнокосамъ: «сѣнокосы, сѣнокосы! дайте сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку,— подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Сѣнокосы говорятъ: «поди, курочка къ кузнецамъ, чтобы сковали косу.» Пришла курочка къ кузнецамъ: «кузнецы, кузнецы! скуйте мнѣ косу, косу нести къ сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку,—подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!» Кузнецы сказали: «иди, курочка, къ *Ла́янамъ* [2]), проси у нихъ уголья; въ тѣ-поръ скуёмъ тебѣ косу.» Пришла курочка къ *Ла́янамъ*: «*Ла́яна, Ла́яна!* дайте уголья, ỳголье нести къ кузнецамъ, кузнецы скуютъ косу, косу нести къ сѣнокосамъ, сѣнокосы дадутъ сѣна, сѣно нести къ коровѣ, корова дастъ молока, молоко нести къ дѣвкѣ, дѣвка дастъ нитки, нитки нести къ липкѣ, липка дастъ лѝсту, листъ нести къ рѣчкѣ, рѣчка дастъ воды, воду нести къ пѣтушку,—подавился пѣтушокъ бобовымъ зѐрняткомъ: ни спышѝтъ, ни сдышѝтъ, ровно мертвый лежитъ!»

Дали *Ла́яна* уголья; снесла курочка ỳголье къ кузнецамъ, кузнецы сковали косу; снесла косу къ сѣнокосамъ, сѣнокосы

---

1) Т. е. косцамъ. 2) *Ла́яна* — жители деревни *Ля́и*, которая стоитъ при рѣчкѣ того же имени (*Ла́я*), впадающей въ Сѣверную Двину. Они занимаются приготовленіемъ угля для портовыхъ кузницъ.

накосили сѣна; снесла сѣно къ коровѣ, корова дала молока; снесла молоко къ дѣвкѣ, дѣвка дала нитки; снесла нитки къ липкѣ, липка дала листу; снесла листъ къ рѣчкѣ, рѣчка дала воды; снесла воду къ пѣтушку: онъ лежитъ, ни спышйтъ, ни едышйтъ, подавился на поповомъ гумнѣ бобовымъ зёрняткомъ!

(Записана въ архангельскомъ уѣздѣ г. А. Харитоновымъ.)

28.

КУРОЧКА.

а. Жилъ-былъ старикъ со старушкою, у нихъ была курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подъ окошкомъ: пестро, востро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старикъ плачетъ, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась [1]) Идетъ просвирня, спрашиваетъ: что они такъ плачутъ? Старики начали пересказывать: «какъ намъ не плакать? есть у насъ курочка-татарушка, снесла яичко въ кутѣ подъ окошкомъ: пестро, востро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостикомъ тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старикъ, плачу, старуха возрыдаетъ, въ печи пылаетъ, верхъ на избѣ шатается, дѣвочка-внучка съ горя удавилась.» Просвирня какъ услыхала — всѣ просвиры изломала и побросала. Подходитъ дьячокъ и спрашиваетъ у просвирни: зачѣмъ она просвиры

---

1) *Варіантъ:* Жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ была курочка рябá; снесла подъ поломъ яичко. Дѣдъ: билъ — не разбилъ, баба била — не разбила, а мышка прибѣгла да хвостикомъ раздавила. Дѣдъ плачетъ, баба плачетъ, курочка кодкудачетъ, ворота скрипятъ, съ двора щепки летятъ! . . . (Записано въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

побросала? Она пересказала ему всё горе; дьячокъ побѣжалъ на колокольню и перебилъ всѣ колокола. Идетъ попъ, спрашиваетъ у дьячка: зачѣмъ колокола перебилъ? Дьячокъ пересказалъ всё горе попу, а попъ побѣжалъ, всѣ книги изорвалъ.

b. Какъ у нашей бабушки, въ задворенкѣ,
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
Съ полки на полку,
Въ осиновое дупёлко 1),
Въ кутъ подъ лавку.
Мышка бѣжала,
Хвостомъ вернула —
Яичко приломала!
Объ этомъ яичкѣ строй 2) сталъ плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать,
Курицы летать, ворота скрыпѣть;
Соръ подъ порогомъ закурился,
Двери побутусились 3), тынъ разсыпался;
Поповы дочери шли съ водою,
Ушатъ приломали, —
Попадьѣ сказали:
«Ничего ты не знаешь, матушка!
Вѣдь у бабушки, въ задворенкѣ,
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
Съ полки на полку,
Въ осиновое дупёлко,
Въ кутъ подъ лавку.
Мышка бѣжала,
Хвостомъ вернула—
Яичко приломала!
Объ этомъ яичкѣ строй сталъ плакать,
Баба рыдать, вереи хохотать,
Курицы летать, ворота скрыпѣть;
Соръ подъ порогомъ закурился,
Двери побутусились, тынъ разсыпался;

---

1) Кадочка, выдолбленая изъ цѣльнаго дерева, изъ пня. 2) Нищій, калѣка (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 217). 3) Покривились.

Мы шли съ водою — ушатъ приломали!»
Попадья квашню мѣсила —
Все тѣсто по полу разметала;
Пошла . . . . попу сказала:
«Ничего ты незнаешь . . . . .
Вѣдь у бабушки, въ задворенкѣ,
Была курочка-рябушечка . . . .
(Снова повторяется тотъ-же разсказъ).
. . . . тынъ разсыпался;
Наши дочери шли съ водой—
Ушаты приломали, мнѣ сказали;
Я тѣсто мѣсила —
Все тѣсто разметала!»
Попъ сталъ книгу рвать —
Всю по полу разметалъ!

(Послѣдняя записана въ архангельской губерніи г А. Харитоновымъ.)

29.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ.

Летала сова-веселая голова; вотъ она летала, летала и сѣла, да хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла, и опять полетѣла; летала, летала и сѣла, хвостикомъ повертѣла да по сторонамъ посмотрѣла... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болотѣ журавль да цапля, построили себѣ по концамъ избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумалъ онъ жениться. «Дай пойду, посватаюсь на цаплѣ!» Пошелъ журавль — тяпъ, тяпъ! семь верстъ болото мѣсилъ; приходитъ и говоритъ: «дома ли цапля?» — Дома. «Выдь за меня замужъ. — Нѣтъ, журавль, не йду за та замужъ: у тебя ноги долги, платье коротко, самъ худо летаешь и кормить то меня тебѣ нечѣмъ! Ступай прочь, долговязой!— Журавль, какъ не солоно похлебалъ, ушелъ домой. Цапля пос-

лѣ раздумалась и сказала: «чѣмъ жить одной, лучше пойду замужъ за журавля» 1). Приходитъ къ журавлю и говоритъ: «журавль, возьми меня замужъ!»—Нѣтъ, цапля, мнѣ тебя не надо! не хочу жениться, не беру тебя замужъ. Убирайся!— Цапля заплакала со стыда и воротилась назадъ. Журавль раздумался и сказалъ: «напрасно не взялъ за себя цаплю; жить одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замужъ.» Приходитъ и говоритъ: «цапля! я вздумалъ на тебѣ жениться; поди за меня.»—Нѣтъ, журавль, не йду за тя замужъ! Пошелъ журавль домой. Тутъ цапля раздумалась: зачѣмъ отказала? что одной-то жить? лучше за журавля пойду! Приходитъ свататься, а журавль не хочетъ. Вотъ такъ-то и ходятъ они по сю пору одинъ на другомъ свататься, да никакъ не женятся.

(Записана въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

30.

ОРЕЛЪ И ВОРОНА.

Жила-была на Руси ворона, съ нянькими, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними соседками. Прилетѣли гуси-лебеди, нанесли яичекъ; а ворона стала ихъ забижать, стала у нихъ яички таскать. Случилось летѣть мимо сычу; видитъ онъ, что ворона большихъ птицъ забижаетъ, и полетѣлъ къ сизому орлу. Прилетѣлъ и проситъ: «батюшка сизой орелъ! дай намъ праведной судъ на шельму ворону.» Сизой орелъ по-

---

1) *Варіантъ:* Повадился журавль къ цаплѣ въ гости ходить. Пришелъ разъ, долбитъ носомъ въ вороты; а цапля спрашиваетъ: «кто тутъ у воротъ?» Журавль отвѣчаетъ: «я, цапанька, пришелъ тебя сватать.» — О долгоногой жульдеба (уменьшительное отъ «журавль»)! не пойду я за тебя. Поплелся журавль домой; а цапля стосковалася и думаетъ: что я не пошла за такого молодца! думала-думала, пошла его искать.....

слалъ за вороной легкаго посла воробья. Воробей тотчасъ полетѣлъ, захватилъ ворону; она была упираться, воробей давай ее пинками, и привелъ таки къ сизому орлу. Орелъ сталъ судить. «Ахъ ты, шельма ворона, шалавая [1]) голова, непотребной носъ, г...... хвостъ! про тебя говорятъ, что ты на чужое добро ротъ разѣваешь, у большихъ птицъ яички таскаешь.»—Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! «Про тебя же сказываютъ: выйдетъ мужичокъ сѣять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ, и ну разгребать.»—Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! «Да еще сказываютъ: станутъ бабы жать, нажнутъ и покладутъ снопы на полѣ, а ты выскочишь со всѣмъ содомомъ и опять-таки ну разгребать да ворошить.»— Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! — Осудили ворону въ острогъ посадить.

31.

ТЕРЕМЪ МУХИ [2]).

а. Построила муха теремъ; пришла вошь-поползуха: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — Муха-горюха; а ты кто? «Я вошь-поползуха.» Пришла блоха-попрядуха [3]): «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»— Я муха-горюха да вошь-поползуха. Пришелъ комаръ долгоногой: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»— Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха. Пришла мышечка-тютюрю́шечка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?» — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой. Пришла ящерка [4])-ше-

---

1) Глупая (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 262). 2) См. выпускъ III, № 16. 3) Отъ слова «прядать»—прыгать, скакать. 4) Ящерица.

рошéрочка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка — тютюрю́шечка. Пришла лиса Патрикѣевна: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто кто въ высокóмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я я̀щерка-шерошéрочка. Пришелъ заюшко изъ-подъ ку̀стышка: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ? — Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я я̀щерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна. Пришелъ волчище-сѣрое хвостище: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка тютюрю́шечка, я я̀щерка шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшко изъ-подъ ку̀стышка. Пришелъ медвѣдь толстоногой: «кто, кто, кто въ терему? кто, кто, кто въ высокóмъ?»—Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комаръ долгоногой, я мышечка-тютюрю́шечка, я ящерка-шерошéрочка, я лиса Патрикѣевна, я заюшко изъ-подъ ку̀стышка, я волчище-сѣрое хвостище. Всѣ изъ терема: «а ты кто?» — Я та̀пышъ-ла̀пышъ, всѣмъ подгнётышъ!—сказалъ медвѣдь, спустилъ лапой по терему и разбилъ его.

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

b. Ѣхалъ мужикъ съ горшками, потерялъ большой кувшинъ. Залетѣла въ кувшинъ муха и стала въ немъ жить поживать. День живетъ, другой живетъ. Прилетѣлъ комаръ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха; а ты кто? «А я комаръ-пискунъ.»—Иди ко мнѣ жить. Вотъ и стали вдвоемъ жить. Прибѣжала къ нимъ мышь и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха да комаръ-пискунъ; а ты кто? «Я изъ-за угла хмыстень.»—Иди къ намъ

жить. И стало ихъ трое. Прискакала лягушка и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, да изъ-за угла хмыстень; а ты кто? «Я на водѣ балагта [1].» — Иди къ намъ жить. Вотъ и стало ихъ четверо. Пришелъ заяцъ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта; а ты кто? «Я на полѣ свертень [2].» — Иди къ намъ. Стало ихъ теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?»— Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень; а ты кто? «Я на полѣ краса.» — Ступай къ намъ. Прибрела собака и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?»—Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень да на полѣ краса; а ты кто? «А я гамъ-гамъ!» — Иди къ намъ жить. Собака влѣзла. Прибѣжалъ еще волкъ и стучится: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?»—Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса да гамъ-гамъ! А ты кто? «Я изъ-за кустовъ хапъ [3].» — Иди къ намъ жить. Вотъ живутъ себѣ всѣ вмѣстѣ. Спозналъ про эти хоромы медвѣвь, приходитъ и стучится — чуть хоромы живы: «кто въ хоромахъ, кто въ высокихъ?» — Я муха-шумиха, да комаръ-пискунъ, изъ-за угла хмыстень, на водѣ балагта, на полѣ свертень, на полѣ краса, гамъ-гамъ, да изъ-за кустовъ хапъ; а ты кто? «А я лѣсной гнётъ!» Сѣлъ на кувшинъ и всѣхъ раздавилъ.

---

1) «Хмыстень» можетъ быть отъ глагола хиинстить — красть, похищать (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 247), а «балагта» отъ балáкать—болтать. 2) Въ другомъ спискѣ (см. вып. III) заяцъ названъ: на горѣ *увертышъ*, вѣроятно — въ смыслѣ «увертливаго». 3) *Варіантъ:* «а волкъ, что̀ дѣлилъ насъ въ долгъ.»

32.

СКАЗКА ОБЪ ЕРШѢ ЕРШОВИЧѢ, СЫНѢ ЩЕТИННИКОВѢ [1].

а. Ершишко-кропачишко [2], ершишко-пагубнишко, склался на дровнишки [3] со своимъ маленькимъ ребятишкамъ [4]; пошелъ онъ въ Камъ-рѣку, изъ Камъ-рѣки въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Ростовское озеро, и въ этомъ озерѣ выпросился остаться одну ночку, отъ одной ночки двѣ ночки, отъ двухъ ночекъ двѣ недѣли, отъ двухъ недѣль два мѣсяца, отъ двухъ мѣсяцевъ два года, а отъ двухъ годовъ жилъ тридцать лѣтъ. Сталъ онъ по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу подъ добало(?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во единъ кругъ, и стали выбирать себѣ судью праведную(аго), рыбу-сомъ съ большимъ усомъ: «будь ты, говорятъ, нашимъ судьей.» Сомъ послалъ за ершомъ-добрымъ человѣкомъ и говоритъ: «ершъ, добрый человѣкъ! почему ты нашимъ озеромъ завладѣлъ?» — Потому, говоритъ, я вашимъ озеромъ завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запустѣло. «Не во вѣкъ, говоритъ рыба-сомъ, наше озеро не гарывало! есть ли у тебя въ томъ свидѣтели, московскія крѣпости, письменныя грамоты?» — Есть у меня въ тотъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя грамоты: сорóга-рыба [5] на пожарѣ была, глаза запалила и понынче у нея красны. И по-

---

1) См. выпускъ III, № 15. 2) Кропотливой, безпокойной. 3) Санки. 4) Творительный падежъ множественнаго числа. 5) Плотица (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 214).

сылаетъ сомъ-рыба за сорóгой-рыбой. Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей [1]), туды же понятыхъ, зовутъ сорóгу-рыбу: «сорóга-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» [2]) Сорóга-рыба, не дошедчи рыбы-сомъ, кланялась. И говоритъ ей сомъ: «здравствуй, сорóга-рыба, вдова честная! гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ сорóга-рыба, не гарывало наше озеро! — Говоритъ сомъ-рыба: «слышишь, ершъ, добрый человѣкъ! сорóга-рыба въ глаза обвинила.» А сорóга тутъ-же примолвила: «кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; «есть же у меня, говоритъ, въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: окунь-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ, — это государскіе посыльщики — приходятъ и говорятъ: «окунь-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» И приходитъ окунь-рыба. Говоритъ ему сомъ-рыба: «скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня?» — Не во вѣкъ-то, говоритъ, наше озеро не гарывало! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ тотъ безъ хлѣба обѣдаетъ! — Ершъ не унываетъ, на Бога уповаетъ; говоритъ сомъ-рыбѣ: «есть же у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: щука-рыба, вдова честная, притомъ не мотыга, скажетъ истинную правду. Она на пожарѣ была, головешки носила, и понынче черна.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ, — это государскіе посыльщики — приходятъ и гово-

---

1) Моль — мелкая рыба разнаго рода, снятки несушеные (ibidem, стр. 115). 2) Въ рукоп. прибавлено: «предъ ершово высочество».

рятъ: «щука рыба! зоветъ рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.» Щука-рыба, не дошедши рыбы-сомъ, кланялась: «здравствуй, ваше величество!»—Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притомъ же ты и не мотыга! говоритъ сомъ; гарывало ли наше озеро Ростовское съ Петрова дня до Ильина дня? Щука-рыба отвѣчаетъ: «не во вѣкъ-то не гарывало наше озеро Ростовское! кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ!» Ершъ не унываетъ, а на Бога уповаетъ; «есть же, говоритъ, у меня въ томъ свидѣтели и московскія крѣпости, письменныя граматы: налимъ-рыба на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче онъ чоренъ.» Стрѣлецъ, боецъ, карась-палачъ, двѣ горсти мелкихъ молей, туды-же понятыхъ—это государскіе посыльщики—приходятъ къ налимъ-рыбѣ и говорятъ: «налимъ-рыба! зоветъ тебя рыба-сомъ съ большимъ усомъ предъ свое величество.»—Ахъ, братцы! нате вамъ гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстыя, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьями не стаивалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу. Эти государскіе посыльщики пошли домой; тутъ поймали ерша и посадили его въ петлю.... Пошелъ дождь и сдѣлалась слякоть. Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ; пошелъ онъ въ Кубенское озеро, изъ Кубенскаго озера въ Тросъ-рѣку, изъ Тросъ-рѣки въ Камъ-рѣку. Въ Камъ-рѣкѣ идутъ щука да осетръ. «Куда васъ чортъ понесъ?» говоритъ имъ ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой, и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку. «Наварю, говоритъ, ухи да и скушаю.» Тутъ и смерть ершова!

b. Жилъ-былъ ершишка въ барскомъ домишкѣ — брюханишка [1], ябедничишка! Проскудалось [2] ершу, прибѣднялось

---

1) Объѣдало; брюханить — много ѣсть (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 16). 2) Скудаться—скупиться, представляться бѣднымъ (ibidem, стр. 206).

ему; поѣхалъ ершишка въ Ростовское озеро на худенькихъ санишкахъ объ трехъ копи(ы)лишкахъ [1]). Закричалъ ершишка своимъ громкимъ голосишкомъ: «рыба севрюга, калуга, язи, головли, послѣдная рыбка плотичка-сиротичка! пустите меня ерша въ озеро погулять. Мнѣ у васъ не годъ годовать, а хотя одинъ часъ попировать, хлѣба-соли покушать да рѣчей послушать.» Согласилась вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша въ озеро на одинъ часъ погулять. Ершъ прогулялъ одинъ часъ, и сталъ всю рыбу обижать, къ тинѣ, плотинѣ прижимать. Живой рыбѣ въ обиду то показалось, пошла на ерша просить къ Петру-осетру [2]) праведному: «Петръ-осетръ праведный! за что насъ ершъ обижаетъ? выпросился онъ на одинъ часъ въ наше озеро побывать, да всѣхъ насъ съ озера и сталъ выгонять. Разбери и разсуди, Петръ-осетръ праведный, вѣрою и правдою.» Петръ-осетръ праведный послалъ малую рыбу пискаря искать ерша. Пискарь искалъ ерша въ озерѣ, да не могъ сыскать. Петръ-осетръ праведный послалъ среднюю рыбу щуку искать ерша. Щука въ озеро нырнула, хвостомъ плеснула, ерша въ коргахъ [3]) нашла: «здоровъ, ершишка?»—Здравствуй, щучишка! зачѣмъ ты пришла? «Къ Петру-осетру праведному звать на честь, не посадитъ ли тебя на цѣпь; на тебя есть просители.»—Кто же тамъ проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли, и последняя рыба плотичка-сиротичка — и та на тебя проситъ, да еще сомъ, мужикъ простой, губы толстые и говорить не умѣетъ—и тотъ на тебя челобитную подалъ; пойдемъ-ка ершъ,

---

1) Перекладинахъ? *копылъ* — дровни; дно у прядильнаго гребня, на которое садится пряха, и колодка, на которой плетутъ лапти (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89). 2) Въ рукописи вездѣ: «Петръ-сетръ». 3) Кóрга — гряда камней въ водѣ; коргá—камень или пень, лежащій на днѣ рѣки; плотное песчаное или каменистое дно озеръ и рѣкъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 89).

раздѣлаемся, что на судѣ по правдѣ скажутъ.»—Нѣтъ, щучинка! не лучше ли дѣло такъ будетъ: пойдемъ со мною погуляемъ. Щука не соглашается съ ершомъ гулять, а хочетъ ерша на судъ праведный тащить, какъ-бы поскорѣй его осудить. «Ну, щука! хоть ты съ рыла и востра, да не возьмешь ерша съ хвоста! А вотъ нынче суббота, у моего отца дѣвишникъ—пиръ да веселье; пойдемъ лучше, попьемъ, погуляемъ вечерокъ, а завтра, хоть и воскресенье, пойдемъ—такъ и быть—на судъ праведный; по крайней мѣрѣ неголодные будемъ.» Щука согласилась и пошла съ ершомъ гулять; ершъ напоилъ ее пьяною, за пелёду [1]) засадилъ, дверью затворилъ и кольемъ заколотилъ. Долго ждали на судъ щуку и не дождались. Петръ-осетръ праведный послалъ за ершомъ большую рыбу-сомъ. Сомъ въ озеро нырнулъ, хвостомъ плеснулъ, ерша въ коргахъ нашелъ. «Здравствуй, зятюшка!»—Здоровъ, тестюшка! «Пойдемъ, ершъ, на судъ праведный; на тебя есть просители.»—Кто же проситъ? «Вся рыба севрюга, калуга, всѣ язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ершъ-то сому зять; съумѣлъ его сомъ въ руки взять, и самолично привелъ на судъ праведный. «Петръ-осетръ праведный, зачѣмъ меня требовалъ на-скоро?» спросилъ ершъ.—Какъ тебя было не требовать? ты въ Ростовское озеро выпросился одинъ часъ погулять, а потомъ всѣхъ съ озера и сталъ выживать. Живой рыбѣ то за досаду показалося; вотъ собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка, и самолично подала мнѣ на тебя челобитную: разбери де, Петръ-осетръ, это дѣло правдою!»—Ну, послушай же, отвѣчаетъ ершъ, и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись [2]), а берега водою подмыло, а я ѣхалъ

1) Пелёда — передній навѣсъ крыши между двумя избами; покрышка на скирдахъ. Пелёдъ — мѣсто подлѣ сѣнного овина, которое покрывается соломою. Пелёвня—сарай для соломы (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 154).
2) Сгладились, уничтожились.

тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко [1]) гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а всё выскочитъ.—Петръ-осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На починѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазёнки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?»—Вижу, ершъ! что ты правъ; ступай въ озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ да ворона тебя изъ грязи вытащитъ. Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «доброже, рыба севрюга, калуга! достанется вамъ и всѣмъ язямъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отплачу.» Шелъ Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шелъ Сергѣй, нёсъ охапку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ [2]); пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить да ерша упустилъ.

с. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый 3) хвостъ,
Слюноватый носъ,
Киловатая 4) брюшина,

---

1) Очень, много (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 195). 2) Заколъ рыбный (ibidem, стр. 271). 3) Увертливой плутоватой. 4) Киловатъ — бранное слово (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 82).

Лихая образина,
На рожѣ кожа, какъ елова кора.
Прижилось, прискудалось ершишку-плутишку
Въ своемъ славномъ Кубинскомъ озерѣ,
Собрался на ветхихъ 1) дровнишкахъ
Съ женою и дѣтишками,
Поѣхалъ въ Бѣлозерское озеро,
Съ Бѣлозерскаго въ Корбозерское,
Съ Корбозерскаго въ Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовскіе жильцы!
Пустите ерша пообѣдать
И коня покормить.»
Лещи распространились 2),
Ерша къ ночи пустили.
Ершъ гдѣ ночь ночевалъ,
Тутъ и годъ годовалъ;
Гдѣ двѣ ночевалъ,
Тутъ два года годовалъ;
Сыновей поженилъ,
А дочерей замужъ повыдалъ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота,
Пропасти земныя.
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Бѣлаго свѣту не видали;
Съ того лещи
Съ голоду помирали.
Сбиралися лещи въ земскую избу
И думали думу заедино,
И написали просьбу
И подавали Бѣлозеръ–Палтосъ–рыбѣ:
«Матушка Бѣлозеръ–Палтосъ–рыба!
Почему ершишко–плутишко,

1) Въ рукописи: «на вельмей» (?) 2) Разступились, дали мѣсто.

Худая головишко,
Разжилася, распоселилася
Въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ
И изогнáлъ насъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя:
Три года мы лещи
Хлѣба-соли не ѣдали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали;
Съ того мы лещи
И съ голоду помирали.
Есть ли у него на это дѣло
Книги, отписи и паспорты какіе?
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая пере(я)славска,
Рыба-сомъ съ большимъ усомъ.
Кого послать ерша позвать?
Менька 1) послать —
У него губы толстыя,
А зубы рѣдкіе,
Рѣчь не умильна(я),
Говорить съ ершомъ не съумѣетъ!
Придумала рыба-сомъ
Съ большимъ усомъ:
Послать или нѣтъ за ершомъ гарьюса 2);
У гарьюса губки тоненьки,
Платьецо бѣленько,
Рѣчь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня разсыльнымъ,
Карася пятисотскимъ,
Семь молей, понятыхъ людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали

---

1) Налима. 2) Харіусъ — родъ лососей.

И на судъ представили.
Ершъ предъ судомъ стоитъ
И съ повадкой 1) говоритъ:
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Почему меня на судъ повѣщали?»
— Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
Почему меня на судъ повѣщали?»
Въ здѣшнемъ Ростовскомъ озерѣ,
Изогналъ лещовъ,
Ростовскихъ жильцовъ,
Во мхи и болота
И пропасти земныя?
Три года лещи
Хлѣба-соли не ѣдали.
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свѣту бѣлаго не видали,
И съ того лещи
Съ голоду помираютъ.
Есть ли у тебя на это дѣло
Книги, отписи и паспорты: какіе?
«Матушка Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба!
Въ память или нѣтъ тебѣ пришло:
Когда горѣло наше славное Кубинское озеро,
Тамъ была у ершишка избишка,
Въ избишкѣ были сѣнишки,
Въ сѣнишкахъ клѣтишко,
Въ клѣтишкѣ ларцышко,
У ларцышка замчишко,
У замчишка ключишко —
Тамъ-то были книги и отписи
И паспорты, и все пригорѣло!
Да не то одно пригорѣло:
Былъ у батюшка дворецъ
На семи верстахъ,
На семи столбахъ
Подъ полатями бобры,

1) Въ рукоп. «не съ упадкой.»

На полатахъ ковры —
И то все пригорѣло!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злымъ голосомъ кричала:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лѣтъ
Подъ порогомъ стоялъ
И сорокъ человѣкъ
Разбою держалъ,
И много головъ погубилъ
И много живота 1) притопилъ!»
И ершу стало азартно;
Какъ съ рыбою-семгою не отговориться?
«Ахъ ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Васъ ѣдятъ господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы штей наварятъ
И блиновъ напекутъ,
Шти хлебають, подхваливаютъ:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тутъ ершъ съ семгой отговорился.
Говоритъ Бѣлозеръ-Палтосъ-рыба:
«Окунь-разсыльный,
Карась-пятисотской,
Семъ молей, понятыхъ людей!
Возьмите ерша.»
А ершъ никакихъ рыбъ не боится,
Ото всѣхъ рыбъ боронится.
Собрался онъ ершишко плутишко
На свои на ветхіе 2) дровнишки
Съ женою и дѣтишками,
И поѣзжаетъ въ свое славное
Въ Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша злымъ голосомъ кричала,
Только за ершомъ въ слѣдъ подавалась:
«Ахъ ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня въ свое славное

1) Имущества. 2) Въ рукописи: «вельмые».

Въ Кубинское озеро;
Кубинскаго озера поглядѣть
И Кубинскихъ ста́новъ посмотрѣть.»
Ершъ зла и лиха не помнитъ,
Рыбу-семгу за собой поводитъ.
Рыба-семга идучи устала,
Въ Кубинскомъ устьѣ вздремала
И мужику въ сѣть попала.
Ершъ назадъ оглянулся,
А самъ усмѣхнулся:
«Слава тебѣ, Господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злымъ голосомъ кричала,
А сегодня мужику въ сѣть попала.»
Ершъ семгѣ подивовалъ
И самъ на утренней зорѣ вздремалъ,
Мужику въ морду 1) попалъ.
Пришелъ Никонъ,
Заколилъ приколъ 2);
Пришелъ Перша
Поставилъ вершу;
Пришелъ Богданъ,
И ерша Богъ далъ;
Пришелъ Вавила,
Подналъ ерша на вила;
Пришелъ Пименъ,
Ерша запи́нилъ 3)
Пришелъ Обросимъ,
Ерша ȯ земь бросилъ;
Пришелъ Антонъ
Завертѣлъ ерша въ балахонъ;
Пришелъ Амосъ,
Ерша въ клѣть понёсъ;
Идетъ Спира(я),
Около ерша стыритъ 4):
Амосъ Спиру

---

1) Морда — рыболовная снасть, состоящая изъ мѣшка, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ (См. Записки объ уженьѣ рыбы, С. Аксакова, издан. 3, стр. 301). 2) Т. е. сдѣлалъ заколъ(ѣзъ). 3) Т. е. запиналъ (пинать, инуть). 4) Стырить—дразнить, грубо говорить (Опытъ областн. великорус. словаря, стр. 218).

Да по рылу:
«Ахъ ты, Спира!
Надъ эдакой рыбой стыришь;
У тебя эдака рыба
Вѣкъ въ дому не бывала!»
Пришелъ Вася,
Ерша съ клѣти слясилъ 1);
Пришелъ Петруша,
Ерша разрушилъ 2);
Пришелъ Савва,
Вынялъ съ ерша полтора пуда сала;
Пришелъ Іюда
Расклалъ ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришелъ Антипа,
Ерша стúпалъ 3);
Пришелъ Алупа,
Ерша слупалъ;
Пришелъ Елизаръ,
Блюда облизалъ;
Пришелъ Власъ,
Попучилъ глазъ,
Пришла Ненила,
И блюда обмыла!

33.

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ.

Жили-были: пузырь, соломинка и лапоть; пошли они въ лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, не знаютъ: какъ черезъ рѣку перейтти? Лапоть говоритъ пузырю: «пузырь, давай на

1) Стащилъ (лясить—льстить, хитрить); слáмзить и слáщить—украсть (Оп. обл. великор. словаря, стр. 217). 2) Т. е. разрѣзалъ, порушилъ. 3) Укралъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 215).

тебѣ переплывемъ!» — Нѣтъ, лапоть! пусть лучше соломинка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней. Соломинка перетянулась; лапоть пошелъ по ней, она и переломилась. Лапоть упалъ въ воду, а пузырь хохоталъ-хохоталъ да и лопнулъ! 1).

34.

РѢПКА.

Посѣялъ дѣдко 2) рѣпку; пошелъ рѣпку рвать, захватился за рѣпку: тянетъ-потянетъ, вытянуть не можетъ! Сóзвалъ дѣдко бабку; бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла нóга (?). Нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! Пришла дру̂га 3) нóга; дру̂га нóга за нóгу, нога за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ, вытянуть не можутъ! (и такъ далѣе до пятой нóги). Пришла пя̂та нóга пять ногъ за четыре, четыре ноги за три, три ноги за двѣ, двѣ ноги за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дѣдка, дѣдко за рѣпку, тянутъ-потянутъ: вытянули рѣпку 4)!

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

---

1) *Варіантъ*: Шли два старика по дорожкѣ и зашли въ пустую избушку согрѣться на печкѣ: пузы́рекъ да бородка. Посылаетъ пузы́рекъ бородку: «поди, добудь огонька!» Бородка пошла, дунула на огонёкъ и (вс)пыхнула; а пузы́рекъ хохоталъ да хохоталъ, палъ съ печки и лопнулъ. 2) Дѣдъ. 3) Другая. 4) *Варіантъ:* Былъ старикъ со старухою; насѣяли рѣпку. «Старуха! зоветъ старикъ; я ходилъ, смотри(ѣ)лъ: рѣпка частая. Пойдемъ рвать.» Пришли

35.

ГРИБЫ.

Вздумалъ грибъ, разгадалъ боровикъ [1]; подъ дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, сталъ приказывать: «приходите вы, бѣлянки, ко мнѣ на войну.» Отказалися бѣлянки: «мы грибовыя дворянки! не йдемъ на войну.» — Приходите, рыжики, ко мнѣ на войну. Отказались рыжики: «мы богатые мужики, не повинны на войну идти!» — Приходите вы, волнушки, ко мнѣ на войну. Отказалися волнушки: «мы господскіе стряпушки [2]! не йдемъ на войну.» — Приходите вы, опенки, ко мнѣ на войну. Отказалися опенки: «у насъ ноги очень тонки! мы не йдемъ на войну.» — Приходите, грузди, ко мнѣ на войну. «Мы грузди — ребятушки дружны, пойдемъ на войну!»

Это было, какъ царь-горохъ воевалъ съ грибами.

(Записана въ оренбургской губерніи.)

36.

ПРИБАУТКИ.

а. «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли тебѣ отъ роду лѣтъ?» — Семьдесятъ, бабушка! семьдесятъ, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда ты уми-

---

къ рѣпкѣ; посудили-посудили: какъ намъ рѣпку рвать? Бѣжитъ ножка по дорожкѣ. «Ножка! пособи рѣпку рвать.» Рвали-рвали, не могли вырвать... (Записана въ вологодскомъ уѣздѣ).

1) *Вар.* Грибъ-грибъ-боровикъ, всѣмъ грибамъ полковникъ... или: Царь грибной сталъ звать грибовъ на войну... 2) *Вар.* «Мы старушки».

рать будешь?» — Въ среду, бабушка! въ среду, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, когда-жъ тебя хоронить будутъ?» — Въ пятницу, бабушка! въ пятницу, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ тебя поминать будутъ?» — Блинами, бабушка! блинами, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, во что послѣ тебя позвонить будетъ?» — Въ сковороду, бабушка! въ сковороду, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, много ли у тебя дѣтушекъ?» — Семеро, бабушка! семеро, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, чѣмъ послѣ тебя поить-кормить будетъ?» — По міру, бабушка! по міру, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить—зима студена!» — Въ лапоткахъ, бабушка! въ лапоткахъ, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить—собаки съѣдятъ!» — Съ палочкой, бабушка! съ палочкой, Пахомовна! «Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ, по міру ходить — не во что милостыню класть!» — Въ сумочку, бабушка! въ сумочку, Пахомовна!

b. «Куда, миленькой, снаряжаешься?»—Не скажу. «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — Въ городъ на ярманку. «Миленькой, возьми меня съ собой!»—Не возьму. «Возьми, мой дорогой, меня съ собой.» — Садись на самой краюшекъ. «Что у тебя, миленькой, въ возу?» — Не скажу. «Что, мой дорогой, въ возу?» — Яблоки. «Дай мнѣ, миленькой, яблочко?» — Не дамъ. «Дай, дорогой, яблочко.» Возьми одно. «Гдѣ мы, миленькой, ночуемъ съ тобой?» — Не скажу. «Скажи, мой дорогой, гдѣ ночуемъ съ тобой?» — Въ большой деревнѣ у попа въ пелевнѣ [1].

c. «Коза, коза, лубяные глаза! гдѣ ты была?»—Коней пасла. «А кони-то гдѣ?» — Николка увелъ. «А Николка-то гдѣ?»—

---

1) Пелѣвня — сарай для соломы, пуня.

Въ клѣть ушелъ. «А клѣть-то гдѣ?» — Водой унесло [1]. «А вода-то гдѣ?» — Быки выпили. «А быки-то гдѣ?» — Въ гору ушли. «А гора-то гдѣ?» — Черви сточили. «А черви-то гдѣ?» — Гуси выклевали. «А гуси-то гдѣ?» — Въ вересиякъ [2] ушли. «А вересиякъ-то гдѣ?» — Дѣвки выломали. «А дѣвки-то гдѣ?» — Замужъ выскокали. «А мужья-то гдѣ?» Всѣ примерли [3].

(Записана въ новгородской губерніи.)

d. «Галка-копалка! ты куды, галка, летала?» — На дѣдину полянку. «Чего дѣлаютъ на дѣдиной полянкѣ?» — Грамоту пишутъ, на дѣвицу здышутъ [4]. Дѣвица, дѣвица! сходи за водицей. — Рака боюся! — Ракъ на болотѣ, рубахи колотитъ, въ цвѣтномъ платьѣ; трои сани съ козырями, трои съ вычурами.

e. Гуси-лебеди лети(ѣ)ли, въ чисто поле залетѣли, въ полѣ банюшку доспи(ѣ)ли. Воробей дрова кололъ, таракан баню топилъ, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася [5]; бѣла гнида подхватила, на рогожку повалила; сѣра

---

1) *Вар:* Вода поняла. 2) Можжевельникъ (Опытъ областн. великор. словаря, стр. 23).

3) *Варіантъ 1:* Какъ ударили въ доски, поѣхали въ гости. «А кони-то гдѣ?» . . . . «А гора-то гдѣ?» — Въ сосиякъ ушла. «А сосиякъ-то гдѣ?» — Въ тростиякъ ушелъ. «А тростиякъ-то гдѣ?» — Дѣвки выломали. «А дѣвки-то гдѣ?» — По замужьямъ ушли. «А мужевья-то гдѣ?» — Въ Питеръ ушли. «А Питеръ-то гдѣ?» — Питеръ выгорѣлъ. «А огонь-то гдѣ?» — Огонь въ камень ушелъ. «А камень-то гдѣ?» — Камень въ землю ушелъ.

Варіантъ 2: «Боба (заяцъ) ты, боба! ты куды, боба ходила?» — Въ гости ходила. «Чего пила, ѣла?» — Сыръ да масло, печоно яичко. «Мнѣ принесла ли?» — Принесла, покинула (положила) на полку. «На полкѣ нѣту!» — Собачки съи(ѣ)ли. «Гдѣ собачки?» — Въ лѣсъ убѣжали. «Гдѣ лѣсъ?» — Огнёмъ сгорѣлъ. «Гдѣ огонь?» — Водой залили . . . . «Гдѣ гора?» — Черви выточили. «Гдѣ черви?» — Гуси выклевали. «Гдѣ гуси?» — Стры(ѣ)льцы пристри(ѣ)лили. «Гдѣ стрыльцы?» — Умерли. «Гдѣ душа?» — На небѣ. (Записана въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.) См. Владимірской сборникъ Тихонравова, М., 1857 года, стр. 40. 4) По дѣвицѣ вздыхаютъ? 5) Устала.

блошка подскочила, ножку подломила, въ передбанокъ вошку выносила...

f. Котъ на печи сухари толчетъ, кошка въ окошкѣ ширинку [1] шьетъ, свинья въ огородѣ овесъ толчетъ, курочка въ сапожкахъ избушку метётъ; вымела избушку, положила голичокъ подъ порожичокъ [2].

g. Ходитъ курочка въ сапожкахъ, выронила перышко, изъ перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановомъ селѣ-то собачка на лычкѣ потявкиваетъ, медви(ѣ)дь на цѣпочкѣ порывается, господинъ на печкѣ обувается, госпожа за печкой оладьи печетъ, сухари толчетъ.

(Записаны въ пермской губерніи, чердынскомъ уѣздѣ.)

h. Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пѣли онѣ — воспѣвали, жалобно причитали: кто у насъ на морѣ бóльшимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орелъ царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русской гусь торговой, сѣра утка попадья, воробышекъ дьячекъ, малые чирята крылошане, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водовозомъ, на морѣ журавль перевозомъ: тото-ли долгіе ноги, тото-ли короткое платье! журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтно платье не мочитъ; галочки черноваты, малиновки штуковаты [3], синички молодицы, касаточки красны дѣвицы; малая птица синица сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонъ [4] воспѣваетъ, слышитъ

---

1) Платокъ.

2) *Вар:* Скакала галка по ельничку, по хвошничкамъ (хвощъ—растеніе), по березничкамъ; наѣхали на галку разбойнички, сняли съ галки синь кафтанъ, не въ чемъ галкѣ по городу скакать! Волкъ по дорогѣ въ три ноги бьетъ, свинья въ ожерелкѣ (ожерёлокъ—воротникъ у шубы) овесъ толчетъ. Былъ я у тещи, била меня теща вѣничкомъ; плакать я: хеиь, хеиь! утѣшали меня: тбрюнь, тбрюнь! 3) Хитры (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 268). 4) Жаворонокъ.

вёсну красну, слышитъ лѣто тёпло: стала мать-рожь на колосъ метаться, скотинушка въ лѣсъ убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ [1]), зимой ворона по дорогѣ, каждаго слѣду перегребаетъ, каждаго братомъ называетъ; сорока-то гостинная жена, хочетъ щепотко [2]) ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать, безъ калача и(ѣ)сть не сядетъ, безъ водки не изопьетъ [3]).

k. Лежитъ зайко подъ кустомъ; охотнички за нимъ взоратъ, звѣря малаго ловятъ. Скочилъ зайко на ноги: вы, охотнички, идите — на мой хвостикъ посмотрите!

«Заинько сѣринькой, гдѣ ты былъ-спобывалъ?» — Былъ я, побывалъ въ огородѣ-ельничкѣ, въ анбарчикѣ-спальничкѣ. «Кого видѣлъ-сповидалъ?» — Видѣлъ я, повидалъ три дѣвчины хороши, три любчины пригожи; Аннюшенька черноброва, черноглаза лучше всѣхъ. «Заинько сѣринькой, онѣ звали ли тебя?» — Звали-звали, позывали: Катюша на часокъ, Марьюша на денёкъ; Аннюшенька удала, на недѣльку позвала. «Заинько сѣринькой, кормили ли тебя?» — Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Аннюшенька удала, кашу съ масломъ поднесла. «Заинько сѣринькой, поили ли тебя?» — Катюша-то пивцомъ, Марьюша-то винцомъ; Аннюшенька удала, стаканъ мёду налила. «Заинько сѣринькой, положили ли тебя?» — Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Аннюшенька удала, подушечку подала. «Заинько сѣринькой, не били ли тебя?» — Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Аннюшенька удала, за ушеньки подрала. «Заинько сѣринькой, провожали

---

1) Суслонъ—нѣсколько снопов, складенныхъ въ кучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 221). 2) Чисто, богато. 3) Начинается и такъ: «Скажемъ-ко про лѣто про тёпло, про весну про красну, про зиму студёну, про хлѣбы хлѣбисты, ярицы яристы, пшеницы пшенисты, ржи колосисты. Прилетали птапики . . .

ли тебя?» — Катюша-то на сѣнецъ, а Марьюша на крылецъ; Аннюшенька удала, за ворота провела.

1. Тень-потетень! выше города плетень; на полйцѣ трубица гороховая, на печи калачи, какъ огонь горячѝ, съ печки упали, въ горшечекъ попали. Кушайте, бояре, пова́рныхъ щей. Тетка-божатка! [1] сошей-ка рубашку, тонѐньку, бѣлѐньку, косой воротокъ. Поѣду я жениться, на сивкѣ, на буркѣ, на соло́вой кобылкѣ. Кобылка, кобылка! не сдерни овина; въ овинѣ Арина ткётъ полотно, перетыки-то [2] кладетъ, да не дотыкиваетъ. Шапка-татарка поѣхала по лавкамъ; бей въ доску да поминай Москву. Какъ на Вологдѣ вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка! глянча [3] долго не жила? Я боялась типуна. А типунъ-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дѣти хотятъ улетѣти на Ивановъ городъ. Они по грамоткѣ пишутъ, на дѣвицу дышутъ. Дѣвица, дѣвица! поди по водицу. На дорогѣ-то волки горохъ молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то съ печи обломала плечи. Сёмъ-пересёмъ на лопаткѣ испеченъ; мужикъ пѣсню спѣлъ, на капустникъ сѣлъ, съѣлъ три короба блиновъ, три костра пироговъ, заулокъ рогулекъ, заходъ калачей, мякйнницу сулóю [4], овинъ киселя, поваренку щей! [5]

---

1) Крестная мать (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 5). 2) Перётки — особеннаго рода нить, затканная въ полотно (ibidem, стр. 156). 3) Вмѣсто: для-ча(чего). 4) Сулóй — мутный квасъ и густое сусло, изъ котораго варятъ ржаной кисель (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 220).

5) *Варіантъ 1:* Тирушки, тирушки! въ городѣ витушки, висятъ калачи, какъ огонь горячи; въ Питерѣ вино по три денежки ведро — хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся да поворачивайся! Тонъ-тонаны! съ овсомъ пироги, обалúха (саламата — Опытъ обл. великор. словаря, стр. 131) съ киселемъ, а кашка съ молокомъ: это по зубамъ пришло!

Варіантъ 2: Господи помилуй! на кóникѣ Данило, на лавкѣ Флоръ, на печи приговоръ, въ печи калачи — какъ огонь горячи, про бояръ печены. Наѣхали бояре да собакъ навезли; собаки-то вздурили да попа укусили.

m. Нутко, дядюшка Корнило, запрягай-ко ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горё-тоску: стоит бражка въ туяску [1], бражка пьяная пьяна, весела хмѣльная голова! Бражка порнян [2] выпивай!......

n. Пошелъ полковникъ погулять, поймалъ птичку-перепёлочку; птичка-перепёлочка пить похотѣла, поднялась-полетѣла, пала-пропала, подъ ледъ попала, попа поймала, попа поповича, Петра Петровича.

o. Однажды говорила о себѣ рѣпа: «я рѣпа съ мёдомъ хороша!» — Поди прочь, хвастунья! отвѣчалъ ей мёдъ. я и безъ тебя хорошъ.

(Двѣ послѣднія записаны въ тверской губерніи.)

p. Была рѣпа важная, дивилась старуха кажная! однимъ днёмъ кругомъ не обойдешь; и той рѣпы половину мы съ семьей цѣлую недѣлю ѣли, а другую половину другую недѣлю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вотъ какая была мудрость недавно ўтро(ѣ)сь! [3]

q. Было два брата Хома да Ерёма; сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у нихъ рóзна [4], ботникъ [5] безо дна; три дни тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили. Сѣли братаны на бережокъ, понюхиваютъ табачокъ. Вздумали они торговать: накупили холстовъ, съѣхали въ Ростовъ, и промѣняли холсты на свиные хвосты, и тутъ неудача! Вздумали землю пахать: посѣяли рожъ и овёсъ; рожъ-то не выникла, а овёсъ-то не взошелъ, съ того они соху и борону въ огонь, лошадь по горлу ножомъ, а сами съ пашни бѣгомъ! [6]

---

1) Туесъ — берестяный буракъ (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 233) 2) Пóрно — крѣпко, скоро, прытко (ibidem, стр. 171). 3) Утромъ. 4) Изломана, дырява (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192). 5) Челнокъ, маленькая лодка, выдолбленная изъ одного дерева (ibidem, стр. 14). 6) Смотри № 49.

г. Стоитъ градъ пустъ, а во градѣ кустъ; въ кустѣ сидитъ старецъ да варитъ изварецъ; и прибѣжалъ къ нему косой заяцъ и проситъ изварецъ. И приказалъ старецъ безногому бѣжать, а безрукому хватать, а голому въ пазуху класть.

(Эта прибаутка записана въ вологодской губерніи.)

s. Теща про зятя пирогъ пекла, творила [1]) да вмѣсила три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яицъ на́ восемь рублей, окорокъ свиной да поросёнокъ годовой. Этого пирожка семерымъ не снесть, а хоть семеро подымутъ, такъ десяткомъ не съѣсть. А зятёкъ сѣлъ, у присядку [2]) все съѣлъ. Теща по полу похаживаетъ, скоса на зятя поглядываетъ: «милый зять! не одуло ли тебя?» — Ласкова теща! не прибавишь ли еще хоть сито блиновъ, рѣшето пироговъ? «Что тебя, зятюшко, не розорвало?» Вотъ зять идетъ дорогой, а брюшина стороной; на встрѣчу ему — прохожій спрашиваетъ: «что это за диво? гдѣ я не бывалъ, нигдѣ не видалъ!» — Какое это диво! зятева брюшина.

t. «Бабушка Арина, куда ты ходила?» — Въ новую деревню. «Ну, что въ новой деревнѣ?» — Утка въ юбкѣ, селезень въ кафтанѣ, корова въ рогожѣ — нѣтъ ея дороже. Это присказка, сказка будетъ впереди. Кудель, кудель! куда ты летѣла, на кусточекъ сѣла, на кусточекъ сѣла — соловьемъ запѣла? У насъ не такъ, какъ у васъ: и кудель поетъ соловьемъ!

u. Наташка, Наташка! сладенька кулажка [3]), сладка медовая, въ печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки въ дудки, жи(у)равли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

---

1) Существительное «творило» отъ глагола творить — разводить муку на теплой водѣ. 2) За присѣсть. 3) Кулага — солодъ ржаной, смѣшанный съ ржаною же мукою и сваренный въ печкѣ (Этнограф. сбор., ч. 1, стр. 134).

x. Межъ долами, межъ горами, сидитъ баба съ пирогами, недорого продаетъ: все по денежкѣ пирогъ. Она вѣкъ-отъ свой торгуетъ, ходитъ босикомъ: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базаръ везти.

Курошинскимъ-то ребятамъ нынѣ пожилось, прибогатилось; они съ торгу муку брали, муку на солодъ мѣняли, часто піушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмѣльненькую. Они пили, пировали, сами всё проистощали [1], кошелечики нашивали и пестери [2] наплели, по дворамъ побрели.

y. Не бѣлая березонька въ полѣ шатается, шолудивый съ плѣшивымъ считается: «хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

z. Была старая свинья, не ходила никуда днемъ со двора; ночь пришла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу миновала, въ сосѣдскую попадала; цвѣточки срывала, соломку бросала. Откуль взялся старой старичище сѣрой волчище, поднялъ хвостище, свиньѣ челомъ отдалъ: «здравствуй, милая жена, супоросная свинья! зачѣмъ шляешься и скитаешься? здѣсь волкъ поѣдаетъ овецъ.» Приходитъ свиньѣ конецъ. «Не ѣшь меня, волчинька, не ѣшь меня, сѣринькой! я тебѣ приведу стадо поросятъ.» — Не хочу мясца инова, хочу мясца свинова. Взялъ волкъ свинку за бѣлую спинку, за чорную щетинку; понёсъ волкъ свинку за пень, за колоду, за бѣлую березу, сталъ свиныя косточки глодать, свиныхъ родителей поминать [3].

---

1) Поразорились. 2) Пестёрь—котомка, сплетенная изъ лыкъ или бересты; коробъ (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 157). 3) См. вып. III, № 21 и въ этомъ выпускѣ № 14.

37.

ДОКУЧНЫЯ СКАЗКИ.

a. Жили-были два братца, два братца — куликъ да журавль. Накосили они стожокъ сѣнцá, поставили середи польцá. Не сказать ли сказку опять съ конца?

d. Жилъ-былъ старикъ, у старика былъ колодецъ, а въ колодцѣ-то я(е)лѐцъ [1]; тутъ и сказкѣ конецъ.

(Записаны въ вологодской губерніи, никольскомъ уѣздѣ.)

«Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?»—Скажи. «Ты-скажи, да я-скажи, да сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» — Скажи. «Ты-скажи, да я-скажи, да чего у насъ будетъ, да докуль это будетъ! Сказать ли тебѣ сказку про бѣлаго бычка?» [2]

38.

БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ.

Старину скажу стародавнюю,
Стародавнюю, небывалую:
Старика свяжу со старухою,
Со старухою съ кособрюхою.

---

1) Рыба.

2) И такъ далѣе, пока не наскучитъ одному спрашивать, а другому отвѣчать. Въ воронежской губерніи обыкновенно спрашиваютъ: «Разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» — Разскажи. «Ты говоришь: разскажи, я говорю: разскажи; разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» — Не надо. «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; разсказать ли тебѣ докучную сказочку?» и т. дал.

То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Середи моря овинъ горитъ,
По чисту полю корабль бѣжитъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Еще вотъ вамъ чудо чуднѣе того:
Ужь какъ ку́тюшка [1] бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ!
Это вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Мужики на улицѣ заѣзки [2] бьютъ,
Заѣзки бьютъ, они рыбъ ловя́тъ!
То вамъ не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
По поднебесью медвѣдь летитъ,
Ушками, лапками помахиваетъ,
Сѣрымъ хвостикомъ поправливаетъ;
На дубу кобыла бѣлку злаяла,
Въ стойлѣ сука въ запрягу́ стоитъ,
Въ осѣку́ [3] овца гнѣздо свила!
И тому чуду не дивуйтеся:
Съ горы корова на лыжахъ катится,
Разшиpя ноги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видалъ чуда чуднѣе того:
Сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жена въ пристяжи́ была;
Сынъ матушку припоню́живалъ [4],

1) Кутя́—собака (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 98). *Вар:* «курочка». 2) Ѣзы—заколы для рыбной ловли (ibidem, стр. 69). 3) Осѣкъ—изгорода изъ кольевъ, отдѣляющая пажить отъ луговъ или селеніе отъ полей (ibidem, стр. 145). 4) Понуждалъ (нудилъ), подгонялъ.

Молоду жену призадёрживалъ!
Я еще видѣлъ чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкою,
Большимъ боёмъ бьются — мутовками,
Ложками стрѣляли во чисто поле;
Устрѣлили татарина мертваго,
Кафтанъ съ него сняли рогóзяный,
Опоясочку съ него сняли лычану,
Сапоги съ него сняли берестяные.
Кто богатъ да скупъ: пива не варитъ,
Насъ молодцевъ не кормитъ, не поитъ,
Тому дастъ Богъ кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогатому да тороватому,
Кто пиво варитъ, насъ молодцевъ поитъ,
Дастъ Богъ на полѣ приплóдъ,
На гумнѣ примолотъ,
Въ квашнѣ спорину̀ [1],
На столѣ сдвижину̀ [2].
Съ пива съ того пріупѝлся мужикъ,
Пріупившись, самъ на сараѣ лежитъ,
У рта кроха — полтора колпака [3]....

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

1) Прибыль. 2) Частую перемѣну яствъ. 3) Колпáкъ — большая чашка (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 88). Сличи начало этой сказки съ былиною, напечатанною у Кирши Данилова (Древн. росс. стихотворенія, стр. 317).

39.

СОЛНЦЕ, МѢСЯЦЪ И ВОРОНЪ ВОРОНОВИЧЪ.

Жилъ-былъ старикъ да старуха, у нихъ было три дочери. Старикъ пошелъ въ анбаръ крупку брать; взялъ крупку, понёсъ домой, а на мѣшкѣ-то была дырка: крупка-то въ нее сыплется да сыплется. Пришелъ домой. Старуха спрашиваетъ: «гдѣ крупка?» — а крупка вся высыпалась. Пошелъ старикъ собирать, и говоритъ: «какъ-бы́ Солнышко обогрѣло, какъ-бы́ Мѣсяцъ освѣтилъ, какъ-бы́ Воронъ Вороновичъ пособилъ мнѣ крупку собрать: за Солнышка бы отдалъ старшую дочь, за Мѣсяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Сталъ старикъ собирать — Солнце обогрѣло, Мѣсяцъ освѣтилъ, а Воронъ Вороновичъ пособилъ крупку собрать. Пришелъ старикъ домой, сказалъ старшей дочери: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее. Средней дочери также велѣлъ одѣться хорошенько и выйти на крылечко. Она одѣлась и вышла; Мѣсяцъ схватилъ и утащилъ вторую дочь. И меньшой дочери сказалъ: «одѣнься хорошенько да выйди на крылечко.» Она одѣлась и вышла на крылечко; Воронъ Вороновичъ схватилъ ее и унесъ.

Старикъ и говоритъ: «идти развѣ въ гости къ зятю.» Пошелъ къ Солнышку; вотъ и пришелъ. Солнышко говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?» — Я ничего не хочу. Солнышко сказало женѣ, чтобъ настряпала оладьевъ. Вотъ жена настряпала. Солнышко усѣлось середи полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи сжарились. Накормили старика. Пришелъ старикъ домой, приказалъ старухѣ состряпать оладьевъ; самъ сѣлъ на полъ и велитъ ставить на себя сковороду съ

оладьями. «Чего на тебѣ испекутся!» говоритъ старуха. — Ничего, говоритъ, ставь, испекутся. Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего дѣлать поставила старуха сковороду въ печь, испеклися оладьи, наѣлся старикъ.

На другой день старикъ пошелъ въ гости къ другому зятю, къ Мѣсяцу. Пришелъ; Мѣсяцъ говоритъ: «чѣмъ тебя подчивать?» — Я, отвѣчаетъ старикъ, ничего не хочу. Мѣсяцъ затопилъ про него баню. Старикъ говоритъ: «тёмно, бывáтъ [1]), въ банѣ-то будетъ!» А Мѣсяцъ ему: «нѣтъ, свѣтло; ступай.» Пошелъ старикъ въ баню, а Мѣсяцъ запихалъ перстикъ [2]) свой въ дырочку и отъ того въ банѣ свѣтло-свѣтло стало. Выпарился старикъ, пришелъ домой и велитъ старухѣ топить баню ночью. Старуха истопила; онъ и посылаетъ ее туда париться. Старуха говоритъ: «тёмно-париться-то!» — Ступай, свѣтло будетъ! Пошла старуха, а старикъ видѣлъ-то, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда-жъ — взялъ прорубилъ дыру въ банѣ и запихалъ въ нее свой перстъ. А въ банѣ свѣту нисколько нѣтъ! Старуха знай кричитъ ему: «тёмно!» Дѣлать нечего, пошла она, принесла лучины съ огнемъ и выпарилась.

На третій день старикъ пошелъ къ Ворону Вороновичу. Пришелъ. «Чѣмъ тебя подчивать-то?» спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ. — Я, говоритъ старикъ, ничего не хочу. «Ну, пойдемъ хоть спать на сѣдала» [3]). Воронъ поставилъ лѣстницу и полѣзли съ старикомъ. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ крыло. Какъ старикъ заснулъ, они оба упали и убились.

---

1) Вѣроятно, можетъ быть (Опытъ областнаго великорус. словаря, стр. 18).
2) Пальчикъ. 3) Насѣсть.

40.

ВАЗУЗА И ВОЛГА.

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе бо́льшаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придётъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе.» Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

(Записана въ тверской губерніи.)

41

КОБЫЛЯЧЬЯ ГОЛОВА [1].

Якъ бувъ дидъ да баба, да у ихъ було дви дочкѝ: одна дидова, а друга бабина. У дида була дочкà така, що всегда рано уставала да усе робила, а бабиній якъ бы ничóго не робить! Ото разъ баба послала ихъ на попряхи: идить же, говорить, да щобъ мини багато напряли. Дидова дочкá до свита встала да усе пряла; а бабина зъ вечера тильки якъ попряла трошки, да-й не

1) См. выпускъ 1, стр. 85—86.

пряла бильши(е). Ураньци, якъ свитъ ставъ, пошли вони до дому; треба имъ було въ одномъ мисти черезъ перелазъ [1]) лизти. Бабина дочка́ уперёдъ перелизала и говóрить: «дай мини, сестрице, твои починки [2]); я подержу, покиль ты перелизаишъ.» Та јій одала; такъ вона ихъ забравши побигла до дому, да-й каже: «дивись, мамо, скильки я напряла, а сестра якъ легла зъ вечера, дакъ и не уставала до свита!» А та прійшовши скильки не божилась, що то јіи починки, дакъ куда — баба и слухать не хотила, одъ того що вона јій и по-перéду не любила, да и навьязалась на дида: «дѣ хочешъ, тамъ и динь [3]) свою дочку̀, тильки щобъ вона у мене дурно [4]) хлиба не јила!» Отъ дидъ запригъ кобылу да посадывъ дочку на визъ, и самъ сивъ, да и појихали. Јидуть лисомъ, ажъ тамъ стоить хатка на курячій нижки. Дидъ узявъ дочку̀ да-й повивъ у хату, а хата була одчи́нина [5]), да й каже: «оставайся-жъ, доню [6]), тутъ, а я пиду дровецъ нарубаю, щобъ було чимъ кашу зварить.» Да самъ пишовъ съ хати да-й појихавъ, тильки привьязавъ до оконецы колодочку. Колодочка стукне, а дочка́ и каже: «се мій батенько дровця рубае!» Коли стукотить, гуркотить [7]) кобыляча голова: «хто въ мојій хати, одчини!» Дивчина встала и одчинила. «Дивчино, дивчино! пересадь черезъ порогъ.» Вона пересадила. «Дивчино, дивчино! постели мини постиль.» Вона постелила. «Дивчино, дивчино! положи мене на пилъ» [8]). Вона положила. «Дивчино, дивчино! укрій мене.» Вона и укрила. «Дивчино, дивчино! улизь-же мини у праве ухо, а у ливе вылизь.» Вона якъ вылизла изъ ушей, дакъ стала така хорóша, що кра̀щой [9])

---

1) Одно или два бревна, положенныя черезъ ручей или рѣчку (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 155). 2) Почи́нокъ—пряжа, намотанная на веретено (ibidem, стр. 175). 3) Дѣвай, дѣнь. 4) Даромъ. 5) Отворена. 6) Дóчка. 7) Кричитъ, шумитъ. 8) Полъ — возвышенный помостъ въ крестьянскихъ избахъ, замѣняющій кровати (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 168). 9) Болѣе красивой.

не мае. Зàразъ стали и лакеи, и кони, и коляска; вона сила у коляску да-й појихала до батька. Приходить у хату, а батько јiи и не пизнавъ; а посли вона имъ розказала, що зъ нiю було. Отъ баба упять пристала до дида: «вези и мою дочкỳ туда, куда свою возивъ.» Дидъ и бабину туда-жъ отвизъ, и посадивши у хати, веливъ себе ждать, покиль винъ нарубяеть дровъ. Тильки та пождала трошки, начала плакать, що сама осталась у лѣсỳ; ажъ опять стукотить, гуркотить кобыляча голова: «хто въ мојiй хати, одчини!» — Невелика пани — и сама одчинишъ! каже дивчина. «Дивчино, дивчино! пересади мене черезъ порогъ.» — Невелика пани — и сама перелизишъ! «Дивчино, дивчино! постели мини постиль.» — Невелика пани — и сама постилишъ! «Дивчино, дивчино! положи мене на пилъ.» — Невелика пани — и сама ляжешъ! «Дивчино, дивчино! укрiй мене.» — Невелика пани — и сама укрiешся! Тогди кобыляча голова схватилась и зъјила бабину дочкỳ, да ки(о)сточки въ мѣшочку и повисила, а сама опять ушла. Собачка прибѣжала до баби да начала брехать: «гавъ, гавъ! дидова дочкà якъ панночка, а бабиной дочкѝ у торбинци кисточки!» Що прожене [1]) баба јiи, то вона опять и прибижить. Тильки баба и говóрить дидови: «појидь да подивись, що тамъ изъ мојiй дочкòю робиця.» Отъ дидъ појихавъ и привизъ у торбинци кисточки, дакъ баба росердилась да собачку и убила.

42.

МОРÓЗКО.

а. Жили были старикъ да старуха. У старикá со старýхою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была

1) Прогонитъ.

ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Дѣвушка скота(ину) поила-кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку-топила, обряды [1]) творила, избу мела и все убирала еще до свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Мареушу ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и не такъ-то стоитъ, и сорно-то въ избѣ. Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась мачихѣ униворовить [2]) и дочерямъ ея услужить; но сестры, глядя на мать, Мареушу во всёмъ обижали, съ нею вздорили [3]) и плакать заставляли: то имъ и любо было! Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Старику жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушляная [4]) да работящая, никогда не упрямилась, что заставятъ, то и дѣлала, и ни въ чемъ слова не перекорила [5]): да не зналъ старикъ чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ея лѣнивицы и упрямицы.

Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ — какъ-бы дочерей пристроить, а старуха — какъ-бы старшую съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говоритъ старику: «ну, старикъ! отдадимъ Мареушу замужъ.» — Ланно [6]), сказалъ старикъ и побрёлъ себѣ на печь; а старуха въ слѣдъ ему: «завтря вставь, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Мареуткой; а ты, Мареутка, собери свое добро въ коробейку, да накинь бѣлую исподку [7]): завтря поѣдишь въ

---

1) Уборы женскіе, платья (Опытъ обл. велик словаря, стр. 135). 2) Приноровиться, прійтиться по нраву. 3) Ссорились. 4) Послушная 5) Не поперечила. 6) Ладно. 7) Чистую рубаху (Опытъ обл. великор. словаря. стр. 75).

гости!» Добрая Мареуша рада была такому счастью, что увезутъ ее въ гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама нарядилась, и была дѣвка — хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ наутро, ни свѣтъ, ни зоря, запрёгъ кобылу въ дровни, подвелъ ко крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на коникъ и сказалъ: «ну, я все изладилъ!» — Садитесь за столъ да жрите! [1]) сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собой посадилъ; хлѣбница [2]) была на столѣ, онъ вынялъ челпа́нъ [3]) и нарушалъ [4]) хлѣба и себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: «ну, голубка, ѣшь да убирайся, я вдоволь на тебя нагдядѣлась! Старикъ, увези Мареутку къ жениху; да мотри, старой хрычъ, поѣзжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то направо, на боръ, — знаешь, прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Мареутку за Морозка.» Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и пересталъ хлѣбать, а дѣвка завыла. «Ну что тутъ нюни-то распустила! Вить женихъ-то красавецъ и богачъ! Мотри-ко, сколько у него добра: всѣ ёлки, мянды [5]) и берёзы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!» Старикъ молча уклалъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ [6]), и пустился въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли пріѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается. Наконецъ доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился прямо снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ

---

1) Въ рукописи: «жорите». 2) Круглая коробка, лукошко, съ крышей — для держанія хлѣба (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 248). 3) Непочатой коровай хлѣба, пирогъ безъ начинки (ibidem, стр. 255). 4) Нарѣзалъ. 5) Верхніе слои сосны (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 119). 6) Крестьянская баранья шуба (ibidem, стр. 268).

подъ огромной сосной коробейку и сказалъ: «сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковѣе.» А послѣ заворотилъ лошадь и домой.

Дѣвушка сидитъ да дрожитъ; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла она выть, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ. Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очуд(т)ился онъ и на той соснѣ, подъ коѣй дѣвица сидитъ, и сверху ей говоритъ: «тепло ли те, дѣвица?» — Тепло, тепло, батюшко Морозушко! Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: «тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, но еще говоритъ: «тепло, Морозушко; тепло, батюшко!» Морозко пуще затрещалъ и сильнѣе защелка́лъ и дѣвицѣ сказалъ· «тепло ли те, дѣвица? тепло ли те, красная? тепло ли те, лапушка?» Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала: «ой тепло, голубчикъ Морозушко!» Тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одѣялами.

Старуха наутро мужу говоритъ: «поѣзжай, старой хрычъ, да буди молодыхъ!» Старикъ запрёгъ лошадь и поѣхалъ. Подъѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую, и коробъ съ богатыми подарками. Не говоря ни слова, старикъ сложилъ все на́ возъ, сѣлъ съ дочерью и поѣхалъ домой. Пріѣхали домой, и дѣвица бухъ въ ноги мачихѣ. Старуха изумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую шубу и коробъ бѣлья. «Э, сука! не обманешь меня.»

Вотъ спустя немного старуха говоритъ старику: «увези-ко и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одаритъ!» Нескоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ поутру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ-же путемъ оставилъ дѣвокъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да

посмѣиваются: «что это у матушки выдумано — вдругъ обѣихъ замужъ отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровенъ чортъ пріѣдетъ и не знаешь какой!» Дѣвушки были въ шубнякахъ, и тутъ имъ стало зябко. «Что, Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну какъ суженой-раженой не пріѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ» [1]. — Полно, Машка, врать! коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обѣдъ [2] на дворѣ. «А что, Параха, коли пріѣдетъ одинъ, кого онъ возмётъ?» — Не тебя ли, дурище? «Да, мотри тебя!» — Конечно меня. «Тебя! полно тебѣ ци(ы)ганить [3] да врать!» Морозко у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за тоже. «Ой ты, заспанная рожа! нехорошая трессй [4]! поганое рыло! пре(я)сть ты не умѣешь, а перебирать и вовсе не смыслишь.» — Охъ ты, хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдкамъ ходить да облизываться. Посмотримъ, кого скорѣе возметъ! Такъ дѣвицы растобаривали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали: «да кой хранци! [5] что долго не йдетъ? вишъ ты посинѣла!» Вотъ вдалекѣ Морозко началъ потрескивать и съ елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дѣвицамъ послышалось, что кто-то ѣдетъ. «Чу, Параха! ужь ѣдетъ да и съ колокольцомъ.» — Поди прочь, сука! я не слышу, меня морозъ обдираетъ. «А еще замужъ нарохтишься!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе, да ближе; наконецъ очуд(т)ился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говоритъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?» — Ой, Морозко, больно студёно! мы замерзли, ждёмъ суженаго, а онъ окаянной сгинулъ. Морозко сталъ

---

1) Замерзнемъ. 2) Обѣденная пора, полдень. 3) Насмѣхаться (Оп. обл. великорус. словаря, стр. 253). 4) Ругательное слово, прилагаемое людямъ сварливымъ и вздорнымъ (ibidem, стр. 232). 5) Бранное выраженіе; см. Опытъ обл. великорусск. словаря, стр. 250.

ниже спускаться, пуще потрескивать, и чаще пощелкивать. «Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?»—Поди ты къ чорту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерали. Морозко еще ниже спустился, сильно пріударилъ и сказалъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы?» — Убирайся ко всѣмъ чертямъ въ омутъ, сгинь окаянной! — и дѣвушки окостенѣли.

Наутро старуха мужу говоритъ: «запряги-ко ты, старикъ, пошевёнки; положи охабочку сѣнца да возьми шубное опахало [1]). Чай дѣвки-то пріозябли; на дворѣ-то страшной морозъ! да мотри, воровѣй [2]) старой хрычъ!» Старикъ не успѣлъ и перекусить, какъ былъ ужь на дворѣ и на дорогѣ. Пріѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевёнки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогоз(ж)кой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, на встрѣчу выбѣгала и такъ его вспрошала: «что дѣтки? — Въ пошевняхъ. Старуха рогозку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха какъ гроза разразилась и старика разбранила: «что ты надѣлалъ, старой песъ? уходилъ ты моихъ дочекъ, моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ сѣмячокъ (семячковъ), моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибью, кочергой зашибу!»—Полно, старая дрянь! вишь ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямицы! Коли я виноватъ? ты сама захотѣла. — Старуха посердилась, побранилась да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусѣдъ, свадебку сыграли, и Маѳуша счастливо живетъ. Старикъ внучатъ Морозкомъ страшалъ и упрямиться не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, мёдъ-пиво пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

(Записана вологодской губерніи въ никольскомъ уѣздѣ.)

---

1) Покрывало, одѣяло (сличи глаголъ: запахиваться, запахнуть). 2) Проворнѣе, скорѣе.

b. У мачихи была падчерица да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! а падчерица какъ ни угождаетъ — ничѣмъ не угодитъ, все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото, въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи кажный день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ да затихнетъ, а старая баба расходится — нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать: «вези, вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши объ ней не слыхали; да не вози къ роднымъ въ тёплую хату, а во чистò поле на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повёзъ бездомную во чистò поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая, трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принёсъ по мою душу грѣшную [1]). Морозъ хотѣлъ ее тукнуть [2]) и заморозить; но полюбились ему ея умныя рѣчи, жаль стало! бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!»—Добро пожаловать, Морозъ; знать Богъ тебя принёсъ по мою душу

---

1) *Варіантъ:* Идетъ Морозъ въ однихъ чулкахъ, въ однихъ сапогахъ. «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? тепло-ль тебѣ, красная?» — Божье тепло, Божье и холодно! 2) Стукнуть, пришибить.

грѣшную. Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу, онъ принёсъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокой да тяжелой, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красной носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье шитое и серебромъ, и золотомъ. Надѣла она и стала какая красавица, какая нарядница! сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачиха по ней поминки справляетъ; напекла блиновъ. «Ступай, мужъ! вези хоронить свою дочь.» Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!»—Молчи, дура! на блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ! Собачка съѣла блинъ да опять: «тявъ! тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое: «старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокой, тяжелой, идетъ падчерица—панья паньей сіяетъ! Мачиха глянула — и руки врозь! «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! посади на то-же поле, на то-же мѣсто.» Повёзъ старикъ на то-же поле, посадилъ на то-же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красной носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождалъ; разсердился, хватилъ ее и убилъ.—«Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «тявъ! тявъ! старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!» — Не ври! на пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ! Растворились

ворота, старуха выбѣжала встрѣть(чать) дочь, да вмѣсто ея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно!

(Записана въ курской губерніи.)

43.

СТАРУХА-ГОВОРУХА.

И день, и ночь старуха ворчитъ, какъ у ней языкъ не заболитъ? а все на падчерицу: и не умна, и не статна! пойдетъ и прійдетъ, станетъ и сядетъ—все не такъ, не впопадъ! съ утра до вечера какъ заведенныя гусли. Надоѣла мужу, надоѣла всѣмъ, хоть со двора бѣжи! Запрёгъ старикъ лошадь, затѣялъ въ городъ просо везть, а старуха кричитъ: «бери и падчерицу, вези хоть въ темный лѣсъ, хоть на путь, на дорогу, только съ моей шеи долой!» Старикъ повёзъ. Дорога дальняя, трудная, все боръ да болото, гдѣ кинуть дѣвку? Видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ пакрыта, стоитъ—перевертывается. Въ избушкѣ, подумалъ, лучше оставить дочь, ссадилъ ее, далъ проса на кашу, ударилъ по лошади и укатилъ изъ виду. Осталась дѣвка одна; натолкла проса, наварила каши много, а ѣсть некому. Пришла ночь длинная, жуткая; спать — бока пролежишь, глядѣть — глаза проглядишь, слова молвить не съ кѣмъ, и скучно, и страшно! Стала она на порогъ, отворила дверь въ лѣсъ и зовётъ: «кто въ лѣсѣ, кто въ тёмномъ — приди ко мнѣ гостевать!» Лѣшій откликнулся, скинулся [1]) молодцомъ, новогородскимъ купцомъ, прибѣжалъ и подарочекъ принёсъ. Нынче придётъ — покалякаетъ [2]), завтра придётъ—гостинецъ принесётъ; увадился [3]),

1) Прикинулся, оборотился. 2) Поболтаетъ, поговоритъ. 3) Повадился.

наносилъ столько, что дѣвать некуда! А старуха-говоруха и скучила [1] безъ падчерицы, въ избѣ у ней стало тихо, на животѣ тошно, языкъ пересохъ. «Ступай, мужъ, за падчерицей, со дна моря ее достань, изъ огня выхвати! я стара, я хила, за мной походить нѣкому.» Послушался мужъ; пріѣхала падчерица, да какъ раскрыла сундукъ да развѣсила добро на веревочкѣ отъ избы до воротъ, — старуха было разинула ротъ, хотѣла по своему встрѣтить, а какъ увидѣла — губки сложила, подъ святые [2] гостью посадила, и стала величать ее да приговаривать: чего изволишь, моя сударыня?

(Записана въ курской губерніи.)

44.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и прижилъ только одну дочь Василису прекрасную. Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было восемь лѣтъ. Умирая, купчиха призвала къ себѣ дочку, вынула изъ-подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала: «слушай, Василисушка! помни и исполни послѣднія мои слова́. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай; а когда приключится тебѣ какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покушаетъ она, и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастью.» Затѣмъ мать поцѣловала дочку и померла.

Послѣ смерти жены, купецъ потужилъ, какъ слѣдовало, а потомъ сталъ думать, какъ-бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій; за невѣстами дѣло не стало, но больше всѣхъ

---

1) Соскучилась. 2) Иконы (т. е. въ передній уголъ).

по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ,—стало быть и хозяйка, и мать опытная. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачиха и сестры завидовали ея красотѣ, мучили ее всевозможными работами, чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, а отъ вѣтру и солнца почернѣла; совсѣмъ житья не было! Василиса все переносила безропотно и съ каждымъ днемъ все хорошѣла и полнѣла, а между тѣмъ мачиха съ дочками своими худѣла и дурнѣла отъ злости, не смотря на то, что онѣ всегда сидѣли сложа руки, какъ барыни. Какъ-же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою! За то Василиса сама, бывало, не съѣстъ, а ужь куколкѣ оставитъ самый лакомый кусочекъ, и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила, и подчиваетъ ее, приговаривая: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я въ домѣ у батюшки, не вижу себѣ никакой радости, злая мачиха гонитъ меня съ бѣлаго свѣта; научи ты меня, какъ мнѣ быть и жить и что дѣлать?» Куколка покушаетъ, да потомъ и даетъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а наутро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рвётъ цвѣточки, а у нея ужь и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было жить ей съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ; Василиса выросла и стала невѣстой. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ; на мачихиныхъ дочерей никто и не посмотритъ. Мачиха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: «не выдамъ меньшой прежде старшихъ»; а проводя жениховъ, побоями вымѣщаетъ зло на Василисѣ.

Вотъ однажды купцу понадобилось уѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Мачиха и перешла на житье въ другой домъ, а возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, а въ лѣсу на полянѣ стояла избушка, а въ избушкѣ жила баба-яга: никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплятъ. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала къ избушкѣ бабы-яги.

Пришла осень. Мачиха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всѣмъ по урокамъ. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку тамъ, гдѣ работали дѣвушки, и сама легла спать. Дѣвушки работали. Вотъ нагорѣло на свѣчкѣ; одна изъ мачихиныхъ дочерей взяла щипцы, чтобъ поправить свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, какъ будто нечаянно и потушила свѣчку. «Что теперь намъ дѣлать? говорили дѣвушки; огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ бабѣ-ягѣ!»—Мнѣ отъ булавокъ свѣтло! сказала та, что̀ плела кружево; я не пойду. — И я не пойду, сказала та, что̀ вязала чулокъ; мнѣ отъ спицъ свѣтло! «Тебѣ за огнемъ идти, закричали обѣ; ступай къ бабѣ-ягѣ!» и вытолкали Василису изъ горницы. Василиса пошла въ свой чуланчикъ, поставила передъ куклою приготовленный ужинъ и сказала: «на, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылаютъ за огнемъ къ бабѣ-ягѣ; баба-яга съѣстъ меня!» Куколка поѣла и глаза ея заблестѣли, какъ двѣ свѣчки. «Не бойся, Василисушка! сказала она, ступай, куда посылаютъ; только меня держи всегда при себѣ. При мнѣ ничего не станется съ тобой у бабы яги.» Василиса собралась, положила куколку свою въ карманъ, и перекрестившись, пошла въ дремучій лѣсъ.

Идетъ она и дрожитъ. Вдругъ скачетъ мимо ея всадникъ: самъ бѣлой, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлой и сбруя на конѣ бѣлая,—на дворѣ стало разсвѣтать.

Идетъ она дальше, какъ скачетъ другой всадникъ: самъ красной, одѣтъ въ красномъ и на красномъ конѣ,—стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только къ слѣдующему вечеру вышла на полянку, гдѣ стояла избушка яги-бабы; заборъ вокругъ избы изъ человѣчьихъ костей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе, съ глазами; вмѣсто верей у воротъ — нóги человѣчьи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замкá—ротъ съ острыми зубами. Василиса обомлѣла отъ ужаса и стала какъ вкопанная. Вдругъ ѣдетъ опять всадникъ: самъ черной, одѣтъ во всемъ черномъ и на черномъ конѣ; подскакалъ къ воротамъ бабы яги и исчезъ, какъ сквозь землю провалился,—настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; у всѣхъ череповъ на заборѣ засвѣтились глаза и на всей полянѣ стало свѣтло, какъ середи дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бѣжать, оставалась на мѣстѣ.

Скоро послышался въ лѣсу страшной шумъ: деревья трещали, сухіе листья хрустѣли; выѣхала изъ лѣсу яга-баба — въ ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась, и обнюхавъ вокругъ себя, закричала: «фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?» Василиса подошла къ старухѣ со страхомъ, и низко поклонясь, сказала: «это я, бабушка! Мачихины дочери прислали меня за огнемъ къ тебѣ.» — Хорошо, сказала яга-баба, знаю я ихъ, поживи ты напередъ да поработай у меня, тогда и дамъ тебѣ огня; а коли нѣтъ, такъ я тебя съѣмъ! Потомъ оборотилась къ воротамъ и вскрикнула: «эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь; вороты мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились и баба яга въѣхала посвистывая, за нею вошла Василиса, а по-

томъ опять все замерло. Войдя въ горницу, баба-яга растянулась и говоритъ Василисѣ: «подавай-ка сюда, что̀ тамъ есть въ печи; я ѣсть хочу.» Василиса зажгла лучину отъ тѣхъ черепов, что̀ на заборѣ, и начала таскать изъ печки да подавать ягѣ кушанье, а кушанья настряпано было человѣкъ на десять; изъ погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съѣла, все выпила старуха; Василисѣ оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣбца да кусочекъ поросятины. Стала яга-баба спать ложиться, и говоритъ: «когда завтра я уѣду, ты смотри — дворъ вычисти, избу выmeти, обѣдъ сострапай, бѣлье приготовь, да пойди въ закромъ, возьми четверть пшеницы и очисть ее отъ чернушки 1). Да чтобъ все было сдѣлано, а не то — съѣмъ тебя!» Послѣ такого наказу баба-яга захрапѣла; а Василиса поставила старухины объѣдки передъ куклою, залилась слезами и говорила: «на, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую дала мнѣ яга-баба работу и грозится съѣсть меня, коли всего не исполню; помоги мнѣ!» Кукла отвѣтила: «не бойся, Василиса прекрасная! поужинай, помолися да спать ложися; утро мудренѣй вечера!»

Ранёшенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула въ окно: у черепов глаза потухаютъ; вотъ мелькнулъ бѣлой всадникъ — и совсѣмъ разсвѣло. Баба-яга вышла на дворъ, свистнула — передъ ней явилась ступа съ пестомъ и помеломъ. Промелькнулъ красной всадникъ — взошло солнце. Баба-яга сѣла въ ступу и выѣхала со двора, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Осталась Василиса одна, осмотрѣла домъ бабы-яги, подивилась изобилью во всемъ, и остановилась въ раздумьѣ: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выби-

1) Черну́ха — ягель, родъ полеваго дикаго гороха (Словарь Академ. Росс., ч. VII, стр. 705).

рала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. «Ахъ ты, избавительница моя! сказала Василиса куколкѣ, ты отъ бѣды меня спасла.» — Тебѣ осталось только обѣдъ состряпать, отвѣчала куколка, влѣзая въ карманъ Василисы; состряпай съ Богомъ, да и отдыхай на здоровье! — Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнулъ за воротами черной всадникъ — и совсѣмъ стемнѣло; только свѣтились глаза у череповъ. Затрещали деревья, захрустѣли листья — ѣдетъ баба-яга. Василиса встрѣтила ее. «Все ли сдѣлано?» спрашиваетъ яга.— Изволь посмотрѣть сама, бабушка! молвила Василиса. Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за что разсердиться, и сказала: ну, хорошо! Потомъ крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рукъ, схватили пшеницу и унесли вонъ изъ глазъ. Баба-яга наѣлась, стала ложиться спать и опять дала приказъ Василисѣ: «завтра сдѣлай ты тоже, что̀ и нынче, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ да очисти его отъ земли, по зернышку; вишь кто-то по злобѣ земли въ него намѣшалъ!» Сказала старуха, повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей по вчерашнему: «молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренѣе, все будетъ сдѣлано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куколкой всю работу тотчасъ исправили. Старуха воротилась, оглядѣла все и крикнула: «вѣрные мои слуги, сердечные други, выжмите изъ маку масло!» Явились три пары рукъ, схватили макъ и унесли изъ глазъ. Баба-яга сѣла обѣдать; она ѣстъ, а Василиса стоитъ молча. «Что-жъ ты ничего не говоришь со мною? сказала баба-яга; стоишь, какъ нѣмая!»— Не смѣла, отвѣчала Василиса, а если позволишь, то мнѣ хотѣлось бы спросить тебя кой-о-чемъ. «Спрашивай; только не всякой вопросъ къ добру ведетъ: много будешь знать, скоро

состарѣешься!» — Я хочу спросить тебя, бабушка, только о томъ, что видѣла: когда я шла къ тебѣ, меня обогналъ всадникъ на бѣломъ конѣ, самъ бѣлой и въ бѣлой одеждѣ; кто онъ такой? «Это день мой ясной!» отвѣчала баба-яга. — Потомъ обогналъ меня другой всадникъ на красномъ конѣ, самъ красной и весь въ красномъ одѣтъ; это кто такой? «Это мое солнышко красное!» отвѣчала баба-яга. — А что значитъ черный всадникъ, который обогналъ меня у самыхъ твоихъ воротъ, бабушка? «Это ночь моя темная — всё мои слуги вѣрные!» Василиса вспомнила о трехъ парахъ рукъ и молчала. «Что-жъ ты еще не спрашиваешь?» молвила баба-яга. — Будетъ съ меня и этого; сама-жъ ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состарѣешься. «Хорошо, сказала баба-яга, что ты спрашиваешь только о томъ, что видѣла за дворомъ, а не во дворѣ! я не люблю, чтобъ у меня соръ изъ избы выносили, и слишкомъ любопытныхъ ѣмъ! Теперь я тебя спрошу; какъ успѣваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебѣ?» — Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матери, отвѣчала Василиса. «Такъ вотъ что! Убирайся же ты отъ меня, благословенная дочка! не нужно мнѣ благословенныхъ.» Вытащила она Василису изъ горницы и вытолкала за ворота, сняла съ забора одинъ черепъ съ горящими глазами и, наткнувъ на палку, отдала ей и сказала: «вотъ тебѣ огонь для мачихиныхъ дочекъ, возьми его; онѣ вѣдь за этимъ тебя сюда и прислали.»

Бѣгомъ пустилась домой Василиса, при свѣтѣ черепа, который погасъ только съ наступленіемъ утра, и наконецъ къ вечеру другаго дня добралась до своего дома. Подходя къ воротамъ, она хотѣла было бросить черепъ; вѣрно дома, думаетъ себѣ, ужь больше въ огнѣ не нуждаются. Но вдругъ послышался глухой голосъ изъ черепа: «не бросай меня, неси къ мачихѣ!» Она взглянула на домъ мачихи, и не видя ни въ одномъ окнѣ огонька, рѣшилась идти туда съ черепомъ. Впервые встрѣ-

тили ее ласково и разсказали, что съ той поры, какъ она ушла, у нихъ не было въ домѣ огня: сами высѣчь никакъ не могли, а который огонь приносили отъ сосѣдей — тотъ погасалъ, какъ только входили съ нимъ въ горницу. «Авось твой огонь будетъ держаться!» сказала мачиха. Внесли черепъ въ горницу; а глаза изъ черепа такъ и глядятъ на мачиху и ея дочерей, такъ и жгутъ! Тѣ было прятаться, но куда не бросятся — глаза всюду за ними такъ и слѣдятъ; къ утру совсѣмъ сожгло ихъ въ уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла черепъ въ землю, заперла домъ на замо́къ пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ какъ-то говоритъ она старушкѣ: «скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка! Сходи, купи мнѣ льну, самаго лучшаго; я хоть прясть буду.» Старушка купила льну хорошаго; Василиса сѣла за дѣло, работа такъ и горитъ у нея и пряжа выходитъ ровная да тонкая, какъ волосокъ. Набралось пряжи много; пора бы и за тканьё приниматься, да такихъ бердъ не найдутъ, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сдѣлать-то. Василиса стала просить свою куколку; та и говоритъ: «принеси-ка мнѣ какое-нибудь старое бердо да старой челнокъ, да лошадиной гривы; я все тебѣ смастерю.» Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славной станъ. Къ концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вмѣсто нитки продѣть можно. Весною полотно выбѣлили, и Василиса говоритъ старухѣ: «продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себѣ.» Старуха взглянула на товаръ и ахнула: «нѣтъ, дитятко! такого полотна кромѣ царя носить некому; понесу во дворецъ.» Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ. Царь увидалъ и спросилъ: «что тебѣ, старушка, надобно?» — Ваше царское величество, отвѣчаетъ старуха, я принесла диковинный товаръ; никому,

окромѣ тебя, показать не хочу. Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху и какъ увидѣлъ полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» спросилъ царь. — Ему цѣны нѣтъ, царь-батюшка! я тебѣ въ даръ его принесла. Поблагодарилъ царь и отпустилъ старуху съ подарками.

Стали царю изъ того полотна сорочки шить; вскроили, да нигдѣ не могли найти швеи, которая взялась бы ихъ работать. Долго искали; наконецъ царь позвалъ старуху и сказалъ: «умѣла ты напрясть и соткать такое полотно, умѣй изъ него и сорочки сшить.» — Не я, государь, пряла и соткала полотно, сказала старуха: это работа пріемыша моего — дѣвушки. «Ну такъ пусть и сошьетъ она!» Воротилась старушка домой и разсказала обо всемъ Василисѣ. «Я знала, говоритъ ей Василиса, что эта работа моихъ рукъ не минуетъ.» Заперлась въ свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываючи рукъ, и скоро дюжина сорочекъ была готова. Старуха понесла къ царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, одѣлась и сѣла подъ окномъ. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ. Видитъ: на дворъ къ старухѣ идетъ царской слуга; вошелъ въ горницу и говоритъ: «царь-государь хочетъ видѣть искусницу, что̀ работала ему сорочки, и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ.» Пошла Василиса и явилась предъ очи царскія. Какъ увидѣлъ царь Василису прекрасную, такъ и влюбился въ нее безъ памяти. «Нѣтъ, говоритъ онъ, красавица моя! не разстанусь я съ тобою; ты будешь моей женою.» Тутъ взялъ царь Василису за бѣлыя руки, посадилъ ее подлѣ себя, а тамъ и свадебку сыграли. Скоро воротился и отецъ Василисы, порадовался объ ея судьбѣ и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла къ себѣ, а куколку по конецъ жизни своей всегда носила въ карманѣ.

45.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦЪ ИВАНУШКА[1].

а. Идутъ двое сиротокъ — сестрица Аленушка съ братцемъ Иванушкой по дальнему пути, по широкому полю, а жаръ-то, жаръ ихъ донимаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить: «сестрица Аленушка, я пить хочу!» — Подожди, братецъ, дойдемъ до колодца. Шли, шли, — солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ коровье копытцо полно водицы. «Сестрица Аленушка, хлебну я изъ копытца?» Не пей, братецъ; теленочкомъ скинешься! Братецъ послушался, пошелъ дальше. Солнце высоко, колодезь, далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ лошадиное копытцо полно водицы. «Сестрица Аленушка, напьюсь я изъ копытца?» — Не пей, братецъ; жеребеночкомъ станешь. Вздохнулъ Иванушка, опять пошелъ. Солнце высоко, колодезь далеко, жаръ донимаетъ, потъ выступаетъ! Стоитъ баранье копытцо полно водицы. Братецъ увидѣлъ его, и не спросясь съ Аленушкой, выпилъ до дна. Аленушка зоветъ Иванушку, а вмѣсто Иванушки за ней бѣжитъ бѣленькой баранчикъ Догадалась она, залилась слезами, сѣла подъ стожекъ — плачетъ, а баранчикъ возлѣ нея по травочкѣ скачетъ. Ѣхалъ мимо баринъ, остановился и спрашиваетъ: «о чемъ ты, красная дѣвушка, плачешь?» Разсказала она ему свою бѣду. «Поди, говоритъ, за меня; я тебя наряжу и въ платье и въ серебро и баранчика не покину: гдѣ будешь ты, тамъ будетъ и онъ.» Аленушка согласилась; обвѣнчались и жили такъ, что добрые люди глядя на нихъ радовались, а дурные завидовали.

---

1) Смотри выпускъ II-й, № 29.

Одинъ разъ мужа не было дома, Аленушка оставалась одна. Вѣдьма навязала ей на шею камень и бросила въ воду, а сама нарядилась въ ея платье и заселилась въ барскихъ палатахъ; никто ее не распозналъ, самъ мужъ обманулся. Одному баранчику все было вѣдомо, одинъ онъ печалился, повѣсилъ голову, не биралъ корму, и утро и вечеръ ходилъ около воды по бережку да кричалъ: бя, бя! Узнала о томъ вѣдьма и не любо ей стало; велѣла разложить костры высокіе, разогрѣть котлы чугунные, наточить ножи булатные, и говоритъ: «барана надо зарѣзать!» Послала слугу его поймать. Мужъ дивится: какъ жена то любила барана, мнѣ надоѣла — пой его, корми его, а то велитъ рѣзать! А баранчикъ спровѣдалъ, что ему недолго жить, легъ на бережку и причитываетъ:

«Аленушка, сестрица моя!
Меня хотятъ зарѣзати;
Костры кладутъ высокіе,
Котлы грѣютъ чугунные,
Ножи точатъ булатные.»

Аленушка ему въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетёръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на груди легли!»

Человѣкъ слушаетъ, что за чудо? Пошелъ, сказалъ барину; стали оба караулить. Баранчикъ пришелъ и опять сталъ вызывать Аленушку и плакаться надъ водою: «сестрица моя, Аленушка! меня хотятъ зарѣзати; костры кладутъ высокіе, котлы грѣютъ чугунные, ножи точатъ булатные!» Аленушка ему въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетёръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на груди легли!»

—Людей! людей! закричалъ баринъ; собирайся челядь дворовая, запускай невода, закидай сѣти шелковыя! Собралась челядь дворовая, закинула сѣти шелковыя; Аленушка и поймалась. Вытащили ее на бережокъ, отрѣзали камень, окунули ее, сполоснули въ чистой водѣ, бѣлымъ полотномъ обернули, и стала она еще лучше, чѣмъ была, и обняла своего мужа. Баранчикъ сталъ опять братецъ Иванушка, и зажили всѣ по старому, по хорошему, только вѣдьмѣ досталось; ну, да ей, говорятъ, туда и дорога, объ такой не жалѣютъ!

(Записана въ курской губерніи.)

b. Жили систрица и братицъ и пашли ани въ лѣсъ па ягыды. Шли, шли; вотъ ны дороги лижить лышидина капытца съ вадицый, вотъ братицъ и гварить: «систрица, я пить хачу; я въ этомъ капытцѣ напьюсь.» — Нѣтъ, ни пей, братицъ! канашка будишь. Ищо шли, шли, корова капытца стаить. «Систрицъ, систрицъ! я пить хачу.»—Нѣтъ, ни пей; бычокъ будишь. Шли, шли; стаить авеча капытца. «Систрицъ, систрицъ! я напьюсь.»—Нѣтъ, ни пей; баранчикъ будишь. Шли, шли, стаить козина капытца. «Систрицъ, систрицъ! я напьюсь.» — Нѣтъ, ни пей; а то казёльчикъ будишь. Пашли дальши; онъ ни утирпѣлъ, атвярнулся и напился, и абратился казёльчикамъ, бижить и блiётъ [1]). «Я гварила тибѣ: ни пей!» Идуть, баринъ ѣдить и гварить: «продай, дѣвушка, казёльчика.» — Нѣтъ, онъ у миня ни продажный; это мой братицъ, а ни казёльчикъ! Баринъ взялъ обѣихъ ихъ, увёсъ, и на дѣвушкѣ жинился, и казёльчика ласкалъ.

Вотъ баринъ уѣхалъ, а эту жану аво Алёнушку дваровыя нинавидили, взяли привязали ей на шею каминь большущій и бросили въ ряку; а вмѣста её другая убралась въ её платья.

---

1) Отъ «блеять».

Баринъ пріѣхалъ и ни узналъ. Эта другая жана хатѣла известь и казёльчика, и вилѣла барину зарѣзать яво: «я, гварить, хачу казлиныва мясца!» Баринъ вилѣлъ слугамъ зарѣзать казёльчика. Казёльчикъ пачуилъ, приходить къ барину и гварить: «баринъ, баринъ! пусти миня на рѣчку вадицы испить, кишочки прамыть; тваей барыни лучше будить кушать!» — Ступай, ды ни ухадись. Онъ пашолъ, ны бирашку сѣлъ и сталъ кричать: «Алёнушка, систрицушка, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; миня казла хатять рѣзать, нажи точуть булатныя, катлы кипять нимѣцкія, агни гарять всё жаркія!» А ана яму гварить, выныривая изъ рякй: «Иванушка, радимый мой, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; чижолъ каминь ка дну тянить, бѣла-рыба глаза выила, люта змія сер(д)ца выс(о)сыла, шелкава трава ноги спутыла!» Казёльчикъ пашолъ дамой, пылижалъ и апять у барина проситца ны рякў; баринъ пустилъ и паслалъ заслѣдамъ слугу пысматрѣть: зачѣмъ онъ часта ходить туда. Казёльчикъ сѣлъ ны бирашку и апять закричалъ: «Алёнушка, сестрицушка, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; миня казла хатять рѣзать, нажи точуть булатныя, катлы кипять нимѣцкія, агни гарять всё жаркія!» Ана яму гварить: «Иванушка, радимый мой, тибѣ тошна, а мнѣ ташнѣй тваво; чижолъ каминь ка дну тянить, бѣла-рыба глаза выила, люта змія серца выс(о)сыла, шелкава трава ноги спутыла!» Пришли дамой, слуга ничаво ни сказалъ барину; а казёльчикъ нимношка пывярнулся и апять проситца у барина на рѣчку вадицы испить, кишочки прамыть. Баринъ атпустилъ и самъ пашолъ заслѣдамъ. Казёльчикъ сѣлъ ны бирашкѣ и сталъ апять кричать: «Алёнушка, систрицушка, миня казла хатять рѣзать, нажи точуть булатныя, катлы кипять нимѣцкія, агни гарять всё жаркія!»—И ана выныривать изъ раки и гварить стала: «Иванушка, радимый мой!...» Кы(а)къ баринъ-та угадалъ, ды вдрухъ кинитца и выт(а)щилъ её; узналъ аба всёмъ,

всѣхъ цирисѣкъ, а катора намѣста её зд̂ѣлылась, (ту) пра-
гналъ; а съ этый началъ жить, пыживать на прежниму, и ка-
зёльчику стала хрошо 1).

(Записана въ тамбовской губерніи.)

46.

БѢЛАЯ УТОЧКА.

Одинъ князь женился на прекрасной княжнѣ, и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею наговориться, не

---

1) *Варіантъ:* Жилъ старикъ со старухой. У нихъ былъ сынокъ Иванушка и дочка Оленушка. Отецъ послалъ ихъ въ лѣсъ за ягодками. Они пошли; пришли въ лѣсъ и нашли земляночку. Оленушка сказала: «давай, братецъ, взойдемъ въ эту землянку.» Взошли и увидѣли: лежитъ на печи и спитъ яга-баба. Они сѣли на лавку и стали играть Оленушкинымъ кольчикомъ. Долго ли, коротко ли въ ней посидѣли; потомъ вышли изъ землянки. Отойдя немножко, Оленушка сказала: «охъ, братецъ Иванушка! я кольчико-то позабыла въ землянкѣ на окошечкѣ; поди, возьми его, да смотри не лижи козлинаго сальца, что на лавочкѣ лежитъ.» Пошелъ Иванушка и дорогою самъ съ собою думаетъ: что мнѣ сестрица не велѣла лизать сальца? Пришелъ въ землянку, взялъ кольчико и лизнулъ сальце, да и сдѣлался козломъ. Надѣлъ кольчико на рога, бѣжитъ къ Оленушкѣ и блеетъ по козлиному. «Охъ, ты дурачекъ Иванушка! говоритъ Оленушка, вить я тебѣ наказывала, чтобы не лизалъ сальце; а ты не послушалъ таки меня!» . . . Взялъ ихъ баринъ къ себѣ, и живутъ они у него съ годъ времени. Вотъ пришли къ Оленушкѣ дочери яги-бабы, зовутъ ее купаться. Долго она отказывалась; наконецъ уговорили. Пришли къ водѣ, скинули съ себя рубашки, полѣзли въ воду. Ягины дочери привязали Оленушкѣ на шею камень и пустили съ нимъ въ воду . . . . . Козленочекъ ходитъ на бережокъ и горько плачетъ, приговаривая: «Оленушка, сестрица моя! ты выдь ко мнѣ, ты выглянь. Я братецъ твой, Иванушка, пришелъ къ тебѣ съ нерадостной вѣсточкой, меня козла убить хотятъ, зарѣзати . .» Оленушка изъ воды отвѣчаетъ ему: «Охъ, братецъ мой, Иванушка! я рада бы къ тебѣ выглянуть, тяжелъ камень ко дну тянетъ . . .» Слуги пошли за козленочкомъ, и какъ на его голосъ выглянула изъ рѣки Оленушка — они тотчасъ схватили ее и вытащили на берегъ. Баринъ взялъ Оленушку къ себѣ въ домъ, а козла Иванушку пустилъ въ садъ гулять, а дочерей яги-бабы приказалъ растрѣлять.

(Записана въ саратовской губерніи.)

успѣлъ ее наслушаться, а уж надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ дальній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорятъ, вѣкъ обнявшись не просидѣть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока терема, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не ватажиться, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покоѣ и не выходитъ. Долго ли, коротко ли, пришла къ ней женщинка, казалось — такая простая, сердечная! «Что, говоритъ, ты скучаешь? хоть бы на божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила» 1). Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ подумала: по саду походить не бѣда, и пошла. Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, говоритъ женщинка, день такой жаркой, солнце палитъ, а водица студёная — такъ и плещетъ, не скупаться ли намъ здѣсь?» — Нѣтъ, нѣтъ, не хочу! — а тамъ подумала: вѣдь скупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду. Только окунулась, женщинка ударила ее по спинѣ: «плыви ты, говоритъ, бѣлою уточкой!» и поплыла княгиня бѣлою уточкой. Вѣдьма тотчасъ нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужь бѣжитъ на встрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распознаналъ ее.

А бѣлая уточка нанесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморушка, и дѣточки ея вышли—ребяточки; она ихъ выростила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ. «Охъ, не

---

1) Освѣжила чистымъ воздухомъ.

ходите туда, дѣти!» говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграютъ на травкѣ, завтра побѣгаютъ по муравкѣ, дальше-дальше и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ, накормила, напоила и спать уложила, а тамъ велѣла разложить огня, навѣсить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули,—а заморушка, чтобъ не застудить, приказала (имъ?) мать въ пазушкѣ носить — заморушекъ-то и не спитъ, все слышитъ, все видитъ. Ночью пришла вѣдьма подъ дверь и спрашиваетъ: «спите вы, дѣтки, иль нѣтъ?» Заморушекъ отвѣчаетъ: «мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!»—«Не спятъ!» Вѣдьма ушла, походила, походила, опять подъ дверь: «спите, дѣтки, или нѣтъ?» Заморушекъ опять говоритъ тоже: «мы спимъ-не спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы высятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» Что-же это всё одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видитъ: оба брата спятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой [1])—и они померли.

Поутру бѣлая уточка зоветъ дѣтокъ; дѣтки не йдутъ. Зачуяло ея сердце, встрепенулась она и полетѣла на княжій дворъ. На княжьемъ дворѣ бѣлы какъ платочки, холодны какъ пласточки лежали братцы рядушкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и материнскимъ голосомъ завопила:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой васъ выхаживала,

1) Есть повѣрье, что воры запасаются рукою мертвеца, и приходя на промыселъ, обводятъ ею спящихъ хозяевъ, чтобы навести на нихъ непробудной сонъ.

Я слезой васъ выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладокъ кусъ не доѣдала!

«Жена, слышишь небывалое? утка приговариваетъ.»—Это тебѣ такъ чудится! велите утку со двора прогнать!—Её прогонятъ, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная;
Отняла у васъ отца роднаго,
Отца роднаго — моего мужа,
Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
Обратила насъ въ бѣлыхъ уточекъ,
А сама живетъ — величается!

«Эге!» подумалъ князь и закричалъ: «поймайте мнѣ бѣлую уточку!» Бросились всѣ, а бѣлая уточка летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ, она къ нему на руки пала. Взялъ онъ ее за крылушко и говоритъ: «стань бѣлая береза у меня назади, а красная дѣвица впереди!» Бѣлая береза вытянулась у него позади, а красная дѣвица стала впереди, и въ красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню. Тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули дѣтокъ живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя цѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А вѣдьму привязали къ лошадиному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога — тамъ стала кочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ голова — тамъ кустъ да колода; налетѣли птицы — мясо поклевали, поднялися вѣтры — кости разметали, и не осталось отъ ней слѣда, ни памяти!

(Записана въ курской губерніи.)

47.

ЧУДЕСНЫЕ КОНИ, КОЗА И СВИНКА[1])

Живъ колись на свитѣ старѐнькій панокъ вдовець и мавъ у себе трёхъ сынивъ, двохъ розумныхъ, а третёго дурня; и дурень усе було сидить у грубѣ [2]) и мне въ попелѣ пузыри. Якъ же прійшла пора батькови умирати, то винъ, зозвавши до себе усѣхъ, заповѣдавъ, щобъ вони дѣ іого поховают [3])—приходили по очереди три ночи зряду каждый особне до іого на могилу: старшій на першу ничь, середульшій на другу, а дурень на третю. И послѣ, якъ умѐръ, вони іого поховали и одпоминали; то дурень, дождавшись темной ночи, вылизъ изъ грубы, и побачивши, що у бративъ повни хаты гостей, пьють та бенкетують [4]), спитавъ старшого: чи пиде винъ на могилу до батька? и почувши, якъ сказавъ той: не хо̀чу,—побривъ самъ никому не сказавши до могилы и сивъ изъ боку коло ен. У саму-жъ глупу [5]) ничь земля на могилѣ розступилась и батько вылизши наверхъ зъ ямы, спитавъ: «а хто тутъ сидить?» Якъ же почувъ, що обизвався дурень и розказавъ, що старшій казавъ: ити не хо̀чу; то винъ отдаючи іому уздечку веливъ, щобъ коли іому буде яка нужда, або чого треба —то потрясъ бы уздечкою, и до іого прибижить заразъ чорный кинь; тогди влизъ бы іому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого іому треба. А самъ полизъ упять у яму, и могила затулилась [6]). Тогди дурень узявши уздечку вернувся до дому и полизъ у грубу спати. На другій же день почувши, що гости у братив бен-

---

1) Смотри вып. II, № 21 и 28. 2) На печи (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 82). 3) Похоронятъ. 4) Пируютъ. 5) Въ глухую (Словарь Чужбинскаго, стр. 73). 6) Закрылась, затворилась.

метують, и дождавшись ночи знайшовъ середульшого и спитавъ: чи пиде винъ до батька на могилу? но якъ сказавъ и сей, що не хо̀чу; то винъ побривъ самъ и сивъ на тимъ-же мѣсцѣ коло могилы. У саму-жъ глупу ничъ земля на могилѣ розступилась, батько зъ ямы вылизъ наверхъ, и узнавши, що сидить дурень, а середульшій сказавъ: не хо̀чу, то винъ отдавши іому и другу уздечку, тоже веливъ: якъ треба колись буде, щобъ винъ потрясъ уздечкою, и заразъ прибижить до іого рыжій кинь; то винъ щобъ улизъ іому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ коню чого іому треба. Самъ сховався у яму, земля зтулилась, а дурень вернувшись до дому полизъ у грубу спати. Проснувшись же на третій день почувъ, що усе гости бенкетують, и дождавшись ночи пишовъ на могилу, якъ тильки гараздъ смеркло, и сивъ у тимъ-же самимъ мѣсцѣ коло могилы. Земля розступилась, батько зъ ямы вылизъ и побачивши, що сидить дурень, отдавъ іому и третю уздечку, и розказавъ, що коли іому чого буде треба, то щобъ потрясъ јію —и тоди вже прибижить до іого кинь сивый; щобъ влизъ іому у праве ухо, а у ливе вылизъ, и загадувавъ чого буде треба. Попращавсь зъ дурнемъ, не звеливъ вже до могилы приходити, полизъ у яму. Земля зтулилась, и дурень зъ уздечкою вернувшись до дому полизъ у грубу спати.

У те-жъ саме время царь тіи земельки, дѣ живъ дурень зъ братáми, мавши у себе одну дочкꙋ дивку, построивъ теремъ, чи стовпъ каменный превысокій, и розославъ по царству бумаги, що хто зъ молодцивъ достане тамъ дочкꙋ іого, за то̀го отдасть ей и усе царство зъ нею. И назначивъ для того три дни, коли хто схоче зъ царивъ и панивъ и усякого народу, зъјизжатись и сходитись. То до братавъ дурневыхъ зъјихалось богато молодцивъ, и браты̀ вже туда убирались сами и ко̀ней убирали; дурень попросивъ, щобъ узяли и іого хочъ подивитись, но уси вони осміявши іого покинули дома. Дакъ винъ узявши пер-

ву уздечку и выйшовши за царину [1] у поле далеченько, якъ потрясъ уздечкою, то заразъ прибигъ до іого чорный якъ галка кинь и поспитавъ, чого треба? а в(у)знавши звеливъ лизти у праве ухо, а у ливе вылазить. И якъ зробивъ се дурень, то самъ себе не пизнавъ въ дорогій одежѣ—дуже хорошій зробився! А кинь іого поспитавъ: чи бѣгти по земли, чи пиднятись ви(ы)ще? [2] скочивши разъ, полетивъ якъ птица и долетивши до царивны мимо ей промчався. Тутъ народъ наробивъ крику, щобъ ловити; но винъ якъ птиця тильки мелькнувъ, отбигъ у поле, знявъ зъ коня узду, самъ перемѣнився, прійшовъ до дому и полизъ у грубу. Якъ же пріјихали браты и навезли гостей до себе, то тильки и мови [3] було, що про тее чудо. На другій же день упять народъ збирався, и до бративъ зајихали товариство и вже готовились јихать, такъ и дурень попрохавсь, щобы взяли іого хочъ подивитись. Но вони надъ нимъ насміявшись појихали. Тогди дурень, узявши другу уздечку, выйшовъ у поле далеченько; потрясъ уздечкою, и заразъ прибигъ до іого рижій кинь и поспитавъ: чого треба? а взнавши звеливъ влизти у праве ухо, а у ливе вылизти. И якъ зробивъ тее дурень, то ставъ ще въ богатчій одежѣ и кращій [4], нижъ [5] первый разъ. И звеливъ коню нести іого одъ земли высоко. Кинь якъ скочивъ разъ, то дурень и не вглядивъ, коли ставъ коло царивны и ей минувъ; прибигши-жъ у поле почувъ, що народъ кричавъ ловить, но вже пизно. Винъ зъ коня уздечку знявъ, самъ перемѣнився, пишовъ до дому и полизъ у грубу. Браты пріјихали зъ гостями и усе розказували те чудо. А на третій день упять народъ туда-жъ збирався; до бративъ зајихало товариство, и вже зъ двора выјижжали, тогди и дурень, узявши третю уздечку, выйшовъ у поле, потрясъ уздечкою —

---

1) Огорожа кругомъ деревни. 2) Выше. 3) Рѣчи. 4) Красивѣе. 5) Нежели.

и заразъ прибигъ до іого кинь сивый, и взнавши, для чого винъ званый, звеливъ пролизти у обое уха. А якъ дурень тее зробивъ, то явивсь ще въ богатчій одежѣ и кращій одъ первыхъ двохъ разивъ, и звеливъ нести іого одъ земли высоко. Кинь якъ скочивъ разъ — долетивъ до царивны; дурень взоравъ у ніи изъ шіи платочокъ, а вона вдарила іого у лобъ перстнемъ—напечаталась печатка. Народъ кричавъ, кричавъ, що ловить; но винъ пролетивъ, зъ коня уздечку знявъ у полѣ, самъ перемѣнився, прійшовъ додому и у лизъ у грубу; а печатка на лобѣ осталася вични.

На другій же день пославъ царь усихъ оглядати. у кого на лобѣ осталась печатка. Послáнци обійшовши скризь [1] и усихъ оглядивши привернули и до бративъ, и не знайшовши ни на одному печатки выволокли дурня зъ грубы за ноги, и якъ углядѣли на іого лобѣ печатку — полякались [2]: узявши зъ собою дурня, повели до царя, и царь щобъ не измѣнять слова звеливъ попамъ іого зъ дочкóю звѣнчати, и давъ имъ щобъ вони жили особу хатину. А самъ объявивъ, що хто приведе до іого козу, на которій золотá та сребна шерсть, тому вручить царство. Зобралось богато розного народу и по усихъ дорогахъ и стежкахъ розъјихались козы шукаты. Такъ и дурень упросивъ жинку, щобъ выпросила и іому у царя яку-нибудь шкапу [3]. А якъ вона зъ слёзами выпросила водовоза, то винъ узявши зъ собою перву уздéчку и сивши на шкапу задомъ до головы, а очима до хвоста, узявъ у зубы хвистъ и погоняючи долонею, выјихавъ у поле, а тамъ вставши узявъ за хвистъ, смыкнувъ [4] и зтягъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ потрясъ уздечкою и якъ прибигъ до іого чорный кинь, то винъ розказавши чого треба и взнавши одъ іого: дѣ коза ходить, пролизъ

---

1) Вездѣ. 2). Лякать — пугать (Словарь при Энеидѣ Котляревскаго, стр. 13). 3) Клячу. 4) Дернулъ.

кризь уха, переменився зовсимъ и сивши на коня заразъ козу піймавъ, привьязавъ до стремена и вернувся назадъ потихеньку. Недалеко-жъ одъјихавши зустрівъ [1]) одного изъ тихъ, що појихали козу шукаты, и той ставъ просить, щобъ винъ узявъ що хоче и козу іому отдавъ. Такъ дурень стребовавъ изъ правой руки отъ крайнёго пал(ь)ця урѣзать одинъ суставъ, и той согласився; такъ винъ козу оддавъ, а суставъ заховавъ у кишеню. И якъ розъјихались, то дурень узду зъ коня знявъ и прійшовъ до дому, а той якъ прививъ до царя козу, то царь зготувавъ обидъ, скликавъ народъ и объявивъ, що хто ще приведе до іого дикого кабана въ золотѣ та въ сереблѣ, то той и царство получить. На другій день зобрався народъ, и уси въ розны стороны розъјихались кабана шукаты. И дурень упять напиг-ся [2]) на жинку, щобъ и іому выпросила у царя шкапу. И та якъ зъ плачемъ выпросила, то винъ упять выјихавши у поле зтягъ шкуру, покинувъ стерво у полѣ, а самъ потрясъ другою уздечкою. И якъ прибигъ кинь рижій, то винъ розказавши чого требя и почувши одъ іого: дѣ кабанъ ходить, пролизъ у обое уха, переменився, сивъ на коня и заразъ піймавъ кабана, привьязавъ у пояса и вернувся назадъ. Недалеко-жъ одъјихавши устривъ опять того, що козу купивъ, и якъ ставъ винъ прохаты, щобъ и кабана іому отдавъ, то дурень потребовавъ, щобъ на правій же руцѣ давъ одрѣзать другаго пал(ь)ця першій суставъ; и той согласився. Винъ урѣзавъ составъ, заховавъ у кишеню, отдавъ кабана, а самъ одъјихавши знявъ уздечку, коня пустивъ и вернувся до дому. Якъ же той прививъ кабана, то царь звеливъ готувати обидъ, усихъ скликавъ и сказавъ, що хто йще приведе у послидній разъ кобылу въ золотѣ та въ сереблѣ, то той вже получить и царство. На третій день зобрався народъ и уси розъјихались въ розныи мѣста кобы-

1) Встрѣтилъ. 2) Напустился на жену, присталъ къ ней?

лушукаты. Такъ и дурень на жинку намигся, щобъ и іому выпросила шевлюгу [1]). Вона пишла до царя, и хочъ той не хотивъ давати за те, що двое вже пропало, но уваживши на слёзы давъ; а сей выјихавши у поле такъ же зтагъ шкуру, стерво покинувъ собакамъ, а самъ узявъ третю уздечку и потрясъ. И якъ прибигъ кинь сивый и дурень іому розказавъ: чого треба, а кинь объявивъ, що кобыла теперь зъ нимъ паслась у полѣ; то винъ, пролизши у обое уха, перемѣнився, на коня сивъ и заразъ кобылу піймавъ и вернувся назадъ. Не дојизжаючи до дому зустривъ упятъ того-жъ чоловика и за кобылу зторговався, щобъ на тій же руцѣ урѣзать третёго пал(ь)ця первый суставъ. И якъ урѣзавъ, сховавъ суставъ у кишеню, самъ одъјихавъ, зъ коня уздү знявъ и вернувся до дому. А якъ привели кобылу, то царь звеливъ готувати обидъ, позвывавъ народъ, и сидя за столомъ объявивъ, що завтра вручае царство тому, хто піймавъ козу, кабана и кобылу. Тогди дурень объявивъ, що усе половивъ винъ и попродавъ за суставы на правій руцѣ изъ палцивъ, и вынявши поклавъ на тарелку суставы, а тому звеливъ, щобъ показавъ руку. Тогди народъ здивувався, царь и іого жинка зрадувались, повставали одъ обида, выйшли уси надви(о)ръ, а дурень потрясъ усими трёма уздечками—прибигли уси три кони; винъ лазивъ до усихъ у обое уха и перемѣнявся такъ, що изъ хорошаго зробився кращимъ, а изъ кращаго йще кращимъ, на коняхъ летавъ поверхъ хатъ и лѣсивъ. Коней винъ не пустивъ у поле, а поставивъ зъ кобылою, кабаномъ и козою у стаднѣ [2]). Самъ зробився царемъ, ввійшовъ жить у царськи будинки [3]), бративъ зробивъ панами; Богъ пославъ жинци двохъ близнюкивъ-дитокъ; надъ батькомъ выстроивъ церковъ, що-дня [4]) іого поминае, самъ

1) Клячу. 2) Въ конюшнѣ (Словарь въ Труд. Общ. люб. рос. слов. кн. VII, стр. 317). 3) Великолѣпный домъ, дворецъ (ibidem, стр. 288). 4) Ibidem, стр. 325: ежедневно.

пье горилку зъ барильця [1]), и я прихопився [2]), тай соби напився — по бородѣ текло, а въ ротѣ не було!

48.

ГОРШЕНЯ [3]).

Горшеня ѣдетъ-дремлетъ съ горшками. Догналъ его осударь Иванъ Васильевичъ. «Миръ по дорогѣ!» Горшеня оглянулся. —Благодаримъ, просимъ со смиреньемъ. «Знать вздремалъ?» —Вздремалъ, великій осударь! не бойся того, кто пѣсни поетъ, а бойся того, кто дремлетъ. «Экой ты смѣлый, горшеня! люблю едакихъ. Ямщикъ! поѣзжай тише. А што, горшенюшка, давно ты этимъ ремесломъ кормишься?» — Съ измолоду, да вотъ и середовой сталъ. «Кормишь дѣтей?» — Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозомъ не бьетъ. «Хорошо, горшеня, но все-таки на свѣтѣ не безъ худа.» — Да, ваше царское величество! на свѣтѣ есть три худа. «А какіе три худа: горшенюшка?» — Первое худо: худой шаберъ [4]), а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разумъ. «А скажи мнѣ, которое худо всѣхъ хуже?» — Отъ худова шабра уйду, отъ худой жены тоже можно, какъ будетъ съ дѣтьми жить; а отъ худова разума не уйдешь — все съ тобой. «Такъ, вѣрно, горшеня! ты мозголовъ. Слушай! ты для меня — а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!» — Годится, такъ покину — какъ придетъ! а то и на-голо. «Ну, горшеня, постой на часъ! я погляжу твою посуду.» Горшеня остановился, на-

1) Барило — боченокъ (Малор. словарь Чужбинскаго, стр. 6). 2) Примкнулъ, присталъ. 3) См. выпускъ II, № 17. Сказка эта была напечатана въ Москвитянинѣ 1843 г., № 1, стр. 130—1. 4) Сосѣдъ.

чалъ раскладывать товаръ. Осударь сталъ глядѣть и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты надѣлаешь мнѣ едакихъ?» — Сколько угодно вашему царскому величеству? «Возовъ десятокъ надо.» — На много ли дашь время? «Мѣсяцъ.» — Можно и въ двѣ недѣли представить, и въ городъ. Я для тебя, ты для меня. «Спасибо, горшенюшка!» — А ты, осударь, гдѣ будешь въ то время, какъ я представлю товаръ въ городъ. «Буду въ дому у купца въ гостяхъ.» Осударь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная

Горшеня кончилъ заказъ царской и привезъ товаръ въ городъ. Одинъ бояринъ выѣхалъ на торжище къ горшенѣ и говоритъ ему: «Богъ за товаромъ, горшеня!» — Просимъ покорно. «Продай мнѣ весь товаръ.» — Нельзя, по заказу. «А што тебѣ, ты бери деньги — не повиннатъ изъ этого, коли не взялъ задатку подъ работу. Ну, што возмешь?» — А вотъ што: каждую посудину насыпать полну денегъ. «Полно, горшенюшка, много!» — Ну, хорошо, одну насыпать, а двѣ отдать — хочешь? И сладили. — Ты для меня, а я для тебя.— Насыпаютъ да высыпаютъ, сыпали, сыпали.... денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ, видя худо, съѣздилъ домой, привезъ еще денегъ. Опять сыплютъ да сыплютъ — товару все много. «Какъ быть, горшенюшка?» — Ну, што ни жадала? Нечево дѣлать, я тебя уважу — только знаешь што? свези меня на себѣ до этого двора, отдамъ и товаръ и всѣ деньги. Бояринъ мался, мался — жаль и денегъ, жаль и себя; но дѣлать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; въ спорѣ дѣло. Горшеня запѣлъ пѣсню, бояринъ везетъ, да везетъ. «До коихъ же мѣстъ везти тебя?» — Вотъ до этого двора и до этого дому. Весело поетъ горшеня, противъ дому онъ высоко поднялъ. Осударь услыхалъ, выбѣгъ

на крыльцо—призналъ горшеню. «Ба! здравствуй, горшенюшка, съ пріѣздомъ!» — Благодарю, ваше царское величество. «Да на чемъ ты ѣдешь?» — На худомъ-то разумѣ, осударь. «Ну мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать; бояринъ! скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ и разувай лапти; ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду. Умѣлъ товаръ продать! немного послужилъ, да много услужилъ — а ты не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси?» — Прилетали. «Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ?» —Нѣтъ, на-голо, великій осударь, — всего ощипалъ.

(Записана П. М. Языковымъ въ симбирской губерніи со словъ крестьянина села Головина.)

49.

СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВЪ ѲОМУ И ЕРЕМУ [1].

Ахъ, да Ерёма да Ѳома были два братейка:
Они волосомъ однаки и умомъ равны,
У нихъ бороды, какъ бороды, и усы, какъ усы.
Вотъ задумали братаны въ божью церковь идти;
Въ божью церковь идти, Богу молиться.
Вотъ Ерёма зашелъ въ церковь, а Ѳома въ олтарь,
Вотъ Ерёма взялъ книгу а Ѳома псалтырь;

---

1) Смотри № 36. q. Въ толстовскомъ сборникѣ XVIII столѣтія и еще въ одной рукописи XVII в. (въ Публичной библіотекѣ) записана повѣсть «о двухъ братехъ о Еремѣ и о Ѳомѣ». Ерема и Ѳома попали на лубочную картину и служатъ для русскаго простолюдина олицетвореніемъ глупости и нелѣпости. Сказаніе о ихъ похожденіяхъ цѣликомъ перешло въ пословицы (Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей, стр. 300—301). Въ Отечеств. Запискахъ 1841 года (№ 5, библіогр., стр. 58) напечатанъ любопытный варіантъ этой сатиры: «Ерема жилъ на горкѣ, Ѳома подъ горой; Ерема ѣлъ мякину, Ѳома колосокъ» и т. дал.

Охъ, Ерёма-то запѣлъ, а Ѳома заговорилъ.
То заслышали попы со высокія горы,
Попы грамотные, люди надобные . . .
. . . .
Ерёма-то изъ двери, а Ѳома изъ окна.
Охъ, Ерёма пошелъ въ ельникъ, а Ѳома въ соснякъ;
Они оба испугались, оба вмѣстѣ сходились.
Вотъ задумали братаны сѣрыхъ зайковъ промышлять,
Сѣрыхъ зайковъ, побѣгóшковъ: ничего не нашли!
Вотъ пошли они, братаны, по крутому бережку,
По крутому бережку, по желтому по песку.
Вотъ увидѣли братаны, что двѣ уточки п(л)ывутъ:
Одна уточка бѣлешенька, а другая-то что̀ снѣгъ.
Охъ, Ерёма схватилъ палку, а Ѳома косарь:
Какъ Ерёма не докинулъ, Ѳома чéрезъ перекинулъ.
Вотъ задумали братаны себѣ рыбу промышлять,
Себѣ рыбу промышлять, красну сёможку.
Охъ, Ерёма сѣлъ да въ лодку, а Ѳома въ ботню̀:
У нихъ лодка безъ набоевъ [1]) и ботня̀ безо дна.
Они три года тонули — не могли потонуть,
Ихъ три чорта давили — не могли задавить!
Вотъ задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себѣ хлѣбъ наживать,
И поло̀жили ребята себѣ пашню пахать;
Вотъ Ерёма пошелъ въ рынокъ, а Ѳома на базаръ,
Вотъ Ерёма купилъ мерина, Ѳома жеребца —
Охъ, у нихъ меринъ-то не тянетъ и соха-то не валитъ;
Они мерина коломъ, сами съ пашенки бѣгомъ!

(Записана въ архангельской губерніи г. А. Харитоновымъ.)

---

1) Набо̀йная лодка — та, у которой на бортахъ набито по одной или по двѣ доски (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 119).

ПРИМѢЧАНІЯ.

3.

Котъ, лиса и пѣтухъ.

Смотри варіантъ этой сказки, напечатанный въ изданіи г-жи Авдѣевой: «Русскія сказки для дѣтей, разсказанныя нянюшкою Авдотьею Степановною Черепьевою. Изд. 3-е, Спб., 1856» (№ 1). Здѣсь лиса поетъ:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка
Шелкова бородушка!
Выгляни въ окошечко:
Вотъ бояре ѣхали,
Горохъ разсыпали —
Некому подобрать.

А старикъ, у котораго жилъ пѣтушокъ, пошелъ выручать его, и наигрывая на гусельцахъ—припѣваетъ:

Стрень-брень, мои гусельцы,
Золотыя мои струночки!
Ужь какъ дома ли, лиса,
Лиса Ивановна,
Со своими малыми дѣтушками?
Первая-то дочь Чучелка,
А вторая-то Почучелка,
Третья-то Подай-пирожокъ,
А четвертая Зажми-кулачокъ.

Онъ убилъ и лису и ея дочерей и сшилъ старухѣ изъ ихъ шкурокъ шубу.

5. 6.

«*Лиса и ракъ*» — сличи съ подобною же баснею въ изданіи: «Езоповы басни съ баснями латинскаго стихотворца Филельфа, съ новѣйшаго французскаго перевода, полнымъ описаніемъ жизни Езоповой, разсужденіями нравственными и историческими и проч. снабженнаго г. Беллегардомъ, нынѣ вновь на россійской языкъ переведенныя Д. Т. Москва, 1792», in 8°, стр. 325—6. «*Лиса и журавль*» — сличи въ томъ же изданіи съ Езоповою баснею о лисицѣ и аистѣ, на стр 147—8.

13.

Волкъ-дурень.

В. И. Даль передалъ интересную сказку, разсказанную ему Пушкинымъ, «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ» (См. Повѣсти, сказки и разсказы казака Луганскаго, ч. II, стр. 459 и въ Библіот. для чтенія 1836 г., т. XIV, стр. 133). Основная мысль этой сказки, по замѣчанію г. Пыпина, представить въ похожденіяхъ волка ту далекую первобытную эпоху, когда еще не были опредѣлены отношенія звѣрей ни къ самимъ себѣ, ни къ человѣку, и когда волкъ долженъ былъ самоучкою впервые добывать для себя живности; вообще начало сказокъ о звѣряхъ принадлежитъ грубой порѣ звѣроловнаго и пастушескаго быта, ставившаго людей лицомъ къ лицу съ независимымъ міромъ животныхъ. Мірская сходка, о которой здѣсь говорится, напоминаетъ подобную же сходку при дворѣ царя-льва въ германскомъ Рейнгартѣ (Отечеств. Записки 1855, № 5, критика, стр. 20—22). Жестокій пріемъ, испытанный волкомъ у гнѣдаго тура и коня (быкъ бросаетъ его рогами, а конь бьетъ задомъ), извѣстенъ еще въ Езоповой баснѣ: «о лошади и львѣ» (смотри вышеозначенное изданіе 1792 года, стр. 36). Старый

левъ, желая растерзать лошадь, вздумалъ притвориться лѣкаремъ и сталъ спрашивать ее о здоровьѣ. Лошадь жаловалась, что недавно занозила заднюю ногу. Левъ взялся вынуть занозу. Но только наклонился, какъ лошадь ударила его въ лобъ задними ногами и скрылась. У латинскаго стихотворца Филельфа («Езоповы басни», стр. 348 — 350) волкъ, поддѣлываясь къ коню, спрашиваетъ: чей онъ сынъ и какъ его зовутъ? Конь отвѣчалъ, что покойный отецъ написалъ обо всемъ ему на копытѣ, и когда волкъ полюбопытствовалъ прочесть эту надпись, то лошадь ударила его задомъ и убѣжала. — Георгій Храбрый посылаетъ еще волка къ барану, который бьетъ его своимъ крѣпкимъ лбомъ, къ кабану, который ранитъ его клыкомъ, и наконецъ къ людямъ, которые зашиваютъ его въ собачью шкуру и бьютъ.

Съ сказкою о волкѣ-дурнѣ сходна напечатанная въ превосходномъ изданіи Гаупта и Шмалера (Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. Grimma, 1843, in 4°), во II-й части на стр. 161—4: «Des Wolfes glücklicher Tag». Разъ поутру потягивался волкъ въ своей берлогѣ, а солнце бросало на него свой свѣтъ. Шла мимо лисица и сказала ему: «нынѣшній день ты постоянно будешь счастливъ.» — Отчего? спросилъ волкъ. «Да солнце бросаетъ на тебя свой свѣтъ!»—Я было не хотѣлъ сегодня выходить, сказалъ волкъ, но если это такъ — то пойду. Бѣжитъ волкъ лѣсомъ, а на встрѣчу ему два вора несутъ свиное сало. Увидѣли сѣраго, побросали сало и давай Богъ ноги. Волкъ обнюхалъ сало и сказалъ: «лисица права, сегодня я въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Какое славное сало! Но кто станетъ поутру ѣсть сало, чтобы потомъ цѣлый день томиться жаждою?» И онъ побѣжалъ дальше на лугъ; тамъ увидѣлъ кобылу съ жеребенкомъ и подумалъ про себя: «это получше!» Онъ сказалъ кобылѣ: «нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье, и потому я съѣмъ твоего жеребенка.»—Мнѣ это очень пріятно,

и я высоко цѣню, что столь знатный господинъ хочетъ скушать моего жеребенка. Но будь добръ, окажи мнѣ напередъ услугу. Я слышала, что ты знаменитый лѣкарь. Я всадила себѣ въ правую заднюю ногу большую занозу, и куда ни ходила — никто не могъ мнѣ помочь. Не избавишь ли ты меня отъ этой бѣды? «Знаменитый лѣкарь! подумалъ про себя волкъ. Гмъ! этого я не зналъ. Но кобыла не стала бы говорить, еслибъ не было такъ.» И онъ сказалъ: «покажи!» и подступилъ ближе. Кобыла подняла ногу, и только что волкъ хотѣлъ посмотрѣть — ударила его въ голову съ такою силою, что онъ упалъ безъ чувствъ. А кобыла скрылась съ своимъ жеребенкомъ. Когда волкъ очнулся, его ужасно раздражилъ обманъ кобылы. «Кто приказалъ тебѣ выдавать себя за лѣкаря? сказалъ волкъ. Но лиса сказала, что сегоднешній день сулитъ мнѣ счастье...» — и онъ пустился дальше и пришелъ къ мельницѣ: тутъ увидѣлъ онъ свинью съ поросенкомъ. «Сегодня мой счастливый день, сказалъ волкъ, и потому я съѣмъ твоего поросенка.» — Мнѣ это очень лестно, и я высоко цѣню, что такой знатный господинъ хочетъ скушать моего поросенка. Но будь добръ, обожди немножко. Самъ видишь, поросенокъ весь выпачканъ и замаранъ; я вымою его начисто, какъ пристойно для столь почетнаго вельможи. «Почетный вельможа! подумалъ про себя волкъ; гмъ! этого я еще не знавалъ. Но свинья не стала бы говорить, еслибъ это не такъ было.» И онъ сказалъ: «вымой!» а самъ сѣлъ на берегу. Свинья бросилась съ своимъ поросенкомъ въ рѣку, поплыла къ мельницѣ и скрылась совсѣмъ. Разсердился волкъ и говорилъ самъ себѣ: «никто не приказывалъ тебѣ выдавать себя за вельможу! Вотъ теперь и обманула тебя свинья, это глупое животное! Но лиса сказала, что нынѣшній день сулитъ мнѣ счастье...» и голодный волкъ пошелъ дальше. Пришелъ онъ на поле и увидѣлъ двухъ бодавшихся козловъ. Онъ объявилъ имъ о счастливомъ днѣ и о своемъ желаніи съѣсть одного

изъ нихъ. «О, это намъ очень лестно, отвѣчали они, что такой знатный господинъ желаетъ скушать одного изъ насъ. Но будь добръ, окажи намъ напередъ услугу. Мы слышали, что ты знаменитѣйшій судья; у насъ идетъ споръ объ этомъ полѣ, и куда мы ни обращались—никто не могъ навести насъ на правый путь. Разсуди, кому должно принадлежать поле. Ты стань здѣсь середи поля, а мы разойдемся по концамъ, и кто прежде прибѣжитъ къ тебѣ, тотъ и выиграетъ.» — Знаменитѣйшій судья! я этого еще не знавалъ. Но козлы не стали бы говорить, еслибъ этого не было. «Бѣгите!» сказалъ волкъ, а самъ усѣлся посреди поля. Козлы пустились бѣжать изо всѣхъ силъ и быстро исчезли. Раздраженный этимъ обманомъ волкъ сказалъ себѣ: «кто велѣлъ выдавать себя судьею! но пойду еще дальше; лиса сказала, что сегоднешній день обѣщаетъ мнѣ счастье...» Пришелъ онъ на выгонъ и увидѣлъ въ загородкѣ цѣлое стадо овецъ, а при нихъ ни пастуха, ни собаки. Это не дурно, подумалъ волкъ, и сказалъ овцамъ: «нынче счастливой мой день, и я теперь же хочу одну изъ васъ съѣсть.»—Намъ очень пріятно, отвѣчали овцы, и мы высоко цѣнимъ, что такой знатной господинъ хочетъ скушать одну изъ насъ. Но будь добръ, окажи напередъ услугу. Мы слышали, что ты опытный запѣвало, а мы сильно въ немъ нуждаемся; лучшій баранъ у насъ умеръ, и куда мы ни ходили — никто не могъ намъ хорошенько затянуть. Не поможешь ли ты намъ въ нуждѣ? «Опытный запѣвало! я этого еще не знавалъ о себѣ. Но овцы не стали бы говорить, еслибъ это не такъ было!» подумалъ волкъ. Онъ взлѣзъ на пастушій шалашъ и съ важностью началъ качать ногою взадъ и впередъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ онъ ударяетъ тактъ. Овцы заблеяли во все горло, одна выше другой; завылъ и волкъ. Цѣлая деревня и всѣ собаки сбѣжались на это пѣціе, и въ то время, какъ волкъ заливался больше и больше, кто-то нанесъ ему такой ударъ, что онъ упалъ съ шалаша на земь.

Тутъ принялись грызать его собаки, а люди бить дубинами, жердями и вилами. Насилу ушелъ онъ. «Кто велѣлъ, говорилъ онъ самъ съ собою, выдавать себя за пѣвца! Вотъ теперь овцы, самыя глупыя изъ всѣхъ животныхъ,—и тѣ обманули... Но у меня есть еще сало, можно хорошо поужинать.» И волкъ отправился на то мѣсто, гдѣ повстрѣчалъ двухъ воровъ; но лиса ужь давно утащила все сало.

17. 18.

«*Волкъ и коза*» — смотри варіантъ въ «Русскихъ сказкахъ для дѣтей», изданныхъ Авдѣевою, стр. 33—39; здѣсь разсказывается, что волкъ досталъ себѣ козлиную шкуру, нарядился въ нее и такимъ образомъ обманулъ козлятокъ.

«*Колобокъ*»—смотри въ томъ-же изданіи на стр. 16—21.

23.

Котъ и лиса.

Сличи съ этою сказкою напечатанныя: а) въ изданіи Караджича («Српске народне приповиjетке», № 49) — сказку о медвѣдѣ, свиньѣ и лисицѣ. Однажды эти три звѣря вспахали вмѣстѣ землю, посѣяли пшеницу, и собрали хлѣбъ; дошло до раздѣла: медвѣдь взялъ себѣ зерно, свинья взяла солому, а лисѣ не досталось ничего. Разсердилась лиса и сказала имъ, что приведетъ съ собой царскаго мужа, который по правдѣ ихъ раздѣлитъ. И медвѣдь, и свинья попрятались; онъ влѣзъ на грушу, а она закопалась въ солому. Лиса встрѣтила кошку и пригласила ее идти на гумно—мышей ловить. Кошка пошла съ радостью; идетъ по дорогѣ да за птицами гоняется. Медвѣдь и говоритъ свиньѣ: «зло свињо! ето лисице ће води страш-

нога бумбашира: огрнуо Ћурак од куне, па и крилате тице хвата' око пута.» — Конецъ такой-же, какъ и въ русской сказкѣ.

b) —въ изданіи Гаупта и Шмалера («Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz», ч. II, № 8, стр. 167—9) сказку о войнѣ волка съ лисою. У Пардоньи была старая кошка, у Наздалака старая собака. «Зачѣмъ мы держимъ кошку? сказалъ Пардонья своей женѣ; она совсѣмъ не ловитъ мышей. Я ее утоплю!» — Не дѣлай этого, говорила жена; она еще можетъ пригодиться. «Какъ-же! мыши могутъ танцовать на ней, и она все-таки ни одной не поймаетъ. Только увижу ее— сейчасъ въ воду!» На ту пору кошка лежала подъ печью; услышавъ такія угрозы, она убѣжала изъ дому. «Зачѣмъ мы держимъ собаку? сказалъ Наздалакъ своей женѣ; она и глуха и слѣпа, лаетъ — когда не нужно, и молчитъ — когда нужно лаять. Я ее повѣшу!»—Не дѣлай этого, говорила жена; она еще пригодится. «Какъ-же! воры могутъ занять цѣлой дворъ, она и не увидитъ. Только попадется мнѣ на глаза—сейчасъ и повѣшу!» На ту пору собака лежала въ углу; услышавъ такія рѣчи, она вскочила и убѣжала изъ дому. Кошка и собака сошлись вмѣстѣ, усѣлись и начали клясть свою судьбу. Шла мимо лисица, распросила ихъ обо всемъ и сказала: «я васъ выручу, если вы согласны помогать мнѣ: волкъ объявилъ мнѣ войну, съ нимъ соединились медвѣдь и кабанъ. Хотите завтра участвовать въ великой битвѣ?» Собака и кошка согласились. Волкъ, медвѣдь и кабанъ собрались на сказанное мѣсто, долго ждали непріятеля, и какъ было очень жарко, то медвѣдь вскарабкался на вѣтвистое дерево, волкъ легъ въ тѣни подъ дубомъ, а дикая свинья вся закопалась въ кучу соломы: только кончикъ уха торчалъ наружу. Явилась лиса съ собакой и кошкой; кошка тотчасъ запримѣтила, какъ замоталъ кабанъ своимъ выставленнымъ ухомъ, въ которое ужалила его муха

(жигалка), и кинулась на солому. Испуганная свинья пустилась бѣжать, а кошка со страху бросилась на дерево и прямо вцѣпилась медвѣдю въ морду. Медвѣдь растерялся, упалъ съ дерева да прямо на волка, задавилъ его, а самъ—бѣжать.

Лиса наловила десятка три мышей, подложила къ Пардоньѣ, и говоритъ кошкѣ: «таскай себѣ по одной мыши.» Кошка такъ и сдѣлала. «Смотри, сказала жена, наша кошка мышей ловитъ.» — А я не думалъ, чтобы старая кошка могла ловить ихъ. «То-то, вить я говорила! Но вы, мущины, всегда хотите быть правыми.» Собакѣ велѣла лиса идти къ Наздалаку въ тотъ самой день, какъ зарѣзали тамъ свинью: «ступай во дворъ и какъ будетъ попозднѣе—лай изо всѣхъ силъ.» Собака такъ и сдѣлала. «Поди, говоритъ жена, посмотри—не воры ли пришли? ишь собака лаетъ.» — Она сама не знаетъ, чего лаетъ! сказалъ Наздалакъ и не пошелъ. Поутру хватились, а колбасъ нѣту; лиса ихъ давно утащила. «Я не думалъ, сказалъ мужъ, чтобы старая собака могла быть такъ сторожлива.» А жена: «то-то, вить я тебѣ говорила! Но вы, мущины, всегда хотите быть правыми.»

25.

Собака и дятелъ.

Точно такая-же сказка встрѣчается и въ Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 58, ч. III, стр. 100): «Der Hund und der Sperling.» Воробей, подобно дятлу нашей сказки, добываетъ собакѣ мяса и хлѣба; собака легла на дорогѣ (въ одномъ варіантѣ: она напивается допьяна на свадьбѣ) и заснула. Извозчикъ, который проѣзжалъ по дорогѣ съ двумя бочками вина, не захотѣлъ посторониться и раздавилъ собаку. Раздраженный воробей выпустилъ изъ бочекъ вино, по-

нудилъ мужика гоняясь за нимъ съ киркою убить своихъ лошадей, потомъ собралъ множество птицъ и вмѣстѣ съ ними опустошилъ его нивы; наконецъ воробей влетѣлъ въ избу извозника, который, гоняясь за нимъ, перебилъ окна, зеркала и посуду и переломалъ столы и скамейки. Послѣ долгихъ хлопотъ хозяинъ поймалъ таки воробья. «Убить его!» говоритъ хозяйка. — Нѣтъ, этого ему мало: я его живаго проглочу! Сказалъ и сдѣлалъ. «Der Sperling aber fängt an in seinem «Leibe zu flattern, flattert wieder herauf, dem Mann in den Mund: da streckt er den Kopf heraus und ruft: Fuhrmann, es kostet dir doch dein Leben! Der Fuhrmann reicht seiner Frau die Hacke und spricht: Frau, schlag mir den Vogel im Munde todt». Жена ударила и попала мужу прямо по головѣ, такъ что онъ свалился мертвой; а воробей улетѣлъ. Окончаніе это весьма близко съ окончаніемъ нашей сказки (подъ литерою *а*), котораго впрочемъ мы не рѣшились напечатать.

27.

Курица и пѣтухъ.

Подобныя же сказки смотри въ Norwegische Volksmärchen, ч. I, № 16 и въ Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 80: «Von dem Tode des Hühnchens»; ч. III, стр. 128—9). Нѣмецкая сказка любопытна по подробностямъ, съ какими переданъ разсказъ о погребеніи курочки, подавившейся орѣхомъ. Въ погребальномъ шествіи принимаютъ участіе всѣ лѣсные звѣри.

36.

Прибаутки.

Прибаутки любопытны по своему складу, близкому къ пѣсеннымъ размѣрамъ и обильному риемами; любопытны онѣ,

какъ и другія устныя произведенія, еще такъ называемою аллитераціею, т. е. повтореніемъ одной согласной буквы въ началѣ словъ: отличные примѣры аллитераціи представляютъ прибаутка подъ буквою *и* и начало байки, напечатанной въ этомъ выпускѣ подъ № 38: «*Старину скажу стародавнюю, стародавнюю, небывалую, старика свяжу со старухою, со старухою съ кособрюхою.*» Прибаутки, въ томъ видѣ, въ какомъ слышатся теперь въ устахъ народа, очевидно составляютъ отрывки изъ различныхъ произведеній народнаго слова: пѣсенъ, сказокъ и причитаній, сопровождающихъ игры и обряды. Сличи: прибаутку подъ литерою *h* съ пѣснею, напечатанною у Сахарова въ «Сказаніяхъ русскаго народа», т. I. стр. 222, № 26; прибаутку подъ литерою *в* съ пѣснею, напечатанною тамъ-же на стр. 88, № 7; наконецъ прибаутку подъ литерою *c* съ описаніемъ простонародной игры: «коза» (Сахар. Сказанія русс. народа, т. I, стр. 90. № 34; Терещенко: Бытъ русс. народа, т. IV, стр. 45). Многія сказочныя выраженія, отличающіяся стихотворнымъ складомъ, какія особенно часто встрѣчаются въ сказкахъ о животныхъ, вошли въ пословицы и въ прибаутки. По нѣкоторымъ прибауткамъ можно заключать, что кромѣ уже собранныхъ сказокъ о животныхъ, существуютъ въ народѣ или по крайней мѣрѣ существовали прежде (хотя въ послѣдствіи и были забыты) другія подобныя же сказки.

39.

Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ.

Въ этой сказкѣ солнце и мѣсяцъ, согласно съ древними языческими преданіями, являются олицетворенными и женятся на дѣвицахъ. На ряду съ ними поставленъ и воронъ, игравшій такую видную роль въ миѳологіи индо-европейскихъ народовъ.

Олицетворенія солнца и мѣсяца, какъ и другихъ нѣкогда обоготворенныхъ силъ и явленій природы, очень обыкновены въ сказкахъ, заговорахъ и нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ (см. выпускъ II, стр. 144; вып. III, № 1. Болгарс. пѣсни во Временникѣ, кн XXII, стр. 5—10. Сербск. пѣсни Вука Караджича, ч. I, стр. 154—5, 305). Въ Словѣ о полку Ярославна въ своемъ поэтическомъ обращеніи къ солнцу называетъ его *господиномъ*. Литовскія и славянскія преданія согласно говорятъ о томъ, что богиня Солнце разъѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной тремя конями, что она имѣетъ на небѣ свой теремъ и живетъ тамъ вмѣстѣ со всѣмъ родомъ, и что ежегодно празднуетъ свой бракъ съ Мѣсяцемъ (Русск. достопамяти., ч. III, стр. 219—220; Отечеств. Зап: Зооморвич. божества у славянъ, 1852. № I, стр. 12—14; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 68 и пѣсни литовскія подъ № 28 и 33). Герои народныхъ сказокъ часто обращаются къ свѣтиламъ, спрашивая о дорогѣ въ далекой край или о судьбѣ милыхъ сердцу. Въ одной нѣмецкой сказкѣ сестра идетъ искать своихъ братьевъ, проклятыхъ отцомъ. Она шла далеко, далеко, на конецъ свѣта, и вотъ пришла къ Солнцу; оно было сурово, жгуче, и пожирало маленькихъ дѣтей. Поспѣшно убѣжала она и явилась къ Мѣсяцу, но онъ былъ холоденъ, страшенъ и золъ; какъ только замѣтилъ ее, то закричалъ: я чую, чую человѣчье мясо! Быстро удалилась она и пришла къ Звѣздамъ, которыя были дружелюбны и ласковы; каждая изъ нихъ сидѣла на своемъ престолѣ. Утренняя звѣзда помогла ей найти братьевъ. Въ другой нѣмецкой сказкѣ героиня идетъ искать своего милаго, обращеннаго въ голубя. Люди не могутъ мнѣ помочь, думаетъ она, и обращается къ Солнцу: «ты свѣтишь во всѣ стороны, во всѣ щели; не видалъ ли ты —гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — Нѣтъ, отвѣчало Солнце и подарило ей ящичекъ съ блестящимъ плать-

емъ. Вечеромъ, когда взошелъ Мѣсяцъ, она обратилась къ нему: «ты свѣтишь цѣлую ночь во всѣ лѣса и поля; не видалъ ли ты, гдѣ летаетъ бѣлый голубь?» — Нѣтъ, отвѣчалъ Мѣсяцъ и подарилъ ей яйцо, изъ котораго, какъ только его разбили, вышла золотая насѣдка съ цыплятами. За тѣмъ слѣдуютъ подобныя же обращенія къ вѣтрамъ (Грим. Kinder- und Hausmärchen, ч. I, № 25; ч. II, № 88. Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde, т. I, вып. 3, стр. 312; смотри также Српске народне приповиjетке, № 10). Въ Калевалѣ мать Лемминкайнена спрашиваетъ дорогу въ Похъёлу у Мѣсяца, и отъ Солнца вывѣдываетъ о жребіи своего сына. — Въ малороссійской сказкѣ богатырь идетъ за тридевять земель, туда, гдѣ ночуетъ Солнце, и хочетъ узнать, отчего прежде оно всходило красное, а потомъ стало всходить блѣдное. Приходитъ онъ до *господы* (дома), гдѣ Солнце проводитъ ночь и гдѣ все сдѣлано изъ чистаго золота; здѣсь засталъ богатырь одну солнцеву мать и пересказалъ ей, зачѣмъ пришелъ. Она спрятала его подъ золотое корыто; а когда царь-Солнце, обойдя небо, воротился къ ночи домой, стала спрашивать его. «отчего ты, сынъ мой, всходилъ прежде краснымъ, а теперь всходишь блѣднымъ?» (Русск. Бесѣда, 1856, т. III, статья Максимовича, стр. 100—101; Костомарова: Славянск. миѳологія, стр. 29 и Народн. славянск. разсказы, Боричевскаго, стр. 108).

Замѣчательно, что и солнце и мѣсяцъ при такихъ олицетвореніяхъ сохраняютъ тѣ особенности, какія обыкновенно съ ними связываются. Такъ въ напечатанной нами сказкѣ мѣсяцъ *освѣщаетъ* своимъ пальцемъ цѣлую баню, а солнце велитъ поставить на себя сковороду и *поджариваетъ* оладьи.

40.

Вазуза и Волга.

Здѣсь олицетворены двѣ рѣки, которыя спорятъ о старѣйшинствѣ и пускаются въ перегонку. Олицетвореніе это не есть пустая риторическая фигура, а остатокъ древняго миѳическаго представленія. Любопытно, что бо́льшая часть тропъ, не придуманныхъ нарочно, а издавна составляющихъ неотъемлемую принадлежность языка, ведутъ свое начало отъ древнихъ представленій народа, и потому заключаютъ въ себѣ намеки на миѳическія сказанія, хотя въ позднѣйшее время намеки эти до того стерлись, что могутъ быть разгаданы только путемъ научныхъ изслѣдованій. Не останавливаясь на свидѣтельствахъ о языческомъ обожаніи водъ, скажемъ, что преданіе о Вазузѣ и Волгѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи переносится на другія рѣки. Такъ ходитъ разсказъ о спорѣ между *Днѣпромъ* и *Десною*. Когда Богъ опредѣлялъ рѣкамъ ихъ судьбу, то Десна опоздала прійдти и не успѣла выпросить себѣ первенства передъ Днѣпромъ. Богъ сказалъ ей: «постарайся сама опередить его». Десна пустилась, но какъ ни спѣшила — Днѣпръ все-таки опередилъ ее и впалъ въ море, а Десна должна была впасть въ быстрый Днѣпръ (Москвитян., 1846, № XI и XII, стр. 154). Въ тульской губерніи подобное же повѣрье относится къ рѣкамъ *Дону и Шату*. У Ивана-озера было два сына: Шатъ и Донъ, почему этотъ послѣдній и называется въ пѣснахъ Ивановичъ. Шатъ противъ воли родительской захотѣлъ погулять въ чужихъ дальнихъ сторонахъ, пошелъ въ путь, но куда ни приставалъ — нигдѣ его не принимали; *прошатавшись* безъ пользы, воротился онъ домой. Донъ же за свою необыкновенную тихость получилъ родительское благословенье и смѣ-

до пустился въ дальнюю дорогу. На пути повстрѣчалъ онъ вóрона и спросилъ, куда онъ летитъ? — Къ синю морю, отвѣчалъ воронъ. «Отправимся вмѣстѣ.» Вотъ достигли они моря. Донъ подумалъ: если перенырну черезъ море, то и его утащу все за собою. «Воронъ! говоритъ онъ, сослужи мнѣ службу; я нырну въ море, а ты лети на другую его сторону, и какъ скоро долетишь до берега — каркни.» Донъ нырнулъ въ море, воронъ полетѣлъ, каркнулъ да слишкомъ рано — Донъ такъ и остался, какимъ поднесь его видимъ (Москвит., 1852, № XIX, стр. 101—2; Тульскія губерниск. вѣдомости, 1852, № 27). Г. Боричевскій въ «Славянскихъ народныхъ разсказахъ» (стр. 183—5) передалъ бѣлорусское преданіе о *Днѣпрѣ и Сожѣ*, начало котораго скопировано съ библейской исторіи Исава и Якова. Былъ-жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дома, когда мать обманомъ заставила старика-отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина благословилъ его: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету дò моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца вѣковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братомъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путами, непроходимыми темными лѣсами, и если обгонишь брата — то онъ послужитъ тебѣ.» Сожъ пустился въ погоню мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ бокъ. А Сожъ уговорилъ ворона летѣть прямо къ Днѣпру и только обгонитъ его хоть на

шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, разсчитывая выскочить наверхъ по крику ворона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ напалъ на ворона; воронъ закаркалъ прежде, нежели опередилъ рѣку Днѣпръ. Сожъ выскочилъ изъ-подъ земли и со всего размаху впалъ въ Днѣпръ.

Весьма интересны поэтическія сказанія о рѣкахъ, встрѣчаемыя въ старинныхъ пѣсняхъ, въ сборникѣ Кирши Данилова. Плылъ по синему морю богатой гость Садко, и вдругъ остановился его корабль — и не съ мѣста. Стали бросать жребіи, чтобъ узнать виноватаго; палъ жребій на самаго хозяина. Признался Садко: «бѣгаю, говоритъ, я по морю двѣнадцать лѣтъ, *не платилъ я царю Заморскому дани-пошлины, не опускивалъ въ сине море Хвалынское хлѣба-соли!*» Бросили его корабельщики въ воду, и корабль поплылъ своей дорогою, а Садко принесенъ волною къ царю Морскому. Стоитъ изба великая во все дерево; вошелъ Садко въ избу— а въ ней лежитъ на лавкѣ царь Морской: «гой еси богатой гость! говоритъ ему царь, ждалъ тебя двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ самъ головой пришелъ. Поиграй-ка мнѣ въ звончатыя гусли.» Заигралъ Садко, сталъ царя тѣшити;

Расплясался царь Морской:
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя.

Захотѣлъ царь женить гостя, привелъ ему тридцать дѣвицъ и приказалъ выбрать себѣ невѣсту. Выбралъ Садко и легъ спать съ молодою женою.

Со полуночи, въ просоньи ногу лѣву
Накинулъ онъ на молоду жену,

а когда проснулся—то самъ очутился подъ Новгородомъ, *а лѣвая нога въ рѣкѣ Волховѣ* (Древн. росс. стихот., стр.

337—343). Въ другой разъ плылъ Садко по Волгѣ-рѣкѣ; *отрѣзалъ онъ великой сукрой хлѣба, посыпалъ его солью и опустилъ въ воду* съ этими словами: «спасибо тебѣ, матушка Волга! гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ—никакой скорби надъ собою не видывалъ. А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.» И проговорила ему Волга-рѣка: «поклонись отъ меня брату моему, славному озеру Ильменю.» Пріѣхалъ Садко на Ильмень-озеро и правилъ ему челобитье отъ Волги-рѣки. Приходитъ тутъ отъ Ильмень-озера удалой доброй молодецъ и спрашиваетъ: «какъ де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко разсказалъ. Молодецъ велѣлъ ему закинуть въ воду три невода — и торговой гость наловилъ множество рыбы, а какъ вытащилъ невода — вся рыба превратилась въ деньги: это былъ подарокъ Ильмень-озера (ibidem, стр. 266—7, 270). Пѣсенныя сказанія о гостѣ Садкѣ сохранили живую память о жертвенныхъ приношеніяхъ морю и рѣкамъ, что̀ вполнѣ согласно съ свидѣтельствами древнихъ памятниковъ о жертвенныхъ требахъ, какія совершались озерамъ, рѣкамъ и колодезямъ: смотри вопросы Кирика въ Русск. достопамятн., т. I, стр 94; Библіограф. листы Кеппена, № 7, стр. 88; Густинск. лѣтопись (въ Полн. собр. лѣт., т. II), стр. 234, 257. Если жертво приношеніями снискивалась милость водяныхъ божествъ, то наоборотъ непочтеніе къ нимъ влекло за собой неминучее наказаніе. По сказанію одной старинной пѣсни, молодецъ подъѣхалъ къ рѣкѣ Смородинѣ и взмолился, чтобъ указала ему бродъ. Смородина указала бродъ, а молодецъ переправившись сталъ глупымъ разумомъ похвалятися: «сказали про быстру рѣку Смородину — не пройти, не проѣхати черезъ нее ни пѣшему, ни конному; а она-то плоше дождевой лужи!» Пришлось ворочаться молодцу, не нашелъ онъ брода, и потопила его рѣка Смородина въ своихъ глубокихъ омутахъ, а сама провѣщилась душой-красной-дѣвицей: «безвременной молодецъ! не я

тебя топлю, топитъ тебя похвальба твоя!» Это прекрасное преданіе сличи съ разсказомъ Гомера о Ксанѳѣ и Симоисѣ, преслѣдовавшихъ своими ярыми волнами Ахиллеса (пѣснь XXI Иліады), и съ свидѣтельствомъ сербской сказки (выпускъ I-й Нар. рус. сказокъ, стр. 124).

42. 43. 44.

Морозко. Старуха-говоруха. Василиса-прекрасная.

Эти три сказки основаны на обычномъ сказочномъ мотивѣ о нелюбви мачихи къ падчерицѣ (см. вып. I, стр. XV и № 3). Въ первой сказкѣ олицетворенъ морозъ — намекъ на вѣрованіе отдаленной старины (смотри выпускъ II, стр. 144 и 149 и вып. III, № 1). Между нашими поселянами до сихъ поръ существуетъ обычай, указывающій, что могучія силы природы народному воображенію представляются, какъ существа живыя и могучія. Накануне Рождества и на Великъ день въ каждой семьѣ старикъ беретъ ложку кутьи или киселя, выходитъ на порогъ сѣней или влѣзаетъ на печь, и просовывая голову въ волоковое окно, говоритъ: «Морозъ, Морозъ! приходи кисель ѣсть; Морозъ, Морозъ, не бей нашъ овесъ; ленъ да конопли въ землю вколоти.» («Морозе, Морозе! иды до насъ кути јисты, та не поморозь нашой гречкы.») Черемисы боятся отбивать отъ избъ и воротъ сосульки, вѣря, что за такое дѣло Морозъ будетъ серчать и всѣхъ заморозитъ (Сахар: Сказанія Русск. народа, т. I, стр. 54; Морск. Сборн., 1856, № IV, статья Чужбинскаго, стр. 60; Московск. Вѣдомости, 1857 г., литературн. отдѣлъ, № 36). Вмѣсто Мороза во второй сказкѣ является лѣшій, а въ третьей сказкѣ любопытны миѳическія представленія дня, солнца и ночи въ образѣ всадниковъ, разъѣзжающихъ на коняхъ: бѣломъ, красномъ и черномъ, въ доспѣхахъ тѣхъ-же цвѣтовъ, что согласно

съ преданіями всѣхъ индо-европейскихъ народовъ (смотри: Зооморфич. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852, № 1, стр. 13 — 14, 18; въ богатырскихъ поэмахъ минусинскихъ татаръ, въ Вѣстникѣ Рус. Географ. Общества, 1855 г., ч. VI, стр. 190, упоминаются два родныхъ брата— богатыри Солнце и Мѣсяцъ на рыжихъ коняхъ). Весьма знаменателенъ и разсказъ о черепахъ, глаза которыхъ свѣтятъ и жгутъ, какъ огонь: представленіе это основано на древнѣйшей доисторической связи понятій: зрѣнія, свѣта и огня, о чемъ смотри въ моей статьѣ, въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи (т. II, половина 2-я). Василиса прекрасная несетъ воткнутый на палку черепъ, глаза котораго освѣщаютъ ей дорогу среди ночи: этотъ разсказъ напоминаетъ намъ прекрасный образъ трубадура Бертрама даль Борніо въ Дантовомъ Адѣ: онъ несетъ свою собственную голову, отдѣленную отъ тѣла, за волосы и освѣщаетъ ею путь себѣ, какъ фонаремъ (см. переводъ г. Мина, пѣснь XXVIII).

Съ напечатанными нами сказками сходна «Сказка о злой мачихѣ», помѣщенная въ изданіи г. Авдѣевой, стр. 56—72. Вмѣсто лѣшаго, который является въ сказкѣ: «Старуха-говоруха», здѣсь выведенъ: «старикъ старый-престарый, борода сѣдая до колѣнъ, глаза такъ и свѣтятся, какъ угли». Онъ не позволяетъ мужикамъ рубить дровъ въ своемъ заповѣдномъ лѣсу, а привезенную къ нему падчерицу заставляетъ въ одни сутки напрясть нитокъ, выткать холстъ и сшить рубашку. Послушная падчерица—дѣлать нечего—стала прясть и ткать; веретенцы такъ сами и вертятся, успѣвай нитки поправлять, а челнокъ такъ и прыгаетъ взадъ и впередъ: все готово! Старикъ остался доволенъ и сказалъ: «хочешь ли, я пошлю своихъ волковъ и медвѣдей — пусть съѣдятъ мачиху!» — Нѣтъ, не трогай ее! говоритъ дѣвочка. Онъ наградилъ ее уборами, златомъ и серебромъ и отпустилъ домой. Ѣдетъ падчерица съ отцемъ домой, а со-

бачка лаетъ: «тявъ, тявъ, тявъ! хозяинъ ѣдетъ, золото да серебро стучитъ да гремитъ!» А мачихина дочь не послушалась старика, не связала ему ни носковъ, ни вâрегъ; онъ прогналъ ее въ лѣсъ, гдѣ и съѣли ее волки. Везетъ отецъ ея косточки, а собачка лаетъ: «тявъ, тявъ, тявъ! хозяинъ ѣдетъ, косточки въ лукошкѣ стучатъ да гремятъ!»

46.

Бѣлая уточка.

Вѣдьма обращаетъ княжну въ бѣлую уточку, подобно тому, какъ въ предыдущей сказкѣ (№ 45) обращенъ Иванушка чрезъ колдовство въ козленка. О превращеніяхъ сохранилось у всѣхъ народовъ много прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ и любопытныхъ, весьма разнообразныхъ преданій: мы еще встрѣтимся съ этими разсказами и преданіями въ слѣдующихъ выпускахъ. Съ напечатанною теперь сказкою сходна отчасти нѣмецкая сказка: Die weisse und schwarze Braut (Грим. Kinder- und Hausmärchen, ч. II, № 135). Шла полемъ мачиха съ падчерицею и родною дочерью; встрѣтился съ ними убогой старецъ. «Какъ пройдти въ деревню?» спросилъ онъ. — Самъ найдешь дорогу, отвѣчала мачиха. «А не хочешь искать, такъ возьми себѣ вожака», сказала мачихина дочь. «Пойдемъ со мною, я тебя проведу», прибавила падчерица. Мачиха и ея дочь въ наказаніе за это сдѣлались черными, какъ темная ночь, и безобразными, какъ самой грѣхъ; а падчерица сдѣлалась столь прекрасною и свѣтлою, какъ ясный день. Увидѣлъ ея изображеніе король, влюбился и пожелалъ на ней жениться. Когда поѣхала она во дворецъ вмѣстѣ съ мачихою и переправлялись онѣ черезъ мостъ, то завистливая мачиха сбросила ее въ воду

и обратила бѣлою уткою; а королю такъ околдовала очи, что онъ женился на ея черной дочери. Разъ вечеромъ, когда черная невѣста сидѣла у короля на колѣняхъ, бѣлая утка прилетѣла въ поварню и сказала поваренку:

Jüngelchen, mach Feuer an,
dass ich meine Federn wärmen kann.

Поваренокъ развелъ огонь на очагѣ: утка сѣла возлѣ, встрепенулась, оправила носомъ свои перья, и спросила:

was macht die schwarze Hexe im Haus?

Поваренокъ:

«die sitzt warm
ins Königs Arm.»
— Dass Gott erbarm!

сказала утка и ушла. На другой вечеръ и на третій случилось тоже. Поваренокъ разсказалъ обо всемъ королю, и король пошелъ вечеромъ самъ въ поварню, и только показалась утка— вынулъ мечъ и пересѣкъ ей шею: тотчасъ приняла она свой прежній видъ прекрасной дѣвицы. Король обрадовался, велѣлъ нарядить ее въ царскія одежды, а мачиху и ея черную дочь положили въ бочку, набитую гвоздями, привязали эту бочку къ лошади и пустили на бѣлой свѣтъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы